ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2019. Том 7, № 4

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2019, vol. 7, no. 4

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2019

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Emerging Sources Citation Index (ESCI) на платформе Web of Science Core Collection, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, AcademicKeys, ResearchBib, ERIH PLUS, WorldCat, Google Scholar, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка, РГБ.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное бюджетное учреждение «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Типография:	Издательский дом «Логос»
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 07.00.02 – Domestic history (historical studies), 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, AcademicKeys, ResearchBib, ERIH PLUS, WorldCat, Google Scholar, Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka, RSL.

The journal is a participant of partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, certificate of registration of the media ПИ № ФС77–54682, issued on July 9, 2013
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Budgetary Institution “Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences” (420111, Kazan, Baturin Str., 7A)
Editorial address:	420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Press:	Publishing house “Logos”
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index И7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хакимов Рафаиль Сибгатович, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционного совета (Казань, Российская Федерация)
Трепавлов Вадим Винцерович, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений (Москва, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Дариуш Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Мари Фаверо-Думенжу, Ph.D. (история), научный сотрудник исторического факультета Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Александар Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы (Уфа, Российская Федерация)

Муминов Аширбек Курбанович, д.и.н., профессор, Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Почекаев Роман Юлианович, к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Мария Иванич, Ph.D. (история), руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Борис Черкас, д.и.н., старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Роман Хаутала**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия); **Стивен Поу**, аспирант (средневековая история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Сайфетдиновна Эльмира Гаделзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Галимов Тэймур Рустэмович**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Rafail' S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Vice-president of AS RT, Academician of AS RT (Kazan, Russian Federation)

Vadim V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Nicola Di Cosmo, Ph.D., Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Dariusz Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D., Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

Marie Favereau Doumenjou, Ph.D. (History), Research Associate, Faculty of History, Oxford University (Oxford, England)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Ashirbek Muminov, Dr. Sci. (History), Professor, L.N.Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Roman Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics», (St. Petersburg, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D., Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Boris V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts editor's: **Roman Hautala**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland); **Stephen Pow**, Ph.D. candidate (History/Medieval Studies), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: **Elmira G. Sayfettinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Teymur R. Galimov**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

Джаксон Т.Н. <i>Hófvz Tartarar secundum quosdam:</i> сведения о татарах в исландских анналах	616
Иванов В.А. Монголы в составе кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды): по данным археологии	636
Галимов Т.Р., Миргалеев И.М. К вопросу о трактовке «Стояния на Угре» 1480 г.	652
Akchurina-Muftieva N.M. Islamic Traditions of Water-Supply Construction in the Crimea	663
Адыгамов Р.К. Источниковая база первого тома «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» Ш. Марджани	674
Гибадуллин И.Р. Анонимное персоязычное сочинение «Хикаят»: источник по истории Волго-Уралья	687
Полехов С.В., Зайцев И.В. Два послания Менгли-Гирея I киевскому воеводе Юрию Миколаевичу Радивилу (1512–1513 гг.)	720
Абибуллаева Э.Э. Медицина Крымского ханства сквозь призму повседневной жизни	733
Рустемов О.Д., Степанов Е.Н. Формирование крымскотатарского литературного языка на базе бахчисарайского городского койне в XVII–XVIII вв.	744
Конев А.Ю. Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков	760
Галлямова А.Г. ««Расправа» над Золотой Ордой» в середине XX в.: Идеологический дискурс в татарской медиевистике в свете августовского Постановления 1944 г.	784

Рецензии

Жилина Н.В. Рецензия на книгу: Ювелирные украшения тюркских народов Евразии (Казань, 2018)	798
--	-----

Хроника

Аксанов А.В. VI Международный Золотоордынский Форум «Рах Татарica: генезис и наследие государственности Золотой Орды» (Казань, 26–28 июня 2019 г.)	807
---	-----

CONTENTS

Original papers

Jackson T.N. <i>Hófvz Tartarar secundum quosdam:</i> Information on Tatars in Icelandic Annals	616
Ivanov V.A. Mongolian Nomads in the Ulus of Jochi (Golden Horde) According to Archaeological Materials	636
Galimov T.R., Mirgaleev I.M. The Interpretation of the “Great Stand on the Ugra River” in 1480	652
Akchurina-Muftieva N.M. Islamic Traditions of Water-Supply Construction in the Crimea	663
Adygamov R.K. Marjani’s Sources for the First Volume of His “Mustafad al'-akhbar fi Ahwali Qazan wa Bulgar”	674
Gibadullin I.R. An Anonymous Persian Work – “Hikayat”: A Source on the History of the Volga-Ural Region	687
Polekhov S.V., Zaytsev I.V. Two Letters of Mengli-Giray I to Jerzy Mikołajewicz Radziwiłł, the Voivode of Kiev (1512–1513)	720
Abibullayeva E.E. Medicine of the Crimean Khanate through the Prism of Everyday Life	733
Rustemov O.D., Stepanov E.N. The Formation of the Crimean Tatar Literary Language Based on the Urban Koine of Bakhchisaray in the seventeenth and eighteenth century	744
Konev A.Yu. The Phenomenon of “Foreigners”, Yasak and Gift Exchange: Peoples of the Volga Region, the Urals and Siberia in Russia in the late sixteenth and early eighteenth centuries	760
Gallyamova A.G. “Reprisal” for the Golden Horde in the mid-twentieth century: The Ideological Discourse in Tatar Medieval Studies in the Light of the Decree of August 1944	784

Reviews

Zhilina N.V. Review of the Book: Juvelirnye ukrasheniya tjurkskih narodov Evrazii [Jewelry of Turkic Peoples of Eurasia] (Kazan, 2018)	798
--	-----

Chronicle

Aksanov A.V. The Sixth International Golden Horde Forum “Pax Tatarica: Genesis and Legacy of the Golden Horde Statehood” (Kazan, June 26–28, 2019)	807
---	-----

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

УДК 930.23

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.616-635

HÓFVZ TARTARAR SECUNDUM QUOSDAM: СВЕДЕНИЯ О ТАТАРАХ В ИСЛАНДСКИХ АННАЛАХ

Т.Н. Джаксон

*Институт всеобщей истории РАН
Москва, Российская Федерация
Tatjana.Jackson@gmail.com*

Цель настоящего исследования: собрать вместе, перевести и прокомментировать сведения о татарах, содержащиеся в исландских анналах.

Материалы исследования: материалом служат исландские анналы. Эти источники давно уже изданы, но практически не изучены. Известно десять средневековых исландских анналов. Общие представления исследователей сводятся к тому, что анналы начали записываться в Исландии в конце XIII в. С этого времени появляются погодные записи. А тексты, относящиеся к более ранним событиям, восходят к одной общей редакции, значительная часть информации которой так или иначе воспроизводится в каждом аннале. Все они имеют единую хронологическую систему и общие источники.

Результаты и научная новизна: подобная работа никогда раньше не проводилась. В статье детально рассмотрены десять погодных записей с 1202 по 1398 г., включающих в себя упоминания татар. Пути проникновения этих известий в анналы, как показывает анализ, различны: одни обязаны своим появлением знакомству составителей анналов с трудами европейских хронистов, другие восходят к устной информации, распространявшейся в исландско-норвежских клерикальных кругах, иные суть следствие циркулировавших в Европе слухов, принесенных на скандинавский Север возвращавшимися из Рима паломниками, а некоторые и вовсе – результат вымысла составителей анналов. Тем не менее эти десять упоминаний относятся к весьма значимым моментам взаимодействия монголов с христианским Западом: началу татарской экспансии в 1202 г., покорению Венгрии татарами в 1241 г., присутствию монгольских послов на Втором Лионском соборе 1274 г., отвоеванию Святой Земли монголами в 1299 г. и ряду других.

Ключевые слова: исландские анналы, татары, монголы, христианский Запад, Святая Земля, скандинавский Север

Для цитирования: Джаксон Т.Н. *Hófvz Tartarar secundum quosdam*: сведения о татарах в исландских анналах // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 616–635. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.616-635

Благодарности: Работа выполнена по гранту РФФИ № 18-09-00486.

Хочу сердечно поблагодарить Ильнура Миргалеева за предложение обратить внимание на татар в памятниках древнескандинавской письменности и Романа Хаутала за неоценимую помощь с научной литературой.

**HÓFVZ TARTARAR SECUNDUM QUOSDAM:
INFORMATION ON TATARS IN ICELANDIC ANNALS****T.N. Jackson***Institute of World History, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
Tatjana.Jackson@gmail.com*

Abstract: *Research objective:* The purpose of this study is to collect, translate and comment on the information about Tatars contained in Icelandic annals.

Research materials: Icelandic annals are amply published but scarcely studied. There are ten medieval Icelandic annals. The general view is that the annals began to be written in Iceland at the end of the thirteenth century. From this time onward, annual entries appear, while texts relating to earlier events go back to one common redaction, much of the information of which is reproduced in each of the existing annals. All of them have the same chronological system and common sources.

Results and novelty of the research: Such a study has never been carried out before. The author studies in good detail ten entries from 1202 to 1398, including references to Tatars. The analysis demonstrates that these data permeate the annals in different ways: some references owe their appearance to the acquaintance of the annalists with the works of European chronicle writers, some go back to oral information spread in Icelandic-Norwegian clerical circles, some are a result of rumors circulated in Europe and brought to the Scandinavian North by pilgrims returning from Rome, and some were invented by annalists themselves. Nevertheless, these ten mentions relate to very significant moments in the Mongol interaction with the Christian West: the beginning of the Tatar expansion in 1202, the conquest of Hungary by Tatars in 1241, the presence of Mongol ambassadors at the Second Lyon Council of 1274, the conquest of the Holy Land by the Mongols in 1299, and a number of others.

Keywords: Icelandic annals, Tatars, Mongols, Christian West, Holy Land, Scandinavian North

For citation: Jackson T.N. *Hófvz Tartarar secundum quosdam*: Information on Tatars in Icelandic Annals. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 616–635. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.616-635

Acknowledgements: The work has been done under a grant from the Russian Foundation for Basic Research № 18-09-00486.

I want to sincerely thank Il'nur Mirgaleev for prompting me to pay attention to the Tatars in the monuments of Old Scandinavian writing and Roman Hautala for invaluable help with research literature.

Памятники древнескандинавской письменности изучены, как кажется, досконально, и тем не менее состояние саговедения можно определить, как непрекращающийся бум: меняются подходы, требования, критерии, но исследование продолжается. На этом фоне исландские анналы практически не изучены. В 1888 г. Густав Сторм опубликовал объемистый том, в котором на 497 страницах издал десять анналистических памятников (IX и X – в выдержках) [19]. Первый из них, «Анналы из Книги с Плоского острова» (IX), были к тому времени уже изданы полностью [15], а из вторых, довольно поздних «Анналов жителей Одди» (X) Сторм воспроизвел только те части, которые не имели строгих параллелей в других известных средневековых исландских анналах (полностью, вместе с еще одними родственными им, они

были опубликованы лишь в 2003 г. [23]). Оба издания имеют объемные источниковедческие введения, а также указатели имен и географических названий. Публикацией Г. Сторма, репринтно воспроизведенной в 1977 г., пользуются по сей день, равно как и предложенной им нумерацией анналистических памятников (см. Табл. 1).

Таблица 1

№	Название	Рукопись
I	«Annales Reseniani» «Анналы [Педера Х.] Резена»	конца XIII в.; AM 424 4°, ок. 1700 г.
II	«Annales vetustissimi» «Старейшие анналы»	AM 415 4°, ок. 1310 г.
III	«Henrik Nøyers Annaler» «Анналы Хенрика Хейера»	оригинал оканчивался 1310 г.; AM 22 fol, 1600–1625 гг.
IV	«Annales regii» «Королевские анналы»	GKS 2087 4°, ок. 1300– 1328 гг.
V	«Skálholts-Annaler» «Скальхольтские анналы»	AM 420 a 4°, ок. 1362 г.
VI	«Annalbrudstykke fra Skálholt» «Фрагмент анналов из Скальхольта»	AM 764 4°, ок. 1360– 1380 гг.
VII	«Löggmanns-Annáll» «Анналы законоговорителя»	AM 420 b 4°, ок. 1362– 1390 гг.
VII-a	«Nýi annáll» – «Новые анналы» – считались продолжением «Löggmanns-Annáll», но сейчас рассматриваются как отдельные	AM 420 c 4°, 1575–1600 гг.
VIII	«Gottskalks Annaler» «Анналы Готтскалка»	Holm. perg. 5 8°, ок. 1550–1600 гг.
IX	«Flatøbogens Annaler» «Анналы из Книги с Плоского острова»	GKS 1005 fol, 1387– 1395 гг.
X	«Oddveria Annall» «Анналы жителей Одди»	AM 417 4°, ок. 1540– 1591 гг.
X-a	«Oddaannálag» «Анналы Одди»	British Library 11.153, 1692 г.

Анналы по Г. Сторму (с более поздними уточнениями)
Annals after Gustav Storm (with later amendments)

Г. Сторм делил анналы на три группы: старейшие (анналы I–IV, написанные, по его мнению, в конце XIII – начале XIV в.), анналы конца XIV в. (V–VII и IX) и анналы, написанные в XVI в. на основании более ранних (VIII и X) [19]. Применяемый в последнее время подход к исландским сагам как к продуктам рукописной культуры (вследствие чего каждая письменная сага рассматривается как одна из версий саги в пределах множества ее текстов, а реконструированные ранее и на протяжении десятилетий используемые учеными датировки саг отвергаются, и саги датируются по тем рукописям, в которых они до нас дошли) был перенесен также на исландские анналы. В результате к более ранним анналам стали относить II, IV–VII и IX (сохранившиеся в рукописях XIV в.), а вторую группу составили анналы I, III, VIII и X (в рукописях XVI и даже XVII в.) [10].

Основание исландской анналистики ученые с уверенностью относят к концу XIII в. (не ранее 1280 г.). Считается, что все исландские анналы восходят к единому архетипу («протоанналам»), значительная часть информации которого так или иначе воспроизводится в каждом тексте. С записей, относящихся к XIV в. и более позднему времени, в анналах начинаются известные расхождения.

Иностраный материал почерпнут в них из ряда средневековых хроник и анналов, очень возможно, через «промежуточные» тексты. В анналах обнаруживаются большие заимствования из «Всемирной хроники» немецкого хрониста Эккехарда из Ауры (ок. 1080–1125 гг.), находятся параллели с «Хроникой» бенедиктинского монаха Сигеберта из Жамблу (ок. 1030–1112 гг.), с «*Historia scholastica*» французского католического богослова и историка Петра Коместора (ок. 1100–1178 гг.), с «Историческим зеркалом» французского доминиканского монаха Винсента из Бове (1184–1264 гг.), с датскими и шведскими анналами, и др. Основным источником сведений по истории Исландии и Норвегии явились для них исландские сочинения XII–XIII вв., такие как «Книга об исландцах» Ари Мудрого, анонимная хроника «Пробуждающая голод», епископские и королевские саги, саги об исландцах, саги о современности, входящие в «Сагу о Стурлунгах» (в частности, «Сага об исландцах») [21]. Мнение Г. Сторма о том, что для сведений вплоть до конца XIII в. исландские анналы апроприировали материал известных исторических трудов и саг, разделяли также Финнур Йоунссон [14, т. 3, с. 68–76] и Олавия Эйнарсдоттир [24, с. 293–326].

Татары фигурируют в десяти погодных записях с 1202 по 1398 г., неравномерно распределенных по девяти анналистическим памятникам: в I анналах – пять записей упоминают татар, во II – три, в III – два, в IV – восемь, в V – шесть, в VII – одна, в VIII – четыре, в IX – восемь и в X – семь (см. Табл. 2). Рассмотрим последовательно эти известия¹.

Таблица 2

Год	Сообщение (в формулировке IV)	Анналы								
		I	II	III	IV	V	VII	VIII	IX	X
1202	Начались татары, по словам некоторых				x				x	
1241	Сражались татары в Венгрии	x			x	x			o	x
1246	Был крещен Хам, конунг татар	x			x	x		x	x	x
1260	Уничтожено войско татар в Палестине	x		x	x	x			x	x
1274	Послы конунга татар на соборе в Лионе							x		
1277	Татары убили султана Вавилона	x	x		x	x	x		x	x
1286	Пришли посланцы конунга татар к Эйрику, конунгу Норвегии	x	x	x	x	x		x	x	x
1299	Конунг татар и конунг Армении заняли Йорсалаланд и победили султана Вавилона		x		x				x	
1306	Посольство конунга татар принимает крещение в Риме				x	x		x	x	x
1398	Конунг татар. Тамерлан Лучник									x

¹ Анналы I–VIII цит. по изданию Г. Сторма [19], IX – по изданию Гудбранда Вигфуссона и К.Р. Унгера [15], а X – Эйрика Тормодссона и Гудрун Асы Гримсдоттир [23].

Сведения о татарах в исландских анналах
Information on Tatars in Icelandic annals

1202 год

Самое раннее известие о татарах в исландских анналах встречается под 1202 г. Оно имеется в «Королевских анналах» (IV) и в «Анналах из Книги с Плоского острова» (IX). В первых из них говорится: «Начались татары, по словам некоторых», во вторых: «Начались татары»². Именно этим известием погодная запись в обоих случаях открывается. В IV анналах статья за 1202 г. – наиболее полная. Она включает в себя пятнадцать разнообразных известий. Без сомнения, представляющая собою ее сокращенный вариант статья в IX анналах не досчитывается четырех известий. Какие же события зафиксированы под 1202 г.? В основном североευропейские.

Из исландской истории это, прежде всего, морозная зима (IV, IX)³, что анналами отмечается, видимо, только в исключительных случаях. Так, до начала XIV в. мы знаем из анналов лишь еще две морозных зимы – 1047 г., когда умер норвежский конунг Магнус Добрый (I, III, IV, VIII, IX), и 1306 г. (IV, V, VIII, IX), о котором речь пойдет ниже. Несколько событий имеют отношение к церковной истории. Во-первых, прибытие (во второй раз) в Исландию гренландского епископа Йона (III, IV, V, IX, X). Йон Арнасон, по прозвищу Кречет (1189–1209), в 1202–1203 гг. ходил паломником в Рим, где встречался с папой Иннокентием III, а путь его лежал через Исландию. Во-вторых, это заморская поездка Магнуса Гицурарсона, будущего епископа Скальхольта (1216–1237), видимо, на обучение (IV, IX). В-третьих, прибытие в Исландию архиепископа Эйрика (IV, X) – архиепископа Нидароса Эрика Иварссона (1189–1205), – который в конце своего архиепископства посвятил Гудмунда Арасона в епископы Холара в Исландии (1203–1237). В-третьих, это смерть двух исландских священников – Берси Богатого (IV) и Нарви Сноррасона (IV) из Скарди (1135–1202). Здесь источником информации могли послужить епископские саги, «Сага о Стурлунгах» и даже устная традиция.

В королевствах Норвегии, Дании и Швеции 1202 г. отмечен уходом из жизни верховных правителей и сменой власти.

В Норвегии в 1202 г. эпоха гражданских войн была в разгаре. В этот год умер от болезни конунг Сверрир (I, III, IV, V, VII, VIII, IX, X), король биркебейнеров (берестеников), и на смену ему пришел его сын Хакон (III, IV, V, VII, IX, X). Чуть позже, но в том же году был убит их противник, король баглеров (посошников) Инги Магнуссон (IV, VII, IX, X). Согласно «Саге о Сверрире», конунг умер в Бергене «в субботу на великий пост» [6, с. 183], т. е. 9 марта 1202 г. Приход в тот же год к власти Хакона Сверриссона и убийство своим же человеком Инги Магнуссона описаны в первой главе «Саги о Посошниках» [4, с. 273].

В Швеции скончался ярл Биргир Броса (I, III, IV, V, VII, VIII, IX, X). Ярл Биргир, по прозвищу Улыбка, принадлежал к знатному ётландскому роду Фолькунгов. Через жену был в родстве с вождями биркебейнеров в Норвегии.

² IV: «Hófvz Tartarar secundum quosdam» [19, 121]; I: «Hofuz Tattarar» [15, с. 521].

³ Римские цифры здесь и далее в скобках после какого-либо известия указывают на те анналы, в которых это событие зафиксировано.

Его смерть датируют 9 января 1202 г. Он фигурирует в последней саге «Круга земного» Снорри Стурлусона и в «Саге о Сверрире».

События датской истории – тоже из числа значимых. Прежде всего, это смерть датского короля Кнута VI Вальдемарссона (I, III, IV, V, VII, VIII, IX, X), последовавшая 12 ноября 1202 г.; приход к власти в Дании его брата, Вальдемара II (IV, IX, X), и коронация этого последнего (IV). А кроме того, смерть святого аббата Вильгельма в Эбельхольте (I, IV, V, VII, IX), наступившая, как известно, 6 апреля 1203 г. Аббат был канонизирован в 1224 г. при папе Гогориусе III, а в 1238 г. останки святого были торжественно перенесены в алтарную часть нового храма в августинском Эбельхольтском монастыре. Предположив, что информация о событиях в Дании взята из датских анналов, точного соответствия мы все же не обнаружим. Соединенные в исландских анналах под одним 1202 г., события в реальности происходили в 1202 и 1203 гг., а в датских анналах они разнесены на эти же два года, но иначе, чем это происходило в действительности: кончина Св. Вильгельма отнесена ими к 1202 г., а смена правителя в Дании, напротив, – к 1203 г. [11, с. 61, 270, 278].

Некоторые из перечисленных событий скандинавской истории суммированы в заключительной главе «Саги о Сверрире», которая при этом содержит неожиданную ошибку. Не имея в силу специфики жанра конкретных дат, но будучи выстроенной строго хронологически, сага подводит в предпоследней главе к выводу, что Сверрир умер 9 апреля 1202 г. В этой же главе сага добавляет: «в тот же год умер Кнут, конунг Дании, и на престол вззошел Вальдемар, его брат. Тогда же умер Биргир ярл Улыбка... Сверрир царствовал двадцать и еще пять зим, а со времени гибели Магнуса конунга сына Эрлинга минуло тогда восемнадцать зим» [6, с. 268]. И всё это абсолютно верно, если иметь в виду 1202 г. Однако начинается это заявление автора саги со следующей двуязычной фразы: «*Sverrir konungr andadiz octauo idus marcij anno ab incarnatione domini nostri Iesu Christi .M^o. cc^o. xv.*» [31, с. 195], т. е. «Сверрир конунг скончался за восемь дней до мартовских ид в год от воплощения господина нашего Иисуса Христа 1215». Латинская вставка, неясно где позаимствованная, содержит ошибочный 1215 г.

Перейдем, наконец, к самой важной для нас в статье 1202 г. части, а именно к ее вводным словам: «*Hófvz Tartarar secundum quosdam*» («Начались татары, по словам некоторых») (IV). Ее источник сомнений не вызывает. Перед нами прямое заимствование из текста «Зеркала исторического» («*Speculum historiale*») (XXX. 69) доминиканского монаха, богослова и энциклопедиста Винсента из Бове (1190–1264 гг.), где говорится, что татары вышли из своих пределов, указан 1202 г., да еще и используется оборот «*secundum quosdam*» («по словам некоторых»): «*Anno domini Mo CCo Ilo secundum quosdam, *Thartari post occisionem domini sui exierunt et in populorum destructionem*» («В 1202 году, согласно некоторым, тартары после убийства своего господина вышли [из своих пределов] на погибель народов») [32]. Г. Сторм в предисловии к изданию анналов [19, с. lxxxi] указывает, что «Королевские анналы» в целом ряде мест (восемь раз) опираются на «Историческое зеркало» Винсента. Думаю, составлявший в начале XIV в. «Королевские анналы» исландец, хорошо, должно быть, наслышанный о татарах, не мог обойти вниманием обнаруженное им в своем источнике (под весьма значимым для скандинавской истории 1202 г.) известие о начале монгольской экспансии.

1241 год

В четырех анналистических памятниках (I, IV, V, X) под 1241 г. содержится запись «Татары сражались в Венгрии»⁴; а в одном (IX) та же фраза написана с очевидной ошибкой переписчика – искажением этнонима⁵. Контекст этой записи таков: смерть папы Григория IX (и уточнение, что два года папы не было), смерть датского конунга Вальдемара II и утверждение на троне его сына Эйрика, а также ряд исландских событий: пало много людей во Дворе Аудуна (*Audunarstaðir*), умер Орм Йонссон Свинфеллинг (из могущественного семейства жителей Хутора Свиная Гора, центра власти в юго-восточной Исландии), убиты знатные исландцы Иллуги Торвальдссон, Снорри Стурлусон и Клэнг Бьёрнарсон.

Обо всём, случившемся в Исландии, рассказано в «Саге об исландцах» [7, с. 273–289]. Сага выстроена строго по хронологическому принципу, и реконструируемые датировки описанных в ней событий заслуживают доверия. Всё остальное, похоже, заимствовано (не один в один, а с переработкой) из датских Лундских анналов (в основной сохранившейся версии они были составлены в архиепископии Лунда ок. 1267 г., в другой версии были доведены до 1307 г.). Под 1241 г. они сообщают, что умер король Вальдемар II и что было солнечное затмение. А смерть папы Григория IX относят к 1242 г., равно как и избрание папы Иннокентия IV (в реальности – 1241 и 1243 гг., соответственно). Но самое главное, что Лундские анналы под 1241 г. также содержат известие о том, что «татары подчинили и опустошили Венгрию» («*Et Tartari Ungariam ingrauerunt et deuastauerunt*») [11, с. 63].

Понятно, что речь идет о событии, не требующем особого комментария, – о покорении Венгрии монголами в апреле 1241 г., отразившемся в многочисленных источниках [см., например: 8, с. 356–439] и буквально потрясшем западный христианский мир [16, с. 232]: вызвавшем панику, засвидетельствованную анналистами таких далеких от Венгрии стран, как Голландия и Испания, и подвигнувшим папу Григория в июне того же года к объявлению индульгенции всем тем, кто поднимет крест борьбы за освобождение Венгрии [см. об этом и источники в: 20, с. 65].

1246 год

В шести текстах под 1246 г. содержится запись о том, что был крещен конунг татар⁶. Любопытно, что во всех анналах он назван по-своему: «Кан Могучий, конунг татар» (I), «Хам, конунг тартар» (IV), «Кам Могучий, конунг таттар» (V), «могучий конунг тартар» (VIII), «Каин, конунг тартар» (IX) и «Кам, конунг тартар» (X). Дважды указывается, что крещены и его воины: «большая часть того войска» (V) и «большая часть того войска» (VIII). За всеми этими «именами», без сомнения, прослеживается лишь попытка передать социальный термин «великий хан». Обратим попутно внимание и на

⁴ I: «Borduz i Vngaria Tattarar»; IV: «Tartarar bǫrðvz i Vngaria»; V: «Tattarar bǫrðuz í Ungaría» [19, с. 25, 131, 189]; X: «Tartarar baurdust j Vngaria» [23, с. 146].

⁵ IX: «Jamtar (!) borduz vid Vngaria» [15, с. 530].

⁶ I: «Scirþr Kan in riki Tatara konongr»; IV: «Skirðr Cham Tartara konvng»; V: «Skirðr Kám Tattara konungr inn riki ok mikill lutr hers þeira»; VIII: «Skirðr Tartara kongr enn riki og mestr hluti [hers] þeira» [19, с. 26, 132, 190, 328]; IX: «Skirðr Kain Tatarakonungr» [15, с. 531]; X: «skijrdur Cam Tartara kongur» [23, с. 147].

расхождения (не только в этом известии) в написании интересующего нас этнонима: «татары» – *Tatarar/Tartarar/Tattarar*.

В этой статье отражены события северной истории – исландской (смерть епископа Ботольва, кровавая битва у Хаугсна 19 апреля 1246 г., отъезд из страны – к норвежскому конунгу Хакону – знатных исландцев Гицура Торвальдссона и Торда Сигватссона), норвежской (смерть родича норвежского конунга), оркнейской (смерть епископа), а также фарерской и гренландской (назначение туда епископов). Тематически выпадает из этого круга лишь известие о крещении татарского великого хана.

Но был ли он крещен в 1246 г.? На всемонгольском курултае в августе 1246 г. великим ханом был провозглашён Гуюк (1246–1248), сын Угэдэя, внук Чингиз-хана. Эта церемония была подробно описана Плано Карпини, итальянским францисканцем, отправленным папой Иннокентием IV (1243–1254) с письмами к правителю Монголии и присутствовавшим при избрании Гуюка великим ханом [20, с. 88]. Сохранился ответ хана Гуюка папе, в котором содержатся такие слова «Вы сказали, что если я приму крещение, то это будет хорошо; ты умно поступил, прислав к нам прошение, но мы эту твою просьбу не поняли» [3, с. 77]. В исландских анналах, как видим, желаемое выдано за действительное. Скорее всего, до анналиста дошла какая-то информация об отправленных папой посольствах и папских намерениях, которую он и «довел до логического завершения».

1260 год

В шести памятниках (I, III, IV, V, IX, X) под 1260 г. говорится о том, что «уничтожено войско татар в Палестине»⁷. Текст – один и тот же, лишь разнится написание самого этнонима «татары». Контекст этой записи таков: большое землетрясение на Плоском Острове (*Flatey*, Исландия), смерть епископа Хейнрека в Холаре (Исландия) и др. исландские события, смерть епископа Петра в Хамаре (Норвегия), убийство епископа в Ютландии (Дания), уничтожение татарского войска в Палестине и смерть Ярмара (Яромара II, князя Рюгена). Итак, известие о татарах вновь вплетается в сообщения о важных событиях северной истории.

О чем именно идет речь? Надо думать, что о разгроме монгольского войска армией египетских мамлюков под командованием Кутуза и Бейбарса 3 сентября 1260 г. в битве при Айн-Джалуте в Галилее. Внук Чингиз-хана Хулагу, после успешных боевых действий в Сирии, отошел оттуда с большей частью войска, оставив под командой военачальника Китбуки от десяти до двадцати тысяч человек. Вопреки приказу Хулагу оставаться на месте, Китбука двинулся в Палестину. В битве, где противники численно превосходили монгольское войско, Китбука был убит [20, с. 115–119].

Источники, говорящие об этом событии, есть. Так, армянский источник – «Летопись» Себастиана – на отрезке времени с 1254 по 1297 г. ведет, хоть и краткую, но последовательную погодную запись событий, связанных с вторжением монгольского войска в Закавказье. Ценные сведения, которые Себа-

⁷ I: «Drepinn Tattara herr i Jorsala landi»; III: «Drepinn Tartara herr i Jorsala landi»; IV: «Drepinn Tartara herr i Jorsala landi»; V: «Drepinn Tattara herr a Jorsala landi»; [19, с. 27, 67, 134, 193]; IX: «Drepinn Tattara her i Jorsalalandi» [15, с. 534]; X: «drepinn Tartara her j Jorsala landj» [23, с. 150].

стации приводит как очевидец, не встречаются у других армянских историков монгольского периода. В частности, у него имеется такая запись: «В году 709 (1260) египетский султан разгромил войско татар, главнокомандующим которого был Китбуга» [2].

Однако трудно представить заимствование одного конкретного известия из армянской летописи в исландскую. Источник, думается, надо искать в более доступном культурном пространстве. Питер Джексон подчеркивает, что, как и вторжение монголов в Европу в 1241–1242 гг., продвижение сил Хулагу к восточно-средиземноморскому побережью вызвало величайшую тревогу на Западе [20, с. 118]. Весной 1261 г. папа Александр IV (1254–1261) приказал создать провинциальные синоды, делегаты которых должны были принять участие в общем совете в июле, где монгольская угроза должна была быть одним из пунктов на повестке дня. Но в мае папа Александр умер. Его преемник, папа Урбан IV (1261–1264), весной 1262 г. вернулся к идее крестового похода для освобождения Святой Земли от монголов. П. Джексон подчеркивает, что «впервые рекрутирование для крестового похода против монголов дошло до Испании», а также отмечает упоминания монгольской угрозы в Сирии в сохранившихся в Национальном архиве Франции письмах папы от июля 1262 г. к церковным иерархам таких удаленных стран, как Португалия и Норвегия [20, с. 131, прим.41]. Обратим также внимание на то, что сохранился [13, т.1, с. 43] список письма папы Урбана IV от 9 июня 1262 г., в котором он сообщает королю Хакону Хаконарсону (1217–1264), что смерть его предшественника помешала проведению общего совета в Риме, созванного для принятия мер против бесчинства татар в Святой Земле, Венгрии, Польше и в других местах, и что норвежские посланцы были отправлены назад, но что король должен всё время быть настороже против татар. Другие письма мне не известны, но это не означает, что их не было. Мне представляется, что информация о походе Китбуки должна была попасть в исландские анналы из норвежских клерикальных кругов, информированных о продвижении монголов, об их победах и поражениях.

1274 год

Все исландские анналы сообщают о Лионском соборе 1274 г. В некоторых из них текст статьи за этот год предельно краток и открывается словами о том, что «папа Григориус провел тинг/консилиум в Леоне/Леонсборге и исправил веру греков» (I, II, III, VII)⁸. Речь идет о Втором Лионском соборе католической Церкви, который папа Григорий X (1271–1276) проводил с 7 мая по 17 июля 1274 г. и на котором он собирался добиться объединения Восточных православных Церквей с католической Церковью. Константинопольская делегация привезла с собой на собор письмо императора Михаила Палеолога, соглашавшегося на все условия папства, и формальная уния между Церквями была достигнута. В тех анналах, где текст пространнее, фиксируются некоторые детали этого события. Анналы IV, V, IX и X сообщают, кто представлял Норвегию на этом соборе, а именно – Йон, архиепископ Нидароса, Андрес, епископ Осло, и Аскатин, епископ Бергена⁹. Они вернулись

⁸ «Gregorius papa hafði þing/concilium i Leons oc bætti tru Grikia» [19, с. 28, 49, 69, 259].

⁹ IV: «Þar var Jón erchibyskvp af Niðarósi. ok Andres byskvp af Oslo. ok Askatin byskvp af Biörgyn» [19, с. 139].

домой с таким распоряжением папы Григория и непреклонным требованием, что, по решению собора, все священнослужители должны в течение шести лет платить десятину со своих доходов на организацию крестовых походов, а участникам этих походов обещано отпущение грехов¹⁰. (Об этом напоминает архиепископу Нидаросса папа Григорий в сохранившемся письме от 20 сентября того же года – [13, т.8, с. 18].) Тогда и греки, говорится в анналах, вернулись в правильное христианство по Божьей милости и по совету папы Григория¹¹. В этой части исландский текст пестрит латинскими словосочетаниями («*concilium generale celebratum est apud Leonciam*», «*statuto concilii generalis*», «*remissiones generales*»), что выдает лежащий в основе латиноязычный документ – лат. *statut*, дисл. *skipun*.

В «Анналах Готтскалка» (VIII) информации о Лионском соборе 1274 г. несколько больше. Анналы написаны исландским епископом из Холара Готтскалком Жестоком Никулассоном (1496–1520) и его сыном Йоном и доводят изложение до 1578 г.; однако в известиях до 1394 г. исследователи отмечают использование каких-то более ранних материалов и утерянных анналов. Рассказ о тинге открывается в этих анналах так же, как и в I, II, III и VII («папа Григорий провел тинг в Леоне»), но о посольстве от византийского императора Михаила VIII Палеолога говорится с иными подробностями и акцентами: «Конунг греков Микаэль и Андроникус конунг, его сын (Андроник II. – Т. Д.), и все их знатные люди согласились на соблюдение христианства и подчинение папе и отправили своих посланников на его тинг»¹². Знает составитель анналов и о проведенном папой регулировании деятельности церковных орденов: на соборе число нищенствующих орденов было сведено к четырём: «Он упразднил тогда многие монашеские ордена, те, которые кормились и одевались на подаяния»¹³.

Но главное для нас то, что только здесь упоминается о прибытии на Лионский собор татарских послов: «Туда пришли также послы Араба, конунга татар»¹⁴. Действительно, папа Григорий в начале 1270-х гг. отправил венецианских купцов братьев Поло в качестве посланников к монгольскому хану. В результате послы хана Абаки, второго ильхана государства Хулагуидов (1265–1282), прибыли в Лион с ответным визитом и оказались там во время проведения собора, и даже, в знак серьезности намерений хана, его представитель принял на соборе крещение. Имеются аутентичные письменные источники, связанные с прибытием татар в Лион: латинский секретарь Абаки Рикардус написал отчет, в котором изложил ход западно-ильханидских отношений при Хулагу и его сыне, и заверил собор в том, что его господин по-прежнему намерен изгнать мамлюков из Сирии; «*Les fais des Tartares*», рас-

¹⁰ IV: «ok kómv á sama ári aptr með þeim boðskap Gregorii pape ok statuto concilii generalis. at clerkar skyldv til Iorsalaferðar leggja tivnnd af öllum renntvm sinvm .vi. ár. ok gefnar remissiones generales þeim er crossaðiz til Iorsalaferðar» [19, с. 139].

¹¹ IV: « Þá ok snervz Grikkir aptr til cristni almenniligrar með gvðs miskvun ok raðvm Gregorii pape» [19, с. 139].

¹² VIII: «Gregorius pafi hafdi þing j Leonis. Micael Grickia kongr og Androvicus kongr son hans og allt stormenni þeira samþykktus um kristni halld og hlydni við pafan og sendv sina sendiboda á þingit til hans» [19, с. 332].

¹³ VIII: «hann toc þa af margar klaustra manna reglur þeira sem olmosr fædas og klæddus» [19, с. 332].

¹⁴ VIII: «þar komu og sendi menn Arabe Tartara kongs» [19, с. 332].

сказ Дэвида Эшби о монголах, вероятно, был представлен на собор (единственная известная рукопись сейчас утеряна, но кое-что сохранилось в копии) [см.: 20, с. 167–168, 189 прим.22, 23].

Имя хана «Абака» передано с искажением (*Araba*), что указывает либо на ошибку писца, либо на исходную фиксацию устного сообщения, когда имена записываются так, как слышатся. Архиепископ Йон мог привезти устные рассказы о том, что происходило на соборе.

События, сопровождающие это известие в статье 1274 г., таковы: смерть Якоба Эрландсена, архиепископа Лунда (1254–1274); коронация (19 августа 1274 г.) английского короля Эдуарда I Длинного (1272–1307), сына Генриха III; убийство в ходе гражданской войны в Норвегии двух посолников, Йона по прозвищу Королева (его знает «Сага о посолниках») и Аслака Болтуна; из исландских событий отмечены два – отъезд из страны епископа Холара Йорунда Торстейнссона (1267–1313) и то, что в тот год в Исландии было убито 22 медведицы. Подробнее, чем в других анналах (I, II, III, IV, VII, IX), описано в VIII еще одно значимое норвежское событие, – возвращение «домой из *куриш*» нидаросского архиепископа Йона Рыжего (1268–1282) с частью тернового венца Иисуса Христа, которую Филипп III Смелый, король Франции (1270–1285), послал конунгу Магнусу Хаконарсону Исправителю Законов (1263–1280). Он приплыл в Берген вскоре после Дня всех святых, т.е. после 1 ноября, а с конунгом встретился в пятницу после дня Феодора Тирона (который в католической церкви отмечается 9 ноября) и провел торжественную мессу¹⁵. В VII и VIII анналах для обозначения святости используются латинские термины (VII: «*cum parte spinee corone domini nostri Jesu Christi*», VIII: «*part de spinea corona domini*») [19, с. 259, 332], что вновь выдает лежавший в основе этих записей некий латинский текст, происходящий из норвежских церковных кругов.

1277 год

В пяти памятниках (I, II, IV, V, VII) под 1277 г. говорится, что «татары убили султана Вавилон и тридцать [человек] вместе с ним»¹⁶. В X добавление относительно тридцати человек опущено¹⁷, а в IX они превращаются в тридцать тысяч человек¹⁸.

1277 г. – действительно, дата смерти мамлюкского султана Египта и Сирии Аз-Захира Бейбарса ал-Бундукдари (1260–1277). По всем надежным свидетельствам, он умер от отравления. Татары к его смерти не причастны. Напротив, незадолго до своей кончины он разбил монголов, одержав победу в битве при Эльбистане над армией Хулагуидов и их союзников – царей Грузии и сельджукских султанов Рума. Об этом свидетельствует, например, египетский историк и географ ал-Макризи (1364–1445 гг.), опиравшийся в труде «Книга

¹⁵ VIII: «Jon ercibyskup kom heim af cvria og bravt skip sitt næsta dag drottins epter allra heilagra messo j Eids vogi fyrir nordan Biorgvin. hann hafdi med at fara part de spinea corona domini. er Philippus Fracka kongr sendi Magnusi kongi. og aa friadagin epter jn festo Teodori liet Magnus kongr giora processionern af postola kirkiv j moti helgvm dommvm og saung Jon erkibyskup messo hatidliga» [19, с. 332].

¹⁶ IV: «Tartarar drápv Soldan af Babilon ok .xxx. með honom» [19, с. 140; см. также: с. 29, 50, 195, 259]. Вавилон (*Babilon*) исландских анналов – Каир в Египте [23, с. 509].

¹⁷ X: «Tartarar drapu Solldan af Babilon» [23, с. 155].

¹⁸ IX: «Tatarar drapu Solldan af Babilon ok med honum .xxx. þushunda manna» [15, с. 540].

поучений и назидания» на утраченные к настоящему времени сочинения своих предшественников: «А в году 75 (то есть в 1276/1277 г.) султан отправился на борьбу с татарами и напал на них в Альбистане, и к ним присоединились румийцы, и потерпели они поражение, и многие из них были убиты. И султан взял Кайсарию и расположился там во дворце. Затем он отправился в Дамаск, заболел там поносом и ослабел, и умер от него в четверг, девятнадцатого мухаррама 676 года (то есть 22 июня 1277 г.)» [1, с. 182].

Как могло случиться, что исландские анналы до такой степени исказили ситуацию? С. Шайн отмечает, что последовательная папская политика (начиная с 1264 г.), направленная на установление более тесных отношений с монголами, представляла их готовыми к обращению и союзу против общего мусульманского врага. Их начинали воспринимать как славных поборников христианства, противников ислама и, следовательно, мощного союзника в борьбе с сарацинами. К примеру, довольно неудачные вторжения хана Абаги в Сирию в 1280 и 1281 гг. были представлены в европейских хрониках как великая монгольская победа над султаном Египта, за которой последовало завоевание им большей части Святой Земли [27, с. 808–809]. П. Джексон также обращает внимание на то, что нередко в источниках европейских стран фиксировались не реальные события, а разнообразные слухи, вроде того, что «король татар» лично присутствовал на Втором Лионском соборе в 1274 г., где он, как утверждалось, крестился и получил корону из рук папы, или относительно кампании Менгу-Тимура в 1281 г., когда несколько хронистов зафиксировали поражение и захват султана и повторную оккупацию монголами Антиохии в 1282 г. [20, с. 165–173]. Исследователь указывает и на слухи касательно вторжения Байбарса в Анатолию и его смерти в 1277 г., вполне вероятно, от рук монголов, которые затем отвоевали Святую Землю. Эти слухи нашли отражение в двух английских хрониках конца XIII в. – Уильяма Ришанжера, монаха в Аббатстве Св. Албана («*Opus Chronicorum*»), и Джона из Окснеда («*Chronica Johannis de Oxenedes*») [20, с. 190, прим. 54]. Ничто не мешает нам предположить знакомство составителя исландских протоанналов с информацией английских хронистов (то ли непосредственно с одной из названных хроник, то ли с источником их информации), тем более что, с одной стороны, для более ранних известий исследователями отмечается связь исландских анналов с английским историописанием (в частности, использование англо-саксонских королевских родословных) [19, с. xix, lxxviii, lxxxii], а с другой – составитель исландских анналов, как и Джон из Окснеда, помещает известие об убийстве татарами султана Вавилона вслед за информацией о смерти папы Иоанна XXI и об избрании папы Николая III, причем оба источника говорят о том, что последнее событие произошло около дня Св. Екатерины, что в миру папа звался Йоханнес Гаитанус (т.е. Джованни Гаэтано) и был кардиналом (*diaconus kardinalis* в латинском тексте, *romverskr chardalis* – с ошибкой в исландском).

Посмотрим подробнее, каков контекст этого известия в «Королевских анналах». Начинается статья со смерти папы Йоханнеса (папа Иоанн XXI, умер 21 мая) и избрания папы Николаса (папа Николай III, избран 25 ноября). Далее следуют три норвежских церковных события: избрание Арни, епископа Ставангера (1277–1303), смерть Аскатина, епископа в Бергене (1270–1277), примирение Магнуса Исправителя Законов (1263–1280) с архиепископом Йоном Рыжим. За ними идет интересующее нас сообщение об

убийстве татарами султана Вавилона. Из норвежских событий еще говорится о введенной конунгом Магнусом титулатуре норвежской знати и его примирении с жителями Телемарка. Упоминается военный поход шведского и датского конунга и отъезд из Исландии трех знатных исландцев.

1286 год

Почти во всех текстах (I, II, III, IV, V, VIII, IX, X) под 1286 г. говорится о том, что «пришли посланцы конунга татар к Эйрику, конунгу Норвегии»¹⁹. Как отмечал И.П. Шаскольский, это известие анналов о прямом контакте какого-то татарского хана с конунгом Норвегии уникально: «Мы до сих пор не знали, что дипломатические контакты татарских ханов заходили на такое огромное расстояние на север Европы» [9, с. 236, прим.31]. Однако и оно недостаточно информативно. Конунг Норвегии – это Эйрик II Магнуссон (1280–1299). Что же касается «конунга татар», чье посольство появилось в 1286 г. в Норвегии, то здесь мы можем лишь строить предположения. Мне представляется, что им был Аргун, четвертый ильхан государства Хулагуидов (1284–1291), который, продолжая политику уже упоминавшегося выше хана Абаки, стремившегося создать военную коалицию для борьбы с мамлюками в Сирии и Палестине, отправил в Европу четыре посольства. Первое из них было отправлено в Рим с датированным 18 мая 1285 г. письмом Аргуна папе Гонорию IV (1285–1287), сохранившимся в архивах папской курии [см.: 20, с. 169; 188, прим.37]. Хотя других сведений, кроме известия исландских анналов, у нас нет, нельзя ли допустить, что на обратном пути посольство, под предводительством сирийского астронома Исы Келемечи, посетило Норвегию и встретилось с конунгом Эйриком?

Как кажется, у посланцев Аргуна в их путешествии из Рима на север были попутчики. Любопытную и уникальную информацию содержат «Анналы Готтскалка» (VIII), за которыми, как было отмечено выше, стоят какие-то более ранние материалы или не дошедшие до нас анналы. В них под 1286 г. содержатся всего три сообщения, и все они связаны с норвежской историей: «Скончался Александр, конунг Шотландии (Александр III, король Шотландии, 1249–1286, был тестем Эйрика Магнуссона. – Т.Д.). Многие были приказом короля вызваны из Исландии в Норвегию. Пришли татары в Норвегию, и нунций Хуги, и *Fiportungar* с господином Альвом»²⁰. Итак, из этой записи следует, что в Норвегию пришли не только татары, но и «нунций Хуги», а также некие «*Fiportungar*» и «господин Альв». О ком здесь идет речь? «Нунций Хуги» – это папский капеллан и приходской священник в Кастильон-Фьорентино в провинции Ареццо в Тоскане. Письмом от 1 ноября 1285 г. папа Гонорий IV назначил своего капеллана *Huguicio* сборщиком *subsidium Terræ sanctæ* в Норвегии, Дании и Швеции, после того как умер архиепископ Нидароса, и дал ему подробные указания [13, т.1, с. 67, №75]. В Норвежском национальном архиве сохранились документ от 28 августа 1286 г., фиксирующий передачу папским капелланом *Huguicio* текста письма папы касательно назначения его на этот

¹⁹ «Kómv senndiboðar Tartara konvngs til Eiriks Noregs konvngs» [19, с. 142; см. также: с. 30, 50–51, 70, 196, 337; 15, с. 541; 23, с. 156].

²⁰ VIII: «Θ Alexander Skota kongr. vtan stefningar miclar. komv Tartarar j Noreg og Hugi nuncius og Fiportungar med herra Alfí» [19, с. 337]. Подробное толкование третьей фразы этого известия см.: [29], чью трактовку я полностью разделяю.

пост [13, т.1. с. 71, №78], и письмо того же времени о том, что *Hugucio* призывал священников и мирян в Осло заплатить десятину для Святой земли [13, т.1, с. 22]. Речь идет о так называемой *Lyontienden* («Лионской десятине»), установленной в 1274 г. [см.: 29] Таким образом, папский капеллан и легат в трех северных королевствах вполне мог отправиться в Норвегию вместе с посланцами хана Аргуна. Наконец, «господин Альв» – это неоднократно упоминаемый анналами норвежский ярл Альв Эрлингссон (ум. в 1290 г.), который был в 1285 г. отправлен от имени конунга Эйрика в Англию с целью получить для ведения торговой войны на Балтике (против Дании и Ганзейских городов) ссуду от английского короля Эдуарда I, а также набрать английских моряков-наемников [см.: 28]. Вероятно, именно эти последние и прибыли в Норвегию с ярлом Альвом [см.: 30], поскольку исландский термин *fiportungar* означает людей из *Fiport*, т.е. *Cinque port* в Англии [12]. Обозначение «Пять портов» (*Cinque port*) применялось к союзу пяти английских портовых городов – Дувра, Гастингса, Хайта, Нью Ромни и Сэндвича, – имевших особые королевские привилегии и, в частности, право на наемничество.

Г. Сторм в предисловии к изданию анналов [19, с. lxx–lxxi] отмечал, что анналы порой использовались в исландских сочинениях XIV в. Именно таким образом сведения о появлении «посланцев конунга татар» у норвежского конунга Эйрика попали в «Сагу о епископе Арни» («Arne Biskops Saga»), известную по рукописи AM 122 4° (ок. 1320 г.). Здесь мы наблюдаем почти полное совпадение с известием «Королевских анналов» под 1286 г. – одни и те же события перечисляются в одинаковой последовательности²¹.

1299 год

В двух текстах (II, IX) мы встречаем под 1299 г. известие о том, что у «конунга татар» было три успешных битвы: первая – в Армении, вторая – в «кампусе Дамаска», а третья – в Египталанде; в этой последней битве он убил султана и освободил Йорсалаланд (Палестину)²². Несколько иначе и более скупо излагает события автор «Королевских анналов» (IV): «Конунг татар и конунг Армении заняли Йорсалаланд и победили султана Вавилона»²³.

«Конунг татар», о котором идет речь в этих известиях, – Газан, шестой ильхан государства Хулагуидов (1295–1304), старший сын Аргуна, внук Абаки. В источниках нет и намека на его сражение в Армении (так что здесь ближе к истине «Королевские анналы»). Напротив, армянский царь Хетум II (1289–1293), посетив Газана после его избрания, договорился с ним о совместных во-

²¹ IV: «Θ Alexander Scotakonvgr. Dráp Eiriks Cristoforvs sonar Danakonvgr. Andres byskvp i Oslo vigði Jorvnnd byskvp til Hamars. en Dólgfinn byskvp til Orkneyia. Kómv senndiboðar Tartara konvngs til Eiriks Noregs konvngs» [19, с. 142]; cp.: «Þá fréttist andlát Alexandri Skotakonúngs, ok þat, at Eirekr Danakonúgr var myrðr; svá ok, at Andrès biskup hafði Jörund kórsbróður af Hamri kosit þar til biskups, en Dólgfinn til Orkneyia. Þá vóru ok komnir í Noreg sendimenn Tartara konúngs á fund Eireks konungs. Þá hafði [herra] Eirekr konúgr gefit herra Álf Erlingssyni jarls nafn til at hann verði Noregs ríki» («Тогда стало известно о ...») [цит. по: 19, с. lxxi].

²² II: «Bardiz Tattara konvgr i Armenia. aðra orrostu þar sem heitir kampus Damasci. þriðio i Egipta landi ok hafði iamnan sigr ok drap Soldan i hinne siðvztv ok friðaði Jorsala land» [19, с. 52]; IX: «bardiz Tattara konungr i Armenia ok i Campus Damasci ok i Egiptalandi ok hafði iafnan sigr ok drap Solldan i siduzstu ok fridadi Jorsalaland» [15, с. 545].

²³ IV: «[...] Tartarakonvgr ok konvgr af Armenia vnnv Iorsalalannd ok sigraðv soldan af Babilon» [19, с. 145–146].

енных действиях против мамлюков, и 22 (или 23) декабря 1299 г. монгольская армия вместе с армянской в битве при Хомсе нанесла поражение армии египетских мамлюков под предводительством султана ан-Насира Мухаммада, который бежал обратно в Египет. Далее Газан-хан двинулся к Дамаску и захватил его 31 декабря 1299 г. (или 6 января 1300 г.). Газан занял Сирию и Палестину, а армяне возвратили себе утерянные ранее территории. В начале февраля Газан вернулся в Персию, оставив лишь небольшие силы, возглавляемые эмиром Мулаем, мамлюки снова закрепились в Сирии лишь в мае 1300 г., так что на протяжении трех месяцев Газан-хан был *de facto* правителем Святой Земли [27, с. 810; 11, с. 170].

Контекст этого известия – сугубо норвежский: Хакон, сын Магнуса Исправителя Законов, женился на Евфимии, дочери Вислава II, князя Рюгена; вскоре умер его брат Эйрик, король Норвегии, и Хакон стал королем (Хакон V Святой, 1299–1319); он тут же схватил главного помощника Эйрика, знатного норвежца Аудуна Хуглейкссона; разбился купеческий корабль у Фарерских островов; умерло три священника: епископ в Бергене и два аббата в Исландии. Вот за этими церковными новостями и следует сообщение о занятии объединенными татаро-армянскими силами Палестины и их победе над султаном Вавилона²⁴. Как отмечает С. Шайн, вести об отвоевании Святой Земли монголами приобрели большее значение, чем они того заслуживали, поскольку пришли в Европу в 1300 г., в объявленный папой Бонифацием VIII первый юбилейный год, дававший возможность получения полной индульгенции, что привлекло в Рим более 200 тысяч паломников [27]. Думается, информация о судьбе Святой Земли могла быть устной информацией, принесенной на скандинавский Север вернувшимися из Рима паломниками.

1306 год

В четырех памятниках (IV, V, IX, X) под 1306 и в одних (VIII) под 1305 г. сообщается, что «посольство конунга татар принимает крещение в Риме». При этом в одних (IX) добавлено, что «папа Климент собрался отправиться за море, чтобы крестить конунга татар», а в остальных, напротив, этому известию предшествует утверждение, что «конунг татар освободил Йорсала-ланд от (немирья и) власти сарацинов»²⁵.

Информация эта явно имеет реальную основу, хотя несколько искажена. Папа Климент V, избранный в середине 1305 г., поддерживал связи с государством ильханов и стремился создать альянс против мусульман. В апреле

²⁴ IV: «Hákon hertogi Magnús sonr fekk Eufemiam dottvr dottvr herra Visleif af Rey. Þ Eiríkr Magnús sonr Noregs konvng. Hákon hertogi bróðir hans tók þá konvngdóm i Noregi. ok var þá crúnaðr. ok sva Eufemia dróttning. Fanginn herra Ávðvn. Týnnðiz Hollltabiarnarbvtza við Færéyiar. ok þar af letz á fimtatigi manna. Þ Eiríkr abbóti at Micheals kirkiv i Þiorgyn. ok Rvnolfr abbóti i Viðey. ok Biarni abbóti at Þingeyrvm. Tartarakonvng ok konvng af Armenia vvvnnv Iorsalalannd ok sigraðv soldan af Babilon» [19, с. 145–146].

²⁵ IV: «Tatara konungr frelsti Iorsala land vndan valldi Salaciena. Sendi boðar Tatara konungs skirðir i Roma»; V: «Tattara konungr frelsaði Jorsala land undan ofriði ok valldi Saratína(!). Skirðir sendi boðar Tattara konungs i Róma»; VIII (1305): «Tartara kongr frelsadi Jorsala land undan ofridi og Saracina, skirder sendi bodar Tartara j Roma» [19, 148, 201, 340]; IX: «Skirdir sendibodar Tattara konungs i Roma... Ætladi Clemens pafi vt yfir hafit at skira Tattara konung» [15, с. 548]; X: «Tartara kongur frelsadi Jorsala land wr valldi Saratina... Skijrdir sendibodar Tartara kongz j Roma» [23, с. 163].

1305 г. к ильхану Олджейту (1304–1316) пришло посольство во главе с генуэзским купцом и дипломатом Бускарелло де Гизольфи, направленное папой Климентом V, французским королем Филиппом IV Красивым (1285–1314) и английским королем Эдуардом I. Ответное посольство, возглавляемое Томмазо Уджи ди Сиена, пустилось в путь весной 1306 г. с письмами к папе, французскому и английскому королям, а также к венецианскому дожу Пьетро Градениго (сохранилось лишь письмо к Филиппу IV) [22, с. 56–57; 5]. Посольство достигло дворов европейских монархов в 1307, а не в 1306 г., к папе оно должно было проследовать в Пуатье (где папа находился с 1305 по 1309 г.), а вовсе не в Рим, как утверждают исландские анналы, да и о крещении посланцев ильхана сведений нигде больше нет.

В своих письмах ильхан Олджейту сообщал о произошедшем незадолго до того примирении всех монгольских ханов и их готовности к боевым действиям против мамлюков, а также намекал на то, какими последствиями это может обернуться для их общих врагов. Объединение монгольских правителей после 45-летней вражды – событие значимое, но никакого освобождения Палестины «конунгом татар» в 1306 г. не произошло, хотя информация из письма ильхана дала папе Клементу основание говорить в 1307 г. о возвращении Святой Земли в западный мир как о чем-то весьма вероятном [25, т. V, ч. III, с. 168, №2269]; см.: 20, с. 171]. Тем не менее, никаких данных о том, что папа после этого ответного визита принял решение «отправиться за море, чтобы крестить конунга татар», опять же нет. Таким образом, известие о татарах под 1306 г. выглядит, как в значительной степени базирующееся на слухах, выстроенное в соответствии с некими стереотипами и не имеющее под собой полноценных источников.

1398 год

Лишь в одном тексте – «Анналах жителей Одди» (X), – с перерывом чуть ли не в целый век, появляется упоминание татар, точнее – «конунга татар Тамерлана Лучника»: «В то время был конунгом татар тот, кто звался Тамерлан Лучник, он был шотландцем по рождению; он был большим тираном и кровавым псом. Как-то раз он осадил один город: и когда жители города были близки к тому, чтобы сдаться, повелели они своим девушкам, знатым и незнатым, выйти в белых одеждах и с оливковыми ветвями в руках. Но эти жестокие викинги велели своим людям растоптать и разорвать на части лошадиными копытами тех девушек. Когда его спросил один из его подчиненных, для чего он совершил такое жестокое и безбожное деяние, он сказал, что он не человек, а скорее – Гнев Божий, он больше похож на жестокого Ганнибала со всем его злом»²⁶. Действительно, Тамерлан известен своей садистской жестокостью до такой степени, что имя его стало нарицательным [20, с. 237]. Тем не менее вся эта история видится не более чем вымыслом составителя анналов.

²⁶ X: «J þenna tíjma var sa Tartara kongur er Tamerlanes Scyta hiet hann var skotskur að ætt: hann var mjökell tyranni og blóðhundur: Eitt sinn sat hann wí einn borg: Og er borgarmenn woru svo nær sem yfir komner: lietu þeir sínar jungfrur og meyjar vt ganga j huiptum klæðum og oljfu kuistu j sínum haundum: Enn þessi grimme wíkingur: liet sitt hoffolk með hestafotum sundur Ríjda greindt folk: þa hann var af einum sínum vndir mannj adspurdur hvar fyrir hann slíjkann hardann og ogudligann gíorning fremdj kuad hann sig ecki ein mann helldur Reidi Gudz wera: hann er líjkari wíð hinn grímma Hannibal til allrar mann jllsku» [23, с. 183].

* * *

Итак, мы рассмотрели десять погодных записей в исландских анналах, с 1202 по 1398 г., включающих в себя упоминания татар. Пути проникновения этих известий в анналы различны: одни обязаны своим появлением знакомству составителей анналов с трудами своих европейских коллег, другие восходят к устной информации, распространявшейся в исландско-норвежских клерикальных кругах, иные суть следствие циркулировавших в Европе слухов, принесенных на скандинавский Север возвращавшимися из Рима паломниками, а некоторые и вовсе – результат вымысла. Тем не менее эти десять упоминаний относятся к весьма значимым моментам монгольско-европейского взаимодействия: началу монгольской экспансии, покорению Венгрии монголами в 1241 г., присутствию монгольских послов на Втором Лионском соборе 1274 г., отвоеванию Святой Земли монголами в 1299 г. и ряду других.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абу-ль-Аббас аль-Макризи*. Книга поучений и назидания, [содержащихся] в описании кварталов и памятников [Каира] // Семенова Л.А. Салах-ад-Дин и мамлюки в Египте. М.: Наука, 1966. С. 173–185.
2. Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв., пер. А.Г. Галстяна. М.: Издательство восточной литературы, 1962.
3. *Иоанн де Плано Карпини*. История Монгалов; *Вильгельм де Рубрук*, Путешествие в восточные страны / введ., пер. и примеч. А.И. Малеина. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1911. 232 с.
4. Исландские саги / пер. и коммент. А.В. Циммерлинга. М.: Языки русской культуры, 2000. 648 с.
5. *Козин С.А.* К вопросу о дешифровании дипломатических документов монгольских ильханов // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М.: Отделение истории и философии АН СССР, 1935, № 7. С. 647–648.
6. Сага о Сверрире / изд. подг. М.И. Стеблин-Каменский, А.Я. Гуревич, Е.А. Гуревич, О.А. Смирницкая. М.: Наука, 1988. 280 с.
7. *Стурла Тордарсон*. Сага об исландцах / пер. и коммент. А.В. Циммерлинга. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 512 с.
8. *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах (Письменное Наследие 2). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 496 с.
9. *Шаскольский И.П.* Сведения об истории Руси в X–XIV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины, 1994. Вып. XXV, С. 231–239.
10. *Boulhosa P.P.* Of Fish and Ships in Medieval Iceland // *The Norwegian Domination and the Norse World, c.1100 – c.1400* / ed. by Steinar Imsen. Trondheim: Tapir, 2010. P. 175–198.
11. *Danmarks Middelalderlige Annaler* / udg. ved E. Kroman. Copenhagen: Selskabet for Udgivelse af Kilder til dansk Historie, 1980. 360 s.
12. Dictionary of Old Norse Prose. Режим доступа: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php>
13. *Diplomatarium Norvegicum*. Oldbreve til Kundskab om Norges indre og ydre Forholde, Sprog, Slægter, Sæder, Lovgivning og Rettergang i Middelalderen / C.R. Unger et al. Christiania: P.T. Mallings, 1849–1976. B. I–XXI. Режим доступа: https://www.dokpro.uio.no/dipl_norv/diplom_field_eng.html
14. *Finnur Jónsson*. Den oldnorske og oldislandske Litteraturs Historie. 2 udg. 3 b. Copenhagen: Gads Forlag, 1924. 147 s.

15. Flateyjarbók. En Samling af norske Konge-Sagaer med indskudte mindre Fortællinger om Begivenheder i og udenfor Norge samt Annaler 3 / udg. ved Guðbrandr Vigfússon, C.R. Unger. Christiania: P.T. Mallings Forlagsboghandel, 1868. S. 475–583.
16. *Guzman G.G.* Simon of Saint-Quentin and the Dominican Mission to the Mongol Baiju: A Reappraisal // *Speculum*, 1971. Vol. 46. No. 2. P. 232–249.
17. *Haug E.* The Icelandic annals as historical sources // *Scandinavian Journal of History*, 1997. Vol. 22. P. 263–274.
18. *Haug E.* Muligheter og begrensninger i de islandske annalene // *Forum Mediaevale*, 2002. Vol. 5. P. 57–80.
19. Islandske annaler indtil 1578 / udg. ved G. Storm. Christiania: Grøndahl, 1888 (reprint – Oslo: Norsk historisk kjeldeskrift-institutt, 1977). 667 p.
20. *Jackson P.* The Mongols and the west, 1221–1410 (The Medieval World). London and New York: Routledge, 1214. 414 p.
21. *Jakob Benediktsson.* Annals: Iceland (and Norway) // *Mediaeval Scandinavia. An Encyclopedia* / ed. by Ph. Pulsiano et al. New York & London: Garland Publishing, 1993. P. 15–16.
22. Les lettres de 1289 et 1305 des ilkhan Aryun et Öljeitü à Philippe le Bel / ed. by Antoine C.I.C.M. Mostaert and Francis Woodman Cleaves (Scripta Mongolica Monograph Series 1). Cambridge, MA: Harvard-Yenching Institute, 1962. 104 p.
23. Oddaannálar og Oddverjaannáll, Eiríkur Þormóðsson og Guðrún Ása Grímsdóttir. Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, 2003. 236 p.
24. *Ólafía Einarasdóttir.* Studier i kronologisk metode i tidlig islandsk historieskrivning (Bibliotheca historica Lundensis, b. 13). Stockholm: Natur och kultur, 1964. 377 s.
25. Regestum Clementis papae / ed. by Monks of the Order of St Benedict. 8 vols. Rome: Typographia Vaticana, 1885–1892. Vol. V. 620 p.
26. *Rowe E.A.* The Flateyjarbók Annals as a Historical Source: A Response to Eldbjørg Haug // *Scandinavian Journal of History*, 2002. Vol. 27. P. 233–242.
27. *Schein S.* Gesta Dei per Mongolos 1300: The Genesis of a Non-Event // *The English Historical Review*, 1979. Vol. 94. No. 373. P. 805–819.
28. *Skeie T.* Alv Erlingsson: Fortellingen om en adelsmanns undergang. Oslo: Cappelen Damm, 2009. 328 s.
29. *Svenungsen P.B.* Norge og korstogene. En studie av forbindelsene mellom det norske riket og den europeiske korstogsbevegelsen, ca. 1050–1380 (upublisert ph.d.-avhandlingen), Universitet i Bergen 2016. 342 s.
30. *Svenungsen P.B.* Norgeshistoriens mest spennende setning? (2018). [Электронный ресурс] Адрес доступа: <https://middelalderbloggen.blogspot.com/2018/01/norgeshistoriens-mest-spennende-setning.html>
31. Sverris saga etter Cod. AM 327 4º / G. Indrebø. Kristiania: Den Norske Historiske Kildeskriftkommission, 1920. 214 s.
32. *Vincent de Beauvais.* Speculum historiale // At le site des Bases Textuelles de l'Atelier Vincent de Beauvais. Режим доступа: <http://atilf.atilf.fr/bichard/>

Сведения об авторе: Татьяна Николаевна Джаксон – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории Российской академии наук (119334, Ленинский пр., 32а, Москва, Российская Федерация). E-mail: Tatjana.Jackson@gmail.com

Поступила 09.09.2019 Принята к публикации 22.11.2019
Опубликована 29.12.2019

REFERENCES

1. Abu al-Abbas al-Makrizi. *Kniga poucheniy i nazidaniya, sodержashchikhsya v opisaniy kvartalov i pamyatnikov Kaira* [The book of teachings and edification contained in the description of quarters and monuments of Cairo]. Semenova L.A. *Salakh-ad-Din i mamlyuki v Yegipte* [Salah ad-Din and the Mamluks in Egypt]. Moscow: Nauka Publ., 1966, pp. 173–185. (In Russian)
2. *Armyanskiye istochniki o mongolakh. Izvlecheniye iz rukopisey XIII–XIV vv.* [Armenian sources on Mongols. Extract from Manuscripts of the 13th to 14th centuries], trans. by A.G. Galstyan. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1962. (In Russian)
3. Ioannes de Plano Carpini. *Istoriya Mongalov* [The History of the Mongols]; Guillaume de Rubruck. *Puteshestviye v vostochnyye strany* [Journey to Eastern Countries], introduction, trans. and notes by A.I. Malein. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1911. 232 p. (In Russian)
4. *Islandskiye sagi* [Icelandic Sagas], trans. and comments by A.V. Tsimmerling. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 648 p. (In Russian)
5. Kozin S.A. K voprosu o deshifrovaniy diplomaticheskikh dokumentov mongol'skikh il'khanov. [On the issue of decrypting diplomatic documents of the Mongol Ilkhans]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya istorii i filosofii* [News of the Academy of Sciences of the USSR. History and Philosophy Series]. Moscow: Otdeleniye istorii i filosofii AN SSSR, 1935, no. 7, pp. 647–648. (In Russian)
6. *Saga o Sverrre* [Sverrir's Saga], ed. by M.I. Steblin-Kamenskiy, A.Ya. Gurevich, E.A. Gurevich, O.A. Smirnitskaya. Moscow: Nauka Publ., 1988. 280 p. (In Russian)
7. Sturla Thordarson. *Saga ob islandtsakh* [Saga of Icelanders], trans. and comments by A.V. Tsimmerling. St. Petersburg: Aleteyya, 2007. 512 p. (In Russian)
8. Hautala R. *Ot "Davida, tsarya Indiy" do "nenavistnogo plebsa satany". Antologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh.* [From "David, the King of Indies" to the "Detestable Plebs of Satan". An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. (Textual Heritage 2). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015. 496 p. (In Russian)
9. Shaskolsky I.P. Svedeniya ob istorii Rusi v X–XIV vv. [Information on the history of Russia in the 10th–14th cent.]. *Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny* [Auxiliary Historical Disciplines], 1994, no. XXV, pp. 231–239. (In Russian)
10. Boulhosa P.P. Of Fish and Ships in Medieval Iceland. *The Norwegian Domination and the Norse World, c.1100 – c.1400*, ed. by Steinar Imsen. Trondheim: Tapir, 2010, pp. 175–198.
11. *Danmarks Middelalderlige Annaler*, udg. ved E. Kroman. Copenhagen: Selskabet for Udgivelse af Kilder til dansk Historie, 1980. 360 p. (In Danish)
12. Dictionary of Old Norse Prose. Available at: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php>
13. *Diplomatarium Norvegicum. Oldbreve til Kundskab om Norges indre og ydre Forholde, Sprog, Slægter, Sæder, Lovgivning og Rettergang i Middelalderen*, C.R. Unger et al. Christiania: P.T. Mallings, 1849–1976. B. I–XXI. Available at: https://www.dokpro.uio.no/dipl_norv/diplom_field_eng.html (In Norwegian)
14. Finnur Jónsson. *Den oldnorske og oldislandske Litteraturs Historie*. 2 udg. 3 b. Copenhagen: Gads Forlag, 1924. 147 p. (In Danish)
15. *Flateyjarbók. En Samling af norske Konge-Sagaer med indskudte mindre Fortællinger om Begivenheder i og udenfor Norge samt Annaler* 3, udg. ved Guðbrandr Vigfússon, C.R. Unger. Christiania: P.T. Mallings Forlagsboghhandel, 1868, pp. 475–583. (In Danish)
16. Guzman G.G. Simon of Saint-Quentin and the Dominican Mission to the Mongol Baiju: A Reappraisal. *Speculum*, 1971, vol. 46, no. 2, pp. 232–249.
17. Haug E. The Icelandic annals as historical sources. *Scandinavian Journal of History*, 1997, vol. 22, pp. 263–274.

18. Haug E. Muligheter og begrensninger i de islandske annalene, *Forum Mediaevale*, 2002, vol. 5, pp. 57–80. (In Norwegian)
19. *Islandske annaler indtil 1578*, udg. ved G. Storm. Christiania: Grøndahl, 1888 (re-print – Oslo: Norsk historisk kjeldeskrift-institutt, 1977), 667 p. (In Danish)
20. Jackson P. *The Mongols and the west, 1221–1410* (The Medieval World). London and New York: Routledge, 2014. 414 p.
21. Jakob Benediktsson. Annals: Iceland (and Norway). *Mediaeval Scandinavia. An Encyclopedia*, ed. by Ph. Pulsiano et al. New York & London: Garland Publishing, 1993, pp. 15–16.
22. *Les lettres de 1289 et 1305 des ilkhan Arjun et Öljeitü à Philippe le Bel*, ed. by Antoine C.I.C.M. Mostaert and Francis Woodman Cleaves (Scripta Mongolica Monograph Series 1). Cambridge, MA: Harvard-Yenching Institute, 1962. 104 p. (In French)
23. *Oddaannálar og Oddverjaannáll*, Eiríkur Þormóðsson og Guðrún Ása Grímsdóttir. Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, 2003. 236 p. (In Icelandic)
24. Ólafía Einarsdóttir. *Studier i kronologisk metode i tidlig islandsk historieskrivning* (Bibliotheca historica Lundensis, b. 13). Stockholm: Natur och kultur, 1964. 377 p. (In Swedish)
25. *Regestum Clementis papae*, ed. by Monks of the Order of St Benedict, 8 vols. Rome: Typographia Vaticana, 1885–1892. Vol. V. 620 p. (In Latin)
26. Rowe E.A. The Flateyjarbók Annals as a Historical Source: A Response to Eldbjörg Haug. *Scandinavian Journal of History*, 2002, vol. 27, pp. 233–242.
27. Schein S. Gesta Dei per Mongolos 1300: The Genesis of a Non-Event. *The English Historical Review*, 1979, vol. 94, no. 373, pp. 805–819.
28. Skeie T. *Alv Erlingsson: Fortellingen om en adelsmanns undergang*. Oslo: Cappelen Damm, 2009. 328 p. (In Norwegian)
29. Svenungsen P.B. *Norge og korstogene. En studie av forbindelsene mellom det norske riket og den europeiske korstogsbevegelsen, ca. 1050–1380* (unpublisert ph.d.-avhandlingen), Universitet i Bergen 2016. 342 p. (In Norwegian)
30. Svenungsen P.B. *Norgeshistoriens mest spennende setning?* (2018). Available at: <https://middelalderbloggen.blogspot.com/2018/01/norgeshistoriens-mest-spennende-setning.html> (In Norwegian)
31. *Sverris saga etter Cod. AM 327 4º*, G. Indrebø. Kristiania: Den Norske Historiske Kildeskriftkommission, 1920. 214 p. (In Danish)
32. Vincent de Beauvais. *Speculum historiale* at le site des Bases Textuelles de l'Atelier Vincent de Beauvais at. Available at: <http://atilf.atilf.fr/bichard> (In Latin)

About the author: Tatyana N. Jackson – Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Department of History of Byzantium and Eastern Europe, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (32a, Leninskiy prospect, Moscow 119334, Russian Federation). E-mail: Tatjana.Jackson@gmail.com

Received September 9, 2019 Accepted for publication November 22, 2019

Published December 29, 2019

МОНГОЛЫ В СОСТАВЕ КОЧЕВНИКОВ УЛУСА ДЖУЧИ (ЗОЛОТОЙ ОРДЫ): ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

В.А. Иванов

*Башикирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
Уфа, Российская Федерация
ivanov-sanych@inbox.ru*

Цель: показать, что среди многочисленных кочевнических погребений Улуса Джучи (Золотой Орды) XIII–XIV вв. имеются и погребения собственно монголов, дать их морфологическую характеристику и очертить ареал распространения.

Материалы исследования: работа основана на результатах сравнительно-типологического анализа погребений под каменными курганами, представленных как на территории Улуса Джучи, так и на востоке Степной Евразии: Монголия, Забайкалье, Алтай, Тянь-Шань.

Результаты и научная новизна: монгольское завоевание Восточноевропейских степей, естественно, подразумевает присутствие и самих завоевателей на захваченных территориях, что должно иметь свое отражение в археологических памятниках. Однако долгое время, в силу исторически сложившихся в археологии средневековых кочевников Евразии обстоятельств, материалы с востока Великой Степи поступали крайне незначительно. Поэтому все попытки этнической интерпретации кочевнических памятников XIII–XIV вв. Восточной Европы отталкивались от выяснения степени их типологической близости с кыпчакско-половецкими памятниками, известными на этой территории в большом количестве. Что же касается собственно монголов, то их влияние на культуру кочевников Золотой Орды рассматривалось через призму появления здесь комплекса вещей – предметы конского снаряжения, вооружения, женских украшений и деталей костюма – не имевшего прототипов в культуре кыпчаков/половцев, а потому а priori относящегося к монголам. Отсутствие же выраженных монгольских погребальных памятников объяснялось в контексте высказывания ал-Омари об ассимиляции «татар»-завоевателей местными племенами. К настоящему времени источниковедческая ситуация в археологии средневековых кочевников востока Степной Евразии существенно изменилась – доступная источниковая база возросла в разы, что дало возможность провести сравнительно-типологический анализ кочевнических погребений с территории Улуса Джучи и исходных территорий монгольского нашествия. Результатом явилась возможность выделить среди кочевнических памятников Золотой Орды погребения, оставленные монголами, дать их морфологическую характеристику и определить географию распространения в степях Восточной Европы.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, кочевники, монголы, каменные курганы

Для цитирования: Иванов В.А. Монголы в составе кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды): по данным археологии // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 636–651. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.636-651

**MONGOLIAN NOMADS IN THE ULUS OF JOCHI (GOLDEN HORDE)
ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL MATERIALS**

V.A. Ivanov

*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
Ufa, Russian Federation
ivanov-sanych@inbox.ru*

Abstract: *Objective:* To show that among the many nomadic burials of the ulus of Jochi (Golden Horde) of the thirteenth and fourteenth centuries there are also burials of the Mongols proper, to give their morphological characteristics, and outline the distribution area of burials.

Materials: The results of a comparative-typological analysis of burials under stone barrows both in the territory of the ulus of Jochi and in the east of the Eurasian steppe: Mongolia, Transbaikalia, Altai, and Tien Shan.

Results and novelty of the research: The fact that the Mongols conquered the steppes of Eastern Europe implies the presence of the Mongols in the conquered territories, and this should be reflected in archaeological materials. However, for a long time, due to the peculiarities of the development of the archaeology of the medieval nomads of Eurasia, archaeological materials from the east of the Great Steppe were at the disposal of researchers in extremely small amounts. Therefore, all attempts to determine ethnicity regarding the nomadic monuments of the thirteenth and fourteenth centuries in Eastern Europe were based on their comparison with the numerous Kipchak monuments in this territory. In turn, the Mongolian influence on the culture of the Golden Horde nomads was considered through the prism of the appearance of a complex of objects that had not been previously encountered with the Kipchak culture and therefore were perceived to be Mongolian ones, a priori: items of horse equipment, weapons, women's jewelry and costume details. For its part, the absence of characteristic Mongolian burials was explained by the assimilation of the Mongols by local tribes, based on a corresponding statement by al-Umari. To date, the volume of archaeological materials from the east of Eurasian Steppe has substantially increased, allowing one to carry out a comparative-typological analysis of nomadic burials in the territories of the ulus of Jochi and Mongolia. In turn, this analysis made it possible to distinguish the Mongol burials among the nomadic monuments of the Golden Horde, provide their morphological characteristics, and determine the geography of their distribution in the steppes of Eastern Europe.

Keywords: ulus of Jochi, Golden Horde, nomads, Mongols, stone mounds

For citation: Ivanov V.A. Mongolian Nomads in the Ulus of Jochi (Golden Horde) According to Archaeological Materials. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 636–651. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.636-651

Введение

В течение многих десятилетий этнический состав кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды) воспринимался и оценивался в контексте sacramентального сообщения ал-Омари, которое здесь приводится (в переводе и публикации В.Г. Тизенгаузена): «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они (Татары) смешались и породнились с ними (Кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (Татар) и все они стали точно Кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что

Монголы (и Татары) поселились на земле Кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (Кипчаков). Таким образом долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирожденные черты согласно ея природе, как мы сказали выше».

Поскольку этническую принадлежность населения, оставившего те или иные археологические памятники (в нашем случае – кочевнические погребения XIII–XIV вв.), без опоры на сведения современников-нарративистов определить крайне затруднительно, исследователи кочевнических древностей Золотой Орды долгое время в своих этнических интерпретациях опирались на приведенное выше сообщение ал-Омари. В частности, Г.А. Федоров-Давыдов – основоположник кочевнической археологии Золотой Орды – этническую принадлежность кочевников, оставивших в степях Восточной Европы курганы XIII–XIV вв., определял через призму сходства их погребального обряда с обрядом кипчаков/половцев предшествующего монгольскому нашествию периода. Полученные результаты привели исследователя к выводу о том, что монгольское нашествие не привело к заметному изменению этнического состава кочевников восточноевропейских степей, хотя и вызвало подвижки основной массы кочевников Поросья (торков – черных клобуков) на запад в Поднестровье и на восток в Нижнее Поволжье. Но этнически это были те же кипчаки/половцы [30, с. 152–153]. Что же касается собственно монголов-завоевателей, то, как считал Г.А. Федоров-Давыдов, «... в Восточной Европе нет погребальных памятников, которые можно было бы связать с монголами по комплексу характерных черт». Хотя элементы монгольской культуры – бокка, онгоны, захоронения в могилах с подбоем – в погребениях кочевников Золотой Орды присутствуют [30, с. 157].

Вместе с тем, известные в восточноевропейских степях погребения XIII–XIV вв. с северной ориентировкой исследователь связывал с кочевниками, пришедшими с востока, из Центральной Азии и Южной Сибири в составе монгольского нашествия [30, с. 159].

Аналогичным образом определяли этническую принадлежность кочевников Заволжья и Южного Предуралья золотоордынского периода В.А. Кригер и автор этих строк. Правда, тогда нам казалось, что курганы, морфологически отличающиеся от кипчакских/половецких (захоронения под каменными конструкциями, северная ориентировка погребенных), оставлены в регионе кипчакскими племенами, выделившимися из кимако-кипчакского союза племен после распада Кимаковского каганата [12, с. 66].

В последующем, по мере накопления археологического материала, другими исследователями были высказаны и другие точки зрения об этнической принадлежности кочевников, оставивших в регионе погребения под «каменными курганами». Суть их сводится к тому, что среди этих племен преобладали кочевники тюрко-монгольского происхождения: канглы, найманы, уйгуры и др. [16; 19; 24; 31].

Наиболее определенно по поводу роли и места собственно кипчаков в этнической карте степей Южного Приуралья и Зауралья высказывался В.П. Костюков. Опираясь на результаты перекрестного анализа данных археологии и средневековых письменных источников, он считал, что на территории Улуса Шибана (степи Южного Зауралья и Приуралья – район плотной

локализации «каменных курганов») в XIII–XIV вв. обитали племена найманов, карлуков, кушчи, буйраков, «в массе которых кыпчаки не выделялись ни особой многочисленностью, ни влиятельностью» [16].

В том, что земляные и «каменные» курганы XIII–XIV вв. в степях Урало-Поволжья оставлены племенами, этнически не идентичными, сейчас уже сомневаться не приходится. И наиболее верным сейчас представляется вывод В.П. Костюкова, согласно которому в XIII–XIV вв. степи Южного Приуралья занимали кочевые племена, представленные в регионе погребениями, совершенными под каменными конструкциями, чья «жизнь до начала XIII в. была целиком связана с центральноазиатским регионом и смежными с ним (среднеазиатскими) областями (выделено мной – В.И.)» [19, с. 110]. То есть, не потомками кыпчаков/половцев предшествующего, домонгольского периода!

Обсуждение

Какова же морфологическая характеристика кочевнических погребений XIII–XIV вв., в свое время выделенных в условно-типологическую группу «каменные курганы» [12, с. 43]? Начнем с их географии в исторических границах Улуса Джучи – Золотой Орды. Если взять за основу карту В. Темушева «Административно-территориальное деление Орды в XIII–XIV вв.» [28], то на территориях, расположенных между Иртышом и низовьями Дуная, «каменные курганы» локализуются следующим образом.

Всего на этой территории известно 207 погребений, совершенных под каменными конструкциями. Что составляет 18,4% от общего количества кочевнических погребений, изученных на территории Улуса Джучи (1121 погр.)¹. Из них 10,7% расположены к востоку от Волги (рис. 1). Остальные локализуются следующим образом: Волго-Донское междуречье – 0,2%; бассейн р. Дон – 0,7%; Северный Кавказ – 2,3%; Левобережная Украина и Крым – 3,2%; Правобережная Украина – 0,7%; Прикарпатье с Дунайским устьем – 0,2%.

По своим внешним признакам надмогильные сооружения рассматриваемых погребений разделяются на шесть типов:

- I тип – куча камней над могилой – 7,7%² (рис. 2, 1);
- II тип – насыпь из земли вперемешку с камнем – 26% (рис. 2, 12);
- III тип – каменная выкладка круглой, овальной или прямоугольной формы над могилой – 50,2% (рис. 2, 4, 6);
- IV тип – каменное кольцо вокруг могилы – 19,3%³ (рис. 2, 10);
- V тип – каменный «панцирь» (земляная насыпь перекрытая слоем камня) – 15,9% (рис. 2, 11);
- VI тип – каменные оградки прямоугольной или овальной формы – 8,7% (рис. 2, 8).

¹ Все количественные данные взяты из электронной базы данных, составленной Г.Н. Гарустовичем (ум. в 2016 г.) и мною в течение 1991–2019 гг. Естественно, эта база постоянно пополняется.

² При данном объеме выборки и критерии значимости = 0,95 нижний порог значимости признака будет равен 2% [4, с. 64].

³ Сооружались также и под земляными курганами (Жаман-Каргала I, Урал, Новый Кумак, Рясные могилы и др.), каменно-земляными курганами (Тлявгуловский, Новый Кумак), каменными выкладками (Тлявгуловский, Жаман-Каргала I, Рясные могилы).

Рис. 1. Карта-схема каменных курганов на востоке Степной Евразии

Курганы Тянь-Шаня (по К.Т.Акматову): Кен-Булун, Тегирмен-Сай, Таш-Башат, Беш-Каракчы, Кара-Булун, Бел-Саз, Чап, Боз-Бел, Кара-Куджур, Эки-Нарын, Ала-Мышык, Секи-Оток, Боз-Адыр, Сюттуу-Булак.

Курганы Алтая (по А.А.Тишкину): Суханиха, Часовенная Гора, Хемчик-Бом, Сарыг-Хая, Аймырлыг, Кудыргэ, Усть-Бийке, Ак-Алха, Верхняя Еланда, Бертек.

Курганы Южного Предуралья: Агаповский, Агаповские горы, Ишкуловский, Покровский IV, Большевик II, III, Березовский V, Новоорский, Новый Кумак I–III, у Обелиска Славы (г.Орск), Озерновский, Комсомольский, Худай-Берген, Хабарный, Тлявгуловский, Андреевский, Жаксы-Каргала, Шпаки, Новая База, Тамар-Уткуль, Илецкая защита, Урал, Новочеркасский VII, Жарсуат, Дебедевка IV, VI, VIII.

Красным цветом обозначены курганы, представленные в «Археологической карте Казахстана» (Алма-Ата, 1960). Номера памятников см. [9, рис. 27].

Pic. 1. Schematic map of the stone mounds east Eurasian Steppe

Tien Shan Mounds (according to K.T. Akmatov): Ken-Bulun, Tegirmen-Say, Tash-Bashat, Besh-Karakchy, Kara-Bulun, Bel-Saz, Chap, Boz-Bel, Kara-Kudzhur, Eki-Naryn, Ala-Myshyk, Seki-Otok, Boz-Adyr, Syuttuu-Bulak.

Mounds of Altai (on A.A.Tishkinu): Sukhanikha, Chasovennaya Gora, Khemchik-Bom, Saryg-Khaya, Aymyrylg, Kudyrga, Ust'-Biyke, Ak-Alkha, Verkhnyaya Elanda, Bertek.

Mounds of the South Urals: Agapovskiy, Agapovskie gory, Ishkulovskiy, Pokrovskiy IV, Bol'shevik II, III, Berezovskiy V, Novoorskiy, Novyy Kumak I–III, u Obeliska Slavy (g.Orsk), Ozernovskiy, Komsomol'skiy, Khuday-Bergen, Khabarnyy, Tlyavgulovskiy, Andreevskiy, Zhaksy-Kargala, Shpaki, Novaya Baza, Tamar-Utkul', Iletskaya Zashchita, Ural, Novocherkasskiy VII, Zharsuat, lebedevka IV, VI, VIII.

The mounds represented in the “Archaeological Map of Kazakhstan” (Alma-Ata, 1960) are marked in red. Memorial numbers see [9, fig. 27].

Общая сумма частоты встречаемости перечисленных типов надмогильных сооружений, значительно превышающая «нормальные» 100%, объясняется тем, что некоторые из них встречаются в сочетаниях. Например, в Тлявгуловском и Новочеркасском могильниках каменно-земляные насыпи перекрывали каменные выкладки над могилами, в том же Тлявгуловском могильнике (кург. 4) Но-

во-Кумакском (кург. 35), Черемшино (кург. 1), Гора Дооб под каменно-земляными насыпями скрывались каменные кольца вокруг могилы и т.д.

«Каменные курганы» содержат по одному погребению. По своей внутренней конструкции могилы разделяются на пять типов:

I тип – простые могилы с вертикальными стенками и ровным дном – 66,3% (рис. 2, 2,3,5,7);

II тип – подбойная могила со ступенькой у входа в подбой – 9,2% (рис. 2, 14)

III тип – могила со ступенькой вдоль длинной стенки слева от человека – 6,3% (рис. 2, 15);

IV тип – могила со ступеньками вдоль длинных стенок – 3,4% (рис. 2, 9);

V тип – могила с подбоем вдоль длинной стенки, дно которого на одном уровне с дном входной ямы – 2,4% (рис. 2, 16).

В каждой четвертой могиле I типа сохранились остатки деревянного перекрытия в виде коротких плашек или досок, уложенного на какие-то подпорки, при раскопках не фиксирующиеся (перекрытие на засыпи могилы) (рис. 2, 13), а в каждой третьей подбойной могиле выявлены следы деревянного перекрытия входа в подбой.

География типов могильных ям следующая: могилы I типа распространены повсеместно, могилы II типа чаще всего встречаются на Левобережной Украине (12 из 19), могилы III типа локализуются в Южном Предуралье (9 из 13)⁴, могилы IV типа – в Поднепровье.

Рис. 2. Типы надмогильных сооружений и погребений под каменными курганами Южного Предуралья

Pic. 2. Types of grave structures and burials under stone barrows of Southern Urals

⁴ Там же – могилы с деревянным перекрытием.

Рис. 3. Вещи из погребений под каменными курганами Южного Предуралья

1–8 – костяные наконечники стрел; 9–12 – берестяные колчаны; 14, 17–19 – железные крючки для подвешивания колчана; 15, 16 – костяные обкладки колчана; 20 – удила; 21, 22 – стремена; 23–29 – серьги-подвески; 30–35 – бронзовые зеркала; 36–42 – железные наконечники стрел; 43–44 – детали головного убора бокка/богтаг; 45 – ножницы; 46 – кресало; 47 – деревянный гребень.

Pic. 3. Objects from burials under the stone barrows of the Southern Cis-Urals.

1–8 – bone arrowheads; 9–12 – birch bark quivers; 14, 17–19 – iron hooks for hanging a quiver; 15, 16 – bone plates of the quiver; 20 – bit; 21, 22 – stirrups; 23–29 – pendant earrings; 30–35 – bronze mirrors; 36–42 – iron arrowheads; 43–44 – details of the headgear of the side / bogtag; 45 – scissors; 46 – a chair; 47 – a wooden comb.

Остатки дощатого гроба или колоды зафиксированы в 16,4% и 2% могил соответственно, а в 5,3% погребений умерший был уложен в деревянную раму без дна и крышки (рис. 2, 2,3,15). В 2,9% рассматриваемых погребений умерший был уложен на подстилку из органического материала, возможно луба. Погребения в дощатых гробах встречены в основном в Южном Предуралье и на Северном Кавказе (из 34 известных 11 и 12 соответственно).

Умерших хоронили в позе на спине с вытянутыми конечностями. Ориентировка головой следующая: строго на запад – 28%; северо-восток – 14,6%; северо-запад – 12,7%; север – 9,2%; юго-запад – 8,8%; восток – 4,8%; юг – 2,4%. У 16% погребений ориентировка не определена.

География ориентировки погребенных следующая: западная, северо-восточная и северная ориентировки доминируют в памятниках Южного Предуралья: от указанных выше частот встречаемости 16,7%, 9,2% и 7,7% соответственно.

Рис. 4. Погребения под каменными курганами Степной Евразии.

Тянь-Шань, Монголия, Забайкалье – по К.Т.Акматову

Рис. 4. Burials under the stone barrows of Steppe Eurasia.

Tien Shan, Mongolia, Transbaikalia – according to K.T.Akmatov

Некоторую часть из рассматриваемых погребений – 12,2% – можно трактовать как всаднические, поскольку они содержат ритуальные захоронения останков коня – череп и кости ног (шкура) или целый остов (туша). Первые составляют 3,4% (7 погребений) от указанного выше числа конских захоронений (рис. 2, 14, 15). Территориально они распределяются так: Южное Предуралье – 4 погребения (Лебедевка VI и VIII, Новоорский I, Жарсуат), остальные – на Дону (Черемшино) и Левобережной Украине (Шахтерск, Белое).

География погребений с целой тушей коня еще более выразительна: из 18 известных погребений 12 – в Южном Предуралье (Тлявгуловский, у пос. Большевик II и III, Урал, Новый Кумак), остальные – на Дону (Нижне-Кундрючинская), в Крыму (Станция Битумная), на Левобережной (Житенко) и Правобережной Украине (Дымовка).

К категории всаднических относятся и 18,3% погребений, в которых нет остатков конских захоронений, но есть принадлежности конской сбруи – удила, стремяна – уложенные у ног погребенного (рис. 2, 13).

Еще один признак погребальной обрядности «каменных курганов» – достаточно часто встречающиеся в погребениях остатки заупокойной пищи в виде костей животных – 15% погребений. Из них кости определены в 10,1% погребений – овца. Располагались они, как правило, в изголовье могилы.

География распространения погребений с остатками пищи такова: из 15% погребений 8% представлены в памятниках Южного Предуралья.

Абсолютное большинство рассматриваемых погребений (88,4%) сопровождаются вещами. Мужские – предметами вооружения, женские – украшениями. И те, и другие – предметами конского снаряжения (удила, стремяна) и ножами. О материальной культуре кочевников Золотой Орды написано много и подробно, включая и географию распространения ее маркирующих элементов [9, гл. 3; 11; 14; 26; 27; 20]. Поэтому есть смысл сразу перейти к выявлению тесноты встречаемости отдельных категорий и типов вещей в погребениях, свидетельствующей как о синхронности их бытования, так и о степени их «характерности» для материальной культуры рассматриваемой группы кочевников Золотой Орды.

Фактически, практически все предметы, встречающиеся в «каменных курганах», образуют между собой положительную связь⁵, значения которой (Q) колеблются в диапазоне от 0,68 (сильная связь – кольчатые двусоставные удила и два стремяна до 0,115 (связь положительная, но очень слабая – костяные наконечники стрел и медный сосуд).

Если оперировать такими расхожими определениями, как «характерный – нехарактерный», то для материальной культуры кочевников Золотой Орды, оставивших «каменные курганы», характерными были: для мужских захоронений – конская узда (стремени и удила), стрелы с железными наконечниками-срезнями, помещенные в берестяной колчан, украшенный костяными, покрытыми резным орнаментом накладками, шлем с кольчугой или пластинчатым (ламельлярным) доспехом, кресало, нож; для женских – серьги в виде знака вопроса, бокка/богтаг, бронзовое зеркало, ножницы (рис. 3). То есть, тот набор предметов, который, по мнению некоторых исследователей, составляет «имперскую культуру Золотой Орды» [13, с. 107]. И хотя у меня вызывает сомнение правомерность распространения этого понятия – «имперская культура» – на культуру кочевников Золотой Орды [9, с. 126–127], но и оспаривать тот факт, что с монгольским завоеванием в степях Восточной Европы распространяется новый тип материальной культуры, не имеющей местных половецко-кипчакских корней и быстро ставшей надэтнической, также нет оснований.

⁵ Расчеты парной корреляции Пирсона проводились по стандартной программе SPSS.

Чего нельзя сказать о культуре духовной, в данном случае выражающейся в языческой погребальной обрядности и имеющей жесткую привязку к определенному этносу.

Резюмируя сказанное выше, исходя из указанного выше критерия значимости, основной район локализации погребений под «каменными курганами» – это степи Южного Предуралья, Северный Кавказ и Левобережная Украина с Крымом. Остальные из указанных территорий для имеющейся выборки имеют случайные характер. Захоронения совершались в основном под каменными площадками-выкладками или под каменно-земляными насыпями, в простых могилах с вертикальными стенками и ровным дном, часто перекрытых деревянным настилом. Преобладающая ориентировка погребенных западная. Но если исходить из основного азимута, то более 30% всех погребений лежат головой в его северной половине. Конские захоронения в могилах встречаются редко, конская сбруя без коня – чаще.

Выше уже было сказано, что этническая принадлежность кочевников, оставивших эти памятники, к кипчакам/половцам подвергается сомнению. Более того, результаты сравнительно-статистического анализа погребального обряда земляных и «каменных» курганов Урало-Поволжья XIII–XIV вв. показывают, что оставлены они племенами, этнически не идентичными. Наглядное тому свидетельство – низкое значение коэффициента формально-типологического сходства между сравниваемыми группами памятников ($C_3=0,38$) [10, с. 143].

Исследователи, во многом интуитивно, истоки и аналогии погребениям под «каменными курганами» искали на востоке Степной Евразии и высказывали предположения о том, что они оставлены кочевниками тюрко-монгольского происхождения – канглы, найманами, уйгурами и др. [17; 23]. Сейчас можно с высокой степенью вероятности считать, что эти предположения коллег вполне реалистичны, поскольку подтверждаются результатами исследований сибирских, казахстанских и монгольских археологов. Особую значимость в плане решения поднятой в данной статье проблемы имеют материалы, приведенные в кандидатской диссертации казахстанского археолога Акматова К.Т., защищенной в 2017 г. на тему «Вооружение и конское снаряжение кочевников Тянь-Шаня в монгольское время». В диссертации приведена сводная таблица комплексов монгольских погребений XII–XIV вв. с территории собственно Монголии, Забайкалья и Тянь-Шаня [1, с. 172], которые по своим морфологическим признакам не просто аналогичны, а идентичны синхронным комплексам Южного Предуралья⁶.

Взяв за основу опубликованный вариант этой таблицы [2, с. 70], я дополнил ее соответствующими материалами Алтая (могильники Кудыргэ, Верхняя Еланда, Ак-Алха-I и др. [29] и Южного Предуралья. Результаты получились впечатляющими: «каменные курганы» Южного Предуралья по морфологическим признакам погребального обряда, ассортименту и типам погребального инвентаря обнаруживают практически полную идентичность с каменными курганами XII–XIV вв. с восточных территорий степной Евразии. Население, их оставившее, однозначно идентифицируется как монгольское (на Алтае – найманы) [29, с. 4; 2, с. 75–76]. И мне представляется, что мы имеем достаточ-

⁶ Точнее, с учетом хронологии сравниваемых комплексов, последние идентичны монгольским, забайкальским и тянь-шанским.

но оснований данное определение распространить и на кочевников, оставивших в Южном Предуралье «каменные курганы» XIII–XIV вв.

Беру на себя смелость утверждать, что данный вывод подтверждается и антропологическим материалом. Уфимский антрополог Р.М. Юсупов в своих исследованиях неоднократно утверждал, что в XIII–XIV вв. кыпчаки⁷ не оказывали заметного влияния на процесс расогенеза кочевников Южного Предуралья. Вместе с тем, именно в краниологии зауральских башкир, живущих на основной территории распространения «каменных курганов» в регионе, исследователь отмечал наибольшую монголоидную примесь, представленную южносибирским антропологическим типом [3, с. 111].

Заключение

Данная статья носит источниковедческий характер, поэтому делать далеко идущие исторические выводы пока считаю преждевременным. Однако некоторые соображения, долженствующие дополнить и расширить эмпирическое поле этнополитической, конфессиональной истории Золотой Орды, напрашиваются сами собой.

Во-первых, основной район локализации «каменных курганов» Уральского региона – это территория Улуса Шибана, в том виде, как она восстанавливается по письменным источникам [19, с. 97–98]. Среди племен, составлявших этот улус, В.П. Костюков, по данным письменных источников, называет племена найманов, карлуков, кушчи и буйрак. Этническая и языковая принадлежность этих племен до сих пор исследователями определяется неоднозначно: то ли тюрки, то ли монголы [19, с. 103–109]. Не углубляясь в проблему, подчеркну только, что погребальная обрядность у них, судя по имеющемуся археологическому материалу, была все-таки монгольская.

Во-вторых: в настоящее время участие Шибанидов в политической истории Улуса Джучи (Золотой Орды) прослеживается весьма туманно (по причине отсутствия надлежащих сведений в письменных источниках) – то ли они могли участвовать в «Ордынской замятне», то ли участвовали в борьбе за сарайский трон [8, с. 695–698]. При любом допуске данное обстоятельство следует расценивать как фактор, усиливающий ожесточенность «замятни», поскольку монгольский преимущественно контингент шибанидского войска по своей ментальности был чужд и городу, и исламу, да и кипчакам, составлявшим большинство кочевого населения Золотой Орды.

В-третьих, «монгольский фактор», как мне представляется, нельзя не учитывать и при дальнейших разработках конфессиональной истории Золотой Орды. Известно, что монгольские племена мусульманами не были и не стали, а вот буддизм и ламаизм, как считал В.П. Костюков, кочевникам Улуса Шибана были не чужды [15; 18; 7]. Собственно, мусульманские погребения среди «каменных курганов» Южного Предуралья тоже известны⁸, но – единичные [9, с. 152]. И, очевидно, не случайно поздние тюркские народы, проживающие на бывших территориях Улуса Шибана – башкиры, казахи – сторонними наблюдателями воспринимались как «плохие мусульмане», в не-

⁷ А для Южноуральского региона это – погребения под земляными курганами.

⁸ По крайней мере, по таким признакам, как их принято традиционно воспринимать: без вещей, западная ориентировка, кыбла.

меньшей степени, чем ортодоксальному исламу, подверженные языческим предрассудкам [22, с. 73–75; 5, с. 107; 140–141; 21, с. 169].

Таким образом, опираясь на известный археологический материал, мы имеем возможность проследить географию и, в какой-то степени, масштабы распространения монголов по территории Восточноевропейской степи (Золотой Орды). Судя по имеющимся археологическим данным, наиболее плотно они обитали в границах Улуса Шибана, где, очевидно, и составляли этническое ядро кочевого населения. На западе Степной Евразии (Правое крыло Золотой Орды) их памятники также фиксируются, но уже не в таком концентрированном виде: Северный Кавказ, Левобережная Украина. И если среди кочевников Правого крыла Золотой Орды – Северный Кавказ, Левобережная Украина – процесс метисации кочевого населения был достаточно интенсивным (по ал-Омари, земля, т.е. местные половецко-кыпчакские племена, брала верх над завоевателями-монголами) [6, с. 77–79; 25, с. 180–185], то на Левом крыле этого государства (в частности – в Улусе Шибана) этот процесс, очевидно, проходил более замедленными темпами. О чем средневековый автор мог и не знать.

Возможное объяснение этому явлению может содержаться в общей географии каменных курганов Степной Евразии: на представленной карте-схеме их распространения (рис. 1) видно, что они располагаются своеобразной дугой по северной периферии степей от Монголии до Южного Предуралья⁹. И при таком раскладе каменные курганы Южного Предуралья будут составлять западную оконечность единого монгольского этнокультурного пространства XIII–XIV вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акматов К.Т. Вооружение и конское снаряжение кочевников Тянь-Шаня в монгольское время // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 2017.
2. Акматов К.Т., Табалдиев К.Ш. Погребения под овальной каменной насыпью на Тянь-Шане и некоторые вопросы изучения средневековых монгольских погребальных комплексов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Том 16, №5: Археология и этнография. С. 68–81.
3. Антропология башкир / М.А. Бермишева, В.А. Иванов, Г.А. Киньябаева и др. СПб.: Алетей, 2011. 496 с.
4. Генинг В.Ф. и др. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наук. Думка, 1990. 304 с.
5. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч.2. СПб., 1799. 246 с.
6. Добролюбовский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев: Наукова думка, 1986. 131 с.
7. Дрёмов И.И., Усманова Э.Р., Панюшкина И.П. Монгольские буддийские погребения Улуса Джучи в Улытау // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://history1752.su/mongolskie-buddijskie-pogrebeniya-ulusa-dzhuchi-v-ulytau/>
8. Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.
9. Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды [Текст]: монография // В.А. Иванов. Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. 208 с. + илл.

⁹ Я уже писал, что на Археологической карте Казахстана можно найти курганы, по своим внешним параметрам могущие относиться к интересующему нас времени [9, с. 193–194].

10. *Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В.* Средневековые кочевники на границе Европы и Азии [текст]: коллект. Монография / *В.А. Иванов, Г.Н. Гарустович, Я.В. Пилипчук*. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.
11. *Иванов В.А., Иванова М.И.* География маркёров материальной культуры кочевников Золотой Орды // *Археология евразийских степей*. 2018. №4. С. 60–65.
12. *Иванов В.А., Кригер В.А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 91 с.
13. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.
14. *Каримова Р.Р.* Элементы убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 16 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 212 с. + 8 с. цв. вкл.
15. *Костюков В.П.* Буддизм в культуре Золотой Орды // *Тюркологический сборник 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран*. 2009. С. 189–236.
16. *Костюков В.П.* Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // *Тюркологический сборник*. 2005. М., 2006. С. 199–237.
17. *Костюков В.П.* Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н.э. *Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза)*. Челябинск, 2006.
18. *Костюков В.П.* Курган с остатками столбовой конструкции из могильника Солнце-Талика в Южном Зауралье // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*. 2008. №2. С. 194–210.
19. *Костюков В.П.* Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Под ред. И.М. Миргалеева. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 200 с.
20. *Кригер В.А.* Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.). Уральск, 2012. 200 с.
21. *Левек П.-Ш.* История народов, подвластных России. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2016. 480 с.
22. *Лепехин И.* Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1772.
23. *Матюшко И.В.* Классификация погребального обряда кочевников IX–XIV вв. н.э. степей Приуралья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2008.
24. *Матюшко И.В.* Погребальный обряд кочевников Степного Приуралья IX–XIV вв. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. 211 с.
25. *Нарожный Е.И.* Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир: АГПУ, 2005. 210 с.
26. *Руденко К.А.* Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // *Татарская археология*. 2004. №1–2 (12–13). С. 111–156.
27. *Руденко С.А.* Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: «Заман», 2003. 512 с.
28. *Темушев В.* Карты по истории Золотой Орды. Эл. ресурс. Режим доступа <http://www.hist-geo.net/index.php?p=131&more=1&c=1&tb=1&pb=1>
29. *Тишкин А.А.* Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.
30. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 273 с.

31. Яминов А.Ф. Этнокультурная карта Южного Урала в эпоху Золотой Орды // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 435–443.

Сведения об авторе: Владимир Александрович Иванов – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (450008, ул. Октябрьской революции, 3А, Уфа, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7243-2588>. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Поступила 20.08.2019 Принята к публикации 29.11.2019
Опубликована 29.12.2019

REFERENCES

1. Akmatov K.T. *Vooruzhenie i konskoe snaryazhenie kочевников Tyan'-Shanya v mongol'skoe vremya. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Arms and Horse Equipment of the Tien Shan Nomads during the Mongol Period. PhD Thesis]. Novosibirsk, 2017. (In Russian)
2. Akmatov K.T., Tabaldiev K.Sh. Pogrebeniya pod oval'noy kamennoy nasyp'yu na Tyan'-Shane i nekotorye voprosy izucheniya srednevekovykh mongol'skikh pogrebal'nykh kompleksov [Burials under an oval stone embankment in the Tien Shan and some questions of the study of medieval Mongolian burial complexes]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology]. 2017. Vol. 16, no. 5, pp. 68–81. (In Russian)
3. *Antropologiya bashkir* [Anthropology of the Bashkirs] M.A. Bermisheva, V.A. Ivanov, G.A. Kin'yabaeva i dr. St. Petersburg: Aleteyya, 2011. 496 p. (In Russian)
4. Gening V.F. i dr. *Formalizovanno-statisticheskie metody v arkheologii (analiz pogrebal'nykh pamyatnikov)* [Formalized Statistical Methods in Archaeology (analysis of funerary monuments)]. Kyiv: Nauk. Dumka, 1990. 304 p. (In Russian)
5. Georgi I.G. *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov* [Description of All Peoples Living in the Russian State]. Part 2. St. Petersburg, 1799. 246 p. (In Russian)
6. Dobrolyubskiy A.O. *Kочевники Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v epokhu srednevekov'ya* [Nomads of the Northwestern Black Sea Region in the Middle Ages]. Kyiv: Naukova dumka, 1986. 131 p. (In Russian)
7. Dremov I.I., Usmanova E.R., Panyushkina I.P. *Mongol'skie buddiyskie pogrebeniya Ulusa Dzhuchi v Ulytau* [Mongolian Buddhist Burials of the Ulus of Jochi in Ulytau]. Available at: <http://history1752.su/mongolskie-buddiyskie-pogrebeniya-ulusa-dzhuchi-v-ulytau> (In Russian)
8. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii. Kollektivnaya monografiya* [The Golden Horde in World History. Collective Monograph]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 968 p. (In Russian)
9. Ivanov V.A. *Kочевники Zolotoy Ordyy: monografiya* [Nomads of the Golden Horde: Monograph]. Ufa: Bashkir State Pedagogical University n. a. M. Aknulla Publ., 2015. 208 p. + ill. (In Russian)
10. Ivanov V.A., Garustovich G.N., Pilipchuk Ya.V. *Srednevekovye kочевники na granitse Evropy i Azii: kollekt. monografiya* [Medieval Nomads on the Border of Europe and Asia: Collective Monograph]. Ufa: Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Aknulla Publ., 2014. 396 p. (In Russian)

11. Ivanov V.A., Ivanova M.I. Geografiya markerov material'noy kul'tury kochevnikov Zolotoy Ordy [The Geography of Markers of the Material Culture of the Golden Horde Nomads]. *Arkheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes]. 2018, no. 4, pp. 60–65. (In Russian)
12. Ivanov V.A., Kriger V.A. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.)* [Mounds of Kypchak Time in the Southern Urals (12th–14th centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 91 p. (In Russian)
13. Iskhakov D.M., Izmaylov I.L. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.)* [Ethnopolitical History of the Tatars (3rd – mid 16th centuries)]. Kazan: RITs “Shkola”, 2007. 356 p. (In Russian)
14. Karimova R.R. *Elementy ubranstva i aksesuary kostyuma kochevnikov Zolotoy Ordy tipologiya i sotsiokul'turnaya interpetatsiya* [Elements of Decoration and Accessories of the Costume of the Golden Horde Nomads (typology and sociocultural interpretation)]. Seriya “Arkheologiya evraziyskikh stepey”. Is. 16. Otv. red. I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013. 212 p. + 8 ill. (In Russian)
15. Kostyukov V.P. Buddizm v kul'ture Zolotoy Ordy [Buddhism in the Culture of the Golden Horde]. *Tyurkologicheskiy sbornik 2007–2008: istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Rossii i sopredel'nykh stran* [Studia Turkologica 2007–2008: History and Culture of the Turkic Peoples of Russia and Neighboring Countries]. 2009, pp. 189–236. (In Russian)
16. Kostyukov V.P. Byla li Zolotaya Orda «Kipchakskim khanstvom»? [Was the Golden Horde the “Kipchak Khanate”?]. *Tyurkologicheskiy sbornik. 2005* [Studia Turkologica. 2005]. Moscow, 2006, pp. 199–237. (In Russian)
17. Kostyukov V.P. *Kul'turnye transformatsii v uralo-kazakhstanskoy stepi v pervoy polovine II tys. n.e. Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)* [Cultural Transformations in the Ural-Kazakhstan Steppe in the first half of the second millennium AD. Archaeology of the South Urals. Steppe (problems of cultural genesis)]. Chelyabinsk, 2006. (In Russian)
18. Kostyukov V.P. Kurgan s ostatkami stolbovoy konstruksii iz mogil'nika Solntse-Talika v Yuzhnom Zaural'e [Barrow with the remains of a pillar structure from the Solntse-Talik burial ground in the South Trans-Urals] *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of History and Archaeology of Western Kazakhstan]. 2008, no. 2, pp. 194–210. (In Russian)
19. Kostyukov V.P. *Ulus Shibana Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [The Ulus of Shiban of the Golden Horde in the 13th–14th centuries] Pod red. I.M. Mirgaleeva. Kazan: Fen Publ., 2010. 200 p. (In Russian)
20. Kriger V.A. *Kochevniki Zapadnogo Kazakhstana i sopredel'nykh territoriy v srednie veka (X–XIV vv.)* [Nomads of Western Kazakhstan and Adjacent Territories in the Middle Ages (10th–14th centuries)]. Ural'sk, 2012. 200 p. (In Russian)
21. Levek P.-Sh. *Istoriya narodov, podvlastnykh Rossii* [History of Peoples Subject to Russia]. St. Petersburg: “Dmitriy Bulanin”, 2016. 480 p. (In Russian)
22. Lepekhin I. *Prodolzhenie dnevnykh zapisok puteshestviya akademika i meditsiny doktora Ivana Lepekhina po raznym provintsiiam Rossiyskogo gosudarstva v 1770 godu* [Continuation of the Daily Notes of the Journey of the Academician and Doctor of Medicine, Ivan Lepekhin, in Different Provinces of the Russian State in 1770]. St. Petersburg, 1772. (In Russian)
23. Matyushko I.V. *Klassifikatsiya pogrebal'nogo obryada kochevnikov IX–XIV vv. n.e. stepey Priural'ya. Avtoref. diss. kand. ist. nauk* [Classification of the Funeral Rite of the Nomads of the 9th–14th centuries AD in the Steppes of the Cis-Urals. PhD Thesis]. Kazan, 2008. (In Russian)

24. Matyushko I.V. Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Stepnogo Priural'ya IX–XIV vv. [Funeral Rite of the Nomads in the Steppes of the Cis-Urals of the 9th–14th centuries]. Orenburg: OOO IPK “Universitet”, 2015. 211 p. (In Russian)
25. Narozhnyy E.I. *Srednevekoveye kochevniki Severnogo Kavkaza (Nekotorye diskussionnye problemy etnokul'turnogo vzaimodeystviya epokhi Zolotoy Ordy)* [Medieval Nomads of the North Caucasus (some discussion problems of ethnocultural interaction of the Golden Horde era)]. Armavir: Armavirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2005. 210 p. (In Russian)
26. Rudenko K.A. Metallicheskie zerkala zolotoordynskogo vremeni iz sobraniya Natsional'nogo muzeya Respubliki Tatarstan [Golden Horde metal mirrors from the collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan]. *Tatarskaya arkheologiya* [Tatar Archaeology] 2004, №1–2 (12–13), pp. 111–156. (In Russian)
27. Rudenko S.A. *Zheleznye nakonechniki strel VIII–XV vv. iz Volzhskoy Bulgarii. Issledovanie i katalog* [Iron Arrowheads of the 8th–15th centuries from the Volga Bulgaria. Research and Catalog.]. Kazan: “Zaman”, 2003. 512 p. (In Russian)
28. Temushev V. *Karty po istorii Zolotoy Ordy* [Maps on the History of the Golden Horde]. Available at: <http://www.hist-geo.net/index.php?p=131&more=1&c=1&tb=1&pb=1> (In Russian)
29. Tishkin A.A. *Altay v mongol'skoe vremya (po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov)* [Altai during the Mongol Period (based on archaeological sites)]. Barnaul: Azbuka, 2009. 208 p. (In Russian)
30. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamyatniki* [Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans. Archaeological Sites]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1966. 273 p. (In Russian)
31. Yaminov A.F. *Etnokul'turnaya karta Yuzhnogo Urala v epokhu Zolotoy Ordy / A.F.Yaminov* [Ethnocultural map of the South Urals in the era of the Golden Horde]. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the South Urals. Steppe (problems of cultural genesis)]. Chelyabinsk, 2006, pp. 435–443. (In Russian)

About the author: Vladimir A. Ivanov – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Russian History of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (3A, October Revolution Str., Ufa 450008, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7243-2588>. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

*Received August 20, 2019 Accepted for publication November 29, 2019
Published December 29, 2019*

К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ «СТОЯНИЯ НА УГРЕ» 1480 г.**Т.Р. Галимов¹, И.М. Миргалеев²**^{1, 2} *Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*¹ galimov_t_r@mail.ru, ² dilnur1976@mail.ru

Цель статьи: на основе системного метода исторического познания и частично исторической реконструкции, проводимых с привлечением нарративных источников, поставить вопрос о необоснованности трактовки «Стояния на Угре» 1480 г. как освоения древнерусских земель от ордынской зависимости.

Материалы исследования: использован спектр древнерусских летописных источников и актов, посвященных данному событию, либо синхронных данному периоду. Привлеченный материал содержит в себе указания, явно противоречащие трактовкам, присутствующим в советской и отчасти современной историографии вопроса. Материалы, указывающие на необоснованность представлений об исследуемом событии, как о победе над ордынской зависимостью, также присутствуют в значительной части современной отечественной и зарубежной историографии.

Результаты и научная новизна: благодаря наличному источниковому материалу говорить о Стоянии на Угре 1480 г. как о событии, окончательно завершившем ордынскую зависимость русских земель, невозможно. Основными доказательствами данного суждения являются несколько явных обстоятельств. Во-первых, летописное описание события исключает победу как русских сил, так и ордынского воинства, присваивая разрешение этого конфликта божественной силе. Во-вторых, продолжение выплат так называемого ордынского выхода татарским ханствам, наследникам Золотой Орды, однозначно подтверждает как остаточную долгосрочную зависимость русских земель, так и существование инерционных процессов внутреннего единства постордынского политического пространства, которое по-прежнему оставалось угрозой и неразрешенной проблемой для Московского государства. Результаты, изложенные в статье, имеют весомую поддержку современных специалистов по истории Золотой Орды и татарских ханств.

Ключевые слова: Стояние на реке Угре, хан Ахмат, великий князь Московский Иван III, Московское государство, Золотая Орда, татарские ханства

Для цитирования: Галимов Т.Р., Миргалеев И.М. К вопросу о трактовке «Стояния на Угре» 1480 г. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 652–662. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.652-662

THE INTERPRETATION OF THE “GREAT STAND ON THE UGRA RIVER” IN 1480

T.R. Galimov¹, I.M. Mirgaleev²

*^{1, 2} Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

¹ galimov_t_r@mail.ru, ² dilnur1976@mail.ru

Abstract: *Objective:* Based on a systematic method of historical information and a partial historical reconstruction using narrative sources, the objective here is to cast doubt on the interpretation of the Great Stand on the Ugra River in 1480 as the liberation of Rus’ian lands from dependence on the Horde.

Research materials: A number of synchronous annalistic sources and acts containing information about the event. This material obviously contradicts the Soviet interpretation of the issue, which has remained popular in modern historiography. In addition, modern domestic and foreign studies also contain voluminous materials that do not allow us to consider this event as a release from Horde.

Results and novelty of the research: The published sources do not allow us to consider the Great Stand on the Ugra River in 1480 as an event that put an end to the dependence of the Rus’ian lands on the Horde. Several obvious circumstances provide evidence for the judgment advanced here. Firstly, the chronicles attribute the resolution of this conflict to divine power and describe this event in a way that does not allow us to consider it as a victory for either the Rus’ian or the Horde’s military forces. Secondly, the continued payment of tribute to the Tatar khanates indicates both the long-term dependence of the Rus’ian lands and the preservation of the internal unity of the post-Horde political space which continued to pose a threat to the Moscow state. The research results are shared by modern experts on the history of the Golden Horde and the Tatar Khanates.

Keywords: Great Stand on the Ugra River, Akhmat Khan, Grand Duke of Moscow Ivan III, Moscow State, Golden Horde, Tatar Khanates

For citation: Galimov T.R., Mirgaleev I.M. The Interpretation of the “Great Stand on the Ugra River” in 1480. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 652–662. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.652-662

Историческая реконструкция событий, в особенности относящихся к эпохе Средневековья, является весьма сложной и всегда дискуссионной, в связи с двумя обстоятельствами. С одной стороны, это постоянная нехватка фактического материала, связанная с тем, что порой его попросту нет, а наличный скромный корпус письменных источников больше вводит исследователя в серьезные заблуждения, нежели помогает обрести историческую действительность. С другой стороны, призванный стать опорой для будущих исследователей, весь комплекс проведенных исследований, сопровождающий изучение исторического события и наличного источникового фонда, часто содержит идеологемы или историографические штампы, которые еще более затрудняют поиск истины. При этом, чем больше проходит времени с того самого заветного события, тем сложнее становится её обрести, так как источники тлеют, а исторические школы крепнут. Рассматриваемое нами событие, именуемое «Стояние на Угре» и безусловно состоявшееся в 1480 г., всё

же имеет ряд особенностей, которые не позволяют нам определить его в качестве однозначного и абсолютно известного исторического факта.

Проблема интерпретации произошедшего в 1480 г. как окончательного освобождения русских земель от ордынской зависимости, особенно в условиях роста в научной среде патриотических настроений, стоит крайне остро. Даже после своего совершенного разрешения данная проблема будет содержать в себе ряд оснований как для научной, так и общественной полемики.

Во-первых, относительно результатов Стояния на р. Угре историография русско-ордынских отношений, в особенности современная, изобилует мнениями о невозможности его восприятия как события, ознаменовавшего окончательную победу Москвы над Золотой Ордой. Во-вторых, стоит обратить пристальное внимание на описание события в древнерусских письменных источниках, явно доказывающих отсутствие в отходе войск с обеих сторон определенных успехов военной стратегии русского войска и отсутствие понимания данного события его современниками как явного освобождения русских земель от ига и сопутствующих угроз военных столкновений в будущем. В-третьих, стоит отметить, что борьба за независимость Московского государства продолжается вплоть до эпохи Ивана IV Васильевича Грозного. Именно в этот период XVI в., спустя почти столетие, формируется преследующее исключительно политические цели устойчивое летописное восприятие предшествующих веков как продолжительного противоборства Москвы и Орды. В-четвертых, стоит учесть тот факт, что одним из ключевых факторов обретения независимости московского государства является появление сословия служилых татар, благодаря многочисленным переходам татарских мурз на службу московских государей. Последующее образование новых княжеских и дворянских родов, имеющих исконно татарские корни, а порой и активная фальсификация собственной родословной, гордость за неё, лишь подтверждают это. Стоит ли говорить, что, обретая независимость, Московское великое княжество приобретало некоторые ордынские качества. Что само по себе не должно отпугивать, так как Москва могла считать империю Чингизидов, наряду с Византией, одним из золотых стандартов администрирования, да и государственного управления в целом, что подтверждается достаточно широким комплексом заимствований.

Не претендуя на исследование, окончательно разрешающее проблему трактовки «Стояния», попробуем рассмотреть это событие более подробно через призму подробного историографического и источниковедческого разбора, ориентируясь на вышеуказанные пункты.

Относительно историографии проблемы, прежде всего стоит отметить, что «Стояние на реке Угре» 1480 г. достаточно долгое время не имело специальных исторических исследований, а шло в единстве с устойчивой концепцией освобождения Руси от ордынского владычества. В особенности это касается советской историографии. Однако, проведенные во второй половине XX – начале XXI вв. исследования ряда ведущих отечественных и зарубежных специалистов по данной проблематике, использовавшие источники, синхронные событию, показали, что стояние на Угре не могло привести к единовременному освобождению Московской Руси от власти татарских ханов.

Так, по мнению А.А. Горского, в исторических источниках вплоть до середины XVI века отсутствует восприятие события 1480 г. как освобождение от ордынского владычества, и он полагает, что ключевым событием, фактически повлекшим окончание ордынской зависимости, является битва под г. Алексин 1372 г. [4, с. 155, 163–167, 177]. Подобное мнение было высказано также и А.К. Леонтьевым [8, с. 6–9]. Ведущий научный сотрудник ИРИ РАН В.В. Трепавлов, характеризуя этот период истории, ввел понятие «инерция единства», согласно которому распад Орды не произошел в одночасье. Долгое время, на протяжении XV–XVI веков отдельные политии Улуса Джучи (в том числе и Московское государство) продолжали осознавать себя составными частями общего политического пространства [20, с. 11–15]. В русле этой концепции, московский историк, научный сотрудник РГГУ, М.В. Моисеев, высказал мнение о том, что и после падения Большой Орды в 1502 г. московские князья вынуждены были продолжать противостояние с ханами Крыма, Казани и правителями Ногайской Орды, а также с другими наследниками Золотой Орды [12; 13]. Таким образом, Москва, по сути, продолжала борьбу за первенство на постордынском политическом пространстве.

Среди зарубежных исследователей можно выделить профессора Гарвардского университета Дональда Островски, который считает, что современники не могли видеть качественных изменений в положении Великого княжества Московского, а стало быть, их и не было [24]. Чарльз Гальперин, доктор наук и широко известный исследователь, так же, как и А.А. Горский, считает, что по отношению к событиям 1480 г. нет текстов, которые интерпретировали бы или понимали под Стоянием освобождение русской земли от владычества Орды [3, с. 182–200; 22, с. 171–189]. Однако одним из первых, кто обратил внимание на недостаточность определения Стояния как события, окончательно разрушившего зависимость Руси от золотоордынских наследников Золотой Орды, был Бертольд Шпулер [2, с. 211–212]. По его мнению, составленному на анализе широкого спектра древнерусских письменных источников [15, с. 224, 230–231; 16, л. 494–506], «Стояние» было завершено бегством русских сил Ивана III, а отступление ордынских войск было обусловлено отсутствием военной поддержки литовского союзника Ахмата, Казимира IV.

Особо стоит отметить наличие источниковедческих проблем, сопутствующих изучению исторического события. Выделенный зарубежным исследователем, Эдвардом Кинаном, вопрос о подлинности документа, именуемого «Ярлык Ахмата» [23], адресованного Ивану III и датированного по содержанию документа разными исследователями 1476–1480 годом, позволяет усомниться во всем комплексе письменных источников, возникающих в этот период или датированных XVI в. Однако даже непредвзятый поверхностный сравнительный анализ текста «Ярлыка», и правда, может показать всю странность и непохожесть на ханские ярлыки, выданные ранее русской православной церкви. Существенные искажения регламентированного протокола ханского письма, конечно, может извиняться небрежностью русского переписчика, либо изобилием приписок своеобразного памфлетного характера. Но также указанные недостатки текста могут утверждать и о том, что подобного документа могло попросту не существовать. А, следовательно, и эпизод с топтанием Иваном III этого ярлыка хана Ахмата, столь любимый в советской историографии, в этом контексте видится домисливанием составителя «Казан-

ского летописца». При всей неоднозначности всего комплекса работ Эдварда Кинана, существуют и согласные именно с данной гипотезой [21, с. 165–166; 9, с. 171, 189; 7]. Кроме того, мнение Эдварда Кинана о ярлыке выглядит весьма убедительным, если учесть работы А.П. Григорьева, который явно указывает на позднюю обработку и некорректность русского подлинника перевода ярлыка [5]. Отечественный источниковед впервые пытается реконструировать текст ярлыка и получает его совершенно не похожим на имеющийся в наличии список. При этом на прямой вопрос о подлинности данного документа А.П. Григорьев, по итогам собственного исследования, увиливая, ответа, по сути, так и не дает.

На этом источниковедческие проблемы, являющиеся основанием для критического и пристального исследования исторического события, не заканчиваются. Казалось бы, проведение обширных археологических работ в местах предположительного обнаружения находок, которое началось относительно недавно, могло бы дать большой объем исследований, затрагивающих их результаты, и ответить на основную часть вопросов, касающихся исторической реконструкции «Стояния». Однако поиск места генерального сражения, одного из главных направлений археологических исследований, утверждаемый ведущим научным сотрудником национального парка «Угра», Г.А. Массалитиной, еще в 2006 г., пока не дал результатов [10, 11]. В ходе ведущихся археологических изысканий место предполагаемого исследователем генерального сражения еще не найдено и, скорее всего, так и не будет обретоно в силу специфики самого события.

Источниковедческий разбор сюжета «Стояния» следует начать с основания, которое послужило активатором военного противостояния. Русско-ордынский конфликт возник в начале 1470-х гг., когда московский великий князь Иван III отказался выплачивать дань хану Большой Орды¹ Ахмату. В 1472 г. хан Ахмат, пытаясь добиться выплаты дани (выхода), совершил поход на Русь, но его наступление было остановлено под г. Алексин. В следующий раз Ахмат подошёл с войсками к границам Руси в 1480 г. Сражение не состоялось. Согласно летописным свидетельствам, в октябре 1480 г. действительно велась перестрелка через р. Угру, в том числе из пищалей с русской стороны, и были попытки её перехода войсками хана Ахмата, которые не увенчались успехом [19, л. 438–439]. Правда, относительно данных попыток взять берег приступом, стоит отметить, что хан Ахмат не решался послать главные силы.

Стоит особо отметить, что конфликт имел особую ветвь возможного развития, которое не принесло должного результата, но по своей сути вело к возобновлению даннической зависимости. В период «Стояния» Иваном III к хану Ахмату было послано посольство во главе с персоной значимой и известной для ордынской стороны – боярином Иваном Федоровичем Товарковым: «с челобитием и з дары, прося жалованья, чтоб отступил прочь, а улусу бы своего не велел воевати...» [16, л. 504 об.; 19, л. 439 об.]. Но хан Ахмат дары не принял и потребовал прислать сына московского правителя. Работа

¹ Большая Орда – термин, используемый в средневековых источниках и современной историографии для обозначения татарского ханства, являвшегося остатком Золотой Орды (Улуса Джучи) после отделения от неё в середине XV века других ханств: Казанского (1438), Крымского (1441) и др.

посольской миссии затягивалась, и Ивана III вероятно стали одолевать сомнения и мысли об отступлении с ранее занятых позиций в связи с опасением скорого решающего ханского удара. Кроме того, следует отметить, что при всей оснащенности и модернизации, проводимой великим князем, военная сила московского государства до этого события также не предъявляла победоносных умений и навыков, особенно если учитывать, что ранее в битве под Суздалем, в 1445 г., между московскими войсками и военными отрядами Казанского ханства, был пленен Василий II Васильевич. Соответственно, у Ивана III не могло возникнуть уверенности в своей военной мощи. Вероятно, именно поэтому в решающей битве собственное его участие, скорее всего, даже не предполагалось.

Относительно сомнений Ивана III можно судить по сохранившемуся в составе Вологодско-Пермской летописи посланию на р. Угру архиепископа Вассиана Ростовского великому князю Ивану III, написанному до поездки московского правителя в Москву и его отхода в Кременец [19, л. 441–454]. Вассиан в своем эмоциональном увещательном послании, приводя пример победы Дмитрия Ивановича Донского над Мамаем, призывал великого князя принять бой и проявить стойкость и неприклонность по отношению к сторонникам примирения с ханом. Также будучи духовником Ивана Васильевича, архиепископ ростовский в своем письме освобождал московского государя от вассальной клятвы «прародителей, – еже не поднимати руки противу царя», которая, по мнению иерарха, была дана «по нуже». В отличие от митрополита, занявшего, скорее всего, выжидательную позицию, архиепископ явно указывал на то, что «великому Русских стран христьянскому царю» нет более нужды подчиняться хану «богостудному и скверному», самозванному царю. Кроме того, Вассиан дополнил свой тезис о царственной самозванности ханов, отметив, что Батый «не царь сы, ни от рода царска» [19, л. 449].

Однако Иван III, в противоположность увещаниям, узнав, что река замерзла и перестала быть природным барьером, приказал отрядам отступить и подойти к Кременцу. В этом отходе войск многие, как дореволюционные, так и современные исследователи, видели проявление военной стратегии, аналогичной отступлению русских войск 1812 г. [1, с. 45–132]. Подробно этот историографический штамп был рассмотрен Я.С. Лурье, который возводит его к мнению Н.М. Карамзина [9, с. 168–170]. Однако в типографском и московском летописных сводах существует иная трактовка, по которой Иван III отступил от р. Угры, «бояшеся Татарского прехождения» под влиянием «злых человек серебролюбцев богатых и брюхатых, предателей христианских...» [17, л. 278; 18, л. 463 об.]. Стоит отметить, что советники Ивана III действовали исключительно в пределах и согласно традиционной политике примирения с Ордой, и, по всей видимости, этот летописный прием был применен в отношении к ним ради оправдания нерешительных действий московского правителя.

Но 11 ноября 1480 г. случилось «дивно»: «Едины от других бежаху» [17, л. 278 об.]. По мнению летописца, испугавшись маневров, ордынская сторона решила также отступить. Узнав об этом, московские войска отступили еще дальше к Боровску. Однозначная запись данных событий в синхронных по написанию летописных сводах XV в. не позволяют говорить о победе русских войск над ханом Ахматом. Отсутствие описания стратегического планирования, или хотя бы намек на это, не позволяют согласиться с тезисом о

военном гении Ивана III. Судя по летописным источникам, существовало обратное – случайное «дивное» стечение обстоятельств, вызванных, по предположению хронографов, исключительно божественными силами.

С другой стороны, реальные планы хана Ахмата остаются почти неизвестными. Но вполне вероятно, что отступление ханских войск было основано не тем, что «нападе на них страх велик» [19, л. 452 об.], а связано лишь с отсутствием военной помощи от Казимира IV. Также не может определяться как страх действия ханского сына Муртозы, который при отступлении совершил несколько ударов по московским территориям [19, л. 453].

Относительно понимания результатов «Стояния» современниками события, стоит подчеркнуть, что оно не воспринималось как окончательное освобождение от ордынского ига, а понималось как очередной шаг в борьбе за независимость. В самом тексте «Повести о Стоянии на Угре» составитель относится к военной составляющей события весьма сдержанно и призывает: «Это мы писали не для того, чтобы их укорять, но да не хвалятся неразумные в безумии своем, говоря: “Мы своим оружием избавили Русскую землю”, но воздадут славу Богу и Пречистой Его Матери Богородице, ибо он нас спас...» [14, с. 48].

Симптоматично, что даже спустя много лет после событий Стояния на р. Угре, в 1501 г., преследуя, вероятно, цель обеспечить себе безопасность в период борьбы против Литвы, Иван III отправил ко двору Ших-Ахмата послание о возможности возобновления прежних отношений². А уже в следующем 1502 году, вероятно, закрепляя свои намерения, Иван III отправил посольство в Большую Орду, предоставив неординарный по сумме выход [4, с. 175, 195]. Но благодаря действиям крымского хана Менгли-Гирея, уже летом 1502 г. Ших-Ахмат был разбит, а Большая Орда была окончательно разорена, и необходимость Ивана III давать выход в Большую Орду отпала сама собой.

Однако Большая Орда была не единственным осколком Золотой Орды, и так называемые «ордынские выходы» московские государи продолжали платить и после смерти Ивана III татарским ханствам, по сути являвшимся правопреемниками Золотой Орды. Духовная грамота (завещание) Ивана III, составленная в 1504 г., содержит следующее указание: «А дети мои, Юрьи с братьею, дают сыну моему Василью с своих уделов в выходы в ордынские, и в Крым, и в Азтархань, и в Казань, и во Царевичев городок, и в ыные цари и во царевичи, которые будут у сына моего у Василья в земле, и в послы татарские, которые придут к Москве, и ко Тфери, и к Новугороду к Нижнему, и к Ярославлю, и к Торусе, и к Рязани к Старои, и к Перевитску..., и во все татарские проторы, в тысячу рублей ...» [6, с. 362]. Текст примечателен и тем, что в нем указываются в том числе города, некогда бывшие центрами баскачества на русских землях в XIV–XV вв., в которые могут быть присланы татарские послы. То есть составитель различал понятия посольские выплаты и ордынский выход. Поэтому отождествлять и отнести их лишь к выплатам дипломатического характера невозможно.

Таким образом, учитывая летописные свидетельства и замечания исследователей, процесс окончательного освобождения Руси от ордынской зависимости растянулся на весьма длительный период с 1472 по 1502 гг. Номи-

² «Ратаи и холоп его буду»: РГАДА. Ф. 389. Кн. 5. Л. 247 об. [4, с. 175].

нально данническая форма русско-ордынских отношений завершилась лишь после собственно окончательного падения Большой Орды, но никак не в силу военных действий или победы «русского оружия» в 1480 г. Фактически же выплата «ордынских выходов» наследникам Золотой Орды была продолжена потомками Ивана III.

Анализ имеющихся в научном обороте источников показывает, что стояние на р. Угре 1480 г. не завершилось освобождением Московского государства от власти татарских ханов. Такое восприятие произошедшего характерно и для современников событий. Только с середины XVI в., в «Казанском летописце» это событие начинает оцениваться как конец ордынского господства. Скорее всего, это могло быть связано с борьбой Москвы с Казанским и Астраханским ханствами в этот период. Но, даже учитывая ретроспективную рефлексию книжников XVI в., данная трактовка событий Стояния не соответствует исторической действительности.

В завершении, можно заключить, что разрешение описанной в данном исследовании проблемы, накопленный комплекс существенных доказательств в недостаточности признания Стояния на р. Угре датой окончательного освобождения Руси от ордынской зависимости и устойчивое игнорирование проблемы частью современного российского исторического сообщества требуют проведения соответствующего углубленного, всестороннего и объективного исследования и его апробирования. Данное научное разыскание не может быть осуществлено без совместных усилий по поиску решения и его обсуждения основным кругом российских исследователей, в том числе представителей казанской исторической школы изучения Золотой Орды и татарских ханств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Ю.Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука, 1989. 220 с.
2. *Бертольд Шпулер.* Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 500 с.
3. *Гальперин Ч.* Татарское иго: Образ Монголов в средневековой России. Воронеж: Воронежский Государственный Университет, 2012. 232 с.
4. *Горский А.А.* Москва и Орда. М.: Ломоносовъ, 2016. 296 с.
5. *Григорьев А.П.* Время написания «Ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. X. Л.: ЛГУ, 1987. С. 28–89.
6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подготовил к печати Л.В. Черепнин; под ред. С.В. Бахрушина. М., Л.: Издательство АН СССР, 1950. 585 с.
7. *Куренкова Е.А.* Проблема подлинности документов дипломатической переписки между Москвой и Ордой в оценке американской историографии (на примере историко-филологического анализа «Ярлыка Ахмат-хана Ивану III», выполненного Эдвардом Кинаном) // СЕРВИС PLUS. №4. 2010. С. 9–14.
8. *Леонтьев А.К.* «Стояние на Угре» в 1480 году. 500-летие свержения ордынского ига // 600-летие Куликовской битвы. Тезисы докладов и сообщений юбилейной научной конференции 8–10 октября 1980 г. М., 1980. С. 6–9.
9. *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1994. 240 с.
10. *Массалитшиа Г.А.* Программа национального парка «Угра» по изучению «Великого Стояния на Угре» // Природа и история Поугорья. Калуга, 2001. С. 81–85.

11. *Массалитина Г.А., Болдин И.В.* Изучение и сохранение исторического наследия событий «Великого Стояния на Угре» // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 131–136.
12. *Моисеев М.В.* Посольские дары-«поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения // От Смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. М. Вологда: Древности Севера, 2016. С. 163–171.
13. *Моисеев М.В.* Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480–1522 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. I. С. 151–186. Режим доступа: http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1 (Дата обращения: 20.11.2019)
14. Повесть о стоянии на Угре // Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 3: Московская Русь. М., 2010. С. 46–49.
15. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. VI. Софийские летописи. СПб.: тип. Эдуарда Праца, 1853. 358 с.
16. ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. Львовские летописи. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1910. 418 с.
17. ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. Пг., 1921. 272 с.
18. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
19. ПСРЛ. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 412 с.
20. *Трепавлов В.В.* Джучиев Улус в XV–XVI вв.: инерция единства // Золотоордынское наследие. Казань, 2009. Вып. 1. С. 11–15.
21. *Halperin Ch.J.* The Tatar Yoke. Columbus (Ohio), 1986. 231 p.
22. *Halperin Ch.J.* The Tatar Yoke: The Image of Mongols in Medieval Russia. Corrected Edition. Bloomington, 2009. 248 p.
23. *Keenan E.I.* The Yarlyk of Axmed-xan to Ivan III: a new reading. International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol.11. 1967. P. 33–47.
24. *Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, 2002. P. 164–167.

Сведения об авторах: Тэймур Рустэмович Галимов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3052-8063>. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6013-6944>, Researcher ID: J-9533-2017. E-mail: dilnur1976@mail.ru

*Поступила 06.09.2019 Принята к публикации 28.11.2019
Опубликована 29.12.2019*

REFERENCES

1. Alekseev Yu.G. *Osvobozhdenie Rusi ot ordynskogo iga* [The Liberation of Rus' from the Horde's Yoke]. Leningrad: Nauka, 1989. 220 p. (In Russian)
2. Bertold Spuler. *Zolotaya Orda. Mongoly v Rossii* [The Golden Horde. The Mongols in Russia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. 500 p. (In Russian)
3. Halperin Ch. *Tatarskoe igo: Obraz Mongolov v srednevekovoy Rossii* [Tatar Yoke: Image of the Mongols in Medieval Russia]. Voronezh: Voronezh State University, 2012. 232 p. (In Russian)
4. Gorskiy A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow: Lomonosov, 2016. 296 p. (In Russian)
5. Grigor'ev A.P. Vremya napisaniya "Yarlyka" Akhmata [The time of writing of Akhmat's "Yarlik"]. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* [Historiography and Source Studies of the History of the Countries of Asia and Africa]. Vol. X, Leningrad: Leningrad State University, 1987, pp. 28–89. (In Russian)
6. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv.* [The Spiritual and Contractual Charters of the Great and Appanage Princes of the 14th–16th centuries]. Ed. L.V. Cherepnin, S.V. Bakhrushina. Moscow, Leningrad: Academy of Science USSR Publ., 1950. 585 p. (In Russian)
7. Kurenkova E.A. Problema podlinnosti dokumentov diplomaticheskoy perepiski mezhdu Moskvoy i Ordoy v otsenke amerikanskoy istoriografii (na primere istoriko-filologicheskogo analiza "Yarlyka Akhmat-khana Ivanu III", vypolnennogo Edvardom Kinanom) [The problem of the authenticity of documents of diplomatic correspondence between Moscow and the Horde in the assessment of American historiography (using the example of the historical and philological analysis of the "Yarlik of Akhmat Khan to Ivan III" by Edward Keenan)]. *Servis plus*. Vol. 4, 2010, pp. 9–14. (In Russian)
8. Leont'ev A.K. «Stoyanie na Ugre» v 1480 godu. 500-letie sverzheniya ordynskogo iga [Standing on the Ugra River in 1480. 500th anniversary of the overthrow of the Horde's yoke]. *600-letie Kulikovskoy bitvy. Tezisy dokladov i soobshcheniy yubileyroy nauchnoy konferentsii 8–10 oktyabrya 1980 g.* [600th Anniversary of the Battle of Kulikovo. Abstracts of reports and messages of the anniversary scientific conference on October 8–10, 1980]. Moscow, 1980, pp. 6–9. (In Russian)
9. Lur'e Ya.S. *Dve istorii Rusi XV veka: Rannie i pozdnie, nezavisimye i ofitsial'nye letopisi ob obrazovanii Moskovskogo gosudarstva* [Two Histories of Rus' of the fifteenth century: Early and Late, Independent and Official Annals about the Formation of the Muscovite State]. St. Petersburg: "Dmitriy Bulanin", 1994. 240 p. (In Russian)
10. Massalitina G.A. Programma natsional'nogo parka «Ugra» po izucheniyu «Velikogo Stoyaniya na Ugre» [The program of the national park "Ugra" on the studying the "Great Stand on the Ugra River"]. *Priroda i istoriya Pougorya* [Nature and History of the Ugra Region]. Kaluga, 2001, pp. 81–85. (In Russian)
11. Massalitina G.A., Boldin I.V. Izuchenie i sokhranenie istoricheskogo naslediya sobytiy «Velikogo Stoyaniya na Ugre» [Studying and preserving the historical heritage of the events of the Great Stand on the Ugra River]. *Trudy kafedry istorii Rossii s drevneyshikh vremen do XX veka* [Proceedings of the Department of Russian History from Ancient Times to the twentieth century]. Ed. A.Yu. Dvornichenko. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2006, pp. 131–136. (In Russian)
12. Moiseev M.V. Posol'skie dary-«pominki» v kontekste vzaimootnosheniy Rossii s postordynskimi gosudarstvami: problemy izucheniya [Ambassadorial gifts – "commemoration" in the context of relations between Russia and the post-Horde states: problems of study]. *Ot Smuty k imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.* [From the Time of Troubles to the Empire. New Discoveries in the Field of Archaeology and History of Russia of the 16th–18th centuries] Moscow, Vologda: Drevnosti Severa, 2016, pp. 163–171. (In Russian)

13. Moiseev M.V. Stepnye voyny ot Ugry do nogayskogo pogroma Kryma (1480–1522 gg.) [Steppe wars from the Ugra to the Nogai pogrom of Crimea (1480–1522)]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. 2015 Special iss. V. Stoyanie na reke Ugre 1480–2015* [History of Warfare: Research and Sources. Special Issue: The Great Stand on the Ugra River 1480–1520]. Vol. 1, 2015, pp. 151–186. Available at: http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1 (last accessed: 20.11.2019). (In Russian)
14. Povest' o stoyanii na Ugre [The Tale of the Great Stand on the Ugra River]. *Pamyatniki obshchestvennoy mysli Drevney Rusi. T.3: Moskovskaya Rus'* [Monuments of Social Thought of Ancient Rus'. Vol. 3: The Muscovite Rus']. Moscow, 2010, pp. 46–49. (In Russian)
15. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 6. *Sofiyskie letopisi* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 6: Sofia Chronicles]. St. Petersburg: Eduard Prats Publ., 1853. 358 p. (In Old Russian)
16. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 20. Pt. 1. *L'vovskie letopisi* [Complete Collection of Russian Chronicles Vol. 20. Part 1: Lvov Chronicles]. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov Publ., 1910. 418 p. (In Old Russian)
17. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 24. *Tipografskaja letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 24: Typographical Chronicle]. Petrograd, 1921. 272 p. (In Old Russian)
18. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 25. *Moskovskij letopisnyj svod konca XV v.* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 25: Moscow Annalistic Collection of the end of the fifteenth century]. Moscow; Leningrad: Academy of Science USSR Publ., 1949. 464 p. (In Old Russian)
19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 26. *Vologodsko-Permskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 26: Vologda and Perm Chronicle]. Moscow, Leningrad: Academy of Science USSR Publ., 1959. 412 p. (In Old Russian)
20. Trepavlov V.V. Dzhuchiev Ulus v XV–XVI vv.: inertsia edinstva [The Ulus of Jochi in the fifteenth and sixteenth centuries: the inertia of unity]. *Zolotoordynskoe nasledie* [Golden Horde Heritage]. Vol. 1. Kazan, 2009, pp. 11–15. (In Russian)
21. Halperin Ch.J. *The Tatar Yoke*. Columbus (Ohio), 1986. 231 p.
22. Halperin Ch.J. *The Tatar Yoke: The Image of Mongols in Medieval Russia*. Corrected Edition. Bloomington, 2009. 248 p.
23. Keenan E.I. The Yarlyk of Axmed-xan to Ivan III: a new reading. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. Vol. 11. 1967, pp. 33–47.
24. Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. Cambridge, 2002.

About the authors: Teymur R. Galimov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3052-8063>. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

Il'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6013-6944>, Researcher ID: J-9533-2017. E-mail: dilnur1976@mail.ru

*Received September 6, 2019 Accepted for publication November 28, 2019
Published December 29, 2019*

ISLAMIC TRADITIONS OF WATER-SUPPLY CONSTRUCTION IN THE CRIMEA

N.M. Akchurina-Muftieva

*Crimean Engineering and Pedagogical University
Simferopol, Russian Federation
akchurina_05@mail.ru*

Abstract: *Research objective:* To reveal Islamic traditions for creating water sources and fountains in the Crimea, their stone-cutting ornamentation, and to discuss their typology according to their purpose and volume-compositional solutions.

Research materials: The art of the construction of Crimean fountains and their semantic aspects were analyzed in the publications of M. Ginzburg and A.N. Malinovskaya. Ornamentation and semantics of stone plastics of Muslim structures (fountains and grave-stones) were studied by S.M. Chervonnaya and E.A. Aybabina. The issues of organization, typology, ornamentation and semantics of water sources of the 15th–19th centuries have not been practically analyzed so far. On the basis of a small number of extant buildings, as well as archival materials and descriptions of travelers, the author of the article offers an insight into the variety of forms and ornamentation of waterworks of the indicated period.

The novelty and the results of the research: The study of traditional forms of Crimean Tatar artistic creativity contributes to our wider knowledge of the culture of the Crimea, developed at the peninsula since ancient times. Forced relocation, long-term actual prohibitions of the existence and development of the Crimean Tatar art, loss and destruction of its material remains and documents, and the influence of the cultures in the areas of deportation led to the loss of the ethnic memory of the people, as well as reliable and complete information about their traditional art, its symbolism and ornamentation. The identification of the specific characteristics of the artistic language and style, and the recovery of forgotten technologies, encourages a deeper and complete understanding of the genuine folk art and the revival of folk traditions in contemporary art.

Keywords: water resource, fountains, Crimea, Islamic traditions, cutting décor

For citation: Akchurina-Muftieva N.M. Islamic Traditions of Water-Supply Construction in the Crimea. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 663–673. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.663-673

The centuries-old cultural tradition of the Crimean Tatars made considerable influence on the art of multiconfessional population of the Crimea. At present, it is in need of restoration of long-ago forgotten technologies, including study, recreation and revelation of its specifics, peculiarities of its artistic language and style, and renewal of folk traditions in modern arts.

Islamic traditions of water sources and fountains are part of such traditions. In all Muslim countries, especially those in the desert, water had great significance, especially the “clean”, running water.

The fountains were made to commemorate the memory of the deceased relatives and perished warriors, to keep the memory of the important events in life of those who built them, or simply for the benefit of the community. The arid Crimean Peninsula, which was always short of water, was not an exclusion from these traditions. Around

120 fountains were built in Bakhchisaray only, where the water was taken from 32 springs, and around 100 fountains existed in Feodosia. There were many of them in Stariy Krim, Karasubazar, in Simferopol and in other cities and villages. Some of them were built by the funds of the khans, or other wealthy citizens. In Bakhchisaray, for instance, the fountains were built near the main city gates, on the city markets and near mosques. They were sustained by the taxes of leased shops, incomes from the fruit gardens in a village of Suren and from the inn in Bakhchisaray¹.

In the Crimea, the refined water springs were built in walls of the buildings, or sometimes separately. There were four different types of them, depending on their usage: for example, *cheshme* was the small source of drinking water; *abdest* fountains were intended for ritual washing before prayer; fountain *yards* or *pavillions* were the cozy springs inside the buildings, made for the resting; *sebil* were “sacred”, paradise springs.

The traditional and the most often used fountains were *cheshme*. They were always the center of social life in the Crimean villages. They were built not only in the interior of the peninsula, but also along the roads on the south shore of the Crimea. The women that were coming to the fountains to take water, discussed all kinds of news, while the young men looked for a bride among the girls. “A small stone wall, resembling a fireplace, was simply put to the steep mountain slope; a thin metal tube was thrust into it and water ran or dripped through it. On some fountains were Turkish inscriptions in stone, containing the written name of a person, a benefactor, who made the fountain for the thirsty travelers passing by. Despite being not very eye-catching, the fountain is very beneficial in the arid conditions, which is the curse of the Crimea, especially during the hot summer. Some of the fountains supply water for the whole area” [1, p. 192].

Cheshme water sources were built in a form of vertical stelae, about 1.5–2 meters high, with pointed arch niches. A small stone reservoir was usually built in front of them, in order to accumulate water. Very often, a stone plate, with engraved Arabic ornamental writings, bearing the name of its founder, was attached above it (ill.1). The front wall of the reservoir was sometimes decorated in the form of rosette with geometrical or floral ornaments. The tradition of construction of such springs can be traced until the late 19th century.

The influence of Muslim architecture is attested by the 15th century fountain, built by the Armenians in Feodosia at the foot of the Mithridat mountain, and restored in the 16th century. The rectangular wall of the fountain has a niche in the form of the pointed arch and three carved rosettes above it. The middle rosette represents a solar sign, while the side rosettes stand for the star of David.

Two fountains of drinking water with arch niches, decorated in carved stone, were built in the 17th–18th century in the *Ambassadors’* courtyard of Bakhchisaray palace. In the niches of one of the fountains, a tree resembling palm was carved (ill.2). Water runs from its base into the stone reservoir, decorated with floral ornaments. The stone reservoir represents the Earth, which came to life and blossomed in rich plants: the palm tree, which provides tasty fruits and water, literally illustrates the words from the Koran how Allah had given water to people, revived the Earth, and grew date fruits.

¹ Archiv SM ARK [Council of Ministers of the Autonomous Republic of Crimea Archive]. Simferopol, f. 489, inv. 1d.650, v. 2–8. (In Russian).

III. 1. Cheshme – traditional and the most widespread spring in the villages and along the roads in the Crimea

The fountains of Bakhchisaray Palace resemble the fountains made by Turkish nobles (the 18th century fountains at the Sultanahmet square in Istanbul) [6, ill. 14, 73]. However, the Crimean Tatar fountains are more modest in decoration and smaller in form, expressing the symbol that gives life to living beings, rather than pompous construction that glorifies its creator.

Not far from Bulgakov's mosque in Kokkoz village, a fountain survived, built by the funds of Bulgakov bey in 1883 from thick limestone, and is still functioning. The fountain represents a small reservoir with almost two meters high stelae, pincer-like top and arch niche. On the diorite construction board, which was made on the upper part of the niche, it is written in Russian and Arabic language: "This fountain was built by the court counselor and prince Ali Bey Bulgakov on his own expense and for the common benefit".

In 1888, in Feodosia a fountain was built, bearing the name of artist I.K. Ayvazovsky, who projected it and secured the funds for its construction (ill. 3). Its volumetric proportions resemble the Turkish fountain in Istanbul, dedicated to the memory of Ali Pasha Hekimoglu [6, ill.1]. The square fountain is covered by hipped roof with big figure cornice. The roof is completed by five semi-cupolas (a tribute to Orthodoxy), the corner overhangs are decorated by figure plafonds, while the bottom is lined by wooden laths (the same as the cornice of Bakhchisaray palace). It is painted and, on the perimeter, framed by wide strap of carved wood. The bottom of arch niche is decorated by stalactites, whereas the top is decorated by wedge shaped archivolt and ornament. The marble columns were made in the square cuts of the façade's main corner. The other facades have niches with semi-circular completion. Under the cornice, deepening marble rosettes are set in the form of hexahedron. On the basement level, water runs into the right-angled pools from the holes on four sides in the niches.

The Crimean Tatar traditions of fountain construction were used in the 19th century by the architect P. Krasnov, during the building of Yusupov's palace at the village of Kokkoz. At the main entrance of the building, he made a very original wall fountain "The Blue Eye", designed in the form of a pointed niche. The niche is faced with majolica tiles of different shades of greenish color, imitating the Crimean Tatar carpet – *kilim* (ill. 4). The upper part of the arch is magnificently decorated by ornamented rectangular edging in blue tones. In the center of the niche there is a ceramic portrayal of stylized blue eye, from which a stream of spring water runs into reservoir, the water being brought here from the mountain spring. The fountain is made in modern style, and the concept of blue eye comes from the legendary name of the village (in Crimean Tatar language "Kokkoz" means "The Blue Eye"). Another fountain was built near the gates, made of cut-off diorite blocks in the form of 3 meters high stele. The fountain is faced with tiles, has a semi-circular niche, water cannon, a small reservoir and a platform three steps high.

Characteristic traits of the *cheshmes* built in the 15th–19th centuries are: carved rosettes with geometrical and floral ornaments, made above pointed arch niche, and carved writings and epitaphs from the Koran, interlaced with floral ornaments, made in "sulus" writings.

The second group were the fountains intended for ablution (*abdest*) before the prayer. As a rule, they were built near mosques where Muslims usually prayed. They were mainly erected separately and had round, very often octahedron or hexahedron forms of reservoir. The fountain built to the left of Khan's mosque in Bakhchisaray may serve as an example. A pool, about 3 meters in diameter, covered with cupolas, was situated in the square yard, paved with tiles. Its bottom was decorated with carved tiles of white marble, metal tubes were thrust through them and clean water poured into the round marble chute. Such fountains appeared in the Crimea at the time when the first mosques were built [3, p. 41] and since then, they became its most important attribute.

Another form were the fountain yards or the pavilions. They were widely used inside the buildings and yards in the palaces and houses of rich people (ill. 5). The cozy springs created "a peculiar shady atmosphere around the life-giving drops of water, protecting this small oasis from the bright sunrays and noisy shouts. When entering from the turmoil of city streets into the fountain yard...you cannot see anything at first in this cool shade. You will never get the whole image of it at once. Gradually, moment after moment, you'll see one detail after another. Everything here is made in the way as it was supposed to influence our sense perceptions, not only by internal images, but by the musical movements of water drops as well, the charm of the coolness itself, picturesque of obscure darkness" [2, p. 216].

A fashion of making of fountain yards was established at the time of the first Crimean rulers – khans, who relied on Constantinople. In Solkhat, water tubes made of pottery, leading to the city fountains were found. The first mention of such fountains was in Evliya Çelebi's travelogue, who had visited Ashlama gardens in Ashlama Saray palace, which existed at the end of the 15th century in Salachik. Many fountains decorated the small yards and gardens of Bakhchisaray palace. Until the end of the 19th century these fountains were made in city parks of Karasubazar, Ak-mechet, Gezlev and other places.

The tradition of making fountains inside the buildings was widespread. They were made in various summer-houses, halls and sitting rooms. The fountains in

summer-house (Alhambra) (ill. 6) and in the hall of Divan Bakhchisaray palace may serve as examples from 16th–18th centuries. In 19th century there were two fountains in Yusupov's palace, one of which was a copy of Bakhchisaray Fountain of the Tears, and the other was put in the foyer, at the entrance of the park. All these fountains were mainly made from marble with the stone cutting ornaments, including the borders with floral motives. At the beginning of 18th century, the bottom of the reservoirs, in some cases, was decorated by the pictures of different fishes and birds, for example, near the Pool's garden or near the chute of the fountain in the *Ambassadors'* courtyard. The central parts of the fountains were made in the form of a cypress, a blossoming bush, etc.

Before 18th century a new type of fountains appeared in the Crimean Tatar arts – the *Sebil* fountains. In the architecture of the Arab countries *Sebil* represents a public spring, a fountain of clean water for drinking, made separately or as a wall construction with one or several arch niches, or even with the bowls of slowly running water into the basin. In Arabic language, the word means “a well” (spring) intended for public usage. It is derived from the verb “to make a donation for public use”. Usually, such fountains were decorated by ornamental stone carving, coating in marble or ceramic mosaic, by calligraphic writings with prayers for the benefactor and with the quotations from the Koran, sayings or poetical couplets [4, p. 175–176]. Such fountains are known in Muslim world since 14th century.

The Crimean architects created quiet, cool fountains – “a *babbling saga from the stone*” (M. Ginsburg), with slowly flowing streams of water and the fountains with symbols, reflecting the philosophy of the Koran, the theme of eternal existence. Thus, in the 18th century, in the traditions of the architecture of the Ottoman Empire, appeared the new type of fountains, the “Golden fountain”. In the right-angled portal, a shallow arch niche would be made, decorated at the top with carved stylized shell, plant ornament and stalactite belt. The gilded ornaments and relief inscriptions reveal the name of the fountain: *Manzub* – “Golden” (ill. 7).

In 1764, an Iranian artist-decorator made a walled Fountain of Tears to commemorate the memory of beautiful Dilyara Biketch. The artist used the language of symbols to show the endless grief for her death in the small architectural form. The cascade fountain at the entrance to Dilyara Biketch durbe, and a wall fountain in the Pool's patio, were built in the *Sebil* style.

In 19th century their imitations were created: the fountain of tears in the palace of Empress Alexandra Fedorovna in Oreanda (architect A.K. Shtakenshneyder) and the fountain in the dinning-room of Yusupov's palace in the village of Kokkoz (architect N.P. Krasnov).

The main foundation of the *Sebil* fountains was vertical slab with pointed niche, with the bowls set there in graded order. Water, overflowing from one bowl into the other, fell into the rectangular or oval reservoir, in front of the fountain's slab. The portal, as a rule, was decorated by a carved plant ornament in the form of creeping shoots or flower pots. The motive of the flower-pots was widespread in the 18th century in stone cutting, as well as in metal artworks. Probably, this tendency came from Turkey, where it was widespread, not only on the tiles of fountains and gravestones, but, since 18th century, on the side planes of mimbars of mosques [7, ill. 226, 227; 6, ill. 14, 73].

In the small architectural forms of fountains, the masters of stone cutting widely used the language of symbols, such as lotus flowers with five petals, numerals

such as three and nine; bowls that formed zigzag stairs; a snail form on the bottom of the pool and so on.

The typical example of the cascade *Sebil* fountains is the one in a Pool's patio in *Bakhchisaray* palace, consisting of marble slabs with 12 chutes, installed into the south wall. The fountain consists of vertical and horizontal planes. A movement of water symbolizes the birth, stormy but short life, consisting of divisions and generalizations, which is in contrast with eternal tranquility of smooth surface of the pool. Water from the fountain flows into the pool through a long canal, decorated by the cypresses – symbols of the afterlife. A snail form is also present – the symbol of eternity and doubts. The association with living and dead water is visible. As a result, the world is made of it. The main module of the whole artwork is the stream of water proportionate to a human being. The Crimean Peninsula is, by God's will, made surrounded by the sea, with scanty store of "live water". That is why the particular image of spiritual bodies was given to the wells and springs. On the basis of this, one can say that the *Sebil* fountain could be considered as the model of the Crimea [5, p. 36].

The epigraphy of fountains has the information on two levels: the fountain as a source of life and purification, whose sacral character goes back to the archaic lower levels of cultural Islam traditions; and the fountain as a book, understood only by the dedicated ones. Its external, wholesome image is interpreted as a page from the Koran with *unvan* (title, headline), crowned with *alem* (the half-moon on the top of the mosque used as a symbol of being above the world). The writings on the fountains from the Koran do not only stress the wholesome image of a book, but also carry it, similarly to the inscriptions on the buildings, weapons and household items.

The inscriptions on the fountains always finish with the word *salsabil*, which has several meanings. In Muslim mythology it is the name of the main spring in paradise (Koran 78:18). In the architecture of Egypt, Syria, Palestine and Andalusia from the 13th–14th century onwards, it is the system of cooling of the building interiors with water, based on the main principle of a slow runoff of a thin layer of water on a marble slab inserted into the wall, with the tilt of 15–30°. Water runs into decorative small canals, evaporates in them and thus cools the room. In the figurative meaning, the word *salsabil* denotes a paradise drink, a nectar.

Combining the sacred base of the Koran philosophy and poetic epigraphy, made of marble and carved with décor, the Crimean *Sebil* fountains serve as memorials, reminding about fleeting joys of life, inevitability of separation, and about the paradise bliss of righteous souls. In that aspect, they resemble each other and have spiritual kinship with the gravestones, whose upper part which was often carved in the shape of a bowl, always filled with rain water. The combination of planted greenery and water over the grave and decoration of stone fountains bring them closer in the symbolic meaning.

The carved décor of the fountains gradually changed, from rosettes with the Seljuk and the Golden Horde geometrical ornament of 15th–16th century, into the stylized plant ornament of 17th century, and took the form of the magnificent baroque of 18th–19th century. In the esthetic expressiveness of buildings, we can trace the changes in the usage of limestone (15th–16th centuries), and (later) usage of colored and snow-white marble, coloring of certain ornament elements (in 17th–18th centuries), obligatory presence (during the 15th–19th centuries) of poetic epitaphs and formulas from the Koran, in the form of calligraphic ornaments. The inscriptions

III. 2. The fountain with drinking water, built in the *Ambassadors'* courtyard in Bakhchisaray in 17th–18th century

III.4. The “Kokkoz” fountain in the village of Kokkoz. 19th century. Architect – Krasnov N.P.

III. 3. The Ayvazovsky fountain. 1888. Theodosiya

III. 5. The fountain yard in Bakhchisaray palace: fountain with two pools

III. 7. The Golden fountain – Manzub. 18th century. Bakhchisaray palace

III. 6. The fountain from 17th–18th century in the summer-house (Alhambra). Bakhchisaray palace

on the fountains could be very scanty and strict, only giving information about the date of its construction and the name of the person who did it. However, there are epitaphs that could strike us with its supreme poetical eloquence, and thus present an example of very high style of oriental poetry. Of course, the poetic pathos and magnificence of ornamental carved decorations and even the sizes of the construction, could depend on social position and desire of a customer, and individuality of a poet-engraver and his own skill. The texts, written on the fountains during the period of Crimean Khans, are more complicated than the epitaphs from the Golden Horde period. The creative work of hattats (calligraphers) – masters, at the same time doing the work of cutting the stone, and being “writers” and “scribers”, could be reflected in their decoration of virtuoso calligraphic writings, made by the Golden Horde and classic “sulus” script, and later by “taalic” (a written script), woven into floral ornaments.

The skill of constructing fountains in the Crimea had a sacred basis, leaning on the fundamental layers of the Islamic philosophy, and a concept of the synthesis of artworks with surrounding nature. First of all, this is manifested in the religious perception of water as the source of life. Wide use of symbols allowed the devoted ones, to “read” the contents of the construction as a page from the Koran. At the same time, not only among the early, but also among the late fountains, Muslim symbolism is surprisingly intertwined with the pagan one, which could be seen in some of the motives, giving evidence about the mutual points of coincidence, complicated binding of Islamic arts with the Christian and Judaic symbolism and interpreted and reinterpreted Ancient mythology. Complex conditions of the Crimean Tatar people, stipulated the communion of many of their arts with arts of different neighboring peoples, and also with arts of other peoples from the shores of the Black Sea, thus giving way to the formation of very rich and original type of decorative arts among the Crimean Tatars.

REFERENCES

1. Voroponov O. Sredi krymskikh tatar [Among the Crimean Tatars]. *Zabveniyu ne podlezhit (iz istorii krymskotatarskoy gosudarstvennosti i Kryma)* [Must Not Consign to Oblivion (from the history of the Crimean Tatar statehood and Crimea)]. Kazan: Tatar Book Publ., 1992, pp. 162–193. (In Russian)
2. Ginzburg M.Ya. Tatarskoe iskusstvo v Krymu [Tatar arts in the Crimea]. *Zabveniyu ne podlezhit (iz istorii krymskotatarskoy gosudarstvennosti i Kryma)* [Must Not Consign to Oblivion (from the history of the Crimean Tatar statehood in the Crimea)]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1992, pp. 209–217. (In Russian)
3. Krikun E.V. *Pamyatniki krymskotatarskoy arkhitektury* [The Monuments of the Crimean Tatar Architecture]. Simferopol: Krymuchpedgiz, 1998. 112 p. (In Russian)
4. Malinovskaya A.N. Semanticheskoe pole bakhchisarayskogo fontana («slez») v kontekste islamskoy traditsii [Semantic field of Bakhchisaray fountain (“of tears”) in the context of Islam tradition]. *Istoriya i arkheologiya yugo-zapadnogo Kryma* [History and Archaeology of the South-west of the Crimea]. Simferopol: Tavriya, 1993, pp. 174–187. (In Russian)
5. Sheykh-Zade I. *Sakral'nye motivy v krymskom iskusstve* [Sacral Motives in the Crimean Tatar Art] *Kasevet*. 1995, no. 1, pp. 33–39. (In Russian)

6. Varişta H. Örcün. *İstanbul Çeşmeleri. Kabataş Hekimoğlu Ali Paşa Veydan Çeşmesi* [Istanbul Fountains. Fountain Stone Hekimoğlu Ali Pasha Vey]. İstanbul, 1993. 94 p. (In Turkish)

7. Varişta H. Örcün. *Türk el sanatları* [Turkish Handicrafts]. Ankara: Kültür Bakanlığı, 1998. 178 p. (In Turkish)

About the author: Nuria M. Akchurina-Muftieva – Dr. Sci. (Art History), Professor, Department of Decorative Arts of the Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchebnyj lane, Simferopol 295015, Russian Federation). E-mail: akchurina_05@mail.ru

Received September 25, 2019 Accepted for publication December 2, 2019

Published December 29, 2019

ИСЛАМСКИЕ ТРАДИЦИИ СООРУЖЕНИЯ ВОДНЫХ ИСТОЧНИКОВ В КРЫМУ

Н.М. Акчурина-Муффтиева

Крымский инженерно-педагогический университет

Симферополь, Российская Федерация

akchurina_05@mail.ru

Цель исследования: раскрыть исламские традиции организации водных источников и фонтанов в Крыму, их камнерезной орнаментики, рассмотреть типологию по назначению и объемно-композиционному решению.

Материалы исследования: вопросы искусства фонтанов Крыма и их семантического поля рассматривались в публикациях М. Гинзбурга и А.Н. Малиновской. Орнаментика и семантика каменной пластики мусульманских сооружений (фонтанов и надгробий) исследовались С.М. Червонной, Е.А. Айбабиной. Вопросы организации, типологии, орнаментики и семантики водных источников XV–XIX веков до настоящего практически не рассмотрены. По небольшому количеству сохранившихся сооружений, а также архивным материалам и некоторым описаниям путешественников автор статьи дает представление о разнообразии форм и орнаментации водных источников обозначенного периода.

Результаты и научная новизна: изучение традиционных видов крымскотатарского художественного творчества, способствует более широкому познанию культуры Крыма, развивающейся на полуострове с давних времен. Принудительное переселение, долговременный фактический запрет на существование и развитие, потеря и уничтожение вещевое и документального материала крымскотатарского искусства, влияние культур в местах депортации привели к утрате этнической памяти народа, достоверной и полной информации о традиционном искусстве, его символике, орна-

ментике. Выявление специфики, характеристики художественного языка и стиля, восстановление забытых технологий способствует глубокому и полному пониманию подлинно народного искусства, возрождению народных традиций в современном искусстве.

Ключевые слова: водные источники, фонтаны, Крым, исламские традиции, резной декор

Для цитирования: Акчурина-Муфтиева Н.М. Исламские традиции сооружения водных источников в Крыму // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 663–673. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.663-673

Сведения об авторе: Нурия Мунировна Акчурина-Муфтиева – доктор искусствоведения, профессор кафедры декоративного искусства ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (295015, переулок Учебный, 8, Симферополь, Российская Федерация). E-mail: akchurina_05@mail.ru

*Поступила 25.09.2019 Принята к публикации 02.12.2019
Опубликована 29.12.2019*

**ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ПЕРВОГО ТОМА «МУСТАФАД АЛ-АХБАР
ФИ АХВАЛИ КАЗАН ВА БУЛГАР» Ш. МАРДЖАНИ**

Р.К. Адыгамов^{1, 2}

¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

² *Болгарская исламская академия
Болгар, Российская Федерация
abu_muhammad@mail.ru*

Цель исследования: изучить источниковую базу первого тома «Мустафад ал-ахбар...» – одного из наиболее важных трудов об истории татар Ш. Марджани, который предпринял фактически первую попытку научного описания болгарской и татарской истории, а также истории родственных и живших с ними по соседству народов.

Материалы исследования: с этой целью Ш. Марджани использует большой массив различных источников, охватывающих период от X до XVIII вв. Помимо изданных и рукописных материалов, автор также обращается к содержанию эпитафий и монет, не ограничиваясь цитированием отрывков из упомянутых трудов, а сопоставляя, сравнивая их, делая соответствующие выводы, уточняя даты, характеризуя события и личности.

Результаты и новизна исследования: анализ источников позволил разделить их на вещественные, письменные и устные. К первым относятся надгробные камни и монеты, ко вторым труды арабских, персидских и тюркских историков и географов, различная справочная литература и словари, а также богословские труды. Третий вид источников – это устные свидетельства и высказывания татарских имамов о тех или иных событиях и вопросах богословия.

Ключевые слова: Ш. Марджани, Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар, история татар, история болгар, исторические источники

Для цитирования: Адыгамов Р.К. Источниковая база первого тома «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» Ш. Марджани // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 674–686. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.674-686

**MARJANI'S SOURCES FOR THE FIRST VOLUME OF HIS
“MUSTAFAD AL'-AKHBAR FI AHWALI QAZAN WA BULGAR”**

R.K. Adygamov^{1, 2}

¹ *Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

² *Bolghar Islamic Academy, Bolghar, Russian Federation
abu_muhammad@mail.ru*

Abstract: Objective: “Mustafad al'-akhbar fi Ahwali Qazan wa Bulgar” is one of the most important studies of Tatar history. In fact, Sh. Marjani was the first to attempt an

academic description of the Volga Bulgarian and Tatar history, as well as the history of related and neighboring peoples.

Materials of the research: For this purpose, Sh. Marjani used a large array of various sources covering the period from the tenth to the eighteenth century. In addition to edited and manuscript materials, the author also used epitaphs and coins. Thus, Marjani was not limited to quoting excerpts from historical works, but compared their contents, specified dates, and characterized events and personalities.

Results and novelty of the research: An analysis of his sources has made it possible to divide them into material, written, and oral ones. Material sources are represented by grave-stones and coins. Written sources are the works of Arabic, Persian and Turkic historians and geographers, various reference books and dictionaries, as well as theological works. In turn, the oral testimonies and statements of the Tatar imams about various events and issues of theology represent a third type of sources employed by Marjani.

Keywords: Sh. Marjani, Mustafad al'-akhbar fi Ahwali Qazan wa Bulgar, Tatar history, history of the Bulgars, historical sources

For citation: Adygamov R.K. Marjani's Sources for the First Volume of His "Mustafad al'-akhbar fi Ahwali Qazan wa Bulgar". *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 674–686. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.674-686

Введение

Шихабутдин Марджани является автором более тридцати трудов, посвященных различным отраслям богословских и гуманитарных наук. Особое внимание он уделял изучению истории и посвятил часть своих исследований вопросам истории ислама в целом и татар в частности. Одним из наиболее ценных для татар считается его сочинение «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Кладезь вестей о состоянии Казани и Булгара»), преимущественно посвященное отечественной истории и являющееся классикой исламской историографии Волго-Уральского региона. В первом томе этого труда, который можно признать начальной попыткой научного изложения истории татар, автор рассматривает проблемы возникновения этнонима «татары», историю этногенеза нации. Исследование начинается с истории Волжской Болгарии, возникновения этнонимов «сакалиб», «хазар», «булгар», «кипчак» и др. Далее автор последовательно повествует о формировании и упадке всех государств, построенных Чингизханом и его потомками. Кроме того, он детально рассматривает вопросы политических взаимоотношений булгар и сформировавшихся позднее татар со своими соседями. Автор предоставляет много ценных сведений о персоналиях, в частности, о булгарских и татарских ученом, их трудах и вкладе в мировую общественную мысль.

Особый интерес вызывают источники, использованные ученым при написании данного труда. Их анализ дает возможность сделать выводы об эрудиции и широком кругозоре автора. Классифицируя источники, использованные в «Мустафад...», можно увидеть, что они написаны на арабском, персидском и тюркских языках. Учитывая, что часть произведения затрагивает также историю возникновения и становления сначала Руси, а затем России, можно сделать вывод о том, что Ш. Марджани обращался и к русскоязычным источникам. Однако поскольку напрямую они не называются, остается лишь предполагать, кто был их автором. Следует также помнить, что Ш. Марджани недостаточно хорошо знал русский язык, поэтому, вероятно, он был вынужден пользоваться услугами переводчиков.

Источники, использованные богословом, можно разделить на вещественные и письменные. К вещественным можно отнести монеты ханов Булгарии и Золотой Орды, а также надписи надмогильных камней. К письменным относятся исторические и географические труды арабских, персидских путешественников, рассказы о династиях правителей, а также богословские, литературные и лингвистические труды. К последним относятся различные словари. Однако, поскольку автор не приводит их полного названия и не сообщает об имени автора, то зачастую их точная идентификация не представляется возможной.

Целью данного исследования является анализ источников первого тома «Мустафад ал-ахбар...» в описательном аспекте.

Задачи: выявить источники «Мустафад ал-ахбар...»; классифицировать источники; описать выявленные источники.

Для достижения поставленной цели был изучен текст первого тома «Мустафад...», выявлены названия источников, а также имена их авторов. Для этого использовался описательно-сравнительный метод исследования. Хронологически источники, использованные богословом, ограничиваются рамками с X по XVIII вв.

Общий обзор источников, использованных при написании «Мустафад ал-ахбар...», хотя и относительно краткий, приводится в исследованиях Миргалеева И.М. [11, с. 102–109; 12, с. 179–195; 13, с. 183], Абызовой Р.Р. [13, с. 183], Усманова М.А. [8, с. 17]. Более подробно он представлен в диссертации Юзмухаметова Р.Т. [17]. При этом в большей степени названное исследование посвящено структурно-лингвистическим особенностям труда богослова.

Вещественные источники «Мустафад...»

Одним из важных с исторической точки зрения источников данного труда являлись монеты болгарских правителей и татарских ханов. Автор зачастую излагает содержание надписей на них, используя в качестве аргумента, определяющего годы правления этих деятелей. Также, с точки зрения Ш. Марджани, монеты указывали на независимость правителя, от имени которого они чеканились. Однако были и исключения, когда, по словам историка-богослова, некоторые мурзы захватывали реальную власть и сажали на трон ханов, отвечавших их целям [14, с. 108]. Помимо этого, автор использует монеты при описании одежды татарских женщин. При этом он, прослеживая исторические изменения в одежде и украшениях, описывает процесс увеличения номинала монет в женской одежде по мере роста благосостояния татар.

Еще один важный материальный источник – это эпитафии на могильных камнях. Они преимущественно написаны на тюркском языке либо болгарского, либо ордынского периода, но в то же время содержат и цитаты из Корана на арабском языке. Следует отметить, что Ш. Марджани не ограничивается лишь изложением содержания этих надписей, а подвергает их тщательному анализу. В частности, анализируя надпись на камне, найденном у архиерейской дачи, он приходит к выводу, что тот не мог быть установлен на могиле татарского принца, а принадлежал болгарскому эмиру [14, с. 28].

В целом автор, с точки зрения науки, довольно грамотно пользуется данным видом источников, что дает ему возможность оценивать события, делать предположения о статусе похороненных и аргументировать свое изложение.

Тюрко-язычные письменные источники

Как было сказано во введении, часть источников Ш. Марджани написаны на тюркских языках. Среди них можно выделить дневники татарских имамов, труды исторического жанра, результаты устного народного творчества, исторические документы и библиографические труды.

Дневники татарских имамов Ш. Марджани называет «Маджму‘а» («Сборники»). В частности, решая вопрос о дате обрушения одного большого минарета в Болгаре, Марджани уделяет внимание сборникам Фазылджана ибн Бухаря¹ и известного казанского богослова и имама Ибрахима эфенди².

Для ознакомления читателя с различными видами летоисчисления богослов обращается к цитате из рукописи муллы Салима ибн Дуста ал-Кавали, умершего в 1190 году по хиджре (1776 г.).

Следующий источник – это «Таварих булгария» Хусама-д-Дина ибн Шарафа-д-Дина ал-Муслими³. Кроме Муслими, книга с похожим названием приписывается еще ряду авторов. Как заявляет сам Муслими, его рукопись была написана в местности Ташбильге (ныне Алькеевского района РТ). Автор разделил содержание данного труда на две главы: первая названа «Диковинки со-творения», вторая – «О сподвижниках Пророка Мухаммада из жителей Булгара». Завершается данный трактат заключением, где автор подробно повествует о Тамерлане и, главным образом, о том, как он разрушил город Булгар. Сам Ш. Марджани довольно критически относится к данному источнику, приводит из него цитаты и опровергает данные, приведенные автором. Действительно, при изучении данного источника можно согласиться с Ш. Марджани о том, что данный источник является не достоверным. Иногда Муслими, совершая грубейшую ошибку, относит к одному историческому периоду даже исторических личностей, которых друг от друга отделяли столетия.

Автор еще одного источника – Книги «Бэдэвам» – не назван, однако очевидно, что он был очень популярен у татар. Содержание этого литературно-дидактического пособия, чрезвычайно авторитетного для татар, имело нраво-учительный характер и посвящалось различным этическим вопросам. Книга «Бэдэвам» впервые была издана в 1846 году в типографии Казанского университета [16, с. 19–20].

Одним из самых важных исторических документов, которые использует Ш. Марджани при написании «Мустафад ...», были ярлыки, относящиеся к периоду Золотой Орды. Среди них ярлык Токтамыш хана к Ягайлу и ярлык Тимура Кутлука. Богослов указывает, что они были написаны на татарском языке уйгурским письмом (алфавитом).

Следующим является источник шестнадцатого века, принадлежащий перу ‘Атауллаха ибн Йайхья Нугайзаде эфенди (1495–1561), создатель книги «Хада’ик ал-хакаик фи зайл аш-шикак», имеющей еще одно название «Такмилат аш-шикак» («Сады истина в дополнение к родным») и посвященной биографиям османских богословов.

¹ Во втором томе Марджани называет его Фадлюллах ибн Бухарай.

² Ш. Марджани сообщает, что его звали Ибрахим бин Худжаш. Хотя годы жизни и не указаны, но богослов указывает, что он учился в Дагестане и вернулся с учебы в 1782 г.

³ Хисамутдин ибн Шарафутдин Муслими Аль Булгари – болгарский ученый, историк, философ, духовный деятель.

В ряду источников семнадцатого века Ш. Марджани ссылается на труд Абу-л-Гази хана⁴ «Тюрк шаджараси» [1] («Родословная тюрков»). Первая глава посвящена родословной тюрков, начиная от пророка Адама до Чингизхана. Остальные – родословным сыновей Чингизхана.

Труды на арабском и персидском языках

Другим видом источников являются различные путевые записки и труды по истории и географии арабских и персидских авторов. Большинство из них написаны в X–XI вв., однако есть труды и XII–XVI вв. Наиболее поздним источником является произведение шестнадцатого века «Тухфат ал-адиб ва хадийат ал-ариб» («Подарок воспитанному и подарок смышленому»), принадлежащее перу Сеида Мустафы ибн Ахмада ал-Хусайни ал-Ханафи ал-Джанаби.

Наиболее известным из упомянутых источников можно считать путевые записки секретаря багдадского посольства Ибн Фадлана, в которых он описывает различные населенные пункты и народы, встречавшихся ему по всему маршруту [10]. Ибн Фадлан подробно рассказывает об их традициях, обычаях, делится своими впечатлениями.

Следующий известный исторический труд – «Китаб ал-Акалим» («Книга климатов»), написанный Абу Исхаком ал-Истахри⁵. Это произведение было составлено в 930–933 годах, написано на арабском языке и представляло собой сборник географических карт с пояснительными записками. Этот труд ал-Истахри до наших дней не дошел. Также Истахри является автором трактата «Книга путей государств» («Китаб масалик ал-мамалик»):

К этому же периоду относятся труды ‘Али ибн ал-Хусейна ал-Мас‘уди ал-Багдади⁶. Ш. Марджани не указывает их названий, а лишь ссылается на автора. Известно, что ал-Мас‘уди был автором таких произведений, как «Средняя книга» («Китаб ал-аусат»), «Мурудж аз-захаб ва ма’адин ал-джавахир» («Золотые копи и россыпи самоцветов»). А непосредственно перед смертью ал-Мас‘уди закончил второй трактат, дошедший до наших дней, «Китаб ат-танбир ва ал-ишраф» («Книга указания и наблюдения»), в котором исправил и уточнил свои более ранние наблюдения.

⁴ Абу Са‘ид Абу-л-Гази Бахадур хан из рода Шейбанидов (24 августа 1603 – 1663). С 1643 по 1663 году был ханом Хивинского ханства. В молодости получил хорошее образование, являлся автором двух исторических трудов по истории – «Тюрк шаджараси» («Родословная тюрков») и «Туркмен шаджараси» («Родословная туркменов»).

⁵ Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад ал-Истахри жил приблизительно в 850–934 гг. Арабский географ, родом из Истахры, путешествовал по Ирану, Средней, Южной и Западной Азии.

⁶ Абу-л-Хасан ‘Али ибн ал-Хусейн ал-Мас‘уди (345/956 г.) родился в Багдаде, умер в Каире. Известен как арабский историк, географ и путешественник. Внес значительный вклад в систематизацию истории и географии, ему удалось объединить различные разрозненные исторические и географические факты в одном энциклопедическом труде. Его называют «арабским Геродотом», а Ибн Халдун дал ему прозвище «Имам ал-му‘аррихин» («Предстоятель историков»). Также см. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.: Издательство Академии наук СССР. Т. IV. С. 171–184.

Следующий известный ученый, которого цитирует татарский богослов, – это Абу ‘Али ибн Даста⁷ (ум. 903 г.). Его перу принадлежит энциклопедия «ал-А’лак ан-нафиса» («Книга драгоценных ожерелий»). Следует отметить, что академик Крачковский И.Ю. считал нисбу Даста ошибочной и полагал, что верной является «ибн Русте».

Также Ш. Марджани обращается и к трудам Ибн Хаукала⁸ (ум. 977). Наиболее известным произведением данного автора является «Книга путей и стран» («Китаб ал-масалик ва ал-мамалик»), где приведены разнообразные сведения по истории и топонимике халифата и окрестных стран. Также в этом труде приводятся исторические и этнографические сведения об огузах, карлуках, кимаках, кыргызах, тогуз-огузах, хазарах и других тюркских народах. Автор подробно описал территории, занятые этими народами. В произведении рассматривается маршрут Великого Шелкового пути, а также многих других караванных путей. Историк и географ описывает города Исфиджаб, Тараз, Сауран, Суткент, Фараб, Кедер, Шаухар и др. Такое большое количество сведений стало известно благодаря тому, что Ибн Хаукал провел большую часть своей жизни в путешествиях.

Далее следуют авторы, относящиеся к одиннадцатому веку, – Шарифа Идриси⁹ и Абу ‘Абдуллах ал-Гарнати¹⁰. Первый является создателем труда «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Отрада скучающего в странствии по сторонам света»), как указывает автор, завершено в январе 1154 года. Также известен как создатель «ал-Китаб ар-Руджжари» («Книга Рожера»), так как был написан по его просьбе. Второму принадлежат произведения «Муриб ‘ан ба’д ‘аджаиб ал-Магриб» («Ясное изложение некоторых чудес Магриба»), «Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-‘аджаб» («Подарок умам и примеры чудес»). Вероятнее всего, Ш. Марджани обращался ко второму произведению, так как первое, преимущественно, касается Магриба. Также к авторам данного периода, на которых ссылается Ш. Марджани, относится Абу ‘Убайд ал-Кубри¹¹, создатель трудов «Му’джем ма усту’джем» («Энциклопедия иного (не арабского)»), «Масалик ва ал-мамалик» («Пути и царства») и др. В первом источнике приводятся разнообразные предания, истории, стихотворения, сведения о различ-

⁷ Ибн Русте, в некоторых источниках, в том числе у Ш. Марджани. Ибн Даста, полное имя Абу ‘Али Ахмед Ибн ‘Омар – мусульманский, персидский учёный-энциклопедист. Также см. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.: Издательство Академии наук СССР. Т. IV, С. 159.

⁸ Абу-л-Касим Мухаммад ибн Хаукал ан-Нисиби (ум. 977 г.), известен как Ибн Хаукал – арабский географ и путешественник. Родился в Багдаде, более 30-ти лет провел в путешествиях по разным странам. Также см. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.: Издательство Академии наук СССР. Т. IV, С. 199.

⁹ Абу ‘Абдуллах Мухаммад ибн Мухаммад ал-Идриси (1100–1165). Известный арабский географ, родился на Сицилии. Также см. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения – М.: Издательство Академии наук СССР. Т. IV. С. 281–296.

¹⁰ Абу Хамид Мухаммад ал-Гарнати (1080–1170), арабо-мусульманский путешественник и миссионер. Его полное имя Абу Хамид Мухаммад ибн Абд-ар-Рахим ал-Гарнати ал-Андалуси. Родился в Гранаде, образование получил в Александрии и Каире, где всесторонне изучал исламское право. Также см. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.: Издательство Академии наук СССР. Т. IV, С. 299–303.

¹¹ Абу ‘Убайд ал-Кубри (1014–1094), один из арабских географов Андалусии. В некоторых источниках упоминается как Абу ‘Убайд ал-Бакри. См. Бекри // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890. 1907. Т. III. С. 357

ных населенных пунктах, топографии регионов, их климатических особенностях. Книга составлена в алфавитном порядке. Несмотря на то, что Ш. Марджани не дает конкретного названия труда, вероятнее всего, цитату о сакалибах он приводит именно из первого произведения.

В числе авторов двенадцатого века Ш. Марджани обращается к трудам Ибн ал-Асира¹². Причем, в отличие от предыдущих, в данном случае он называет произведения, к которым обращался при написании «Мустафада...». В частности, это работы Ибн ал-Асира «ал-Камил» и «Усд ал-габа фи ма'рифат ас-сахаба». Полное название первой книги – «ал-Камил фи ат-тарих» («Полный свод всеобщей истории»), где автор излагает свое видение истории мира, начиная с момента создания до 1230 г. Второе произведение – «Усд ал-габа фи ма'рифат ас-сахаба» («Львы леса: знание о сподвижниках пророка Мухаммада») – представляет собой сборник биографий, где приводятся сведения о 7500 сподвижниках пророка Мухаммада.

Среди источников тринадцатого века объектом внимания Ш. Марджани стали труды Якута ал-Хамави¹³ и Шамса-д-Дина ад-Димашки¹⁴. Богослов ссылается на книгу Якута ал-Хамави «Му'джам ал-булдан» («Энциклопедия стран»), написанную в 1220–1224 гг. В ней автор представляет страны, города, которые он посетил, различные термины, меры весов и многое другое.

Что касается Шамса-д-Дина Абу 'Абдуллаха Мухаммада ибн Абу Талиба ал-Ансари ад-Димашки, согласно словам Ш. Марджани, известного как Ибн Рабва, то богослов не называет его произведение. Однако общепризнанный факт, что главным творением данного автора является «Нухбату ад-дахр фи аджаиби ал-барр ва ал-бахр» [2] («Выборка времени о диковинках суши и моря»), который был завершён около 1300 года. Автор произведения рассказывает о всяческих географических регионах, их истории, приводит точки зрения различных ученых. Особое внимание он уделяет описанию разных диковин, чудес, а также, в частности, определению высоты гор и расстояний между географическими объектами.

¹² 'Изз-ад-Дин Абу-л-Хасан 'Али ибн Мухаммад ал-Джазири, более известный как Ибн ал-Асир (1160–1233 или 1234). Один из видных мусульманских историков, курд по происхождению. Образование получил в Мосуле, а позднее в Иерусалиме и Дамаске. Принимал участие в походах Салах-ад-Дина ал-Айюби против крестоносцев, служил в качестве дипломата у багдадских халифов. Посетил Аравийский полуостров и Шам.

¹³ Шихаб-ад-Дин Абу 'Абдуллах Йакут ибн 'Абдуллах ал-Хамави (род. между 1178, 1180 годами – ум. 1229 г.). Известный исламский богослов, писатель, филолог, путешественник, историк и географ, грек по происхождению. Родился в Малой Азии, в детстве был захвачен в плен и в качестве раба продан сирийскому купцу по имени 'Аскару Ибн Ибрахиму ал-Хамави, благодаря которому получил мусульманское воспитание и образование. Когда он вырос, купец сделал его своим приказчиком, и он с торговыми караванами и судами посетил Египет, Сирию, Палестину, Аравийский полуостров, побережье и острова Персидского залива. Позднее был освобожден и занялся перепиской и торговлей книгами. Торгуя, путешествовал по разным странам, благодаря чему написал свои исторические и географические труды. Также см. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.: Издательство Академии наук СССР. Т. IV. С. 330–342.

¹⁴ Шамс-а-Дин Мухаммад ибн Абу Талиб ад-Димашки (1256–1327) – арабо-мусульманский географ. Также см. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.: Издательство Академии наук СССР. Т. IV. С. 382–386.

К источникам четырнадцатого века относятся «Маджма' ал-ансаб» [15] Мухаммада ибн 'Али ибн Мухаммада Шабанкарахи (1297 прил. 1300 гг.). Данное историческое произведение написано на персидском языке. Следующий труд этого периода – «Тухфат ан-нуззар», полное название которого «Тухфат ан-нуззар фи гараиб ал-амсар ва 'аджаиб ал-асфар» («Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий»), принадлежащий перу Абу 'Абдуллаха ибн Баттуты¹⁵, написанный на арабском языке. В своей книге Ибн Баттута подробно описал свои путешествия. В частности, он пишет о жителях тех регионов, где побывал, их одежде, образе жизни, различных блюдах и секретах их приготовления. И, наконец, наиболее известный автор этого периода – Ибн Халдун¹⁶. Хотя Ш. Марджани не указывает источник, однако можно сделать предположение, что речь идет об известном труде «Ал-мукаддима фи фадли 'илм ат-тарих» («Введение о превосходстве науки истории»). Данный труд представляет собой вводную часть первой главы трехтомного трактата автора «Китаб ал-'ибар» («Книга уроков»). В нем автор излагает свое видение различных политических, экономических, социальных вопросов, поднимает проблемы культуры человеческой цивилизации. Также он содержит большое количество фактов, касающихся образа жизни кочевников, их политических и экономических связей с оседлыми народами. Особое внимание уделяется историческим и географическим фактам, имеющим отношение к различным тюркским племенам.

Что касается авторов пятнадцатого века, то Ш. Марджани опирался на труды Ибн ал-Варди¹⁷ и Мира Ахунда (Мирхонда) ал-Харави¹⁸. Первый является автором труда «Харидат ал-'аджаиб ва фаридат ал-гараиб» («Жемчужина чудес и перл диковинок»), который содержит многочисленные сведения по истории Золотой Орды. Большая часть книги посвящена многочисленным географическим фактам, описанию различных регионов, начиная от Ближнего Востока и Северной Африки вплоть до Китая и Европы. Однако следует отметить, что содержащаяся в ней информация разнородна и не имеет четкой структуры. Автора второго источника Ш. Марджани не называет, а приводит только наименование труда «Равдат ас-сафа». Полное название этой книги «Равдат ас-сафа фи сират ал-анбийа ва ал-мулк ва ал-хулафа» («Сады чистоты о жизни пророков, царей и халифов»). Она написана на персидском языке и принадлежит перу Мира Ахунда ал-Харави. Свою книгу автор посвятил жизни и деятельности пророков, различных правителей и мусульманских халифов. Автор написал шесть томов, однако не успел завершить свой труд. Седьмой том был дописан его сыном Гийасом ад-Дином Мир Хондом.

¹⁵ Абу 'Абдуллах Мухаммад ибн 'Абдуллах ат-Танджи, известный как Ибн Баттута (1304–1377), родился в Танджере, умер в Фесе. Арабо-мусульманский путешественник, купец, посетивший все мусульманские страны того времени от Булгара до Момбасы, от Томбукту до Китая. Также см. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.: Издательство Академии наук СССР. Т. IV. С. 416–422.

¹⁶ Абу Зайд Абд ар-Рахман ибн Мухаммад ал-Хадрами, известный как Ибн Халдун (1332–1406), родился в Тунисе, умер в Каире. Известный арабо-мусульманский мыслитель, историк, один из предшественников социологии. Также см. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.: Издательство Академии наук СССР. Т. IV. С. 431–438.

¹⁷ Ибн ал-Варди, полное имя Сирадж ад-Дин Абу Хафс 'Умар (ум. 1457) – сирийский, арабский географ и историк. Также см. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.: Издательство Академии наук СССР. Т. IV. С. 490–496.

¹⁸ Мухаммад ибн Хондшах ибн Махмуд (1433–1498).

К источникам шестнадцатого века относится труд «А‘лам ал-ахйар», полное название которого «А‘лам ал-айхйар мин фукаха мазхаб ан-Нугман ал-мухтар» («Лучшие представители богословов избранного ханафитского мазхаба») [3]. Труд принадлежит перу Махмуда ибн Сулаймана ал-Кафави (ум. в 990 г. (1582 г)). Книга относится к жанру тараджим, в ней автор рассказывает о биографиях и трудах ханафитских богословов. Книга до сих пор остается рукописной.

К этому же периоду относится исторический труд «Тухфат ал-адиб ва хадийат ал-ариб» («Подарок воспитанному и подарок смышленому»), принадлежащий перу Сеида Мустафы ибн Ахмада ал-Хусайни ал-Ханафи ал-Джанаби¹⁹.

Богословские трактаты

Один из разделов своего исторического труда Ш. Марджани посвятил болгарским и татарским ученым. В нем он приводит не только их имена, годы жизни и краткие биографии, но также перечисляет написанные ими труды, а некоторые из них цитирует. Наряду с биографическими данными, Марджани также уделяет внимание различным богословским вопросам. Особенно глубоко он погружается в историографию проблемы определения времени ночной молитвы. Этому вопросу богослов посвящает пять страниц.

Одним из источников, на которые ссылается Ш. Марджани, является труд Наджми ад-Дина аз-Захиди²⁰, имеющий характер комментария к известной ханафитской книге по фикху, «Мухтасар ал-кудури». Продолжая свои размышления по данному вопросу, богослов приводит цитаты из трудов имама Агзама бин ‘Абд ар-Рахмана ат-Тенеки. Однако не указывает название книги, а лишь обозначает ее таким образом: «...в своей книге, написанной в 1146 г. (1733 г.)...». Далее он упоминает труды Абу ан-Насра ал-Курсави и, хотя не дает точного названия, но, по всей видимости, имеет в виду «Иршад ли ал-‘ибад» («Наставление рабам (Аллаха – А.Р.)»). Далее он в качестве источника ссылается на устные высказывания муллы Ибрахима, муллы ‘Абд ар-Рахима ахунда, Тадж ад-Дина, муллы ‘Али, Ниязакула ат-Туркмани, муфтия ‘Абд ас-Салама, шейха Ни‘матуллы ишана из Стерлибаша, муллы Фахрутдин ал-Бахтарий, мулл Исхака и Фахрутдина, муллы Хабибуллы ибн Рахманкули [14, с. 68–72].

Для анализа биографий богословов, выявления исторического периода, во время которого они жили, Ш. Марджани обращается к книге «Джавахир ал-муди‘а», полное название которой «ал-Джавахир ал-муди‘а фи табакат ал-ханафийа» [4] («Сверкающие жемчужины о биографиях ханафитов»). Она представляет собой сборник биографий ханафитских богословов. Ее автором является Мухи ад-Дин ал-Кураши ал-Ханафи²¹.

Рассказывая о богословах, которых Ш. Марджани относит к числу болгарских и татарских, в частности, о Сулеймане ибн Дауд ас-Саксини, Ходже Ахмаде ал-Баргари, Бурхане ад-Дин Ибрахим ибн Хидр ал-Булгари ал-

¹⁹ Мустафа ибн Хасан ибн Синан ибн Ахмад ал-Хусейни ар-Румий ал-Джанабий – османский историк, ум. 1590 г.

²⁰ Наджм ад-Дин Мухтар аз-Захиди ал-Газмини (ум. 1260 г.), полное имя Мухтар ибн Махмуд ибн Мухаммад Абу Раджа – известный ханафитский факих.

²¹ Мухи-д-Дин Абу Мухаммад ‘Абд ал-Кадир ибн Мухаммад ибн Мухаммад ибн Наср Аллах ибн Салим ибн Абу ал-Вафа ал-Кураши ал-Ханафи, 696–775 гг. (1296–1373).

Ханафи и др., он приводит ссылки на такие труды, как «Зухрат ар-рийад ва нузхат ал-кулуб ал-мирад» («Садовые цветы и очищение больных сердец»), «Кашф кабир» («Большое открытие»), «Усул ал-хусами» («Основы ал-Хусами»), «Тарика ал-Баргарийа» («Путь ал-Баргари»), «ал-Джами‘ ал-Баргари» («Сборник ал-Бургари»), «ал-Кинйа» («Указание») и др.

Литературные произведения и лингвистические труды

К литературным источникам богослова относятся поэтические произведения Хакима Сана’и²² и Мавлави ‘Абд ар-Рахмана ал-Джами²³ и Абу ‘Убада ал-Валид ибн ‘Убайд ал-Бухтури²⁴. В частности, он приводит отрывки из их стихотворений. Кроме того, он также использует «ал-Ихтисар ва аз-зайл ‘ала нафахат ал-унс»²⁵ («Краткое изложение и дополнение к дуновению задушевной беседы»), комментарий к сборнику стихотворений ал-Джами, автором которого является ‘Абд ал-Гафур ибн ‘Али ал-Лари (ум 1506 г.).

С целью разъяснения смыслов или особенностей написания и произнесения того или иного слова Ш. Марджани зачастую использует различные словари. При этом либо кратко обозначает их, например, «Китаб Люгат», либо вообще не называет. По этой причине точно установить данный вид источников не всегда представляется возможным.

Одним из словарей, к которому обращается богослов, является «Тибйан нафи‘ бурхан кати‘» [6]. Его составителем является Мухаммад Хусейн ибн Халаф ат-Табризи, также именуемый как Бурхан ат-Табризи, известный поэт, знаток языка (ум. 1651 г.). Книга, имеющая полное название «Тибйан ан-нафи‘ тарджамату бурхан кати‘» («Полезное разъяснение перевода неоспоримого довода»), представляет собой персидско-тюркский словарь.

Следующий источник – «Китаб фи ал-люга» («Книга о языке») – энциклопедический словарь Мустафы ибн Шамс ад-Дина ал-Ахтари (ум. 968 г.).

Выводы

Труд Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» входит в число важных источников по истории татар. Его по праву можно считать одной из первых попыток научного изложения истории булгарского и татарского народов. Несмотря на то, что данный труд подвергся критике со стороны М. Рамзи, следует отметить, что Ш. Марджани не ограничивается лишь изложением исторических событий, а анализирует их. Сравнивает имена, даты, информацию из книг сопоставляет с данными нумизматики, проводит параллели с текстами эпитафий и другими источниками.

²² Абу ал-Маджд Махмуд ибн Адам Санаи (1081–1141) – персидский поэт-суфий, родом из Газны. Его творчество приходится на годы правления газневида Мас’уда III (1099–1115). Часть жизни провел в Балхе, где изучал богословие и суфизм. В 1124 году по приглашению султана Бахрам шаха (1118–1152) прибыл в Газну. В качестве благодарности Санаи посвятил одну из своих поэм «Хадикат ал-хакаик» («Сад истин»), затрагивающую проблемы этики и воспитания.

²³ Нур ад-Дин Абд ар-Рахман ибн Ахмад Джами (1414–1492) – персидский поэт-аскет, суфийский шейх, богослов и мыслитель. Творчество Джами принято считать эпилогом классического периода персидской поэзии.

²⁴ Абу ‘Убада ал-Валид ибн ‘Убайд ал-Бахтари (820–897) – один из известных арабских поэтов аббасидского периода, современник поэтов ал-Мутанабби и Абу Тамама. Родился в Манбадж на северо-востоке Алеппо, большую часть жизни провел в Сирии.

²⁵ Ал-Лари ‘А. Хашийат ‘Абд ал-Гафур ‘ала ал-Джами – ‘Усманийя, 1309. 252 с.

Выявление и классификация источников позволили сделать вывод о том, что они написаны на арабском, персидском и тюркских языках. Несмотря на то, что часть произведения затрагивает историю возникновения и становления российской государственности, принятия ею христианства, ее взаимоотношений с соседями, Ш. Марджани не приводит ссылки на русскоязычные источники или их авторов. Также следует помнить, что Ш. Марджани не владел в достаточной мере русским языком, поэтому, вероятно, он был вынужден пользоваться услугами переводчиков. Возможно, его помощниками были Фаизханов Х. и Радлов В.В.

Классифицируя источники, использованные Ш. Марджани при написании труда, также можно отметить, что среди них есть вещественные, письменные и устные. К первым относятся монеты болгарских и татарских ханов, а также надгробные камни. Что касается вторых, то они имеют историческое, литературное, богословское и лингвистическое содержание, некоторые из них, в частности, ярлыки ханов являются документами.

Наиболее ранние источники, на которые автор обращает свой исследовательский взор, относятся к X веку. Самый ранний из них – это путевые записки Ибн Фадлана, датированные 922 годом. А наиболее поздним является труд Халима Гарай хана «Гулбун-и ханан...» («Розовый куст ханов»), который был опубликован в Стамбуле в 1821 г.

Несмотря на ценность данных, приведенных Ш. Марджани в своем труде, нет возможности согласиться с классификацией болгарских и татарских богословов. В частности, к ним отнесены Ходжа Ахмада ал-Баргари, ат-Тафтазани и другие. Хотя, по утверждению автора, они и проживали в Сарае, однако татарскими богословами они не являются. Например, что касается Шихаба-д-Дина Ахмада ибн Мухаммада ибн ‘Абдуллаха ал-Кураши ад-Димашки, то Ш. Марджани и сам утверждает, что он родился в Дамаске. Таким образом, раздел о болгарских и татарских богословах нуждается в отдельном исследовании.

Помимо упомянутых, Ш. Марджани в своих трудах приводит ссылки на следующие источники: «Рисала ал-интисаб», «Тарих Набакти», а также на одного из авторов Сеида Ракима. Поскольку богослов не предоставляет ни точных названий этих произведений, ни данных об их авторах, они до сих пор не идентифицированы и, несомненно, должны стать предметом дальнейших научных изысканий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абу ал-Гази Бахадур хан*. Тюрк шаджараси. Стамбул, 1925. 368 с.
2. *Ад-Димашки Ш.* Нухбат ад-дахр фи ‘аджаиб ал-барр ва ал-бахр. Лейпциг. Отто Харрасович, 1923. 379 с.
3. *Ал-Кафави М.* А‘лам ал-айхйар мин фукаха мазхаб ан-Нугман ал-мухтар. Библиотека национального совета. Рук. № 87826, Т. 1, 360 с., Т. 2. 292 с.
4. *Ал-Кураши А.* ал-Джавахир ал-муди‘а фи табакат ал-ханафийа. эр-Рияд, Дар ал-‘улум, 1988. Т. 1–5.
5. *Ал-Лари ‘А.* Хашийат ‘Абд ал-Гафур ‘ала ал-Джами. ‘Усманийа, 1309. 252 с.
6. *Ат-Табризи М.Х.* Тибйан нафи‘ тарджамат бурхан кати‘. ал-Хай‘а ал-‘амма ли дирасат ал-кутуб ал-каумийа, 1851. 642 с.

7. Ахмадуллин С.З. “Талфик ал-ахбар...” (“Свод сведений...”) Мурада Рамзи как источник по истории башкир / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2018. С. 68.
8. Госманов М.А. Шихабетдин Мәржани һәм тарихи чыганаclarны өйрәнү // Мәржани: тарих һәм хәзерге заман. Мәкаләләр жьентыгы. Казан: Мастер Лайн, 1998. 17 б.
9. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. Т. 4. 925 с.
10. Материалы круглого стола, посвященного книге Ибн Фадлана, его эпохе и археологическим коллекциям. Сборник статей / под ред. Р.С. Хакимова, З.Р. Валеевой, М.Р. Гайнановой. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016.
11. Миргалеев И.М. Ш. Мәржанинең Алтын Урда тарихына карашы // Шихабетдин Мәржани: Мирасы һәм хәзерге заман / Шигабутдин Марджани: наследие и современность. Казан: "Алма-Лит", 2008. Б. 102–109.
12. Миргалеев И.М. Шихабетдин Мәржани мирасыннан // Эхо веков – Гасырлар авазы. 2008. № 1. С. 179–195.
13. Миргалеев И.М., Абызова Р.Р. Шихабетдин Марджани о Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 181–198. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.181-198
14. Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. Казань, 1900. Т. 1. С. 68–72.
15. Шабанкарахи М. Маджма’ ал-ансаб. Тегеран: Му’ассасат интишарат Амир Кабир, 1984. Т. 1. 374 с.
16. Шарифуллина Н.М. Песенное творчество татар-мишарей Волжско-Сурского междуречья (Ульяновской области) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 2013. 28 с.
17. Юзмухаметов Р.Т. Структура текста и языковые особенности «Китабе Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Книга использованных сведений по истории Казани и Булгара») Шигабутдина Марджани. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Казань, 2002. 204 с.

Сведения об авторе: Рамиль Камилович Адыгамов – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли Института истории им Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); преподаватель Болгарской исламской академии (422840, ул. Кул Гали, 1, Болгар, Российская Федерация). E-mail: abu_muhammad@mail.ru

Поступила 05.09.2019 Принята к публикации 24.11.2019
Опубликована 29.12.2019

REFERENCES

1. Abu al-Gazi Bakhadur Khan. *Tyurk shadzharasi* [The Genealogical Tree of the Turks]. Stambul, 1925. 368 p. (In Russian)
2. Al-Dimashki Sh. *Nukhbat ad-dakhr fi ‘adzhaib al-barr va al-bakhr* [Sampling of Time about the Wonders of Land and Sea]. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1923. 379 p. (In Arabic)
3. Al-Kafavi M. *A‘lam al-aykhyar min fukakha mazkhab an-Nugman al-mukhtar* [The Best Representatives of the Theologians’ Favourites of Khanafy Madhab]. Biblioteka natsional'nogo soveta. Ruk. № 87826, Vol. 1, 360 p., Vol. 2., 292 p. (In Arabic)
4. Al-Kurashi A. *al-Dzhavakhir al-mudi’a fi tabakat al-khanafiya* [Glittering Pearls about the Biographies of the Hanafis]. al-Riyad: Dar al-‘ulum, 1988. Vol. 1–5. (In Arabic).

5. Al-Lari 'A. *Khashiyat 'Abd al-Gafur 'ala al-Dzhami* [Abd al-Gafur's Comment on Jami]. Usmaniya, 1309. 252 p. (In Arabic)
6. At-Tabrizi M.Kh. *Tibyan nafi' tardzhamat burkhan kati'* [Useful Explanation of the Translation of an Indisputable Argument]. al-Khay'a al-'amma li dirasat al-kutub al-kaumiya, 1851. 642 p. (In Arabic)
7. Akhmadullin S.Z. "*Talfik al-akhbar...*" ("*Svod svedeniy...*") *Murada Ramzi kak istochnik po istorii bashkir. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* ["Summary of Information..." by Murad Ramzi as a Source on the History of Bashkirs. PhD Thesis]. Moscow, 2018, p. 68. (In Russian)
8. Gosmanov M.A. Shihabetdin Mardzhani ham tarikhi chyganaklarny oyran [Sh. Marjani and the study of historical sources]. *Mardzhani: tarikh ham khazerge zaman. Makalalar jyentygy* [Marjani: History and Modernity. Collected papers]. Kazan: Master Layn, 1998. 17 p. (In Tatar)
9. Krachkovskiy I.Yu. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: Akademiya nauk SSSR, 1957. Vol. 4. 925 p. (In Russian)
10. *Materialy kruglogo stola, posvyashchennogo knige Ibn Fadlana, ego epokhe i arkeologicheskim kollektiyam. Sbornik statey* [Proceedings of the Round Table Dedicated to the Book of Ibn Fadlan, His Era and Archaeological Collections. Collected papers]. Pod red. R.S. Khakimova, Z.R. Valeevoy, M.R. Gaynanovoy. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. (In Russian)
11. Mirgaleev I.M. Sh. Mardzhaninen Altyn Urda tarikhyna karashy. *Shikhabetdin Mardzhani: Mirasy ham khazerge zaman. Shigabutdin Mardzhani: nasledie i sovremennost'* [Marjani's View of the History of the Golden Horde. Shigabutdin Marjani: Heritage and Modernity]. Kazan: Alma-Lit, 2008, pp. 102–109. (In Tatar)
12. Mirgaleev I.M. Shihabetdin Mardzhani mirasynnan. *Gasyrlar avazy=Ekho Vekov* [The Echo of the Ages]. 2008, no. 1, pp. 179–195. (In Tatar)
13. Mirgaleev I.M., Abyzova R.R. Shikhabetdin Mardzhani o Zolotoy Orde [Shihabutdin Marjani on the Golden Horde]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 1, pp. 181–198. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.181-198. (In Russian)
14. Sh. Marjani. *Mustafad al-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar* [Extraction of News about the State of Kazan and Bolghar]. Kazan, 1900. Vol. 1, pp. 68–72. (In Tatar).
15. Shabankarakhi M. *Madzhma' al-ansab* [Collection of Pedigrees]. Teheran: Mu'assasat intisharat Amir Kabir, 1984. Vol. 1. 374 p. (In Farsi)
16. Sharifullina N.M. *Pesennoe tvorchestvo tatar-misharey Volzhsko-Surskogo mezhdurech'ya (Ul'yanovskoy oblasti). Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata iskusstvovedeniya* [Songs of the Tatars-Mishars of the Volga-Sura Interfluve (Ulyanovsk region). PhD Thesis]. Moscow, 2013. 28 p. (In Russian).
17. Yuzmukhametov R.T. *Struktura teksta i yazykovye osobennosti "Kitabe Mustafad al'-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar"* ("*Kniga ispol'zovannykh svedeniy po istorii Kazani i Bulgara*") *Shigabutdina Mardzhani. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [Text Structure and Linguistic Features of Shigabutdin Marjani's "Kitabe Mustafad al-akhbar fi akhwali Kazan wa Bulgar" ("Book of Information Used for the history of Kazan and Bolghar"). PhD Thesis]. Kazan, 2002. 204 p. (In Russian)

About the author: Ramil K. Adygamov – Cand. Sci. (History), Associated professor, Senior Research Associate, Department of the History of Religions and Social Thought, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Lecturer, Bolghar Islamic Academy (1, Qul Gali Str., Bolghar 422840, Russian Federation). E-mail: abu_muhammad@mail.ru

Received September 5, 2019 Accepted for publication November 24, 2019

Published December 29, 2019

УДК 94(47)(093)

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.687-719

**АНОНИМНОЕ ПЕРСОЯЗЫЧНОЕ СОЧИНЕНИЕ «ХИКАЯТ»:
ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОЛГО-УРАЛЬЯ****И.Р. Гибадуллин**

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
ismagil4@yahoo.com*

Цель: ввести в научный оборот русский перевод малоизвестного персоязычного источника по истории Волго-Уралья в XIV–XVIII вв. и восстания 1735–1740 гг.

Материалы исследования: в настоящее время имеется небольшой массив татарских арабографических источников, содержащих сведения по истории тюрко-татарской государственности в Волго-Уральском регионе, которые можно буквально пересчитать по пальцам. Сочинение анонимного автора, озаглавленное «Хикайат» и вошедшее в композитную рукопись, которая хранится в библиотеке Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, является практически единственным известным на сегодняшний день персидским сочинением по истории Волго-Уралья. Поэтому оно является важным источником по истории этого региона, в особенности, если учитывать, что он написан местным автором и отражает особенности регионального волго-уральского исторического нарратива. Настоящая публикация содержит вступительную статью, основную часть которой составляет источниковедческий анализ этого сочинения. Данный источник впервые переведен на русский язык и введен в научный оборот.

Результаты и научная новизна: сочинение «Хикайат» можно условно разделить на два блока, которые отличаются между собой по источникам, на которые опирался автор, а также частично по характеру повествования: 1) изложение событий отдаленного прошлого, начиная с условного прихода Тимура в Булгар, истории Казанского ханства и его завоевания и заканчивая описанием реалий в «Башкирском вилайате», готовность населения которого к сопротивлению преподносилась как органичное продолжение сопротивления казанских татар экспансии Московского государства. Здесь анонимный автор опирается на некие устные предания (ахбар) и хроники (таварих), то есть привлекает письменные источники, в том числе некие «старинные булгарские рассказы» (киссаха-йи кадим-и булгарийа); 2) изложение событий восстания 1735–1740 гг. на основе свидетельств его живых участников и очевидцев, чаще всего безымянных, но иногда называемых по имени.

Ключевые слова: Волго-Уралье, башкирское восстание 1735–1740 гг., Булгар, Казань, персидская рукопись

Для цитирования: Гибадуллин И.Р. Анонимное персидское сочинение «Хикайат»: источник по истории Волго-Уралья // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 687–719. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.687-719

Благодарности: Выражаю сердечную благодарность коллегам Миргалееву Ильнуру Мидхатовичу, руководителю Центра исследования Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (ЦИЗОТХ ИИ АН РТ), и Аксанову Анвару Васильевичу, старшему научному сотруднику ЦИЗОТХ ИИ АН РТ, которые внимательно вычитали текст статьи и внесли важные поправки в примечания к русскому переводу текста рукописи.

**AN ANONYMOUS PERSIAN WORK – “HIKAYAT”:
A SOURCE ON THE HISTORY OF THE VOLGA-URAL REGION**

I.R. Gibadullin

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ismagil4@yahoo.com*

Abstract: *Research objectives:* To introduce into scholarly circulation the Russian translation of a little-known Persian source on the history of the Volga-Ural region in the 14th–18th centuries and the Bashkir uprising of 1735–1740.

Research materials: Currently, there is a small array of Tatar arabographic sources containing information on the history of Turkic-Tatar statehood in the Volga-Ural region, the number of which materials can be literally counted on the fingers. The work of the anonymous author, entitled “Hikayat”, and included in the composite manuscript which is stored in the Library of the Institute of Oriental manuscripts of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg, is almost the only known Persian work on the history of the Volga-Ural region. Therefore, it is an important source on the history of this region, especially if we consider that it was written by a local author and reflects the features of the regional Volga-Ural historical narrative tradition. This publication contains an introductory article, the main part of which is a textological analysis of this work. This source is translated into Russian and introduced into scholarly circulation for the first time ever.

Results and novelty of the research: The “Hikayat” can be divided into two parts that differ according to the sources used by the author and partly according to the nature of the narrative: 1) the presentation of events of the distant past, starting from the supposed arrival of Timur in Bolghar, the history of the Kazan Khanate and its conquest which concludes with a description of realities of the “Bashkir vilayet”, and an account of the willingness of local Muslims to resist Russian intervention presented as an organic continuation of the resistance of the Kazan Muslims to the expansion of the Muscovite state. Here the anonymous author relied on some oral traditions (Akhbar) and chronicles (tavarikh), employing them as written sources along with some “old Bulgarian stories” (kissakha-yi kadim-i bulgariya); 2) an account of the events which took place during the uprising of 1735–1740 on the basis of the testimony of contemporary participants and eyewitnesses, often unnamed, but sometimes mentioned by name.

Keywords: Volga-Ural region, Bashkir uprising of 1735–1740, Bolghar, Kazan, Persian manuscript

For citation: Gibadullin I.R. An Anonymous Persian Work – “Hikayat”: A Source on the History of the Volga-Ural Region. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 687–719. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.687-719

Acknowledgment: I express my heartfelt gratitude to my colleagues Mirgaleev Ilmur Midkhatovich, head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, and Aksanov Anvar Vasilyevich, senior research fellow of the same Center, who carefully read the text of the article and made important amendments in the footnotes to the Russian translation.

В настоящее время имеется небольшой массив татарских арабографических источников, содержащих сведения по истории тюрко-татарской государственности в Волго-Уральском регионе, которые можно буквально пересчитать по пальцам. Некоторые из них были переведены на русский язык и

опубликованы [1; 5; 8]. Содержащиеся в них сведения имеют большое значение для изучения мусульманского дискурса исторической памяти, нацеленного на формирование цельного и последовательного нарратива, который соединил бы репрезентации событий эпохи Золотой Орды и Казанского ханства с новым опытом существования мусульманской общины в составе Российской империи, в том числе формирования так называемой «булгаристской» историографии [10, с. 16]. Вместе с тем, еще далеко не все тексты, созданные мусульманскими интеллектуалами региона, были введены в научный оборот и стали доступны для широкого круга исследователей.

Во время работы с рукописными фондами библиотеки Института восточных рукописей РАН наше внимание привлекло одно анонимное персоязычное сочинение, включенное в состав рукописного сборника и озаглавленное переписчиком как «Хикаят» («Рассказ»)¹. Уникальность этого источника состоит в том, что он написан местным автором на персидском языке и содержит краткое, но достаточно цельное изложение истории Волго-Уральского региона с конца XIV в. по 1730-е гг. Персидский язык сочинения делает актуальным его изучение в контексте средневековой персидской историографии тюрко-монгольских государств Евразии, которая представлена фундаментальными трудами таких авторов, как Рашид ад-дин и Джувайни, и традиционно подпитывала интерес тюркоязычных, в том числе татарских, авторов к самостоятельным изысканиям в этой области.

Данное сочинение содержит сведения по истории Булгара и Казани, полуфольклорный сюжет о завоевании Тимуром Булгара и его походе на русские земли, перечень казанских ханов от сыновей булгарского правителя Ибрахима до печально известного касимовского царевича Шах-Гали, информацию о завоевании Казани и миграциях населения ханства в различных направлениях, ситуации в башкирском крае после завоевания Казани и подробное изложение событий восстания 1735–1740 гг.

Название текста («Хикаят») вряд ли является оригинальным, потому что подобные заголовки в композитных рукописях чаще всего давались извлечениям из других, как правило, более объемных сочинений. Не исключено, что название могло быть по каким-то причинам сокращено или изменено переписчиком.

В структурном отношении этот текст можно разделить на два блока, которые отличаются между собой по источникам, на которые опирался автор, а также частично по характеру повествования: 1) Изложение событий отдаленного прошлого, начиная с условного прихода Тимура в Булгар, истории Казанского ханства и его завоевания и заканчивая описанием реалий в «Башкирском вилайате», готовность населения которого к сопротивлению преподносилась как органичное продолжение сопротивления казанских мусульман экспансии Московского государства. Здесь анонимный автор опирается на некие устные предания (ахбар) и хроники (таварих), то есть привлекает письменные источники, в том числе некие «старинные булгарские рассказы» (киссаха-йи кадим-и булгарийа); 2) Изложение событий восстания 1735–1740 гг. на основе свидетельств его живых участников и очевидцев, чаще всего безымянных, но иногда называемых по имени.

¹ ИВР РАН. В 4070 (инв. 5724). Л. 376–456.

Автор объединяет эти два блока в единый текст, проводя с той или иной степенью очевидности две исторические параллели: во-первых, между подавлением восстания и нашествием Тимура на Булгар как наказанием за грехи; во-вторых, между подавлением восстания и завоеванием Казани.

Автор «Хикайат» считает причиной постигшей башкир трагедии высокомерие, гордыню и неблагодарность по отношению к Всевышнему, а подчинение законам Российской империи рассматривает не как безусловный императив, а скорее как тактический шаг или вынужденную меру, направленную на самосохранение. Несомненно, автор считает свободу и государственность необходимым атрибутом полноценной жизни мусульманской общины и сочувственно высказывается о стремлении башкирских старшин сохранять максимальную самостоятельность по отношению к имперской власти, в которой он видит не стихийное проявление феодальной вольницы, а органичное продолжение традиций мусульманской государственности Булгара и Казани.

Данная рукопись попала в Институт востоковедения АН СССР в 1938 году в составе коллекции, собранной преподавателем арабского языка из Астрахани С.А. Алимовым, который был официальным научным сотрудником этого института и с 1936 по 1939 г. приобретал по заданию руководства мусульманские рукописи в Нижнем Поволжье.

Если говорить о палеографических данных, сочинение было переписано в Поволжье на европейской бумаге размером 22X17 с водяным знаком, содержащим дату 1820 г., и располагается в конце сборной рукописи (лл. 376–456), первую половину которой (лл. 16–37а) занимает текст на османском языке, представляющий собой список сочинения «Усул ал-хикам фи низам ал-умам» («Основы правителей по управлению народами», 1732), написанного турецким просветителем и книгопечатником Ибрахимом Мютефаррикой (1674–1745) в традиционном жанре сийасат-наме. Таким образом, переписчик рукописи был хорошо образован, владел персидским и османским языками, интересовался историей и политикой, а потому, вероятнее всего, переписал эти тексты для своих собственных нужд.

Датировать данное сочинение сколько-либо достоверно сложно. Вместе с тем, можно точно утверждать, что оно было написано после восстания Пугачева (после 1775 года), но в период, когда еще были живы очевидцы восстания 1735–1740 гг. или по крайней мере их младшие современники. Автор опирается на слова очевидцев и современников тех событий, однако, скорее всего, получает эти сведения со слов других лиц, потому что называет первых «почившими старцами» (пиран-и гузашта). Поскольку автор описывает положение мусульман в его время как «тяжелое и безвыходное», можно предположить, что эти строки писались спустя небольшой промежуток времени после Пугачевского восстания (1770–1780-е гг.), до учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания в 1787 г.

Говоря об авторе сочинения, можно указать на то, что он был представителем прослойки улемов, достаточно хорошо владел арабским и персидским языками. Если опираться на данные топонимики, приводимые в источнике, он был человеком, который хорошо знал территорию Казанской и Ногайской дорог Уфимской провинции, племенной состав населявших этот регион, тесно контактировал с очевидцами восстания, в основном, с тамьян-

цами (о которых он рассказывает более подробно). Ряд деталей (таких как сакрализация образа Тимура) свидетельствует о вероятной связи автора с тарикатом Накшбандийа.

Автор, судя по всему, не владел русским языком, но в ряде случаев пользуется русской терминологией (бобыли, старокрещены, указ и т.д.). Текст также содержит фрагменты устного поэтического творчества на стандартном старотатарском языке. Автор «Хикаят» был явно хорошо знаком с эпической литературой татар (например, эпос «Чура-батыр»).

Следует отметить явные признаки простонародной речи в грамматике, лексике и стилистике, насыщенность персидского языка специфическими диалектными особенностями (что может указывать на длительное проживание в Средней Азии), отсутствие высокопарности и вычурности, традиционно присущей персидским сочинениям. В языке автора присутствуют тюркизмы (урмак, кабурга, тин, аксак, курашун и т.д.) и даже калькирование тюркских грамматических конструкций, иногда проскальзывает некорректное использование арабских терминов, отход от некоторых норм арабской и персидской орфографии (в особенности, при передаче имен собственных, которые чаще всего приводятся в форме, близкой к просторечной). Также следует отметить имеющуюся во многих предложениях несогласованность слов по времени и числу. Написание некоторых персидских слов отражает их произношение в татарском языке (бэтчэ, хезмэт).

Один из наиболее важных вопросов, которые вызывает этот источник, почему автор использовал именно персидский язык. Судя по тону автора, сочинение писалось на злобу дня, было адресовано российским мусульманам, вполне возможно, даже каким-то конкретным лицам, и имело целью предупредить повторение ошибок прошлого, которые когда-то привели к настоящей катастрофе для мусульманского населения Западного Приуралья. Персидский язык, наряду с арабским, имел большое значение и высокий статус в интеллектуальной традиции практически всех мусульманских тюркоязычных народов, в том числе в Волго-Уралье. Вместе с тем, именно в этом регионе сфера его применения была ограничена рядом сфер и жанров, как правило, имевших отношение к «высокому штилю», изящной словесности, поэзии, мистической традиции, придворной историографии и т.д. В тюркоязычном ареале, обычно, переход автора на персидский язык свидетельствовал о его более высоких компетенциях и как бы повышал статус его произведения. Также можно предположить, что персидский язык был использован с целью ограничить круг потенциальных читателей из каких-то чисто утилитарных соображений.

Первой данную рукопись изучила сотрудник ИВ АН СССР М.А. Салахетдинова, которая проанализировала ее содержание в своей статье, вышедшей в журнале «Страны и народы Востока» в 1965 году [9] и даже сообщила о том, что подготовила к публикации ее перевод. Перевод, к сожалению, так и не был опубликован, а наши поиски рукописи перевода в архиве ИВР РАН в Санкт-Петербурге так и не увенчались успехом. Тем не менее, она проделала серьезную исследовательскую работу и сопоставила данные этого источника с другими аналогичными сочинениями, которые упоминаются в научной литературе. В частности, она указала на частичное или полное совпадение сведений этой рукописи с другими известными источниками. Она сопоставила «Хикаят» с одной татарской рукописью и фрагментом персидской

рукописи «Джаза-и джанг», который приводит татарский историк Х. Атласи [11, с. 24–25].

Изложение событий восстания в «Хикайат» практически идентично данным несохранившейся татарской рукописи, которая была переписана в 1864 г. Нурмухаммедом сыном Мухаммеджана и включена в сборник, хранившийся в Татарском институте марксизма-ленинизма [4, с. 122–124, 363, 402–406]. О содержании рукописи с полной мерой достоверности судить сложно, так как «перевод отражает содержание татарского текста лишь в общей форме, а не является адекватной передачей его, поскольку некоторые фразы и слова оригинала не переведены вовсе, часть же из них переведена неверно или неточно» [9, с. 150].

По всей видимости, эти рукописи опираются на какой-то общий исходный текст, однако М.А. Салахетдинова затрудняется сделать вывод о том, является ли первичным персидский или татарский текст. Каждая из них содержит более подробные сведения по тем или иным аспектам описываемых событий, хотя в персидской рукописи имеются более точные даты и написание топонимов [9, с. 148]. На основе фотокопии одной из страниц татарской рукописи [4, с. 405], которая в нескольких местах содержит калькированный и не вполне корректный перевод персидских оборотов², можно предположить первичность именно персидской версии.

Также следует сказать о персидской рукописи «Джаза-и джанг», содержащей сведения по истории Казани и Казанского ханства, которую Х. Атласов использовал при написании труда «Казанское ханство». Он даже опубликовал одну из страниц сочинения, которая практически идентична соответствующим местам в «Хикайат», благодаря чему их можно считать двумя разными списками одного и того же произведения. Татарский историк не упоминает ничего о том, содержит ли его рукопись сведения о восстаниях, но само название «Джаза-и джанг» («Наказание за войну») вполне соответствует религиозно-дидактическим выводам автора «Хикайат».

Таким образом, содержащиеся в нашей рукописи сведения в основном уже отчасти были освоены исследователями благодаря указанным текстам. Однако именно «Хикайат» является практически единственным полным списком лежащего в их основе оригинального исторического сочинения, а потому содержит наиболее полные сведения по этой теме. К счастью, этот уникальный источник, наконец-то, станет достоянием общественности. Мы подготовили данный перевод с целью обеспечения доступа к нему широкого

² Например, автор татарской рукописи пишет: «урис хедмәтенә бил бәйләгәндер, шул мәртәбәгә ирешделәр» (اورص خدمتته بيل بيله کانلدور شول متربه کا ایرشدیلر), что является калькой оригинального персидского выражения: «...подобных им было много, готовых услужить...» (مانند اینها بسیار کسان بودند میان بسته گان) (см. персидская идиома *miyān bastan* – букв. «завязать пояс» – «приготовиться, подготовиться»). Чуть ниже автор татарской рукописи пишет: «Бу көн анлар күпләрдер. Шул чиктә Казан юлында башкорт авылларында һич кемне калдырмадылар» (بوگون انلار كوبلدور شول چيکده قزان يولنده باشقورط) (اؤللارنده هيچ کمنی قالدورمادی لر), что опять же является не очень удачной калькой оригинального персидского выражения: «Сегодня их настолько много, что на Казанской дороге не осталось ни одной из башкирских деревень» (ايمروز ايشان بسيار بحديکه در راه غزان از) (قریه های باشقورطی هيچکس نماند). См. персидский оборот *ba hadd-i ki* – «настолько, что...», «в такой мере, что...», от араб.-перс. *had* – «граница».

круга исследователей, интересующихся мусульманской историографией Волго-Уральского региона и развивавшимися в ее рамках дискурсами.

ПЕРЕВОД РУКОПИСИ

[376] Рассказ (хикаят)

Рассказчики преданий и передатчики сообщений повествуют из биографий и хроник древлезаветных старцев, из старинных булгарских рассказов следующее: когда после долгих переговоров достопочтенный эмир (хазрат-и амир)³ Тимур Аксак⁴ из-за неверных жителей Старого Булгара (Булгар-и кадим)⁵ – и Аллах более сведущ о том, что произошло между ними, раздор и разногласия – предпочтительнее воздержаться от [дальнейших] изысканий – направлялся к Черному Идилю (Идил-и сийах)⁶, [который] называют по-русски Волга, и подошел к границе гявуров⁷, крепости, которую называют Ала-Темур⁸, что возле Москвы (Мускав). Военачальника гявуров звали Михаиллия (Михаил или Михайлович – И.Г.⁹). Ему сообщили: «Пришел эмир Тимур Аксак, чтобы призвать тебя к исламу. Если ты примешь, тем будет лучше, а иначе он растопчет твое княжество и предаст твое войско острому мечу, разграбит твое имущество и поработит твоих детей». Однако гявур слышал о завоеваниях достопочтенного эмира Тимура Аксака, сильно испугался, [так что] в лице у него не стало ни кровинки, члены его охватила дрожь [от мыслей] «Что делать?». [Он] пришел и, волей-неволей, стал собирать большое войско для сра-

³ Подобное почтительное обращение к Тимуру, наделяемому автором чертами суфийского святого, может указывать на его принадлежность к тарикату Накшбандия. Такой образ Тимура в накшбандийской агиографической традиции, по всей видимости, сложился в XV веке в связи с возвышением накшбандийских шейхов при дворе Тимуридов, в частности Ходжи Ахрара, которым нужно было обосновать свое положение отсылками к полумифической связи между Тимуром и эпонимом тариката Баха' ад-дином Накшбандом.

⁴ Тимур (1336–1405) – среднеазиатский военачальник и правитель (эмир), основатель династии Тимуридов. Тимур был во враждебных отношениях с ханом Золотой Орды Токтамышем. Он совершил два похода на территорию Золотой Орды – в 1391 и в 1395 годах. Сам Тимур до Булгара не дошел, однако специалисты допускают мысль, что некоторые его воинские контингенты могли дойти и до города Булгара. (Более подробно смотрите книгу И.М. Миргалеева: [7]).

⁵ После возвышения Казани ее часто называли Булгар ад-Джадид (Новый Булгар), а исторический Булгар – Булгар ал-Кадим (Старый Булгар).

⁶ В настоящее время татарское название Черный Идиль (Караидел) используется для обозначения реки Уфа.

⁷ Автор называет русских персидским словом *гавр/гур* (گور), которое в своей изначальной форме *габр* (گبر) обозначало зороастрийцев, но со временем стало распространяться на всех немусульман. В русский язык вошло в форме *гявур/гяур* через турецкий язык (*gâvur*).

⁸ Данный сюжет не встречается в других сочинениях. По всей видимости, автор опирается на какие-то путанные сведения, связанные с различными событиями эпохи противостояния Тимура и Токтамыша. Упомянутый Ала-Темур может быть искаженным названием Алатыря (?).

⁹ По всей видимости, может быть аллюзией на образ Дмитрия Михайловича Боброк-Волынского, воеводы великого князя Дмитрия Донского.

жения. Когда достопочтенный Тимур Аксак подготовился, в это время пришел достопочтенный пророк Хизр (мир ему!)¹⁰, взял поводья [коня] достопочтенного Тимура Аксака и сказал: «Еще не настал срок сразиться с этими гявурами. Я сообщаю тебе, что [на это] нет дозволения от Достопочтенного Всевышнего Аллаха, но покажи некоторые из тех чудотворств (карамат), которыми тебя наделил Всевышний Господь». Достопочтенный Тимур Аксак встал, рядом с ним была трехлетняя кобыла, он взял ее за передние ноги и бросил в сторону гявунов. Благодаря Божьему могуществу [она] сломала верхушки всего, что они возвели из камня, и упала на расстоянии полутора миль [оттуда]. На месте, куда упала кобыла, по воле Могущественного, образовался водоем. Сегодня неверные не пьют оттуда воду и называют его «Поганое озеро» (Пагунный уджра)¹¹. После этого достопочтенный Тимур Аксак пошел обратно и направился к Самарканду. [38a]

Короче говоря, когда жители Старого Булгара спаслись и освободились от сражения с достопочтенным эмиром Тимуром Аксаком, их остатки собрались. Сначала Черный Идиль (Волга – *И.Г.*) протекал рядом со Старым Булгаром. После великого противостояния (мукабила-и кубра)¹², они прошли и увидели, что Черный Идиль течет в трех милях западнее, а потому сочли нецелесообразным строить новые дома. [Когда] их совещания подошли к концу, они возвели новую крепость в стороне летнего захода [солнца] (к северо-западу – *И.Г.*) от Черного Идиля, на берегу реки Газани (тат. Казан, рус. Казанка), которую называли Газан¹³ и которая была прозвана Новым Булгаром (Булгар-и джадид). В том месте они несколько месяцев и год – на то была воля Всевышнего Аллаха! – они прожили и провели время. Во всех ситуациях они обращались, в соответствии с благородным шариатом, к кадиям ислама (кудат ал-ислам) и великим сеидам (садат-и ‘изам), а те, в свою очередь, по обыкновению и манере благородных мужей, явственно разрешали споры и пресекали вражду [между ними]. В этой крепости правили шестнадцать ханов. В тот день, когда на Старый Булгар низверглись тяготы, его ханом был ‘Абдаллах¹⁴, и в тот день он пал мученической смертью, от него осталось два сына: один – Алтун-бек, а второй – ‘Алим-бек, [которых] из-за опасения перед пресечением их рода отвезли в лес и

¹⁰ Хизр (араб. Хидр) – коранический персонаж, упоминаемый в хадисах, который превратился в устойчивый образ небесного покровителя в суфийской агиографии и мифологии мусульманских народов.

¹¹ Подобные топонимы встречаются в различных частях Восточно-Европейской равнины. Географически наиболее близким к Москве является Поганое озеро на территории Московской области, в районе Московской Мещеры (в 3,5 км восточнее Летова близ границы Егорьевского района).

¹² Имеется в виду либо столкновение с Тимуром, либо какое-то другое крупное потрясение.

¹³ Здесь отражена менее распространенная форма написания топонима Казан, соответствующая не тюркскому названию котла (ср. татар. казан, قازان или قازان), а монгольскому имени Газан (غازان), которое было известно благодаря персидским историческим сочинениям.

¹⁴ Это имя фигурирует в татарских рукописях в качестве правителя Булгара [8, с. 555–594], однако на основе имеющихся данных невозможно установить, принадлежал ли этот правитель к одной из ветвей Чингизидов (на что может указывать его титул «хан») или был представителем какого-то менее знатного рода (на что может указывать титул «бек» у его сыновей и наследников). См.: [6, с. 123–138].

укрывали [там], они выбрались оттуда живыми, и в тот день, когда построили крепость Газан, по древнему закону, сперва ханом стал Алтун-бек; таким образом, вторым был 'Алим-бек, третьим – Мухаммад¹⁵, четвертым – Маматак¹⁶, пятым – Халил¹⁷, шестым – Ибрахим¹⁸, седьмым – Илхам¹⁹, восьмым – Мухаммад-Амин²⁰, девятым – Мамук²¹, десятым – 'Абд ал-Латиф²², одиннадцатым – Сахиб-Гарай²³, двенадцатым – Сафа-Гарай²⁴, тринадцатым – 'Али²⁵, четырнадцатым – Уташ²⁶, пятнадцатым – Йадигар²⁷, однако во времена Йадигар-хана в 950 году (1543–1544 гг.²⁸ – И.Г.) произошло солнечное затмение, шестнадцатым был Шигали-хан (Шах-'Али²⁹ – И.Г.). Когда после Йадигар-хана ханский род в Газане пресекся, они не нашли хана, в те дни Шигали был в плену у гявуrow. Мусульмане отбили его у гявуrow и поставили ханом в Газан. Короче говоря, по прошествии нескольких дней в 961 году от хиджры Пророка (1554 г. – И.Г.) порочное войско гявуrow спустилось с верховьев [38б] Черного Идиля и появилось в [стороне] летнего захода [солнца] (на северо-западе – И.Г.). Войско ислама на протяжении шести лет вело ожесточенную войну с ними, [но] никак не добилося победы. Аллах более сведущ о том, что правильно, [однако] говорят, [что] Шигали-хан вел тайную переписку с гявурами, [которые] сказали ему, чтобы он залил свинцом пушки и залил водой порох. Мусульмане об этом не ведали. В неожиданный момент гявуры атаковали, [а] мусульмане, застигнутые врасплох и спавшие, пришли в замешательство. Конечно, они некоторое время сражались, [но] это не помогло, [у них] не было стойкости, хотя, в случае, если это предание правдиво, по велению Всевышнего настало их время. Он сделал

¹⁵ Улуг-Мухаммад (ум. 1445) – последний единый хан Золотой Орды, основатель династии казанских ханов.

¹⁶ Махмуд-хан (Махмутак, Мамтак) (ум. 1465) – казанский хан (1445–1465), сын и преемник хана Улуг-Мухаммада.

¹⁷ Халил-хан (ум. 1467) – казанский хан (1465–1467), сын и преемник хана Махмуда.

¹⁸ Ибрахим-хан (ум. 1479) – казанский хан (1467–1479), младший брат и преемник хана Халила, сын хана Махмуда.

¹⁹ Илхам-хан (ум. ок. 1490-х) – казанский хан (1479–1485, 1486–1487), старший сын и преемник хана Ибрахима от первой жены – Фатимы.

²⁰ Мухаммад-Амин (ум. 1518) – казанский хан (1485–86, 1487–1496, 1502–1518), сын хана Ибрахима от его второй жены – Нур-Султан.

²¹ Мамук (ум. 1497) – младший брат сибирского хана Ибака из династии Шибанидов, занимавший казанский престол в 1496–1497 гг.

²² 'Абд ал-Латиф (ум. 1517) – казанский хан (1497–1502), сын хана Ибрахима и Нур-Султан.

²³ Сахиб-Гирей (ум. 1551) – сын крымского хана Менгли-Гирея, занимавший казанский (1521–1524) и крымский (1532–1551) престол.

²⁴ Сафа-Гирей (ум. 1549) – казанский хан (1524–1531, 1536–1546, июль 1546 – март 1549), племянник и преемник крымского правителя Сахиб-Гирея на казанском престоле.

²⁵ Джан-'Али-хан (ум. 1535) – касимовский правитель, занимавший казанский престол в 1532–1535 гг., брат Шах-'Али.

²⁶ Утамыш, Утямыш-Гирей (ум. 1566) – казанский хан (1549–1551), сын Сафа-Гирея.

²⁷ Йадигар-Мухаммад (русс. Едигерь, ум. 1565) – казанский хан в марте – октябре 1552 года, сын астраханского хана Касима.

²⁸ Дата дана с искажением, потому что реальное время правления Йадигар-хана пришлось на 1552 год. В 1552 году имело место кольцеобразное солнечное затмение (21 июля 1552 г., Сарос №109).

²⁹ Шах-'Али (русс. Шигалей) – касимовский правитель, несколько раз занимавший казанский престол (апрель 1519 – май 1521, июнь – июль 1546, август 1551 – март 1552).

[это] причиной, [и] мы считаем, что судьба дана Истинным, на всякую вещь по-настоящему не воздействует ничего, кроме Него.

Мы знаем из древних хроник и слышали от согбенных и дряхлых стариков следующее: Когда с верховьев Черного Идиля с западной стороны появилось войско гяуров, их предводитель Ибан ибн Васили, прозванный Гуррузнай (Грозный)³⁰, сперва построил в устье реки Зуйа (тат. Зөя, рус. Свияга) укрепленный оплот³¹, сложил там [все] их грузы и тяжести. Есть высокая гора, [которую] называют Кыз-Тау³², и на вершине которой он поставил дозорных, приготовил войско, они установили там большие и малые пушки, поставили множество часовых, построили пограничные сооружения и на протяжении шести лет воевали и доставляли беспокойство [из] такой твердыни. В конечном счете, судьба оказалась неблагоприятна к мусульманам: они были повержены и разгромлены. В тот день удостоился мученической смерти богатырь Чура ибн Малик³³, основы ислама были разрушены, и большинство последователей [истинной] веры были уничтожены. *«Аллах, возможно, после этого решит иначе»*³⁴, и после поражения исламского войска и разгрома последователей [истинной] веры острым мечом нечестивых неверных [они] разбежались во все стороны и рассеялись, грудных младенцев в колыбелях разрубали острыми мечами, [все их] имущество и богатство было разграблено и расхищено, невинные девы со стройными станами и юные невесты с румянными лицами попали в плен и были обращены в рабство неверными – упаси Всевышний Аллах! (ал-‘ийаз би-Ллах-и та‘ала) Большая часть этой общины отступила в направлении зимнего захода [солнца] (на юго-запад – И.Г.), в земли Крыма и Кубани, в места, где [находятся] Удж-Уйлук (Удж-Утлук, Удж-Аклук?), Карагач³⁵ и город, который путешественники называют Багча-Сарай и говорят в описание этого города, [что] Багча-Сарай «велик, но

³⁰ Иван IV Васильевич, Грозный (1530–1584) – великий московский князь, провозгласивший себя первым царем и всея Руси (в 1547 г.).

³¹ Крепость Свияжск, которая была основана в 1551 году.

³² По всей видимости, приводится татарское название Круглой горы, на которой располагалась Свияжская крепость. Аналогичные топонимы (Кыз-Тау, рус. Девичья гора) встречаются на Свияге, например, в с. Деушево (Апастовский район Республики Татарстан).

³³ Чура Нарыков – государственный деятель и полководец Казанского ханства, карачибек, входил в высший совет Казанского ханства – в Диван. Участвовал в походах Сафа-Гирея против Москвы, однако затем принял участие в его смещении и приглашении Шах-‘Али-хана. После падения Казани его потомки ушли к ногайцам и к казахам. Современный казахский род тама образовался из потомков татар, ушедших после падения Казани в казахские степи. Чура стал героем народных сказаний, впоследствии легших в основу эпоса «Чура-батыр», разные версии которого имели хождение у поволжских и крымских татар, казахов и ногайцев. Автор рукописи опирается на татарскую версию эпоса, в которой присутствует мотив гибели батыра во время защиты Казани, отсутствующий в казахской и ногайской версиях. Любопытно, что автор рукописи приводит имя его отца как Малик, искаженной версией которого и является Нарык.

³⁴ Коран, 65:1.

³⁵ В Крыму есть несколько объектов с таким названием: 1) хребет Карагач в восточной части главной гряды Крымских гор; 2) река, правый приток реки Судак; 3) вытянутая с северо-запада на юго-юго-восток долина одноименной реки, расположенная в районе города Судак.

велик» (Багча-Сарай кабирун лакиннаху кабирун) [39а], и другой город, который называют Сахисай (Кахисай?), и в низовьях Черного Идила (Волги – И.Г.) были города Актуба (Ахтубинск – И.Г.), Саратав (Саратов – И.Г.) и Сарчийа (Царицын – И.Г.), которая [была] крепостью. Они отправились к реке Джим (Эмба – И.Г.) и Куван³⁶, смешались с казахами и стали казахами. В вилайате Уфа³⁷ на реке Белый Идиль (Белая³⁸ – И.Г.), выше устья реки Дим (Дёма³⁹ – И.Г.), была крепость Кункират⁴⁰, они ушли в Ургандж (Ургенч – И.Г.) и построили там становище, которое тоже называли Кункират⁴¹. Сегодня их общины поют такую газель: «Идиль взял, Дон взял. Что осталось, чего [он] не взял?» (тюрк. Идил алды, Тинни алды, инди алмаган нигалды⁴²). На Белом Идилье есть высокая гора, [которую] называют Тур-Тав, Тур – это имя кункиратского⁴³ хана, он построил [ее] из-за наличия на ее вершине неприступного места, потому ее и называют Тур-Тав. Путники видят [ее], и сегодня имеются ее следы (крепости – И.Г.). Все, кому удалось спастись, отправились скитаться в разные стороны, и многие из потомков эмиров (мирза-задаган) добровольно смешались с русскими и, обманувшись мирскими прикрасами, взяли свое войско и свиту и поменяли исламскую религию на неверие – Упаси Всевышний Аллах! Их потомство распознают по прозваниям, [их] зовут Улубей, Кочубей, Ураков, Салтыков⁴⁴ и подобными именами, а некоторое число остальных угнетенных из мусульман с рыданиями, стенаниями, плачем и воплями, в замешательстве и растерянности, попали в плен к гявурам, без

³⁶ Куван-Дарья – рукав Сыр-Дарьи. Известно, что казахи-табынцы кочевали летом на Эмбе, а зимой откочевывали к Сыр-Дарье и Куван-Дарье.

³⁷ Уфимская провинция (до 1708 г. Уфимский уезд) – административно-территориальная единица Российского государства, включавшая в себя Казанскую, Ногайскую, Осинскую и Сибирскую даругу.

³⁸ Белая (тат. Агыйдел) – река на Южном Урале и в Предуралье; левый и самый крупный приток Камы.

³⁹ Дёма (тат. Дим) – река в Башкортостане и Оренбургской области, левый приток реки Белой.

⁴⁰ На территории Уфы (у слияния рек Дёмы и Белой) в XV–XVI вв. Располагалась крепость Казанского ханства, а южнее ставка наместника Ногайской Орды, которую уязывали с полуполюгендарной фигурой Тура-хана.

⁴¹ Автор может иметь в виду Кунград, расположенный на территории современной республики Каракалпакстан в Узбекистане и представляющий собой наиболее крупное поселение, связанное с этноплеменной группой «кунград».

⁴² Эти строки, посвященные потере прежних кочевий от Дона до Эмбы в ходе расширения Российского государства, являются рефреном в различных поэтических произведениях народных поэтов ногайского и казахского народов. Ср. слова из песни средневекового поэта-импровизатора Казтуган-Йырау (XV в.), стихи которого имели широкое хождение в среде татар и башкир на Урале вплоть до XX века, и к наследию которого с большой долей вероятности и обращается автор рукописи:

Яйыкты алды, Емде алды,
Едильде алды, Теньде алды,
Энде алмаган не калды?
[Яйк взял, Эмбу взял,
Идиль взял, Дон взял.
Осталось ли что-нибудь, чего он не взял?].

⁴³ Кунграды были расселены на территории Улуса Джучи и пользовались большим политическим влиянием.

⁴⁴ Автор произвольно называет русские фамилии очевидно тюркского происхождения.

припасов, от голода они были вынуждены отречься [от ислама], а также их потомство. В землях Казани есть множество сёл, которые принадлежат старокрещеным (кирашун-и кадим)⁴⁵. Прибегаем к Всевышнему Аллаху, [о] наш Господь, спаси нас от испытания неверия и нечестия!

После этого неверные овладели [ими], установили и ввели в действие предписания неверия, не осталось ни противившихся, ни споривших, они даже свергли с ханского престола Шигали-хана и поставили его в городе рядом с Москвой, который называют Керман⁴⁶, [где] он не осмеливался говорить «да» и «нет», не имел никакой власти, и он вынужденно согласился [на это]. После этого в 970 году (1562–1563 гг. – *И.Г.*) он покинул этот мир. Когда гявуры утвердились в Казани, и [повсюду] распространились проявления их владычества, не осталось никого, кто выступил бы против них, кроме [как в] вилайете Уфа, [где] остались две группы (та'ифа): [одна] под названием «башкурт», а другая – под названием «бубили» (бобыли)⁴⁷ – *И.Г.*). Они также обещали подчиняться, изъявили дружбу и сказали: «Знаком нашей покорности является то, что на нашей земле есть звери, от каждого дома мы будем складывать в казну шкуру зверя, а кто бы из нас ни стал царём (шах), тот будет служить и согласится на ясак». Гявуры же согласились. Одни отдавали лисьи шкурки, другие – куны шкурки, а некоторые люди, которые стали военными, служат своими острыми саблями. Того, кто не платит ясак, называли тарханами, и каждый год [396] они складывали в казну шкуры и получали от гявуrow грамоту (кабала). Сегодня, [как] ты знаешь, кто выплатил ясак, у того есть грамота, и его имя записывается в тетради (дафтар) гявуrow, а кому принадлежит ясак, тому дается грамота о тарханстве (тарханная грамота – *И.Г.*), и его записывают в тетрадях гявуrow как тархана. Бобыли так же платили каждый месяц по сорок белок (тин), но [к этому] также добавилась служба: они отправляли кого-либо с лопами и топорами, куда бы [гявуры] ни отправлялись с войной, они брали их вместе с собой, [и те] там рыли окопы. Хотя эти две группы проявили дружелюбие, конечно же, им не верили из-за различия в вероисповедании. [Они] слышали, как [те] говорят: «Даже если встречаешь гявура с хлебом и сыром, остерегись, не иди [к нему] без сабли и стрел» (перс. Гавр ра агарча истикбал куни ба нан-у-панир, зинхар ту нарави би шамшир-у-тир)⁴⁸, поскольку между этими двумя группами они вырыли ров (засечную черту – *И.Г.*) от устья реки Самара до устья реки Мензеля (Минзала), построили замки, в каждом замке установили пушки, поставили наготове войско, там стояло много стражей. Вместе с тем, хотя башкурты грабили имущество гявуrow и уводили их детей в

⁴⁵ Старокрещенные (тат. иске керәшен) – группа крещеных татар, которая противопоставлялась новокрещеным (тат. яңа керәшен) после проведения первой государственной ревизии 1719–1722 гг. и включала ту часть крещеных татар, которые были обращены в православие до учреждения Новокрещенской конторы (в 1740 г.).

⁴⁶ Хан-Кирман (тат. Ханкирман) – татарское название Касимова.

⁴⁷ Бобыли – принятое в Российском государстве в XV–XVIII вв. обозначение обедневших безземельных крестьян. Сохранялись наряду с тептярами как отдельное сословие на территории Башкирского войска. Автор рукописи, по всей видимости, не отделяет бобылей от тептяр.

⁴⁸ Здесь автор дает вполне изящный персидский перевод татарской пословицы. Ср.: тат. Урыс атаң булса да, билендә балтаң булсын («Даже если русский – твой отец, пусть у тебя за поясом будет топор»).

плен, они каждый год собирали с каждого дома ясак и увозили в Москву. Короче говоря, в пути они терпели убытки из-за разбойников и хотели построить здание ближе к крепости, [чтобы] отвозить ясак туда, [в том] месте, которое было пригодно для строительства крепости. [Люди] из племени Чуби показали место в своих землях в устье реки Уфа, [где] она впадает в Белый Идиль – там гявуры построили крепость и назвали ее Уфа. После этого все отвозили ясак туда. У устья реки Дим (Дёмы – И.Г.) есть родник, который называют Бирсуван (Берсувань⁴⁹ – И.Г.), [где] группа башкуртов на собрании посовещалась и дала обещание, что жители четырех дорог Уфимского вилайата соберутся в определенное время [и] посовещаются. Они слушали новости о гявурах, так они проводили время каждый год, древние старцы, опытные и повидавшие мир мужи со всех сторон собирались в Бирсуване [и] совещались о том, как надо жить в этом году, выслушивали новости и возвращались обратно.

В конце концов, главенство досталось Кучмамату ибн Улакаю⁵⁰ из тамьянов⁵¹. Конечно, [они] хорошо жили во времена Улакая⁵², в избытке и изобилии, и во времена его правления гявуры не ступали и шагу за пределы рва, он выполнял обязанности старшины (ага) среди всех мусульман, живших на четырех дорогах [40а], и большинство казанских чувашей и кунгурских чувашей, племя язычников (перс. муган⁵³) и уржумских христиан не выдержали всяческих притеснений и сбежали от смуты гявуров к башкуртам, находили приют у одной из групп (силсила) башкуртов, обретали спасение и избавление, а [те] их укрывали, записывали в тетрадах башкуртов и показывали гявурам. Никто из них не возвращался обратно. Сегодня в народе башкуртов таких людей много. Родина Ибн Улакая находится в 25 милях от крепости под названием Минзала (Мензелинск – И.Г.). В это время народ [всех] четырех дорог был единогласен во всем (букв. говорил одно слово из одного рта), не разногласил и не уклонялся, стал подчиняться одному старшине, а потому жил легко и не страдал от смуты гявуров, поступал согласно словам благонравных людей и принимал наставления, чтит истину и принимал ложь. Поэтому Всевышний Бог оберегал и защищал их от бед и смут.

У Кучмамата ибн Улакая было три сына. Первым был Атка (Итка[й]? – И.Г.), но он был угнетателем, поскольку грабил путников из числа бобылей, насильно забирая их имущество и пожитки, а потому после смерти отца испу-

⁴⁹ Берсувань (Берсианка, тат. Бәрсүән) – один из притоков р. Белая, протекает в Чишминском и Уфимском районах Республики Башкортостан (РБ).

⁵⁰ Кучум-батыр Тулекеев – батыр и старшина Тамьянских волостей Ногайской и Казанской дорог, один из предводителей восстания 1705–1711 гг. Как указал Ахметзак Валиди Тоган, Кучум по происхождению был из татар [2, с. 81]. Автор сочинения или переписчик передает его имя как Кучмамат, а также дает искаженное написание имени отца Кучум-батыра – Улакай (Үләкәй), вместо Тулакай (Түләкәй).

⁵¹ Род тамьян был распространен в татарских ханствах и в Ногайской Орде. Тамьянцы проживали в Беловолжском улусе Казанского ханства, впоследствии ставшей Казанской даругой Уфимской провинции. В составе южных башкир, живущих в южных районах РБ и в Оренбургской губернии также есть тамьяны, выходцы из Ногайской Орды и поступившие на службу российскому государству после падения Казани, в конце XVI – в начале XVII веков [3].

⁵² Тюлекей-батыр (Түләкәй-батыр) – один из вождей восстания 1681–1684 гг.

⁵³ Автор использует персидское название зороастрийцев (муг) для обозначения языческих финно-угорских народов Волго-Уралья.

гался там жить и ушел на Белый Идиль. Он был человеком крупного телосложения, большим и тучным, долго не прожил, умер, и его похоронили рядом с селом Муса⁵⁴, сегодня там находится большой мавзолей. Вторым сыном был Акай⁵⁵. Во время смуты гявуrow он попал в плен. Ничего не слышно о сыне Атка, но у Акая было два сына. Одного звали 'Абдаллах⁵⁶, которому в Мензелинске отрубили руки и ноги, а другого звали Бикташ, которого Мухаммад-Шариф⁵⁷ взял к себе рабом в услужение. Говорят, он был певцом (?) и музыкантом. Передают, [что], в конце концов, Мухаммад-Шариф убил его у себя дома. Всевышний Господь проявил справедливость, сына Мухаммад-Шарифа⁵⁸ во время восстания Пугачева в Актубе (Ахтубинске – *И.Г.*) порубили топором на куски. Третьего сына звали Чуаш, на него не обращали внимания, потому что его мать была чувашкой. Сегодня еще жив его сын Айткуча (Иткуча? – *И.Г.*) в селе Тукан⁵⁹. Короче говоря, после отхода Кучмамата ибн Улакая в город усопших, некоторое время спустя, чувашские воры украли коней Акая. В надежде схватить воров они отправились в их село⁶⁰, [те] оказали сопротивление мечами и стрелами, и они сразились и не уступили им. После этого Акай ибн Кучмамат поднялся и набрался смелости. Он приказал им, чтобы всех предали острому мечу. Одному из воров случайно удалось бежать, он отправился в Мензелинск и доложил гявуrow [406], дескать, Акай ибн Кучмамат пришел в наше село с большим войском, в мирное время убил все население, разграбил и похитил все имущество, захватил пленных и рабов. Об этом заявлении воров сообщили хану гявуrow. По причине этой жалобы он снарядил и отправил войско, начальника которого звали Чумансуф (Румянцев⁶¹ – *И.Г.*). Затем, чтобы довершить это дело, войско гявуrow пришло к Акаю. Они окружили село, схватили Акая и отдали его стражам. После этого никто не видел Акая и не слышал верной вести о нем. [Одни] говорят, его повесили. [Другие] говорят, сильно избили, и он там умер. [Третьи] говорят, отправили в ссылку. Аллах более сведущ о том, какие слова являются правдой. Рассказчик повествует: когда по всем сторонам разошлась между людей и распространилась по миру эта весть, ученые и факихи, худые и толстые сообщили друг другу, испытали ненависть,

⁵⁴ Мусино (Муса) – село, на месте которого сегодня находится микрорайон г. Салават в Республике Башкортостан.

⁵⁵ Акай Кусюмов – башкирский старшина Тамьянской волости Ногайской дороги Уфимского уезда, один из предводителей восстания 1735–1740 гг.

⁵⁶ Абдулла Акаев – старший сын Акая Кучумова, один из предводителей восстания 1735–1740 гг.

⁵⁷ Мухаметшарип Мряков – старшина Каршинской волости (в 1736–1744 гг.), верный царской администрации. Участвовал в подавлении восстания 1735–1740 гг. Был известен как ростовщик и пользовался дурной славой в народе.

⁵⁸ Сын Мухаметшарипа Мрякова, Юсуп Шарипов, служил старшиной и выступил в роли агитатора в поддержку губернатора в лагере пугачевцев. Был пойман повстанцами и 4 октября 1773 г. повешен вместе с 12 своими сторонниками.

⁵⁹ Тюканово (Төкән) – населенный пункт в Куюргазинском районе РБ.

⁶⁰ В тексте татарской рукописи «Хикайат-и Акай» указано, что это село Уразай на р. Ирне (современное село Урсаево в Заинском районе Республики Татарстан) [4, с. 402].

⁶¹ Румянцев Александр Иванович (1680–1749) – российский дипломат и военачальник, генерал-лейтенант. В 1735 г. был назначен астраханским, а затем казанским губернатором, начальником Комиссии башкирских дел и командующим войсками, направленными на подавление восстания башкир.

прибыли к реке Дим, к племенам Чуби, Баганиш и Уршак, чтобы посовещаться. По несколько человек от каждого племени пришли посовещаться, кроме Кангли и Кубав, [которые] не пришли и не согласились [с этим]. После этого это большое собрание, вооружившись оружием, пришли к Кангли и Кубав, установили знамена, глашатаи же провозглашали: «Будете готовиться к газавату или нет?». Они, волей-неволей, смешались с различными племенами, приготовились и снарядились. Перечислю одиннадцать групп из минцев⁶², кипчаков⁶³, тамьянов, бурчанов⁶⁴, чичкаков⁶⁵, уранов, каршилов, бураев, кангли и кубав, карай, джана, булар, шуран, байлар, три группы киргизов и четыре группы чурми, пять групп йиланов⁶⁶ и прочих, кто был там из обездоленных. Конечно же, среди них были много опытных бойцов и повидавших мир старцев, также туда пришли сведущие ученые. Из знаменитых бойцов явились Уразман-батыр⁶⁷ из чичкаков, Салим-батыр из тангламасов⁶⁸ и ‘Абдаллах-батыр из йиланов. Из байларов на совещании были Умар-Чичан (Умер Туктаров⁶⁹? – И.Г.), а из кириланов⁷⁰ – Джаркай⁷¹ и Аткал (Иткул? – И.Г.), из тамьянцев – Китсин-Тура, из кипчаков – Кильмак-Абыз⁷². Также было много усердных молодцев, а гявуры прибыли в Ачиликүл⁷³.

Это большое собрание после совещания сочло целесообразным отправить гонца и написать письмо. «Так я начинаю именем Господа, не имеющего сотоварищей. От всех мусульман тебе, гявуру Румянцеву (Урмансав). Я не пропущу тебя. Во-первых, отдай нам Акая ибн Кучмамата, во-вторых, возвращайся с миром в Мензелинск и не выходи за пределы рва. [41a] Я с помощью Всевышнего Аллаха буду воевать с тобой, и мир тому, кто последовал за [Божествен-

⁶² Мин – одно из родоплеменных объединений в районе реки Дёмы (Минская волость Казанской дороги). Минцы были представлены во всех татарских ханствах и в Ногайской Орде. Приуральские минцы были выходцами из Ногайской Орды и служили Казанским ханам. Часть минцев впоследствии вошла также и в состав современных башкир. Известны также как бельские и демские башкиры.

⁶³ Кыпчак – один из ведущих кланов в татарских ханствах. Кыпчаки Казанского ханства контролировали Заказанье и Беловоложский улус (территория расселения которых была сконцентрирована в междуречье Белой и Ика). Башкирские кыпчаки являются выходцами из Ногайской Орды и упомянуты одним из племен в ранней грамоте русских наместников Казани [3].

⁶⁴ Бурзян (башк. Бөрйән, тат. Бөржән) – одно из крупных башкирских родоплеменных объединений ногайского происхождения.

⁶⁵ Автор дает искаженное написание названия Чычкан/Тычкан.

⁶⁶ Здесь перечисляются татарские рода бывшего Акидель улуса (Беловоложский улус).

⁶⁷ Куразман-батыр (Уразман-батыр) Уразов – один из предводителей восстания 1705–1711 гг., участник восстания 1735–1740 гг.

⁶⁸ Ср. село Тыннамасово (Тонламасово) Киргизской волости (Актанышский район Республики Татарстан).

⁶⁹ Умер (Умир, Гумяр) Туктаров (Токтаров) – старшина Булярской волости Казанской дороги, один из предводителей восстания 1735–1740 гг.

⁷⁰ Кыр-Елан – одно из родовых подразделений еланов (Кыр-Еланская волость Казанской дороги).

⁷¹ Яркей Янчурун (кон. XVII – пер. пол. XVIII вв.) – феодал Еланской Казанской дороги. Принимал участие в восстании 1704–1711 годов.

⁷² Кильмак Нурушев (тат. Килмәк Абыз, 2-я пол. XVII в. – сер. XVIII в.) – феодал Юрматынской волости Ногайской дороги, активный участник и один из предводителей восстания 1735–1740 годов. Был известен как мусульманский проповедник (абыз).

⁷³ Озеро в Давлекановском районе РБ.

ным] руководством (ас-саламу ‘ала ман иттаба‘а-л-худа⁷⁴)». Гявур же ответил словами: «Покажите мне дорогу, я иду к Яику (Джаик) и ищу место, где я должен построить по велению царя крепость. Затем я отпущу Акая. Я держу его в безопасном месте». После этого большие и малые, ученые и глупцы, худые и толстые посовещались, и добрые люди сказали: «Если гявуры пройдут к нам в тыл, они поставят стражников и построят много крепостей. Мы лишимся этой возможности. Не быть нашим детям слугами неверных, у которых не будет смелости ни в чем им перечить и не будет силы. Нам будет лучше воевать и не пропускать гявуров». Старшины объявили своим подчиненным, чтобы на следующий день они готовились к походу. Когда настал следующий день, они начали войну. Несколько гявуров попытались прорваться и пройти, [но] их не пропустили и были тверды в своем обещании. Большинство гявуров взяли в плен, убили и ранили. Они сражались на протяжении около одного года. В один из дней войско ислама произнесло несколько молитв и попросило Всевышнего Творца о победе и помощи. Вдруг стрела мольбы попала в цель, они воевали с намерением возвысить слово Всевышнего Аллаха и произносили славословия [Аллаху]. Однажды они напали, обнажили сабли, метали стрелы, одетые в доспехи молодцы расстроили ряды [врага], одержали победу, сломали и разгромили [их] снаряжение, однако неопытные юноши, воспитанные в неге, до окончания [этого] важного дела ради прикрас мирской жизни были заняты грабежами, как вдруг они получили весть о дозорных гявуров. Они (гявуры – *И.Г.*) стали тихонечко предупреждать друг друга и собираться, зарядили пушки и ружья и отошли в сторону. Передатчики приводят со слов стариков, что некоторое время спустя они прилагали усилия, но так и не нашли ключа к победе. Конечно, гявуры также вернулись в Мензелинск и не освободили Акая. В том месте, где Белый Идиль впадает в Идиль-Нукрат (Вятку – *И.Г.*), появилось войско гявуров и поднялось вверх по Белому Идилю. Мусульмане же с ними воевали, многие знаменитые бойцы испробовали нектар мученической смерти. Среди них Салим-батыр из тангламасов обрел мученическую кончину в лесу Накас⁷⁵. Они никак не смогли остановить продвижение гявуров и перехитрить их. По этой причине Башкирский край постигла страшная беда. Они посовещались: «Если после этого мы вернемся к старому закону, гявуры нас не оставят в покое и будут нас притеснять, погубят [наше] имущество, а потому сделаем так. Нам не остается ничего, кроме как переехать в другой край, чтобы наши братья и дети жили в безопасности и изобилии, освободились от смуты неверных». Собрание посовещалось об этом. Вдруг настали зимние дни, стало холодно.

Передатчик говорит, что настали такие тяжкие и трудные [416] времена, что неверные нападали со всех сторон на протяжении шести месяцев и вели войну. Короче говоря, зимой со всех сторон приходили неверные и их убивали. Всевышний Господь не дал неверным одержать верх, и они дали отпор каждому. В конце концов, зима прошла, настала весна, холода стали менее суровыми, и мусульмане рассылали письма и вели друг с другом переписку [о том, чтобы], например, в назначенный день явиться в такое-то место. Ко-

⁷⁴ Традиционная формула приветствия, которая использовалась пророком Мухаммадом в письмах, адресованных немусульманским правителям, которых он призывал к принятию ислама.

⁷⁵ Хребет Малый Накас на юге Башкирии.

гда земля покрылась растениями, большая группа людей пришла на реку Кинал (Большой Кинель – И.Г.). Некоторые из них считали недопустимым покинуть родину и сбежали в лес Чаби (Чиби, Чуби – И.Г.)⁷⁶, а других добровольно или насилию привели, но если бы они имели возможность, то сбежали бы. Это были такие люди из казанских чувашей и уржумских черемисов, которые смешались с башкуртами. Они также пришли на Кинал (Большой Кинель – И.Г.), а у истоков Кинала есть река, которую называют Сазли-Йилга (Сазлы-Елга – И.Г.)⁷⁷. Выше нее есть источник, который сегодня называют Киши-Кирилган (тат. Кеше кырылган⁷⁸ – И.Г.), поскольку там произошла мученическая смерть многих мусульман. Поэтому [так и] говорят. На том известном месте они остановились и подумали, что гявуры остались далеко [позади] и не придут сюда. Они проявили беспечность, не поставили часовых на дороге и не назначали дозорных. Кто хотел, тот приходил, а кто не хотел, тот возвращался обратно, не уходил за Дим (Дёму – И.Г.). Община на возвышенности не знала общину в низине. Когда некоторые нехотя покинули родину, они лицемерно пошли к гявурам и сообщили. Гявуры же вооружились и тихонько пошли за этой группой, а мусульмане об этом не узнали. Когда осталось небольшое расстояние, некоторые лицемеры шпионили.

Передатчики рассказывают, что шпионил один из чувашей деревни Ашир⁷⁹ по имени Курбанай, не знаю, чей он сын.

Короче говоря, шпионы увидели, в каком месте остановились мусульмане, сообщили об этом гявурам и сказали, как обстоят дела. Они научили их хитрости, ночью отвели гявуrom в одно место, чтобы на заре они поставили там пушки и ружья и начали [бой]. Бедные мусульмане не знали, откуда пришла эта тяжкая беда. Большинство детей и женщин спали, вскочили, от страха бросились в воду и умерли, а раненые бежали, ныряли в воду и погибали там. Передают, что в тот день на Сазли-Йилга возник мост из мертвецов, они учинили такое истребление, [люди] горько плакали, их крики и вопли [42а] доходили до небес, согбенных древних старцев без всякого почтения убивали палками и камнями, словно собак, грудных младенцев разрубали саблями надвое, бедным женщинам и дряхлым старухам рассекали животы, спящих молодцев уничтожали и истребляли, их там поедали лисы, волки, воронье. Сегодня там, [если] расспросишь, найдешь их кости и увидишь⁸⁰. Они остались в таком виде вплоть до второй половины утра (араб. дахват ал-

⁷⁶ Возможно, имеются в виду земли Чуби-Минской волости Ногайской дороги в районе Белой и Дёмы.

⁷⁷ Эта река протекает в Саракташском районе Оренбургской области.

⁷⁸ Название речушки в Сакмарском районе Оренбургской области (на территории которого разворачивалась наиболее драматичная и кровавая часть кампании по подавлению восстания 1735–1740 гг.) и название еще одного места (Кешекырылган буй) у речушки Сухоречье возле с. Старокутлумбетьево в Матвеевском районе Оренбургской области. Переводится как «Место, где были убиты люди».

⁷⁹ Староаширово Матвеевского района Оренбургской области.

⁸⁰ Считается, что эти события произошли 22 мая 1736 года (по старому стилю) на западной окраине современного села Сунарчи Саракташского района Оренбургской области. Карательными отрядами, направленными для подавления участников восстания, были уничтожены сотни мусульман, которые были захоронены в трех групповых могилах.

кубра⁸¹). Затем [гявуры] дали пощаду, большинство людей, которым дали возможность [уйти] с шумом разбежались в разные стороны. Рассказывают, что из байларов Умар Чичан убежал и случайно дошел до реки, которая впадает в Кинал, его конь увяз в трясине, и он пешком ушел в Гамин (?). Сегодня по этой причине он получил название «река [Умар]»⁸². Аллах Велик, после этого гявуры лживо зачитали приказ, который они называют на своем языке «угаз» (указ – *И.Г.*), а именно: «Государь простил ваши грехи. После этого пусть у вас не будет опасения. Возвращайтесь на свою прежнюю родину». В то время на берега озера вернулся Урманай из чурми, смешался с гявурами. По этой причине его называют Урманай Кули (тат. Урманай күле)⁸³. Гявуры же ушли обратно подобру-поздорову. Мусульмане поверили этим лживым словам гявуров, каждый был охвачен своим горем, не обращал внимания на слова других, поскольку от смутения и растерянности их умы помутились, они не различали правду и ложь, не слушались приказов старшин (агай-бек), потому что для них настало время долгой смуты.

Передатчик рассказывает, когда мусульмане сочли целесообразным, чтобы выжившие после бойни вернулись на прежнюю родину, а некоторые испугались и посчитали недопустимым вернуться, отправились скитаться в разные стороны. Некоторые люди от нищеты и голода, не имея ни заботы, ни попечения, погибли, блуждая у этой [реки] Кинал.

Со слов древних старцев рассказывают, что племя, чьим прежним местом были земли [племени] Булар, не посчитало допустимым [оставаться там], потому что [эти земли] были близки к гявурам, но они также не сочли допустимым оставление родины. Летом они скитались, пока не пришла зимняя пора, и они отправились на Белый Идиль, на земли [племени] Тамйан, в Бигилджан. Там есть гора, которую называют Кумкак (Кумкас? – *И.Г.*). Они и там не обрели спокойствия, боялись чужаков, уставшие от битв и сражений, не видели ни от кого приветливого лица и улыбки, не встретили милосердия и сочувствия, а те, кого они считали знакомыми, стали [с ними] враждовать. Их несчастье только увеличилось. Из кипчаков Чанким, Абдразак и Абрак (Ибрак?) были «урыслыками»⁸⁴, преданными, как их называли гявуры, «верными башкирам» (вирнуй башкурт), воспользовались возможностью и, согласно Кара Кумкаку (Кумкасу? – *И.Г.*) из тамьянцев, из-за того, что [они] долгое время и в отдаленные времена ссорились и враждовали [с тамьянцами], но никак не могли одержать верх, и ради мести [426] они разожгли такую смуту, прибегаем [от этого] к Всевышнему Аллаху. Они несколько раз

⁸¹ На мусульманском Востоке, традиционно, выделяли первую половину дня от рассвета солнца до полудня (перс. чашт, тюрк. кушлук), которая условно делилась на две половины (перс. нимчашт, араб. дахва) – малую половину (дахват ас-сугра) и большую половину (дахват ал-кубра).

⁸² Умирка – река, левый приток реки Большой Кинель. Протекает по территории Матвеевского, Красногвардейского и Пономарёвского районов Оренбургской области России.

⁸³ Озеро расположено вблизи с. Урманево (Азнакаевский район Республики Татарстан).

⁸⁴ Урыслык (тюрк. сторонник русских) – термин, которым автор сочинения обозначает лояльных Российскому государству башкир.

приходили с сакмарскими⁸⁵ гявурами, чтобы воевать, в таких трудностях и смертельных муках проводили время. Над ними разгорелся огонь без света, они не нашли места для поселения и пристанища для укрытия. Ими овладел страх и сожаление о том, что их отцы жили в изобилии, а они оказались в таком затруднительном и безвыходном положении. [У них] возникло разочарование, дескать, возможно, имея столько благ, они не поблагодарили Всевышнего Аллаха за изобилие, стали творящими нечестие на земле (муфсидин фи-л-ард)⁸⁶. Безусловно, Всевышний Господь оказался недоволен их поступком и пожелал устранить с лица земли семя их нечестия. Кроме немногих передатчиков, [все] говорят: когда тамьянцы жили рядом с Мензелинском, они были зачинщиками войн и отправлялись в походы, у них было триста четыре знаменитых и прославленных богатыря. Когда Кучмамат ибн Улакай в месте их перекочевки поставил охрану одновременно со всех сторон войска, слева и справа, они шли, и каждый имел железный доспех, мечи и перевязи справа и слева, привязанные к поясу сабли и кинжалы, колчан, нес в руках лопатовидные стрелы и стальные дротики, верхом на быстроногих конях. Они гарцевали по площади, лучники натягивали тетиву царских луков к самому уху, пускали стрелы направо и налево. Они никогда не совершали ошибок, ни у кого не спрашивали [разрешения] и чаще всего были начальниками войска. Знатоки языка потому говорят:

Яу сорасаң, тамьяннан сора.

Дау сорасаң, сарайлынан сора.

*Тамьян яу белән булды, сарайлы дау белән булды*⁸⁷.

Конечно, Всевышний Аллах не любит высокомерных, а любит скромных и смиренных. В конце концов, между страхом и надеждой прошли зимние дни, погода стала мягче. Они посовещались: «Здесь проходит много народа, посередине находится большая дорога, [по которой] проходят и хороший, и плохой. Нужно потихонечку уходить. Нам нужно укрыться в пещере. Возможно, придет облегчение, и будет легче дать отпор врагу, потому что пещера – это укрепленное место. Дети и женщины, имущество и пожитки там будут в большей безопасности». Пожелав переселиться, они прибыли в земли [племени] Кипчак. Случайно с ними произошла в лесу беда, и Всевышний Господь послал им и там испытание. Вдруг лицемеры из кипчаков частично узнали об этом положении тамьянцев [и сообщили] гявурам из Сакмары. Утром они напали на это племя (тамьянцев – И.Г.), пограбили их имущество, взяли в плен и обратили в рабство детей, жен и дочерей, порубили топорами на куски дряхлых стариков и старух. Из тамьянских стариков Акманай, Качкун, Джийангул, Кинджагул, Султангул и многие другие, как взрослые, так и малые, сподобились мученической смерти в тот день.

⁸⁵ Сакмара, Сакмарский городок – станица Оренбургского казачьего войска, основанная в 1725 г., в настоящее время центр Сакмарского района Оренбургской области.

⁸⁶ Коранический термин, который используется в отношении грешных и порочных народов.

⁸⁷ Если ты спрашиваешь о бое, то спроси у тамьянца. Если ты спрашиваешь о споре, то проси у сарайлинца. Тамьянцы стали [известны] боями, а сарайлинцы стали [известны] спорами.

[43a]

Настала такая беда, что женщины от страха перед гявурами в тот день бросали своих детей, а некоторые остались подвешенными в своих люльках на ветвях деревьев, их матери не вернулись туда, их пожирало воронье, волки, дикие звери и вороны. Супругу Кукча-Тархана, мать Чувака[я], престарелую женщину из Карагуза (?), неверные разрезали у пояса пополам и бросили обе половины на дорогу. Из тамьянцев Курмангул ибн Акманай рассказывает: «Во время той смуты неверные нас собрали, хотели взять в плен. Я взял из колчана две стрелы, пустил вправо и убил гявура, пустил влево – убил мещеряка. После этого они дали волю, и я бежал. Позади меня кричал мещеряк: «Ох, никчемный башкир! Ты не знаешь, что сделал. Не хватит ветвей деревьев, чтобы вас перевешать». В тот тяжкий день Китсин-Тура, брат Кукча-Тархана, не оказал помощи нескольким бойцам вместе с их семьями, и они в бесприютности своей ушли в какую-то сторону, гявуры за ними не пошли. Однако Тархан-Кукча ибн Кучман в тот день покинул свет и похоронен на земля Чурми, в деревне Ташлы⁸⁸, да пребудет над душой его милость Божья. Неверные не пришли к Китсин-Туре. От кого отвернулась удача, те пришли к ним (неверным – И.Г.), не спаслись от них подобру-поздорову, не обрели мира и спокойствия, отправились в сторону казахских земель.

Передачики преданий по наследству от почивших древних старцев сообщают следующее: «Те слова, что остались [от них], то я и привожу. Всевышний Аллах знает лучше правду». Когда группа башкир разбежалась с [берегов] Кинала, каждый вернулся на свою прежнюю родину, имущество его было разграблено, а поля не засеяны. Во время такой трудности от гявуrow стали рассылать письма. «Кто отправился на Кинал [и] воевал, пусть прибудет в Мензелинск, а иначе его волей-неволей приведут со стражей». Бедные мусульмане услышали эту плохую новость, каждый потерял всякую надежду сохранить голову [на плечах], они оставили заботу о своей жизни. Лицемерам, которые улыбались и радовались, не было числа. Этим делом занимались «урысылки». Каршил (каршин – И.Г.) Мухаммад-Шариф и тубалач⁸⁹ Мас'уд прибыли из Казани в деревню Аксарай⁹⁰, также таким человеком был [43б] Надир ибн Уразмат⁹¹, и подобных им было много, готовых услужить и прибывших для истребления угнетенных мусульман. Они снарядили вместе с собой войска, назвали их своими именами, они с большим усердием хватили мусульман и отправляли их в могилу. Со стороны Саратова и Темников (Туман) прибыли конные и вооруженные мещеряки. Они также очень помогли гявурам в пленении мусульман-степняков, и гявуры назвали их «вавинча» (военщина – И.Г.). В конце концов, мещеряки не вернулись на свою прежнюю родину, поселились в вилайате Уфа и у каждого башкирского племени (силсила) насильно отбирали земли. Сегодня их настолько много, что на Казанской дороге не осталось ни

⁸⁸ Село Ташлы (Бавлинский район Республики Татарстан).

⁸⁹ Тубэлэч – одно из башкирских племен иштыякской группы, также родовое подразделение в составе башкирских племен айле и кувакан.

⁹⁰ Аксарино (тат. Аксар) – село в Заинском районе Республики Татарстан.

⁹¹ Надыр Уразметов (1688–1758) – старшина Надырской волости Казанской дороги. Принимал участие в подавлении восстаний (1735–1740). Считается одним из основателей нефтяного промысла в Волго-Уральском регионе.

одной из башкирских деревень, все остались разрушенными. Говорят, что после этой великой трагедии в Башкирском краю, особенно на Казанской дороге, осталось мало людей, из каждой деревни по одному-два человека, во многих [деревнях] не осталось никого. Ни у кого не было ни одного тулупа, а на десять дворов не находилось и одного топора. Зерна для сева не было, и [его] привозили из Казани. На десять дворов не было одной коровы и лошади. Пришли такие тяжкие и трудные времена, что лучше и не говорить. Они не находили ничего поесть и, если находили мышей-полевок и гадов, вроде лягушек, змей и черепах и им подобных. Рассказывают, что голод достиг такой степени, что они ели человеческое мясо. Многие в те дни пошли в рабство к Кутлимат-Мирзе⁹². Сегодня среди его крепостных много таких людей. Упаси Всевышний Аллах от смуты неверия и порока.

От стариков слышали, когда угнетенных мусульман собрали в Мензелинске, всем привязали на шею цепи, а руки и ноги заковали в тяжелые железные кандалы, приставили к ним стражников и охранников и велели [тем стеречь их]. Некоторых рассудительных старцев и воинственных юношей бросили под землю в темницу. После этого за Мензелинском возвели шестиугольные постройки, а некоторые из них имеют по десять и двенадцать углов. В каждом их углу вбили длинные железные колья – один кол посередине, а остальные – по сторонам, поставили виселицы. После [этого] привели всех упомянутых стариков и бойцов. Войско гяуров собралось, били в барабаны, музыканты начали играть на флейтах, горнах и всех видах инструментов [44а]. В таком положении они вышли на площадь экзекуции, а зеваки стали глядеть. Мусульмане прибегли к своему Господу, каялись и молили [Бога] о прощении, просили терпения и читали [айат]: *«Господь наш! Ниспошли нам терпение и умертви нас мусульманами»*⁹³. В самом конце они попросили о степени мучеников и сохранении веры: *«Господь наш! Спаси нас от несправедливых людей и дай нам победу над неверными! Аминь! О Господь миров!»* После этого они зачитали фирман, которые они на своем языке называют «указ». Неверные сели и на том собрании зачитали указ обо всем, что они хотели сделать для мести невиновным мусульманам. Разумеется, за один час трудно издать сразу два указа. Непременно, они удовлетволялись приговором небес и стояли. Гяуры приступили к делу. Первым [брали] того из мусульман, кого они считали хорошим военачальником, и сажали его на железный кол, приготовленный посередине, а его помощников [сажали на кол] вокруг. Богатырей, которые убили много неверных, наказывали более сурово, так что топором отрубали каждый его сустав от его членов, а в конце отрубали голову. Затем вбитые колья проходили через задний проход несчастных и выходили через голову. Они говорили: *«[Теперь] там посовещайтесь об убийстве неверных!»*. Некоторых подвесили на виселице за ребра железными крюками, некоторых забросали камнями, некоторым отрубили головы. Сколько бы они ни рыдали и не плакали, жалобно и слезно, они ни у кого не нашли пощады и милосердия, не спаслись от смуты. Господь наш! Своим великодушием после этого яви им благородство и одари своей безмерной

⁹² Кутлу-Мухаммед Тевкелев (1674–1766) – касимовский мурза из рода Тевкелевых, генерал-майор (1755), участвовал в присоединении Южного Урала к России и подавлении восстаний 1735–1740 гг.

⁹³ Коран, 7:126.

милостью, а также нас, несчастных, их потомство, оставшихся [во власти] гявуrow. Мы закланем кровью мучеников дать нам благие степени. Аминь, о Господь миров!

Со слов стариков рассказывают, что те мусульмане, которые находились на площади экзекуции, все время читали из Благородного Слова (Корана – *И.Г.*) столько, сколько имели возможность выучить до своей смерти. Спустя два-три дня все они сподобились мученической смерти. Как их казнили, не сказали даже после их смерти. Там их пожирали птицы. [446] Сегодня, [если] пойдешь в то место, то увидишь их кости, а также имеются следы [тех] строений, и [и они до сих пор] стоят.

Короче говоря, их имущество было разграблено, их дети, жены, целомудренные дочери и прекраснотицы невесты попали в плен к неверным. Многие казанские чуваш, уржумские черемисы и прочие язычники и христиане, которые были «урыслыками», жили в мире и изобилии, покупали у гявуrow пленных девушек-подростков, невест и юношей, привозили домой.

Старики говорят, также у ворот Мензелинска выдали группу [мусульман], построили в ряды и за два часа расстреляли из пушек. Все там испили нектара мученической смерти. Их умертвили, как скотину, бросили на помойке, где их поедали собаки, вороны и волки. Также на реке Мензелинке построили строение, сделали снаружи него прорубь, стали считать мусульман, освобождали одного из сорока, а тридцать девять [других] отправляли под лед. Рассказывают, что они бросили [туда] столько людей, что вода Мензелинки не могла течь подо льдом, вследствие чего поднялась и потекла над ним. Настали такие тяжкие и жуткие для них дни, что и не выразить языком. Все это было рассказано, и только одна тысячная записана. Они столько рыдали и стонали, обращались с мольбами к Всевышнему, но они не были приняты. От раба – мольба и рыдание, а ответ – это воля Творца, потому что нужно хорошо произносить мольбы до наступления кары, а в безвыходном положении от нее нет пользы. «*Но не помогла им вера, когда они увидели Наши наказание*»⁹⁴.

Короче говоря, над ними была исполнена и свершена воля Всевышнего Аллаха, пролился дождь страха, пронесся кровавый поток, а оставшееся население увели пешком в кандалах, отправили в Казань. Кто не имел сил идти пешком от голода и жажды, тех зарубали саблями караульные. Каждую милю оставались [на дороге] по десять пеших человек. Кто шел к воде с намерением попить, тому не разрешали и отгоняли. Немногие из них дошли до Казани. Их также убили в соответствии с законом. Юношей забрали в солдаты и отправили в ссылку.

Рассказчик также говорит, что в Уфимской губернии, на Казанской дороге, однажды гявуры вошли в какую-то деревню, собрали мусульман со всех дворов, поместили в одном доме [45а], и взрослых, и малых, крепко заколотили двери и окна, бросили [в него] огонь и подожгли. Бедные и несчастные, они там все с воплями и криками сподобились мученической смерти.

После того, как гявуры насытились этой великой бойней, они стали распространять письма. Кто после этой великой трагедии спасся от убийства и пленения, должен был отдать в казну коня. После этого все, кто называются башкур-

⁹⁴ Коран, 40:85.

тами и являются степняками, отдали в казну гявуrow по коню и получили грамоту, [в которой] гявуры их назвали на своем языке «вор-башкир, бунтовщик и изменник». [Рассказчик] сказал, что не знает, что это означает. Кто был «урыслыком», того прозвали «верный башкир» (вирный башкурт). Чтобы те, кто искренне стал «урыслыком», знали, кто является башкиром-степняком, они спрашивали о грамоте за коня. Не дай Бог, кто-нибудь не имел грамоты, его отправляли к гявурам, где его без всякой жалости казнили. Такая погибель их настигла.

Старики рассказывают, что после великой трагедии несколько человек не могли пройти через селение гявуrow. Не дай Бог кому-либо пройти, неверные, и мал, и велик, приходили, брали палки и камни и побивали [их], и никто их не останавливал. Они шли за ними следом, и те спасались бегством. Слава Аллаху, сегодня такого уже нет. Стократно жаль, если вспомнишь бедственное положение почивших старцев, то от жалости к этим несчастным сжимается сердце, а на глазах проступают слезы. О Пречистый Господь! Яви их душам бесчисленную милость и дай нам ради крови наших старцев-мучеников благой исход в конце жизни, не лиши милости и не введи в отчаяние! Аминь, о Господь миров!

Рассказчик передает со слов древних старцев: когда Китсин-Тура из тамьянцев во время смуты сражался с гявурами, он вместе с несколькими людьми прошел через земли кипчаков, лес Балам (?), к казахам. Когда они прибыли в земли казахов, казахи задумали хитрость, встретили их с лживой приветливостью и сказали: «О несчастные братья-мусульмане, бежавшие от гявуrow! Добро пожаловать! Здесь вы в безопасности. Если вы мучаетесь от жажды, мы напоим вас водой, а если вы голодны, мы накормим вас. Если вы хотите, мы разделим все дома, чтобы можно было легче удовлетворить ваши нужды». Они посчитали правдивыми их лживые слова и согласились. Когда они делили [дома], они украдкой и по-дружески забрали все их оружие. Поступив таким образом, они захватили их молодых жен и подросших дочерей, [456] разграбили имущество, в знак непочтительности убили палками, словно собак, боеспособных молодцев и красноречивых старцев. Китсин-Тура, Чура, Така-батыр и их род в тот день нашли мученическую смерть. Часть женщин и детей без всякой жалости разлучали друг с другом и продавали кызылбашам (персам – *И.Г.*), туркменам, каракалпакам или другим казахам. Если кто-то говорил хоть слово или не давал согласия продавать его детей, его убивали всевозможными мучительными казнями, бросали в зарослях тростника или на помойке, где его пожирали собаки, лисы и воронье.

Когда башкирская община не нашла в казахх верности, у кого была возможность, те бежали обратно к гявурам. Сегодня [некоторые] из башкир [там] остались. Ты видишь, что некоторые из их потомков живут хорошо, никто их еще не выгнал, и они не вернулись назад. Об остальном Аллах знает лучше правду.

Бедствие, на которое Всевышний Господь обрек [башкир], и тот приговор, который свершился по Господней воле, заранее предопределены и непременно осуществляются, и никогда не бывать другому. Стремление его избежать есть невежество. Куда бы он ни пошел, он будет встречен добром.

Всевышний послал нам за наши деяния такие беды. Нужно стойко их терпеть и не оставлять границ Всевышнего Аллаха. В этом мире [Он] подверг такому наказанию, и я не знаю, каково будет наше положение завтра (то есть в

следующей жизни – И.Г.). «Господь наш! [Мы поступили несправедливо по отношению к себе], и если Ты не простишь нас и не смиростивишься над нами, то мы непременно окажемся одними из потерпевших урон»⁹⁵. Наш удел в этом мире и рассказ почивших старцев состоит в том, что они жили в изобилии, повидали мало бед и горестей, не было смуты неверных. Они делали всё, что хотели. Несмотря на это, они не прибегали к войне с Россией. Мы же оказались в эту смутную пору России, в тяжелом и безвыходном положении, весьма пострадали от смуты гяуров, претерпели бесчисленные трудности, клялись подчиняться их приказам, чтобы в настоящее время не понести урон.

... нам нельзя проявлять легкомыслие и слишком легко относиться к делу, а следует проявлять терпение. Ты видишь, что они сделали со стариками. Если ты станешь таким, то, бесспорно, и от тебя не далека [эта участь], не нужно испытывать [судьбу]. Что они сделали с уральскими казаками? Лекарством от ста слов является одно слово. Стань покорным и не выходи за рамки установленного законом порядка, дабы стать одним из спасшихся от смуты, потому что добровольно бросаться в колодец гибели и воду бедствия...

Приложение

Персидский текст рукописи

[376]

حکایت

راویان آثار و ناقلان اخبار از سیر تواریخ پیران دیرینه شیئمه از قصه های پیشین بلغاریه چنین روایت میکنند (:)
چون بعد از معامله کثیر امیر حضرت تیمور آقصاق بشأن زنده گانی کننده گاور بلغار قدیم الله اعلم بهرچه افتاده است در میان شان نزاع مخالفت ترک تفحص اولی است بجانب ایدیل سیاه می رفت بر زبان روسیه ژولگی می گویند رسید نزدیک سرحد گور قلعه که آلا تمور می گویند قریب مسکاؤ است سالار گور میخایلیه نام بود. او را خبر آوردند که امیر تیمور آقصاق بیامد که ترا باسلام دعوة می کند قبول کردی فیها و الا خواهد که ولایت ترا پایمال کند و سپاه ترا با سیف صارم معروض می کند اموال و اولاد را بیغما و استرقاق می برد ولی گور نیز شنیده بود فتح های امیر حضرة تیمور آقصاق سخت ترسید و در روی خون نماند و در اعضاهای او زلزله پدید آمد چه کردن باید آمد چه ناچار از برای جنگ سپاه انبوه گرد آورد چون حضرة تیمور آقصاق حاضر طیار گشت درین حال حضرت نبی حضرع(لیه سلام) بیامد زمام حضرة تیمور آقصاق بگرفت و گفت بمحاربه این گوژ وعده نرسیده است بتو خبر می دهیم از حضرة خدای تعالی اجازت نیست ولی از کراماتیکه رب تعالی بتو ارزانی داشته است پاره بنمای حضرة تیمور آقصاق برخاست نزدیک او اسبی سه سالگی بود از پائی پیشین بگرفت بجانب گور انداخت بقدره یزدانی سر کلیه که از سنگ عمارت کرده بودند بشکست در مسافت میلی و نیم دور افتاد موضعی که اسب افتاده است بقدره جبار برکهه پدید آمد امروز کافران از آن حوض ننوشتند باسمى که پاگوننوی او جره (поганое озеро) می نامد بعد ازین حضرة تیمور آقصاق باز آمد بجانب سمرقند

[38a]

روان شد

فی الجملة چون اهل بلغار قدیم از معامله حضرة امیر حضرة تیمور آقصاق رستگاری و خلاصی یافتند باقی ایشان گرد آمدند در اول ایدیل سیاه نزدیک بلغار قدیم روان شده بود کجاها بعد از مقابله کبری گذشته دیدند ایدیل سیاه سه

⁹⁵ Неполная цитата из Корана (7:23).

میلی بجانب غربی رونده است و لهذا عمارة نو ساختن مصلحت ندیدند مشورت‌های آنها بتمامی رسیدند بسوی غروب صیفی نزدیک ایدیل سیاه و در کنار نهر غزانی قلعه نو عمارة کردند بغزان نام نهادند و ملقب ببلغار جدید و دران موضع باشعار اسلام چند ماه و سال ماشاءالله تعالی زنده گانی کردند و روزگاری گزاردند و در جمیع حوادث بموافقت شرع شریف بقضاة الاسلام و سادات عظام رجوع کردند و آنها نیز علی سنت سیرة اعیان بعیان رفع نزاع و قطع خصومتها کرده اند درین قلعه شانزده خانان گزشته ایند کدامین روزی که ببلغار قدیم دشواری فرود آمده است خان او عبیدالله خان بود و دران روز بشهادة رسیده است ازو دو پسر مانده بود یکی آلتون بیک و دوم عالم بیک از جهت احتیاط انقطاع نسل شان ببیشه بردند نهفته داشتند و از آنجا جان بسلامت بسن بردند و دران روز که قلعه غزان را عمارة کردند بقانون قدیم اول آلتون بیک خان شد بدین نمط دوم عالم بیک سیم محمد چارم ممتک پنجم خلیل ششم ابراهیم هفتم الهام هشتم محمد امین نهم ماموق دهم عبد اللطیف یازدهم صاحب گارای و دوازدهم صفارگرای سیزدهم علی چهاردهم اوتاش پانزدهم یادگار اما در زمان یادگارخان در تاریخ نهصد پنجاه سال کسوف شمس شد شانزدهم شغالی خان کجاها بعد از یادگارخان نسب خانی در غزان بگسست خان نیافتند دران روز شغالی در دست گور اسیر بود مسلمانان او را از دست گور گرفته بیاوردند و در غزان خانی نهادند القصة بعد از مرور زمان چند روز در تاریخ نهصد شصت یکم سال از هجرة نبوی سپاه تباہ گور از بالای

[386]

ایدیل سیاه بغروب صیفی ظهور آمد عسکر اسلام در امتداد شش سال اشد جنگجالی ساختند بیکدیگر بهیچ وجهی ظفر و نصره نیافتند الله اعلم بالصواب می گویند شغالی خان بغمازی بگور مراسله داشت گو...ش که زنبورها قوراشون ریخت و داروها آب ریخت مسلمانان را ازین خبری نبود در وقت غفلت گور هجوم کردند مسلمانان غافل و خفته سراسمه شدند البته چند مقاتله کردند سودی نداشت و پایداری نبود اگرچه در صورۃ درست بودن این روایت ایشان را وقت رسیده است بامر حق تعالی او سببی کرده است دهر را از حق می شناسیم هر چیزی را موثر حقیقی جز آن نیست از تواریخ دیرینه دانسته ایم و پیران خمیشت فرسوده چنین شنیده ایم کجاها از بالای ایدیل سیاه از جانب غربی سپاه گور ظاهر و عیان شد سالار آن ایوان ابن واسیلی ملقب بغروزنای بوده است در اول امر بگلوی نهر زویه ملجای محکم ساختن احوال ایشان در آنجا نهاد کوهی بلند است بقز طاؤ می نامند در سر آن پاسپانی نهاد و عسکر طیار داشت و زنبورها (یعنی طویلارنی) کلان و خرد در آنجا نهادند و رهبانان بسیار گزشته اند و سرحد ساختند و در امتداد شش سال چنین ثقلی مزاحمت کارزار کردند آخر الامر طالع نامساعد مسلمانان روی نمود مغلوب و مقهور گشته اند دران روز پهلوان چورا ابن ملک بشهادة رسیده است و اساس اسلام منهدم و اکثر اهل ایمان منعدم شد لعل الله یحدث بعد ذلک امرا و بعد از مغلوب (شدن) عسکر اسلام و مقهور (شدن) اهل ایمان سیف صارم کفار فجار در جوانب شتی و پراکنده شدند و پنجه گان شیرخواره و گهواره بشمشیر بران دونیم زدند مال و منال ببغما و غارت و دختران دوشیزه شمشاد قد و عروسان نوجوان لاله خد اسیر و استفاق گور گشته اند العیاذ بالله تعالی و اکثر این جماعت استنبار بسوی غروب شتوی بزمین قریم و قویان رفتند بموضعی که دران اوج اویلوک (اوتلوک؟) و قراچ و شهری که بغچه سرای می گویند سیاحان و در صفت آن شهر گفته اند بغچه سرای کبیر لکنه

[39a]

کبیر و شهر دیگر کخیسای (?) می نامند و در شیب ایدیل سیاه شهرها بود آقطبا سراطاؤ و سرچیه کویک قلعه ایشان بنهر جیم و قوان رفتند بقزاق آمیخته قزاق گشتند و در ولایت اوفی در نهر ایدیل سفید بالای گلوی نهر دم قلعه قنکراط بود ایشان باورگانش رفتند و در آنجا مقامی عمارة کردند نیز نیز به قنکراط نام دادند امیروز مجمعی ها ایشان غزل می گویند چنین (: ایدیل نی آلدی یتمنی آلدی ایندی آلماعان نیعالدی در ایدیل سفید کوهی بلند است طراطاؤ می نامند طر اسم خان قونکراطست از برای بودن جای محکم در سر آن کوه آورده ساخته است بدین سبب اورا طراطاؤ می گویند رونده گان بیند امیروز شعار او کنیز هست و هرکسیکه بامانی فرصت یافت سوبسو بغربت رفتند و بسیاری از میرزا زادگان طوعا بروسیه اختلاط کرده بغرور خطام دونیاوی (یعنی دنیا تنک باشسز قوری صالامیز) و خیل و خشم گرفته تبدیل دین الاسلام بکفر کردند العیاذ بالله تعالی امیروز تخم های شان بلقبها دانسته می شود گویند الوبی کچوبی اوراکوف سالتیکوف و مانند آنها و سائر مظلومان از مسلمانان بچند گریه و زاری ناله و فغانی کننده سراسمه و سرگردان بدام گور باسیری فتاند بی توشه از گرسنگی ناچار بارتداد مبتلا گشتند و نیز تخم شان در زمین غزان قریه ها بسیارست منصوبند بکراشون قدیم نعوذ بالله تعالی رینا نجانا من فتنة الکفرة الفجرة

بعد ازین گور مستولی شد و حکمهای کفر باشتهار جاری و روان کردند مخالفی و منازعی نماند و نیز شغالی خان را از خانی عزل کردند نزدیک مسکاژ شهری هست اورا کرمان می گویند در آنجا نهادند زهره لا و نعم گفتن (و) اقتداری نداشت ناچار رضاء بداد بعد ازین در تاریخ نهصد هفتاد سال از دنیا برون رفت چنانچه گور در غزان مقرر شد و نشان رئیسی منتشر شد و هیچ کس معارض او نماند الا در ولایت اوفی دو طایفه مانند بنام باشقورط و دیگر بنام بوبیلی. ایشان نیز وعده اطاعت دادند دوستی نمودند و گفتند اثر اطاعت ما اینست در زمین ما جنواران هست از هر خانه ما پوست جانوری در خزینه می نهیم و کدامین ز ما شهی شده خدمت می کند این کس یصاق تن دهد و گور نیز راضی شد طائفه که پوست روباه می دادند و طائفه که پوست سوسر می دادند و بعض کس که سپاهی شد خدمت می کند بتیغ نیز آن کس یصاق نداد او را بترخانی نام نهادند و هرسال چنین

[396]

پوستها در خزینه نهادند از گور قبالة گرفتند ایمرز می دانی کسی که یصاق داده است در دست او قبالة بود و اسمش نیز در دفتر گور نویسنده بود کسیکه یصاقانراست بترخانی دست خط داده می شود و در دفتر گور نیز بترخانی یاد می کند و بوبیلان همین تور چهل تین از هر ماه می دادند ولی نیز خدمتی بیفزود با پیل و تبشه (۴) کسی فرستادند کجاها بجنگ می رود ایشان را باهم بردند و دران موضع خندق شکستند اگرچه این دو طائفه صورۃ دوستی نمودند البته ایشانرا باور نداشت از جهت تغایر ملت شنیده است که گفته اند گوررا اگرچه استقبال کنی با نان پنیر زنهار تو نروی (۴) بی شمشیر (و) تیر از برای آنکه میان این دو طائفه نیز خندق کشید از گلوی نهر صامار تا نهر گلوی منزله گوشه ها کردند و هر گوشه زنبركها نهادند و عسکری طیار داشتند و نگاهبان انبوه ستاندند و مع هذا طائفه باشقورطان بوقتی اموال و اولاد گاوران اسیر و عارة بردند و یصاقرا نیز بهر سال از خانه فراهم آورده بمسکاژ بردند القصه درره از راه زنان ضرری دیدند خواستن نزدیکتر قلعهء عمارۃ می کنند یصاقرا در آنجا می برند موضع که قلعهء ساختن صلاحیۃ داد از طائفه چوبی از زمین خود مقامی نمودند در گلوی نهر اوفی بایدیل سفید ریخته است در آنجا گور قلعهء عمارۃ کرد بنام اوفی اسم نهاد بعد ازین هر کس یصاقرا در آنجا بردند در گلوی نهر ادم (۴) چشمهء هست برسوان می گویند طائفه باشقورطان در مجمعی مشورۃ وعده کردند ساکنین در چهار راه بولایت اوفی از سال بوقت معین گرد آیند مشورۃ می کنند وز گورها خبرها می شنیده اند برین نمط روزگاری بسر بردند بهر سال از پیران دیرینه و مردان کاردیده و جهان آزموده از هر طرف در برسوان گرد آمدندی که ایسمال چگونه باید زیستن مشورۃ کردند نیز خبرها شنودندی باز آمدندی

والحاصل سیادامی (سیادای؟) از طمیانان بکوچمت ابن اولاکای رسید البته نیک زیست در زمان اولاکای در فراخی و فراوانی بودند و در ایام دولت ایشان گاور از خندق قدمی برون نیامد در راه چهار

[40a]

معیشت کنندگان از مسلمانان اتفاقا باغاییمی ورزیدند و اکثر چواشان غزانی و چواشان کونگری و طائفه موعان (۴) و ترسیان اورزومی از هر خبس طاقت نیاورده از فتنه گور بباشقورط بگریختند بیکی از سلسله باشقورطان پناه می کردند رستگاری و خلاصی یافتند و نیز ایشانرا نهفته داشته بدفتر باشقورط نیشته به گاور نمودند هیچ کس از ایشان باز نیامدندی ایمرز از طائفه باشقورطان چنین کسان بسیار است و وطن ابن اولاکای نزدیک منزله نام قلعهء گورست بیست پنج میل و درین زمان قوم چهارراه از یک دهان یک سخن می گفتند مختلف و منحرف نشدند و فرمان بردار آغایی یک شدند لاجرم باسانی معیشت کردند و فتنه گاور ندیدند و بقول نیکان کار کردند و نصیحت را قبول کردند حق را زبر و باطل را زیر داشتند لاجرم ایزد تعالی از بلاها و فتنه ها مصون و محفوظ داشت کوچمت ابن اولاکای را سه پسر بود اول اتکا بود او ولی ظالم بود بنابراینکه راه روندگی بوبیلانرا ره زدند و مال و منال ایشانرا جبرا استادند و لهذا بعد از مردن پدر زیستن در آنجا ترسید بایدیل سفید برفت. او مردی جسمدار بزرگ و فربه بود بسیار نزیست مرد نزدیک قریهء موسی خوابانیدند ایمرز در آنجا مقبره بزرگ بوده است. پسر دوم آقای بود در مرور فتنهء گاور اسیری برفت و اتکا را پسر نشنوده اما آقایرا دو پسر بود یکی عبدالله نام او را در منزله دست و پا را از بند بریدند دگر بیکتاش نام بوده است او را محمد شریف بنگی در خدمت خود گرفت گویند نماینده سازنده بود روایت می کنند آخر الامر محمد شریف در خانه خود بکشت ایزد تعالی عدالت کرده است پسر محمد شریف را نیز در فتنه پوگاچاؤ در آقوبه بنده بند بتبشه بریدند و سیم پسر چوپاش نام بود او را اعتباری نکردند زیرا مادر او چواشیه

بود امروز پسر او آیتقوچه هست در قریهء توکان بود والحاصل بعد از برفتن کوچممت این اولاکای بشهر خموشان پس از مدتی دزدان چوایشی اسبان آقای دزدیدند بسودای گرفتن دزدان بقریهء ایشان رفتند بتیغ و تیر مقاومت کردند و جنگ ساختند و دست ندادند بعد از آن آقای ابن کوچممت بهم برآمد و غیره گرفت فرمود ایشان را همه از تیغ پران گزرا نیندند ناگاه یکی از دزدان بگریخت بمنزله رفت بگاور عرضه داد

[406]

یعنی آقای ابن کوچممت سپاه انبوه در قریهء ما بیامد در زمان امانی جماعت را بکشت اولاد و اموال را بیغما و غارت پاک برد و اسیر و استرقاق فرمود این عرضه دزدانرا بخان گاور اعلام کردند بموجب این شکوی عسکر آرسنه فرستادند سالار او چومانصوف نام بود پس از برای اتمام این کار سپاهی از گاور باآقای بیامند قریه را خصار فرمودند آقارا گرفتند بنگاه بانی دادند بعد ازین آقای را کس ندید و خبر راستشرا نشنید گفتند بر دار کردند گفتند سخت زدند در آنجا بمرود و گفتند نفی کردند الله اعلم کدامین سخن راست است نشیر راوی چنین روایت می کند چون در اطراف شتی بین الناس این خبر بد در عالم منتشر شد عالم فقیه لاغر فربه یکدیگر خبر کننده نفرة کردند بنهر دم بطائفه چوبی و بگانش و اورشک بیامند مشوره کردند جمعی از هر طائفه مشوره آمدند الا قانکلی و قوباؤ نیامدند و راضی نشدند بعد ازین این جماعت انبوه آرسنه بسلاح ها بیامند بقنکلی و قوباؤ علم ها نصب کردند منادیان نیز ندا کردند بغزا حاضر شوی یا نه ایشان خواه نه خواه با طائف مختلف آمیختند حاضر و طیار گشتند تعداد نایم یازده سلسله از مگان (۴) و قیچاق و طمیان و برچن (۴) و چچاق (۴) و اوران و قرشیل و بورای و قنکلی و قوباؤ کارای جنا بولار شوران بایلار سه طائفه از قرغزان و چهار طائفه از چورمیان و پنج طائفه از یلانان و غیرهم من کان فیها من المسکین البته در میان ایشان مبارزان کار دیده و پیران جهان آزموده بسیار بودند و دانشمندان دانا نیز هم آنجا بیامند از مبارزان مشهور از چچاقان اورازمان باطر و از طنکلاماس سلیم باطر و از یلانان عبدالله باطر نیز حاضر شده اند و از بایلار اوامر چچن و از قریلانان جرکای و اتقل و از طمیانان کنسن تورا و از قیچاقان کیلماک آیز در مشوره بودند و از جوانان کار کننده نیز بسیار بودند و گاور نیز باچلی کول بیامده بود بس آن جماعت انبوه بعد از مشاورة مصلحتی آن دیدند که قاصدی می فرستادند و نامه نویسنده چنین تور آغاز می کنم بنام خدای بی همتا از مجمه مسلمانان بتو که گاور اورمانصاؤ ترا راه نمی دهم اول آنکه آقای ابن کوچممت را بما دهی و ثانیاً سلامت بمنزله باز آی از خندق بیرون نیای

[41a]

و اولاً باستعانت خدای تعالی بتو خرب می کنم و السلام علی من اتبع الهدی گاؤر نیز جواب داد گفت مرا راه نمای دهید به نهر جایی می روم موضعی جرم که بامر شهنشاه قلعهء عماره می کنم باید بعد آقای را نیز رها می کنم اورا بجای امانت می دارم بعد ازین کلان و خرد و عالم و سفیه و لاغر و فربه مشورت کردند و نیگان گفتند اگر گاور پشت ما رود نگاه بانان می نهند و قلاع بسیار نیز می سازد این فرصت ما از دست برود و فرزند (۴) ما خدمت کار کافران میباشند و زهره لا و نعم گفتن اقتداری ندارند مصلحت آنست که حرب می کنیم گور را راه ندهیم آغاها توابعان خویش اعلام کردند فردای روز بغزا حاضر شوند چون فردای روز بود جنگ آغاز کردند گور چند اجتهاد کرد بگزشتن و رفتن راه ندادند و در وعده ثابت شدند اکثر گاور را اسیر کردند و کشتند و مجروح ساختند در امتداد قریب از یک سال لیک کار کردند فی یوم من الایام عسکر الاسلام دعاء چند خواندند از باری تعالی ظفر و نصرت خواستند ناگاه تیر دعاء بههدف اجابت رسید جنگ ساختند بقصد اعلاء کلمهء الله تعالی و تمجید خواندند یکبار حمله کردند شمشیرهای برهنه کنان آختند تیر و بیلکها انداختند جوانان زره پوشان صفرا برهم زدند نصرت یافتند و آلاتها شکستند و تارمار کردند ولی کار ندیده از جوانان سایه پرورده قبل از تمام کار مهم از برای خطام دنیا بیغما مشغول شدند ناگاه از رقیبان گور خبر یافتند بیکدیگر بآهستگی تنبیه کننده جمع شدند زنبیرکها و تفنگها راست کرده برطرف شدند راویان ز پیران چنین روایت می کنند بعد ازین چند اجتهاد کردند بهیچ وجه کلید ظفر نیافتند البته گور نیز بمنزله باز آمد و آقای را رها نکرد کجاها ایدیل سفید بایدیل نوقراط ریخته است ازین جا سپاه گور نیز بظهور آمد در بالای ایدیل سفید رفت مسلمانان باو نیز حرب کردند بسیار از مبارزان نامداران شربت شهادة چشیدند سلیم باطر از طنکلاماس در بیشه ناقص (۴) ازیشان شهادة یافته بهیچ وجهی راه گور را بازداشتن و حیلء سرکردن نیافتند بدین سبب در دیار باشقورط مصیبت سخت مستولی شد مشوره کردند اگر بعد ازین بقانون دیرینه باز مانیم گور ما را راحت نرهد و قهر کند و دیماری (هلاکت) سازد دارای ... این کار کنیم جز این نیست که بولایت انتقال می کنیم چه

اخوان و اولاد ما در امانی و فراخی باشند و از فتنه گور خلاصی یابند جماعت درین مشوره بودند ناگاه ایام زمستان آمد سرد شد نشیر راوی چنین بگوید چنین دشواری و صعبتی

[416]

پیش آمد گور نیز ز هر طرف هجوم کننده در امتداد شش ماه اشد جنگجالی ساختند القصه در ایام زمستان از هر طرف گور بیامدی او را کشتندی رب تعالی گور را مسلط نکرد و هرکدام را جواب دادند سرانجام زمستان برفت فصل ربیع بیامد شدت برود اندک حرام شد مسلمانان نامه ها پراکنده کردند بیکدیگر مراسلتی می داشتند مثلاً فلان روز معین در فلان موضع حاضر آیند چون زمین بگیاها ن مزین شد جماعت انبوه بنهر کنال آمدند ازیشان بعضی کسان ترک وطن روا نداشتند در بیشه چپی بگریختند و بعضی طوعا و کرها برآوردند اگر اونها نیز فرصتی یافت بگریخت اونها چنین کسان بودند از چواشان غزانی و چرمشان اورژمی بباشقورط آمیخته بودند بهمین تور بکنال آمدند در سر کنال نهری هست صازلی بلغه می گویند از آن بالا نیز چشمه هست ایامروز بکشی قریلغان می نامند از برای آنک شهادة مسلمانان چند در آنجا بوجود آمده است ازین جهت می گویند و دران موضع مشهور استادند و گمان بردند که گور دور مانده است و درین جا نیاید و فارغ البال گشتند و رهبانان نستانند و نگاهبانان نگذاشته اند کسیکه خواهد بیامد و نخواهد بازآید از پس دم نگسیست چه جماعت بالای حال جماعت نشیبی ندانستند کجاها شخصی ترک وطن کردند نخواهد بنفاهی بگور رفتند خبر کردند گاور نیز آراسته بسلاح از پس آن جماعت باهستگی بیامد مسلمانان را ازین اطلاعی نشد چنانچه مسافت چند مانده بود از بعضی منافقان جاسوسی کردند راوی چنین حکایت می کنند جاسوسی کرده یکی از چواشان ز قریه اش قربانای نام بوده است ندانم پسر کیست القصه جاسوسان دیدند که مسلمانان کدامین جای استاده است بگور خبر آوردند و کیفیت حال گفتند و حيله آموختند بشب گور را بردند بمقامی که از سر کوه بلند صبح دمیده بود با زنبرها و تفنگها انداختند آغاز کردند مسکین مسلمانان ندانستند این بالای صعب از کجا آمد اکثر اولاد و زنان خفته جستند ترسندگی خود را در آب انداختند بمردند و مجروحان بگریختند در آب عطفه (۴) کنان در آنجا بمردند روایت می کنند در آن روز صازلی بلغه از تن مردگان پیل شد چنین دماری از نهادشان برآمد زار و زار بگریستند فریاد و فغان شان بر آسمان

[42a]

رفت و پیران خم پشت دیرینه از بی حرمتی مثل سگ چوب و سنگ کشتند و بچه گان شیرخواره بشمشیر دونیم زدند و زنان بیچاره و زالان فرسوده گانرا شکمها بشکافته و جوانان خفته گان را ناچیز و نابود کردند ایشانرا در آنجا روبهان و گرگان و زاغ کلاغان می خوردند ایامروز در آنجا استفسار نمودی استخوان های شان حاضر بیابی و می بینی بدین نمط تا وقت ضحوة الکبری بکشتند بعد ازان امانی دادند اکثر جماعت فرصت شونده سرگرفتند سو بسو بگریختند روایت می کنند از بایلار اوامر چچن بگریخته اتفاقا رسید بنهریکه بر کنال ریخته اسبش در وحل باز ماند پیاده بگمین رفت ایامروز بدین سبب او بنهر ... تسمیه یافته است الله اکبر بعد ازین گور بدروغی فرمان بخواند بزبان خویش اوگاز می گویند یعنی گناهان شما را پادشاه آمرزیده بعد ازین شما باکی نباشد بوطن قدیم بازآیید و دران زمان از چورمیان اورمانای بازآمد در کنار برکء بگور مختلط شد بدین سبب ایامروز او را اورمانای کولی می نامند و گور نیز بسلامتی باز رفت مسلمانان این قول دروغ گور را باور داشتند هرکسی غم خویش گرفت سخن دیگر هر التفات ننمود چه از آشوبی و خیرانی عقل هایشان کاست در میان راست و دروغ تمیز نکردند بقول آعای بک عمل نفرمودند زیرا که برایشان وقت فتنه دیری رسیده است نشیر راوی چنین روایت می کنند چون مسلمانان مصلحت چنین روا دانستند که کسیکه از کشتن مانده است بوطن قدیم آمدند و بعضی ترسیدند باز آمدن روا نداشتند سو بسو بغربت رفتند و بعض کسان از بی نوایی و گرسنگی درین کنال سرگردان رونده گی بلا تیمار و بیلا غمخوار مردند ز پیران دیرینه چنین روایت می کنند قبیله که موضع قدیم اوست در زمین بولار روا ندیدند از برای آنکه نزدیک گورست ولی ترک وطن را نیز روا ندیدند تابستان سو بسو رونده گی گذاردند تاکه ایام زمستان برآمد بادیل سفید بزمین طمیان بیگلجان رفتند در آنجا کوهی هست کومکاک می گویند در آنجا نیز امانی ندیدند ز بیگانه گان ترسیدند با پیکار جنگجالی کردن دل افکار شد از هیچ کس روی گشاده و لب خنده ندیدند ترحم و شفقت نیافتند آشنای که خیال کردند برایشان دشمنی کرد و ستمی بیفزود از قیچاقان چانکم ایر و راقا و ابراق اورصاق بودند فرا نهنده بنام

دادن گاور ویرنوی باشقورط و فرصت را غنیمت شمردن از برای آنکه در قدیم بنا بر کره کومکاک از طمیانان مدة مدید و عهد بعید نزاع خاصمت کرده بودند بهیچ وجهی غلبه نکرده بودند از بهر انتقام چنین فسادى

[426]

برانگیختند عیاذ بالله تعالی وقتها بگاوران سقمى بیامدندى جنگ کنندى چنین صعبتى مصیبت مرگ روزگار بسر بردند از بالای ایشان آتشی بلا پرتوى گرفت جای مقر و ملجاء مفر نیافتند و دهشتى مستولى شد دریغا باباهای فلان از فراخى چنین تنگى و درماندگى فتادند و دلخسته گى پدید آمد که شاید که در مقابله چندان نعمت بخدای تعالی ز فراخى شکر نگفته اند مفسدین فی الارض شده اند لاجرم رب تعالی بکردارشان راضى نشده است خواسته است تا که تخم فسادشان از روی زمین مرتفع سازد والا اندکى راوى چنین گوید کجاها طمیانان نزدیک منزله زیستند در جنگ آغاز کننده گان و اورماقی رونده گان شان بودند از مبارزان نام دار مشهور سیصد چهار تن بودند و کجاها کوچمت این اولاکای بجای مرور ایشان همه جانبهای سپاه بیک زمان از چپ راست بنگاهبانی کننده مى رفتندى هرکدام با جوشن آهنین شمشیرها حمایل کننده چپ راست تیغها و حنجرها درمیان بسته با ترکش پیل پلک و نیزه های پولاد در دست گرفته سوار بر بادپایها در میدان جوالان کنندى تیراندازان با کمانهای کیانى زه را بگوش آورده چپ راست انداختندى هرکه ز خطا نکردندى از هیچ کسى نپرسیدندى و در اکثر اوقات سالار عسکر ایشان بودند زبان دانان ازین جهت گفته اند بیت

یاؤ صوراصانک طمیانان صوراً داؤ صوراصانک صارایلی ناندان صوراً

طمیان یاؤ برلان بولدى صارایلی داؤ برلان بولدى

البته خدای تعالی متکبران را دوست ندارد متواضعان را و شکسته گان را دوست مى دارد و نهایت الکلام بین خوف و الرجاء ایام زمستانى برآمد روز اندک نرم شد مشوره کردند درینجا رونده گى و آینده گى بسیارست میان را ره بزرگست نیک بد مى رود بیند باهستگى رفتن باید بقایه التجا مى کنم شاید که آسانی پدید آید بشمنان جواب دادن سهلتر باشد زیرا که قایه جای محکم است اولاد و زنان و مال و منال در آنجا بسلامتى نزدیکتر است بسودای رحلت بر زمین قیچاق بیامدند اتفاقاً بین ایشان در پیشه بلا افتاد و رب تعالی در آنجا نیز بلا فرستاد ناگاه از منافقان قیچاقان بدین حال طمیانان پاره آگهی یافتند بگاوران سقمى در وقت صبح بر سر این طائفه تاختند اموال غارة کردند اولاد و زنان و دختران را اسیر و استرقاق گشتند پیران و زالان فرسوده گانرا با تیغ تبر پاره کردند از پیران طمیانان آقمانای قاققون جیانغول کینجه غول سولطانغول و غیر ایشان از کلان و خردان بسیار کسان بشهادة رسیده اند دران روز

[43a]

چنین مصیبتى فرود آمده است زنان بتجه های خویش را از ترس گاور دران روز فتنهء بتجه ها انداختند و بعضى در شاخ درختها بگهواره آویخته مانده است مادر ایشان باز نیامده است درانجا زاغها و ذنب ها و عسوس و کلاغها مى خوردند و زوج کوکچه ترخان مادر چواکا زنى فرسوده قراغز را کافران از میان دونیم بریدند هر دو جانب راه مى انداختند از طامیانان قورمانغول ابن آقمانای روایت مى کند در آن فتنه کافران ما را بچیدند خواهند اسیر کنند از ترکش دو تیر گرفتم براس تپرتاو کردم گاورشرا زدم و بچپ پرتاو کردم میسرکش را زدم بعد ازان راه اختیار دادند بگریختم از پس من میشرى آواز مى کند بگوید وای باشقورط نابکار نمى دانى چه کردى از برای آویختن شما شاخ های درختان نمى رسد در آن روز صعب کتسن تورا برادر کوکچه ترخان حرب کننده گانى چند از طمیانان بجماعت خویش دسن ندادند سرکرده بجانبى رفتند گوران از پس او نرفتند اما ترخان کوکچه ابن کوچمن دران روز ز دنیا برفته بود در زمین چورمى در قریهء طاشلى خوابانیده است رحمت خدا بر روان او باد کافران در پیش کتسن تورا نیامدند کسى که بخت برگشته مقابل آمد بسلامتى ازو نرسته و امانى نیافته و قرار نکرده بجهت زمین قراق روان شد

نشر راویان اخبار علی سبیل التوارخ از پیران گذشته فرسوده گان چنین روایت مى کنند کلامى را که بازمانده است اورا مى آیم الله تعالی اعلم بالصواب چون جماعت باشقورطان از کنال پراکنده شدند هرکس بوطن قدیم بازآمده اند مال و منال بیغما رفته و زراعت نکاشته در وقت چنین دشواری از گاور نامه ها پراکنده شد کجاها بکنال رفته چیر مى

خورده است در رو منزله می آید والا خواه ناخواه بنگاهبانان می آرند مسلمانان بی چاره گان این خبر بد شنیدند هرکس از سر خویش امید گسستند و از حیا دست پاکی بشودند و از منافقان لب خندان چند شادی کردند در شمار نیاید در سر این کار اورصاق بوده قرشیل محمد شریف توبالاچ مسعود از غزان بیامده در قریه آقصرای و نیز چنین کس

[436]

نادر ابن اورازمت و مانند اینها بسیار کسان بودند میان بسته گان از برای هلاک مسلمانان مظلومان بجای رسیدند با خود عسکرها آسته کردند باسم خویش اسم نهادند اجتهاد شدید نمودند مسلمانان بی چاره گان را گرفتند بگور سپردند و از جانب صراطا و تمن میشره گان سواران و سلاحداران بیامده بودند ایشان نیز در اسیر کردن مسلمانان صحراوی بسیار گاور را اعانت کردند و گاوران ایشانرا ژوینچه نام نهادند آخر الامر میشرکها بوطن قدیم باز نیامدند در ولایت اوفی متوطن گشتند از هر سلسله زمین باشقورطان جبرا و قهرا ستادند ایمرز ایشان بسیار حدیکه در راه غزان از قریه های باشقورطی هیچکس نماند همه ویران ماندند و گویند از پس این واقعه کبری در دیار باشقورط خصوصا در راه غزان آدمیان اندک ماندند از هر قریه یک کس دو کس از بسیاری هیچ کس نمانده کسی را یک پوستین و ده خانرا یک تیشه نیافتند تخم زراعت بگسیست از زمین غزان بیاوردند چنانچه ده خانرا یک گاو و اسب نیافتند چنین تنگی و دشواری پدید آمد ناگفتن او لایق و سزاست و خوردنی چیزی نیافتند موش دشتی و حرزی از حشارتها یافتند خوردند مثل وزعه و مار و سنگ پشت و مانند اینها حکایت می کنند قحطی برین مرتبه رسید گوشت آدمی می خوردند بسبب گرسنه گی کسان بسیار دران روز بقطیعت میرزا ببندگی می پیوستند ایمرز در میان بنده های ایشان چنین کسان بسیارست العیاذ بالله تعالی نجانا من فتنة الکفرة الفجرة ز پیران شنوندست چون مسلمانان مظلومان را منزله فراهم آوردند همه را ز گردن سلسله دستپای شان بغلهای آهنین سخت بستند بنگاهبانان و موکلان گماشتند و چنین فرمودند و بعضی پیران صاحب رای و جوانان پیکارساز در زیر زمین بزندان تاریک نهادند بعد ازان بیرون از منزله عمارتها ساختند بگوشه های شش و بعضی گوشه های ده و دوازده می دارند به هر گوشه های ایشان میخ های آهنین دراز نصب کردند میخی در میان و باقی در اطراف و دارهای نصب کردند بس بعد از تمام مذکوران پیرانرا و مبارزانرا بیاوردند و سپاه گور چیده طبل زننده نای و زرنا هر چه از انواع آلت هموست

[44a]

سازنده گان سازیدن آغاز کردند بچنین حالت در میدان سیاست بیامدند و ناظران بنظاره ستادند مسلمانان بخدای خویش پناه می داشتند توبه و استغفار کردند و صبری خواستند ربنا افرغ علینا صبرا و توفنا مسلمین خواندند در آخر کار منصب شهادة و بقای ایمان پرسیدند ربنا نجنا من القوم الظالمین و انصرنا علی القوم الکافرین آمین یا رب العالمین بعد ازین فرمان خواندند بزبان خویش اوکاز می گویند چه آن برای انتقام مسلمانان بی گناه کافران هرچه خواستند دران مجلس نشستند اوکاز گوینده می خواندند بدیهی است که در یک ساعت دو اوکاز برآمدن مشکست بالضرور بقضای سماوی راضی شونده و ستادند گور کار کردن آغاز کرد اول کسیکه از مسلمانان رئ حرب نیک می داند اورا در میخی که آهنین در میان آماده کرده است نشانند و معینان را در اطراف مبارز که گاور را بسیار کشته است اورا سیاستی فزون کردند باین تور هر بند اورا از اعضایش بتیشه زدند و در آخر گردن زدند بعد میخهای فرومانده و بی چاره گان از دبرهای شان برفت و از قفاهای برآمد و گفتند از برای کشتن گاور در آنجا مشوره کنید و بعضی ها را بچنکاسهای آهنین از قابر غاها بر دار آویختند و بعضی ها سنگسار کردند و بعضی ها گردن زدند چند ناله و فغان کردند دل سوزان و چشم گریان از هیچ کسی ترحم و شفقت ندیدند از فتنه رستگاری و خلاصی نیافتند ربنا بکرم خویش بر روی ایشان بعد ازان بفراخی رسان و رحمت بی پیمانت را ایثار فرمای و ما بی چاره گان را که تخم ایشانم بگاور مانده ام در آخر کار ما بفضل خویش بخون شهیدان می پرسیم درجهای نیک می نهد آمین یا رب العالمین از پیران چنین روایت می کنند آن مسلمانان که در موضع سیاست قرار یافتند از کلام شریف بقدری که قبل از ممات در وقت فرصت از بر کرده بودند در جای های خویش همیشه می خواندند بعد از دو سه روز همه بشهادة رسیدند چه تور ایشان را سیاست کردند بعد از مردن هم ذکر نکردند و وفی نکردند و در آنجا ایشان را مرغان خوردند

[446]

ایمروز استخوان هایشان در آن مقام می رو و میبینی و اثر عمارتها نیز هست و می استد القصه اموال بغارت رفت و اولاد و زنان و دختران پاکیزه و عروسان خوبوها اسیر گاور شدند بسیار از چواشان غزانی و چرمشان اورژومی و غیر ایشان از موغان و ترسیان که اورصلق بودند در امانی و فراخی خواهد از دختران اسیران نورسیده و عروسان و نوجوانان را از گاور خریدند بخانه بردند پیران می گویند نیز در دروازه منزله در میان دو ساعت جماعت را عرض کردند و صف کشیدند با زنبیرکها انداختند همه در آنجا شربت شهادة چشیدند ایشان را مانند مرده چارپایان از پای گرفته در مزبلیها انداختند در آنجا سگان و زاغ زعنهای می خوردند و نیز در آب منزله عمارت ساختند از بیرون اوغیرا شکستند مسلمانان را شمرده از چهل یکی آزاد کرده سی نه ز زیر یخ فرستادند چنین روایت می کنند چندان کسان را فرستادند آب منزله از زیر یخ راه نیافت لاجرم زبرآمدن روان شد چنان روز صعب و هائل برایشان روی نمود تعبیر بزبان قابل نیست این همه گفته شده است از هزار یکی تحریر شونده است چند زاری و فغان کردند از حضره خدای تعالی حاجت خواستند روا نشد از بنده دعا و زارست اجابت اختیار باریست زیرا که دعا قبل از برآمدن غذاب نیک خواندن باید اما در حالت اضطرار سودی ندارد و قلم یک ینفعم ایمانهم لما راوا باسنا القصه خاست خداوند تعالی برایشان جاری و روان شد باران خوف بارید و سیل خونین جاری کردند و باقی جماعت را بنگهبانان بغل پیاده رانده بغزان فرستادند کسیکه طاقت پیاده رونده گی ندارد از گرسنه گی و تشنه گی موکلان ایشانرا بشمشیر زدند بکشتند در میان میل ده کسی و ز پیاده از ده ماندند کسیکه از جانب آب می رود و قصد نوش کند او را نیز اجازه ندادند رانند اندک ازیشان بغزان رسیدند ایشانرا نیز بنهج قانون بکشتند جوانان را بصالدات گرفتند و نفی بلد کردند راوی نیز چنین می گوید در دیار اوفی از راه غزان زمانی بیامد که گاور در قریهء بیامد مسلمانانرا همه خانه بر خانه فراهم آوردند بیک خانه نهادند

[45a]

کلان و خردان را درها و پنجره ها سخت بستند آتش فرستاده بسوختندی مسکین بی چاره گان ناله و زار کنان در آنجا همه بشهادة رسیدند پس بعد از قانع شدن گاور از چنین کار بزرگ نامه ها پراکنده کرد کسیکه زین حادثه کبری از قتل و اسیری امانی یافته است در خزینه اسبی می نهد بعد از این هرکسی که بباشقورط نام دارد صحراوی بوده است بخزینه گاور اسبی نهادند و قباله گرفتند ایشانرا گاور نام نهاد بزبان خویش و ژور باشقور و ژونطوشک و ازمینک گفت ندانم چه معنی می دارد و کدامین اورصلق بود او را و ژیرنوی باشقورط نام نهاد یعنی مخلصانه کسیکه اورصلق شد بدانند کیست باشقورط صحراوی ازو قباله اسب می پرسیدند مبدا کسیکه قباله نیافت او را نیز بگور فرستادند که بی محابه سیاست قتل کردند چنین دماری از نهادشان برآمده است پیران چنین روایت می کنند پس از حادثه کبری تنی چند گذاشتن از دروازه گاور ممکن نبود مبدا کسی می رود کافران کلان و خرد بیامند چوب و سنگ گرفتند و زدند از ایشان هیچکسی باز نداشت پیروی کنان بیامند گریخته خلاص یافتندی الحمد لاله امروز چنین نیست صد دریا اگر احوال تباه پیران گذشته یادآوری ز رحمت برین بی چاره گان دل می سوزد و از دیده آب می آید پاک پروردگارا بر روان ایشان رحمت بی شمار رسان و مارا نیز بخون پیران شهیدان ما در آخرین کار ما بنیکی تمام می کنی و از رحمت محروم و مایوس نداری آمین یا رب العالمین نشیر راوی چنین از پیران دیرینه چنین روایت می کند از طمیانان کتسن تورا کجاها از زمین قپچاق از بیشه بلام در روز فتنه بگور جنگ کننده با تنی چند بقزاق رفت چونکه بزمین قزاق رسیدند قزاقان حيله ساختند بدروغی استقبال کردند و گفتند ای برادران مسلمان بی چاره گان از گور بگریختند خوش آمدید به امانی رسیدند اگر تشنه آید آب دهیم و گرسنه آید طعام دهیم اگر خواهید خانه بخانه قسمت می کنیم تا آنکه استفسار حوایج شما نیز سهلتر می شود و سخنهای دروغ ایشان راست پنداشتند رضا بدادند چونکه قسمت کردند باهستگی و دوستی سلاح های شان پاک بردند بعد از آن کار کردن زنان نوجوانان را و دختران رسیده

[456]

گان را بقومه گرفتند اموال غارت کردند و جوانان کارساز را و پیران زباندان را از روی بی حرمتی مثل سگ بچوب کشتند و کتسن تورا و چورا و تاکا باطر و تبر (تبار) آن روز شهادة یافته اند و بعضی زنان و اولاد را بغزلباش و ترکمان و قراقالباق و یا بقزاق دیگر بی محابا در جوانب شتی پراکنده کرده می فروختند و کسیکه سخن

بگويد و اولاد خویش را فروختن اختیار ندهد اورا نیز بانواع عقوبتها کشتند و در نیستان ها و مزبلها می انداختند در آنجا سگان و روبهان و زاغ کلاغان می خوردند چون جماعت باشقورط دیدند از قزاق وفا نیافتند ایشان که فرصت یافتند باز بگور بگریختند ایروز از باشقورطان مانده است می بینی تخم های ایشانست بعضی نیک زیست هنوز در آنجا در نکر دست باز نیامده است باقی را الله اعلم بالصواب بس بلای که رب تعالی مسلط کرده است و قضای که بر آن حکم ربانی جاری شده است و در پشانه نویسنده است لا محالة روان شونده است هرگز دیگر نشود گریختن از نادانی است هر جا که می رود روی خیر می بیند بس خدای تعالی از برای کردار ما چنین بلاها فرستاده است نیک حمل کردن باید و حدود خدای تعالی تعطیل کردن نباید درین دنیا باین عقوبت گرفتار کرده است ندانم فردای روز حال ما چگونه باشد ربنا وان لم تغفر لنا لنكونن من القوم الخاسرين نصیب ما از دنیا داستانی پیران گذشته اینست که ایشان در فراخی زیستند غم و غصه ها اندک دیدند فتنه گاور نبود هر چه خواستند آنرا کردند و مع هذا جنگال کردن بروسیه کار نبردند ما که درین زمانه مختل روسیه ماندیم گرفتار در تنگی و در مانده گی و بفتنه گاور بسیار پیچیدیم گیرانی بی شمار کشیدیم از برای امتثال فرمان او سوگند می خوردیم که فی الحال و الآن ضرری نکنیم بس معبود چندین شکسته ها ما را نشاید سبکساری کردن بخفة کار آغاز کردن شکیبایی کردن باید می بینی پیران را چه کردند اگر چنین شوی بی قیل و قال ترا هم دور نبود آزمودن حاجت نیست قازاقان اورالرا چه کردند داروی صد سخن یک سخنست فرمان بردار شو و از نظام قانون برون نروی تاکه از رستگاران فتنه می شوی زیرا که خود را طوعا در چاه مهلکه انداختن و بآب بلا...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Амирханов Х. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники) / Х. Амирханов; пер. М.А. Ахунов. М.: Издательский дом "Марджани", 2010. 232 с.*
2. *Атласов Г.М. Казан ханлыгы / Гади Атласи. Казан: Мәғариф, 2005. 247 б.*
3. *Ахметзаки Валиди Тоган. История башкир / Ахметзаки Валиди Тоган; [перевод с турецк. А.М. Юлдашбаева; авт. вступ. статей А.М. Юлдашбаев, И. Тоган] (перевод с турецкого). Уфа: Китап, 2010. 352 с.*
4. *Ахметзянов М.И., Миргалеев И.М. О наделении народом, землей, лесами и водами ногайских биев из рода усерген, кыпчак, бурджан и тамьян // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 206–212. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.206-212.*
5. *История Татарии в документах и материалах. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 545 с.*
6. *История Чингис-хана / Ахун Мансур ибн Абд ар-Рахман ибн Анас ал-Бурундуки. М.: ИД "Медина", 2018. 176 с.*
7. *Исхаков Д.М. Булгарский вилайт накануне образования Казанского ханства: новый взгляд на неизвестные проблемы // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2009. №2. С. 123–138.*
8. *Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.*
9. *Рахим А. Новые списки татарских летописей // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Казань, 2004. С. 555–594.*
10. *Салахетдинова М.А. Об одном неизвестном персидском сочинении по истории народов Поволжья // Страны и народы Востока. Выпуск IV. М.: Наука, 1965. С. 147–154.*
11. *Франк А.Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность у татар и башкир в России. Казань: Российский исламский университет, 2008. 266 с.*

Сведения об авторе: Исмагил Рустамович Гибадуллин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация). E-mail: ismagil4@yahoo.com

Поступила 08.09.2019 Принята к публикации 26.11.2019

Опубликована 29.12.2019

REFERENCES

1. Amirkhanov Kh. *Tavarikh-e Bulgariya (Bulgarskie khroniki)* [Tavarikh-e Bulgariya (The Bulgarian Chronicles)]. Trans. M.A. Akhunov. Moscow: Izdatel'skiy dom "Mardzhani", 2010. 232 p. (In Russian)
2. Atlasov H.M. *Kazan khanlygy* [The Kazan Khanate]. Kazan: Məgarif, 2005. 247 p. (in Tatar)
3. Akhmetzaki Validi Togan. *Istoriya bashkir* [The History of Bashkirs]. Perevod s turetsk. A.M. Yuldashbaeva; avt. vstup. statey A.M. Yuldashbaev, I. Togan. Ufa: Kitap, 2010. 352 p. (In Russian)
4. Akhmetzyanov M.I., Mirgaleev I.M. O nadelenii narodom, zemley, lesami i vodami nogayskikh biev iz roda usergen, kypchak, burdzhan i tam'yan [On the Allotment of Nogai Biys from the Usergen, Kipchak, Burjan and Tamyan Clans with the People, Land, Forests and Waters]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 206–212. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.206-212. (In Russian)
5. *Istoriya Tatarii v dokumentakh i materialakh* [The History of Tataria in Documents and Materials]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe publ., 1937. 545 p. (In Russian)
6. *Istoriya Chingis-khana* [The History of Chinggis Khan]. Akhun Mansur ibn Abd ar-Rakhman ibn Anas al-Burunduki. Moscow: ID "Medina", 2018. 176 p. (In Russian)
7. Iskhakov D.M. Bulgarskiy vilayat nakanune obrazovaniya Kazanskogo khanstva: novyy vzglyad na neizvestnye problemy [The Bolghar Vilayat on the Eve of Kazan Khanate's formation: a new look at unknown problems]. *Gasyrlar avazy = Ekho vekov* [The Echo of the Ages]. 2009, no. 2, pp. 123–138. (In Russian)
8. Mirgaleev I.M. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy perioda pravleniya Toktamysh-khana* [The Political History of the Golden Horde during the reign of Toktamysh Khan]. Kazan: Alma-Lit, 2003. 164 p. (In Russian)
9. Rakhim A. Novye spiski tatarskikh letopisey [New copies of Tatar manuscripts]. *Problemy istorii Kazani: sovremennyy vzglyad* [Problems of the History of Kazan: A Modern View]. Kazan, 2004, pp. 555–594. (In Russian)
10. Salakhedinova M.A. Ob odnom neizvestnom persidskom sochinenii po istorii narodov Povolzh'ya [On an unknown Persian work on the history of the peoples of the Volga region]. *Strany i narody Vostoka = Countries and Peoples of the Orient*. Vol. IV. Moscow: Nauka Publ., 1965, pp. 147–154. (In Russian)
11. Frank A.J. *Islamskaya istoriografiya i «bulgarskaya» identichnost' u tatar i bashkir v Rossii* [Islamic Historiography and the "Bolghar" Identity among the Tatars and Bashkirs in Russia]. Kazan: Rossiyskiy islamskiy universitet, 2008. 266 p. (In Russian)

About the author: Ismagil R. Gibadullin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: ismagil4@yahoo.com

Received September 8, 2019 Accepted for publication November 26, 2019

Published December 29, 2019

ДВА ПОСЛАНИЯ МЕНГЛИ-ГИРЕЯ I КИЕВСКОМУ ВОЕВОДЕ ЮРИЮ МИКОЛАЕВИЧУ РАДИВИЛУ (1512–1513 гг.)

С.В. Полехов¹, И.В. Зайцев^{2,3}

¹ *Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
sergey.polekhov@gmail.com*

² *Институт научной информации по общественным наукам РАН*

³ *Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
ilyaAugust@yandex.ru*

Цель: осуществить источниковедческое исследование и публикацию посланий крымского хана Менгли-Гирея I киевскому воеводе Юрию Николаевичу Радзивилу 1512–1513 гг.

Материалы: подлинники посланий, хранящиеся в Библиотеке кн. Чарторыйских в Кракове и коллекции Игнатия Онацевича в Институте русской литературы Российской академии наук (Пушкинском доме) в Санкт-Петербурге; вспомогательные материалы, опубликованные и неопубликованные, из архивных и библиотечных собраний Москвы, Санкт-Петербурга и Варшавы.

Новизна и результаты: установлено, что в Библиотеке кн. Чарторыйских в Кракове (рукопись № 2893) и коллекции Игнатия Онацевича в Институте русской литературы Российской академии наук (Пушкинском доме) в Санкт-Петербурге хранятся два подлинных послания крымского хана Менгли-Гирея I киевскому воеводе Юрию Николаевичу Радзивилу (1511–1514). Выяснено, что они написаны 14 марта 1512 г. и 21 сентября 1513 г., а их содержание связано с внешней политикой Великого княжества Литовского. Установлено, что оба они до XVIII в. хранились в архиве Радзивиллов. Тексты обоих посланий публикуются впервые и снабжены подробными описаниями подлинников и комментарием к их содержанию.

Ключевые слова: Менгли-Гирей I, Радзивиллы, Великое княжество Литовское, переписка

Для цитирования: Полехов С.В., Зайцев И.В. Два послания Менгли-Гирея I киевскому воеводе Юрию Николаевичу Радзивилу (1512–1513 гг.) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 720–732. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.720-732

Благодарности: При подготовке настоящей публикации авторы пользовались содействием коллег. Вяч. С. Кулешов (Стокгольм) осуществил первоначальное прочтение надписи на печати Менгли-Гирея, а Г.М. Воробьев (Санкт-Петербург) прочёл и перевёл итальянский адрес второго послания. Л.В. Мошкова (Москва) указала близкую аналогию филигрانی первого из ханских посланий. А.Г. Бобров (Санкт-Петербург), П. Вежбицкий (Краков), В.П. Гулевич (Киев), К.Ю. Ерусалимский (Москва), С.Г. Жемайтис (Санкт-Петербург), Я. Завадзкий (Варшава), А. Рычков (Вильнюс) и Б.В. Черкас (Киев) любезно поделились сведениями о публикуемых посланиях и упоминаемых в них реалиях. Всем им авторы приносят искреннюю благодарность.

**TWO LETTERS OF MENGLI-GIRAY I
TO JERZY MIKOŁAJEWICZ RADZIWIŁŁ,
THE VOIVODE OF KIEV (1512–1513)**

S.V. Polekhov¹, I.V. Zaytsev^{2, 3}

¹ *Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
sergey.polekhov@gmail.com*

² *Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences*

³ *Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ilyaAugust@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* This article offers an edition and a source study of the letters of the Crimean Khan Mengli Giray I to Jerzy Mikołajewicz Radziwiłł (Jurgis Radvila), the voivode of Kiev, written in 1512–1513.

Research materials: The originals of the letters preserved in the Princes Czartoryski Library in Cracow and the collection of Ignacy Onacewicz at the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House) in St. Petersburg, subsidiary materials, edited and unedited, from the archival and library collections of Moscow, St. Petersburg, and Warsaw.

Results and novelty of the research: It is established that two original letters of the Crimean Khan Mengli Giray I to Jerzy Mikołajewicz Radziwiłł (Jurgis Radvila), the voivode of Kiev (1511–1514), are preserved in the Czartoryski Library in Cracow (Ms. 2893) and Ignacy Onacewicz's collection in the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (the Pushkin House) in St. Petersburg. It is demonstrated that they were written on March 14th, 1512, and September 21st, 1513, and their contents are connected with the international relations of the Grand Duchy of Lithuania. Both of them were kept in the Radziwiłł family archive until the nineteenth century. The texts of both letters are published for the first time, accompanied with detailed descriptions of the originals, a contextualization of them as sources, and provided with commentary.

Keywords: Mengli Giray I, Radziwiłł family, Grand Duchy of Lithuania, correspondence

For citation: Polekhov S.V., Zaytsev I.V. Two Letters of Mengli-Giray I to Jerzy Mikołajewicz Radziwiłł, the Voivode of Kiev (1512–1513). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 720–732. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.720-732

Acknowledgements: The authors would like to express their gratitude to all the colleagues who contributed to this publication, especially to Vyacheslav S. Kuleshov (Stockholm) for providing a preliminary transcription of the inscription on Mengli Giray's seal, to Grigory M. Vorobyev (St. Petersburg) for reading and translating the Italian address of the second letter, to Lyudmila V. Moshkova (Moscow) for pointing out the watermarks similar to that of the first letter, as well as to Alexander G. Bobrov (St. Petersburg), Borys V. Cherkas (Kyiv), Konstantin Yu. Erusalimskiy (Moscow), Vladyslav P. Gulevych (Kyiv), Andrej Ryčkov (Vilnius), Paweł Wierzbicki (Cracow), Jarosław Zawadzki (Warsaw) and Sergey G. Žemaitis (St. Petersburg) for providing information on the letters that are published below and the details of their contents.

В Библиотеке князей Чарторыйских в Кракове и Древлехранилище Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского дома) в Санкт-Петербурге сохранились два ценных источника по истории взаимоотношений Крымского ханства с Великим княжеством Литовским – ярлыки-послания хана Менгли-Гирея I киевскому воеводе Юрию Миколаевичу Радивилу¹ 1512–1513 гг. Оба они лишь кратко и со значительными неточностями упоминались в научной литературе, но до сих пор не были опубликованы. Исправить этот пробел и призвана настоящая работа.

Первое из публикуемых посланий упомянули Д. Колодзейчик в монографии о польско-литовско-крымских взаимоотношениях, где оно правильно датировано 1512 г. [24, р. 39, 48], и К.Ю. Ерусалимский в статье о конволюте материалов Радзивилловского архива, хранящемся ныне в Библиотеке кн. Чарторыйских. Впрочем, это письмо К.Ю. Ерусалимский почему-то назвал переводом и отнёс к Менгли-Гирею II, хотя ханская тамга и прикладная печать свидетельствуют о том, что это – подлинник, а его палеография указывает не на первую половину XVIII в., когда правил этот хан, а на начало XVI столетия [5, с. 872, прим. 12].

Второе послание упомянул В.И. Ульяновский в биографии киевского митрополита Спиридона. Украинский историк охарактеризовал это письмо как «оригінальний ярлык із ханською витисненою печаткою; давньоруський та кипчацький тексти» [14, с. 356, прим. 301] и со ссылкой на него писал, что хан Менгли-Гирей обещал помощь в борьбе с московским князем и жаловался на ограбление своих людей киевскому воеводе Ивану Ходкевичу, занимавшему эту должность в начале 80-х гг. XV в. (так можно понять по контексту упоминания ярлыка) [14, с. 99]. Как видим, содержание и даже внешний вид ярлыка были охарактеризованы очень неточно, а его упоминание затерялось среди многочисленных ссылок объёмистой монографии.

Оба послания – подлинники, написанные на старобелорусском/староукраинском языке, снабжённые ханским нишаном под текстом, а также адресом и прикладной печатью на обороте (оттиск последней сохранился лишь на первом послании, тогда как на втором от него остались лишь следы). Интересно отметить, что во втором послании адрес продублирован по-итальянски и по-татарски, причём в последнем случае Киев именуется старым тюркским названием Ман-Керман (см. о нём: [2, с. 77–78]). Всё это достаточно типично с точки зрения языковой ситуации и дипломатики документации, посвящённой контактам крымских ханов с Великим княжеством Литовским [24, р. 223–265, 313–424], с той лишь разницей, что в данном случае хан сносился не с великим князем, а с киевским воеводой, что к началу XVI в. также имело давнюю традицию.

¹ В латинских и западнорусских источниках его «фамилия» пишется по-разному: *Радивил*, *Радивилович* или *Радивиловича* (в последнем случае родительный падеж означает отчество отца), но значительно реже – в полонизированной форме *Радзивилл*, характерной для позднейших времён. В настоящей публикации используется первая из этих форм, которая в источниках первой половины XVI в. встречается достаточно часто: см., например, письма Юрию Миколаевичу Радивилу от виленского воеводы Ольбрахта Гаштольда, виленского епископа Павла Гольшанского и лендзского каштеляна Петра Опалиньского 30-х гг. XVI в. (Archiwum Główne Akt Dawnych, Archiwum Radziwiłłowskie, dz. XI, sygn. 17, s. 43, 55; [9, № 78, с. 170]. См. также: [27].

Архивная судьба публикуемых посланий достаточно ясна: оба они были адресованы Юрию Миколаевичу Радзивилу и хранились в архиве Радзивиллов (на что указывают как упоминание в перечне документов Кшиштофа Радзивилла «Перуна» 1604 г.², так и характерные дорсальные пометки) вплоть до начала XIX в., когда часть его материалов была похищена Каetanом Квятковским. Можно предположить, что публикуемые письма Менгли-Гирея были «позаимствованы» из архива Радзивиллов по простой причине: монаршие письма ценились коллекционерами дороже. Некоторые из этих материалов оказались в собрании Чарторийских [5, с. 868–871], другими завладел известный историк, археограф и коллекционер Игнатий Жегота Онацевич (1780–1845), собравший богатую коллекцию рукописей, во многом благодаря служебному положению в Петербурге [8; 4; 3]. После смерти Онацевича судьба его коллекции долгое время оставалась неизвестной, пока её остатки не были обнаружены в 70-е годы XX в. в Институте мировой литературы им. Горького в Москве, откуда были переданы в Институт русской литературы в Ленинграде. О составе собрания можно судить по ряду описей XIX–XX вв., материалы которых обобщены в «Охранной описи», используемой ныне при работе с коллекцией. В ней это послание описано следующим образом: «Письмо хана Мингирея к киевскому воеводе, (2 лл. бум. обложки)».

В первом послании Менгли-Гирей напоминал Юрию Миколаевичу о намерении отправить своего сына Мухаммед-Гирея с его сыном Кемелеш-Солтаном³ в Киев для заключения мира с литовскими панам радой, о чём ранее сообщал королю; поскольку сейчас Кемелеш-Солтан находится с войском «в поли», хан отправляет в Киев Мухаммед-Гирея с другим его сыном Ялалдеин-Солтаном (т. е. султаном Джалаледдином)⁴ и предписывает киевскому воеводе, как только к нему явится ханский слуга Мухаммед-Гафыз, сообщить о его прибытии королю (находившемуся тогда в Кракове [21, s. 260]) и как можно скорее переслать доставленные им письма панам раде. В заключительной части письма хан требует передать мёд, оставленный для него в Каневе, его людям в Черкасах – Игнатку Войтковичу или ханским купцам Матасье и Мордухаю. В дате письма не указан ни год, ни индикт, однако их нетрудно установить по упоминаемым лицам и событиям. Юрий Миколаевич был киевским воеводой в 1511–1514 гг. [28, № 393, s. 66; 20]; за это время войско крымского хана находилось «в поли» весной 1512 г. – в канун битвы под Вишневцем (Лопушней), состоявшейся 28 апреля, в которой оно было разгромлено польско-литовскими войсками (участвовал в ней и Юрий Миколаевич Радзивил) [22; 23; 26, p. 506–507]; одновременно шли переговоры о заключении нового мира между Менгли-Гиреем и Сигизмундом Старым, увенчавшиеся успехом к 1515 г. [24, p. 36–49; 25, по хронол. указ.].

² «Listy dwa od cara tatarskiego do p. Jerzego Mikołajewicza Radziwiłła wojewody kijowskiego pisany po ruskim». Здесь же упоминается список с письма «царя татарского», т. е. того же Менгли-Гирея, адресованного Юрию Радзивилу и написанного по-итальянски, 1512 г.: «1512. Copia listu cara tatarskiego do p. Juria Radziwiłła po włosku pisanego» [29, s. 227].

³ Кемелеш-солтан был зятем барынского князя Девлет-Бахты [11, с. 138, 165 и др.].

⁴ Вскоре после этого, летом 1513 г., прибыв в Литву, Джалаледдин умер [24, p. 40]. Очевидно, в этой поездке, согласно упоминанию в позднейшем документе, его сопровождал барынский князь Девлет-бахты [11, с. 639].

С проблемами «большой политики» в послании соседствует вполне повседневный вопрос – предписание Менгли-Гирея передать его людям мёд, один из основных продуктов Киевщины [6, с. 462–465]. Обращают на себя внимание еврейские имена купцов, которые должны были его получить. Евреи играли довольно значительную роль в торговле и экономической жизни крымских ханов. К этому же времени, 24 декабря 1514 г., относится грамота короля Сигизмунда трокскому «жидовскому войту» Мордухаю Еськовичу о рассмотрении жалобы подданного крымского хана Менгли-Гирея по имени Исаак на трокского еврея Садка Хомича, который получил от Исаака пять сороков соболей, однако дал взамен плохое сукно, стоившее только половину соболей⁵. Как минимум два «дувана» ханов (т. е. чиновники, заведовавшие их казной), Ша-Ислам и Мусофей, были иудеями; первый, судя по имени, принял ислам [13, с. 23].

Второе послание содержит жалобу Менгли-Гирея на каневского старосту Остафия Дашковича. Крымский хан, по его собственным словам, отправил войско на помощь Сигизмунду Старому в войне против Москвы, принявшее участие в недавнем походе Юрия Николаевича. Возглавлял это войско «князь Одрохман», т. е. Абд ар-Рахман. Но на обратном пути Остафий Дашкович арестовал крымских казаков у себя в Каневе, а их «челядь» и имущество отобрал. Поэтому хан просит киевского воеводу «учинить право», т. е. провести справедливое разбирательство по этому делу, и вернуть казакам их имущество; если же эта просьба не будет исполнена, он обратится к королю, а о несправедливости, причинённой Остафием, забывать не намерен.

Речь здесь идёт о начальном этапе московско-литовской войны 1512–1522 г. Весной и ранним летом 1513 г., пока московские войска во главе с Василием III осаждали Смоленск, киевский воевода Юрий Николаевич Радивил возглавил разорительный поход на его недавно (по перемирию 1503 г.) приобретённые владения – окрестности Путивля, Новгорода Северского, Стародуба, Радогоща и Брянска. В этом походе участвовали и крымские татары, вскоре ушедшие в Валахию [19, № 276, р. 215; 9, № 1, с. 23]⁶. Вполне понятно участие в этом походе Остафия Дашковича, старосты каневского (а с 1514 г. и черкасского), который был своеобразным экспертом по сношениям с Крымом на службе великих князей литовских (известно о его участии в позднейших кампаниях той же московско-литовской войны) [17].

Князь Абд ар-Рахман, возглавлявший посланное Менгли-Гиреем войско, был влиятельнейшим крымским князем-карачи, сыном князя Али и сторонником великого князя литовского при дворе Менгли-Гирея. Впервые Абд ар-Рахман упоминается в 1500 г. как мурза (т. е. при жизни отца) [10, с. 306, 544]. Он был наместником построенной около 1505 г. крепости Ислам-Керман – на Таванском перевозе на Днепре; впоследствии эта должность и доходы с нее

⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 293 (Западнорусские акты). № 24. Л. 1. Датировано по индикту и итинерарию Сигизмунда Старого.

⁶ В подлиннике последнего источника, послания Сигизмунда Старого Юрию Николаевичу Радивилу, стоит дата: «Писан у Мел(ь)нику июл(я) 2 день, индикт 1»; в изданиях ошибочно прочитано как нечётко написанное «июня»: в это время Сигизмунд ещё был в Ленчице, тогда как в подляшском Мельнике его пребывание фиксируется с 27 июня по 18 июля [21, с. 260]. О боевых действиях этого времени см.: [7, с. 14; 16, с. 170].

перешли к его сыну Бийтаку [13, с. 7, 27]. В 914 г. х. (май 1508 г.) Абд ар-Рахман построил в Акмесджите (нынешнем Симферополе) мечеть, которую видел впоследствии Эвлия-челеби, записавший тарих с нее: «Затем, во внешнем пригороде, соборная мечеть Абд ар-Рахман-бея. И это древнее место молитвы, крытое черепицей, с каменным минаретом. Над ее дверью написан следующий тарих: “Построил эту благословенную мечеть в дни правления султана Менгли Герай-хана слабейший из рабов Абд ар-Рахман, сын Али-бея, да простит Бог его и его семью. Месяц мухаррем девятьсот четырнадцатого года”». Но в ханском послании Абд ар-Рахман назван «старостой рогат-кирменским»; Рохат-Керман находился чуть выше по течению Днепра.

Ханское послание написано в Феррах-Кермане. Эта крепость (Перекопская крепость, Ор), где находился двор хана с мечетью и тюрьмой, была построена Менгли-Гиреем при помощи инженеров из Мангуна и Кафы между 1504 и 1507 гг. Эвлия Челеби, побывавший в ней в 1660-е годы, считал, что она построена Сахиб-Гиреем, возможно, потому, что позднее, в 1523 г. там были выстроены еще 4 стрельницы [13, с. 5].

Весьма значимой для истории внешних связей Крымского ханства и практики ханской канцелярии оказывается филигрань первого послания – «Кувшин». Близкие аналогии этой филигрании обнаруживаются в балканских рукописях 1510–1520 гг. [12, № 11–14]. До сих пор было известно об использовании в джучидских канцеляриях европейской (преимущественно венецианской) бумаги с другими филигранями – «Голова быка», «Круги», «Единогор», «Весы», «Якорь», «Трилистник», «Три полумесяца» [15, с. 28–58 (описание ярлыков), 86–88; 24, р. 421 (fn. 516), 424, 769, 959, 999; 1].

Кириллические тексты публикуются по следующим правилам. Сохраняются вышедшие из употребления буквы; при этом широкое «е» передаётся буквой «є»; «аз йотированный» – буквой «я». Сокращения раскрываются в круглых скобках, выносные буквы вносятся в строку курсивом. Конец строки обозначается вертикальной линией. В примечаниях отмечаются лигатуры и необычные чтения. В легенде указывается длина всех сторон листа в порядке их расположения по часовой стрелке (верхняя, правая, нижняя и левая стороны; в сантиметрах), приводятся пометки, надписи, сведения о способах заверения посланий.

1

[1512 г.] марта 14. На Тавани. – Крымский хан Менгли-Гирей I – киевскому воеводе Юрию Николаевичу [Радивилу]

Biblioteka XX. Czartoryskich. Rkps 2893. S. 147–148. Бумага, 20,8×28,4×21,2×27,9. Филигрань – Кувшин (три понтюзо, расстояние между ними – 2,7+2,4, высота – 7,6, ширина – 3,9). Подлинник.

Правее последних четырёх строк текста, в правом нижнем углу оттиснута синяя тамга (5,9×5,9) с арабской легендой куфическим почерком: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного» (т. н. басмала) и «Нет божества кроме Аллаха, Мухаммад – пророк его» (т. н. ташаххуд), «султан величайший и хакан Менгли-Гирей хан сын Хаджи-Гирей хана». Тождественная

тамга есть на перемирном листе между Менгли-Гиреем и Сигизмундом I, написанном на латыни, с датой 1514 г. из собрания Главного архива древних актов в Варшаве [18; 24, р. 619]. На листе три ряда вертикальных прорезей по 3 шт. (у правого края и примерно посередине), через две средние нижние была пропущена полоска-подкладка, на ней на обороте листа оттиснута под бумажной кустодией (4×3,6) круглая печать (D=1,8), на которой надпись, выполненная сульсом и заключённая в ободок: *منکلی گرای بن حاجی گرای خان* (mäñli giräy | bin xâji giräy | xân) [Хан Менгли-Гирей, сын хана Хаджи-Гирея].

На обороте выше адреса, в перевёрнутом виде: *Od cara Tatarskiego do p. Jerzego Radziwiła. В верхней части, также в перевёрнутом виде: Od cara przekopskiego Menli-Kiereia do pana wojewodi kiiewskiego pana Juria Radziwiła. Вдоль левого сгиба снизу вверх: 5. Fas. 19. Publiczn. (все пометки выполнены чернилами).*

Великое Урды *шт* великого ц(а)ра Менли-Гирея ц(а)ра слово. |
 Приятелю нашем⁸ пан⁸ Юрью Миколаевич(8), воеводе киевском⁸.
 Слово наше то | есть.

Перво сего послали есмо до брата нашего короля сл⁸г⁸ нашего Усмана, | поведаячи, што *ж* посылаем сына нашего Магамат-Кереи-Солтана и с сыном его, вн⁸|ком нашим Кемелеи-Солтаном до Киева, штобы имел там с паны мир⁸ довершити. | Ино сими разы воиско нашо стоит(ь) в поли, и Кемелеи-Солтан з ними. Про то *ж* мы, хо|тачи, абы дело наше не проволочлоса, послали есмо с(ы)на нашего | Махамат-Кереи-Солтана и с сыном его Ялалдеин-Солтаном до Киева, а мает(ь) ждати⁷, | пок⁸ла панове б⁸д⁸ть. Про то *ж*, як скоро приидет(ь) сл⁸га наш добрыи Махамат-Га⁸ыз до вас, и вы бы, нич⁸го не державши, на подводах послали до брата | нашего короля. А иншие листы послал есми до панов раде⁸ Великого кн(а)зтва | Литовского, и ты бы тые листы, взявши в Махамат-Га⁸ыза, а послали бы | есте своим человеком до них и наибо⁸ржеи.

А таке⁸ж и перво сего писали есмо | до вас *ш* мед⁸ нашом, которого *ж* zostавил Тростаник в Кан⁸ве деватнацать | кадеи мед⁸ и полкади. Про то *ж* и тепер(е) просем тебе, абы тот наш мед цело подал | в Черкасах Игнатк⁸ Воитович(8) албо к⁸пц⁸м нашим | Матас(ь)и и Морд⁸хаю.

А иншие слова нашии приказам | есмо Маматю говорити, и вы бы ем⁸ верили.

Псан | на Тавани, месяц(а) мар(та) ден(ь) 14.

На обороте посередине по горизонтали (в перевёрнутом виде) адрес: Приятелю нашем⁸ пан⁸ Юрью Миколаевич(8), воеводе | киевском⁸, сес(ь) листь послан.

⁷ в начале следующей строки написана и зачёркнута одна буква – вероятно, в

⁸ так в рукописи, следует читать рады

2

[1513 г.] сентября 21. – Крымский хан Менгли-Гирей I – киевскому воеводе
Юрию Николаевичу [Радивилу]

Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Древлехранилище. Оп. 50. Папка 12д. № 14. Бумага, 31×25,2×30,8×25,7. Подлинник.

Лист сильно потёрт посередине, имеются бурые пятна от влаги, потёртости до дыр на сгибах, потрёпан верхний край, вырваны части левого края.

Под текстом в правом нижнем углу листа оттиснута синяя тамга (ок. 6×6) с арабской легендой куфическим почерком, идентичная тамге на послании Менгли-Гирея от 14 марта 1512 г. (см. № 1). На обороте у правого края следы прикладной красновосковой печати (Д=2,5 см), светлый след от прикрывавшей её ромбовидной кустодии и две прорези для полоски-подкладки печати. Небольшой след красного воска имеется также в левом нижнем углу, на обороте места оттиска тамги.

На лицевой стороне, в левом верхнем углу, простым карандашом: 14. На обороте вдоль левого края, сверху вниз, тёмно-коричневыми чернилами: 12. Fas 58. Publ. Там же, в левом нижнем углу, простым карандашом: d. Там же, в правом нижнем углу, простым карандашом: d. XII. 14.

Подлинник вложен в обложку из тонкой бумаги, на которой почерком и орфографией XIX – начала XX в. простым карандашом сделана транскрипция кириллического текста.

Бѡж(ъ)ю м(и)л(о)стью | Великое Ѡрды великаѡ(о) ц(а)ра Минкгирѣя. |

Приятелю моемѸ пану⁹ Юрью НиколаевичѸ, воєводѣ киевскомѸ, поклон.

Послѣ поклонѸ слово наше то естъ.

Повѣдаем | тобѣ, приятелю нашемѸ¹⁰, што ж здес(ъ) как был Ѹ менѣ Ѡстаѣи Дашкевич, и я дла брата своеѡ(о) короля еѡ(о) Ѹчестовал и вми|ловал, и вчестовавши есми еѡ(о) ѡтпустил. И послал есми с ним ч(о)л(о)в(е)ка своеѡ(о) добраѡ(о), кн(а)за Ѡдрохмана, старѡстѸ рогат-кирмен|скаѡ(о), з людьми на помоч брату¹¹ нашемѸ королю на неприятеля еѡ(о) на московскаѡ(о). Ино которыи люди наши с кн(а)зем¹² Ѡдрохманом | до тебѣ до Киева ездили и с тобою, приятелем нашим, посполѸ землю московскаѡ(о) воєвали, ино иныи козаки наши вста|лис(ъ) при Ѡстап(ъ)и Ѹ Каневѣ, на има Магметелии а Єпанча а ТѸвак и з ыншими товариши своими. Ино Ѡстапѣи | в тых наших козаков кони их и челед(ъ), которѸю ѡни были добыли в Московщинѣ, тоє в них побрал и вес(ъ) их статок в нихъ | поѡтнимал, а и самих иных Ѹ вежѸ посажал. Ино Ѡстапѣи нашое ласки и жалован(ъ)я Ѹ коротком засѸ¹³ забыл, и сам ты, | приятел(ъ) наш, ѡ том мѣжи ними смотрел. Ино есмо ѡпат(ъ) тоѡ(о) козака нашеѡ(о) Єпанчея послали зъ ярлыком нашим. И ты б, приятел(ъ) | наш, и тепер(ъ) ѡ том справедливость Ѹчинил межи ними и вѣлел бы еси Ѡстап(ъ)ю, абы ѡн им тот их статок ѡпат(ъ)

⁹ а и у составляют лигатуру

¹⁰ далее текст написан не коричневыми, а тёмно-серыми чернилами

¹¹ а и у составляют лигатуру

¹² слово написано без титла

¹³ так в рукописи, следует читать часѸ

вернул, а вчи|нивши б еси межи ними справедливость, и в том бы еси до нас
в|тписал. Ино если им в|стапѣи тот их статок вес(ь) вернет(ь), што |
будет(ь) в них повтнимал, ино то гораздъ, а если им не всхоchet(ь) статку
их им вернути и коней их и челади, и мы в том будем писати до | брата
нашег(о) короля, а в|стап(ь)ю того не пѣрепѣстим.

Псан ӨараӨ-Кирмен, сен(тября) 21 д(е)н(ь), индик(т) 2.

На обороте посередине (ближе к правому краю среднего квадрата,
образованного линиями сгиба) сверху вниз адрес: Приятелю моемŸ пану¹⁴
Юрью Ми|колаевичŸ, воеводѣ киевскомŸ¹⁵.

Нижє адрес на итальянском языке: Magnifico domi(n)o pallatino de |
Chiovia p(er) li fatti delli chazaqui [Славному пану воеводе киевскому по пово-
ду казаков].

Правее вертикального сгиба надпись на татарском языке:

منك كerman و يولده سینه قزاقلر خصوصى اوچون يزيلور يرليغ دور

(Mang-Kerman ve yoldasına kazaklar hususi için | yazılır yarlıg dur) [Это
ярлык, в котором написано в особенности о казаках Ман-Кермана и его доро-
ги] (т. е. Киева и окрестностей).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзалов Л.Ф. Материалы письма в канцеляриях Джучидов // Учёные записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. Кн. 2. Ч. 1. Гуманитарные науки. С. 38–43.
2. Абрамович З. Старая турецкая карта Украины с планом взрыва днепровских порогов и атаки турецкого флота на Киев // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 2. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1969. С. 76–97.
3. Дзярнович О. Инвентарь „Книг Метрики ВКЛ по-новому переплетенный и составленный” Григорием Качановским (1787 г.): источник по истории государственного архива Великого Княжества Литовского // Lietuvos Statutas ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajoriškąji visuomenė / Sud. I. Valikonytė ir L. Steponavičienė. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2015. P. 261–276.
4. Дзярнович А.І. «Невядомы Стрыйкоўскі». Гісторыя рукапісу паэмы «Бітва пад Улай» (1564 г.) са збораў Пушкінскага Дому ў Санкт-Пецярбурзе // Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 3. Минск: Республиканский институт высшей школы, 2010. С. 221–244.
5. Ерусалимский К.Ю. Крымское ханство, Речь Посполитая и Российское государство в 1524–1571 гг.: Посольская переписка из архива Великого княжества Литовского // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 866–920. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.866-920
6. Клепатский П.Г. Очерки по истории Киевской земли. Т. 1: Литовский период. Одесса: Тип. «Техник», 1912. 595 с.
7. Лобин А.Н. Взятие Смоленска и битва под Оршей 1514 г. М.: Фонд «Русские витязи», 2015. 55, [2] с.
8. Николаев С.И. О коллекции Игнатия Онацевича // Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История: Сб. ст. к IX Междунар. съезду славистов. Л.: Наука, 1983. С. 197–209.

¹⁴ а и у составляют лигатуру

¹⁵ Ÿ вынесен без титла – написан над м из-за недостатка места в строке до сгиба

9. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI в. / Сост. М. М. Кром. (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 6.) М.; Варшава: Древлехранилище, 2002. 268 с.
10. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. I. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1884. XXII, 557 с., 82 стб.
11. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 95. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. II. СПб.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1895. XIX, 706 с., 108 стб.
12. *Станковић Р.* Рукописне књиге манастира Свете Тројице код Пљеваља. Водени знаци и датирање. Београд: Народна библиотека Србије, 2003. XVI, 230 с.
13. *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Учёные записки Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. М.: Издание МГУ, 1940. С. 3–71.
14. *Ульяновский В.* Митрополит київський Спиридон. Образ крізь епоху, епоха крізь образ. Київ: Либідь, 2004. 376 с.
15. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Издательство Казанского университета, 1979. 320 с.
16. *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 336 с.
17. *Черкас Б.* Остафій Дашкович – черкаський і канівський староста XVI ст. // Український історичний журнал. 2002. № 1. С. 53–67.
18. *Abrahamowicz Z.* Dokumenty tatarskie i tureckie w zbiorach polskich // Przegląd Orientalistyczny. 1954. Nr 2 (10). S. 141–148.
19. *Acta Tomiciana.* T. 2. Posnaniae: Typis J. Łukaszewicz, 1852. 283, 22 p.
20. *Błaszczak G.* Radziwiłł Jerzy h. Trąby (ok. 1480–1541) // Polski słownik biograficzny. T. 30. Wrocław i in.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1987. S. 225–229.
21. *Gąsiorowski A.* Itineraria dwu ostatnich Jagiellonów // Studia Historyczne. 1973. R. 16. Zesz. 2 (61). S. 249–275.
22. *Herbst S.* Najazd tatarski. 1512 // Przegląd Historyczny. 1948. T. 37. S. 218–226.
23. *Herbst S.* Najazd tatarski. 1512 // Herbst S. Potrzeba historii czyli O polskim stylu życia. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1978. S. 260–272.
24. *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th – 18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. (The Otoman Empire and its Heritage. Politics, Society and Economy. Vol. 47.) Leiden; Boston: Brill, 2011. 1049 p.
25. *Lietuvos Metrika.* Knyga Nr. 7 (1506–1539). Užrašymų knyga 7 / Par. I. Ilarienė, L. Karalius, D. Antanavičius. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2011. XXX, 1012 p.
26. *Ostapchuk V.* The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı: New Sources for the History of the Black Sea Basin // Harvard Ukrainian Studies. Vol. VI, no. 4. December 1982. P. 500–528.
27. *Petrauskas R.* Vardas Radvila: giminės iškilimas XV a. – XVI a. pradžioje (В печаті).
28. Urzędnicy województw kijowskiego i czernihowskiego XV–XVIII wieku. Spisy / Oprac. E. Janas i W. Kłaczewski. (Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku. Spisy / Pod red. A. Gąsiorowskiego. T. 3: Ziemia ruskie. Zesz. 4.) Kórnik: Biblioteka Kórnicka, 2002. 343, [1] s.

29. Zawadzki J. Sumariusz dokumentów Krzysztofa Radziwiłła „Pioruna” z 1604 r. jako źródło do dziejów rodziny i Wielkiego Księstwa Litewskiego // *Miscellanea Historico-Archivistica*. T. 25. Warszawa: DiG; Archiwum Główne Akt Dawnych, 2018. S. 219–244.

Сведения об авторах: Сергей Владимирович Полехов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (117036, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7866-7663>. E-mail: sergey.polekhov@gmail.com

Илья Владимирович Зайцев – доктор исторических наук, заведующий Центром сравнительного изучения цивилизаций Института научной информации по общественным наукам РАН (117418, Нахимовский пр-т, 51/21, Москва, Российская Федерация); старший научный сотрудник Института российской истории РАН (117036, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: ilyaAugust@yandex.ru

Поступила 17.09.2019 Принята к публикации 26.11.2019

Опубликована 29.12.2019

REFERENCES

1. Abzalov L. F. Materialy pis'ma v kantselyariyakh Dzhuchidov [Materials for Writing in Juchids' Chancellery]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Kazan' State University]. 2009. Vol. 151, book 2, part 1. *Gumanitarnye nauki* [Humanities], pp. 38–43. (In Russian)
2. Abrahamovitch Z. Staraya turetskaya karta Ukrainy s planom vzryva dneprovskikh porogov i ataki turetskogo flota na Kiev [An old Tatar map of the Ukraine with a plan of the explosion of the Dnieper Rapids and the Turkish navy attack on Kiev]. *Vostochnye istochniki po istorii narodov Yugo-Vostochnoi i Tsentral'noi Evropy* [Oriental Sources on the History of the Peoples of Southeast and Central Europe]. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1969, pp. 76–97. (In Russian)
3. Dzyarnovich O. Inventar' „Knig Metriki VKL po-novomu perepletennyi i sostavlennyi” Grigoriem Kachanovskim (1787 g.): istochnik po istorii gosudarstvennogo arkhiva Velikogo Knyazhestva Litovskogo [The “Newly compiled and bound inventory of the books of Metrica of the Grand Duchy of Lithuania” by Grzegorz Kaczanowski (1787): a source for the history of the state archive of the Grand Duchy of Lithuania]. *Lietuvos Statutas ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajoriškoji visuomenė* [The Lithuanian Statute and the Noble Society of the Grand Duchy of Lithuania], ed. by I. Valikonytė and L. Steponavičienė. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2015, pp. 261–276. (In Russian)
4. Dzyarnovich A. I. „Nevjadomy Strykowski”. Gistoryja rukapisu pajemy «Bitva pad Ulaj» (1564 g.) sa zboraw Pushkinskaga Domu w Sankt-Pecjarburze [“Unknown Strykowski”: The History of the Manuscript of “The Battle of Ula” Poem (1564) in the Collections of the Pushkin House in St. Petersburg]. *Studia historica Europae Orientalis = Issledovaniya po istorii Vostochnoi Evropy*. Vol. 3. Minsk: Respublikanskii institut vysshei shkoly, 2010, pp. 221–244. (In Belarusian)
5. Erusalimskiy K.Yu. Krymskoe khanstvo, Rech' Pospolitaya i Rossiiskoe gosudarstvo v 1524–1571 gg.: posol'skaya perepiska iz arkhiva Velikogo knyazhestva Litovskogo [Crimean Khanate, Polish-Lithuanian Commonwealth and Russian State in 1524–1571: The Diplomatic Correspondence from the Archive of the Grand Duchy of Lithuania]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 866–920. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.866-920 (In Russian)

6. Klepatskii P.G. *Ocherki po istorii Kievskoi zemli* [Studies on the History of the Kievan Land]. Vol. 1. *Litovskii period* [The Lithuanian Period]. Odessa: Tip. "Tekhnik", 1912. 595 p. (In Russian)
7. Lobin A. N. *Vzyatie Smolenska i bitva pod Orshei 1514 g.* [The Seizure of Smolensk and the Battle at Orsha in 1514]. Moscow: Fond "Russkie vityazi", 2015. 55, [2] p. (In Russian)
8. Nikolaev S.I. O kollektsii Ignatiya Onatsevicha [About the Ignacy Onacewicz's collection]. *Dukhovnaya kul'tura slavyanskikh narodov. Literatura. Fol'klor. Istoriya: Sb. st. k IX Mezhdunar. s"ezdu slavistov* [The Spiritual Culture of the Slavic Peoples. Literature. Folklore. History. Collection of articles for the 9th International Congress of Slavists]. Leningrad: Nauka, 1983, pp. 197–209. (In Russian)
9. *Radzivillovskie akty iz sobraniya Rossiiskoi natsional'noi biblioteki. Pervaya polovina XVI v.* [The Radziwiłł Acts from the Collection of the Russian National Library. The first half of the 16th century], ed. by M. M. Krom (*Pamyatniki istorii Vostochnoi Evropy. Istochniki XV–XVII vv.* [The Monuments of History of Eastern Europe. Sources of the 15th–17th centuries]. Vol. 6.). Moscow; Warsaw: Drevlekhranilishche, 2002. 268 p. (In Russian)
10. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* Vol. 41. *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nagaiskoyu Ordami i s Turtsiei* [The Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 41. The Monuments of Diplomatic Relations of Old Russia with the Foreign States. The Monuments of Diplomatic Relations of the Muscovite State with the Crimean Horde, the Nogai Horde and Turkey]. Vol. I. St. Petersburg: Tip. F. Eleonskogo i K^o, 1884. XXII, 557 p., 82 col. (In Russian)
11. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* Vol. 95. *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nagaiskoyu Ordami i s Turtsiei* [The Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 95. The Monuments of Diplomatic Relations of Old Russia with the Foreign States. The Monuments of Diplomatic Relations of the Muscovite State with the Crimean Horde, the Nogai Horde and Turkey]. Vol. II. St. Petersburg: Tovarishchestvo "Pechatnya S.P. Yakovleva", 1895. XIX, 706 p., 108 col. (In Russian)
12. Stankovich R. *Rukopisne knjige manastira Svete Trojice kod Plevlje: vodeni znaci i datiranje* [Manuscripts of the St. Trinity Monastery of Pljevlja: Watermarks and Dating]. Beograd: Narodna biblioteka Srbije, 2003. XVI, 230 p. (In Serbian)
13. Syroechkovskii V.E. Mukhammed-Gerai i ego vassaly [Mehmed Giray and his vassals]. *Uchenye zapiski Moskovskogo ordena Lenina Gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova* [Proceedings of the Lomonosov Moscow State University]. Vol. 61. *Istoriya* [History]. Moscow: Izdanie MGU, 1940, pp. 3–71. (In Russian)
14. Ul'janov's'kyj V. *Mytropolyt kyivs'kyj Spyrydon. Obraz kriz' epohu, epoha kriz' obraz* [Metropolitan Spiridon of Kiev: The Image through the Epoch, the Epoch through the Image]. Kyiv: Lybid', 2004. 376 p. (In Ukrainian)
15. Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI vv.* [The Granted Acts of the Ulus of Jochi, 14th–16th century]. Kazan': Kazan State Universitet Publ., 1979. 320 p. (In Russian)
16. Khoroshkevich A.L. *Rus' i Krym. Ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV – nachalo XVI vv.* [Rus' and the Crimea. From the Alliance to the Confrontation. The end of the 15th – the beginning of the 16th century]. Moscow: Editorial URSS, 2000. 336 p. (In Russian)
17. Cherkas B. Ostafij Dashkovych – cherkas'kyj i kanivs'kyj starosta XVI st. [Ostafii Dashkovych – the starosta of Kanev and Cherkasy of the 16th century]. *Ukrains'kyj istorychnyj zhurnal* [Unkrainian Historical Journal]. 2002, no. 1, pp. 53–67. (In Ukrainian)

18. Abrahamowicz Z. Dokumenty tatarskie i tureckie w zbiorach polskich [The Tatar and Turkish documents in the Polish collections]. *Przegląd Orientalistyczny*, 1954, no. 2 (10), pp. 141–148. (In Polish)
19. *Acta Tomiciana*, Vol. 2. Posnaniae: Typis J. Łukaszewicz, 1852. 283, 22 p. (In Latin)
20. Błaszczyk G. Radziwiłł Jerzy h. Trąby (ok. 1480–1541). *Polski słownik biograficzny*, Vol. 30. Wrocław et al: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1987, pp. 225–229. (In Polish)
21. Gąsiorowski A. Itineraria dwu ostatnich Jagiellonów. *Studia Historyczne*. 1973. Vol. 16, no. 2 (61), pp. 249–275. (In Polish)
22. Herbst S. Najazd tatarski. 1512. *Przegląd Historyczny*. 1948. Vol. 37, pp. 218–226. (In Polish)
23. Herbst S. Najazd tatarski. 1512. Herbst S. *Potrzeba historii czyli O polskim stylu życia*. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1978, pp. 260–272. (In Polish)
24. Kołodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th – 18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. (The Ottoman Empire and its Heritage. Politics, Society and Economy. Vol. 47.)* Leiden; Boston: Brill, 2011. 1049 p.
25. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 7 (1506–1539). Užrašymų knyga 7*, ed. by I. Ilarienė, L. Karalius, D. Antanavičius. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2011. XXX, 1012 p. (In Ruthenian, Latin and Lithuanian)
26. Ostapchuk V. The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı: New Sources for the History of the Black Sea Basin. *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. VI, No. 4, December 1982, pp. 500–528.
27. Petrauskas R. Vardas Radvila: giminės iškilimas XV a. – XVI a. pradžioje [The name Radvila: the rise of the kin in the 15th and at the beginning of the 16th century] (In print). (In Lithuanian)
28. *Urzednicy województw kijowskiego i czernihowskiego XV–XVIII wieku. Spisy*, ed. by E. Janas i W. Kłaczewski. (*Urzednicy dawnej Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku. Spisy / Pod red. A. Gąsiorowskiego*. Vol. 3: *Ziemie ruskie*. Zesz. 4.) Kórnik: Biblioteka Kórnicka, 2002. 343, [1] p. (In Polish)
29. Zawadzki J. Sumariusz dokumentów Krzysztofa Radziwiłła „Pioruna” z 1604 r. jako źródło do dziejów rodziny i Wielkiego Księstwa Litewskiego [Summary book of documents of Krzysztof ‘Piorun’ Radziwiłł from 1604 as source material for history of the family and of the Grand Duchy of Lithuania]. *Miscellanea Historico-Archivistica*. Vol. 25. Warszawa: DiG; Archiwum Główne Akt Dawnych, 2018, pp. 219–244. (In Polish)

About the authors: Sergey V. Polekhov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitriy Ulyanov Str., Moscow 117036, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7866-7663>. E-mail: sergey.polekhov@gmail.com

Il'ya V. Zaytsev – Dr. Sci. (History), Head of the Center for Comparative Studies of Civilizations at the Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (51/21, Nakhimovsky prospect, Moscow 117418, Russian Federation); Senior Researcher Fellow of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitriy Ulyanov Str., Moscow 117036, Russian Federation). E-mail: ilyaagust@yandex.ru

*Received September 17, 2019 Accepted for publication November 26, 2019
Published December 29, 2019*

МЕДИЦИНА КРЫМСКОГО ХАНСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Э.Э. Абибуллаева^{1, 2}

¹ Мемориальный музей Исмаила Гаспринского, ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»

² Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
Бахчисарай, Российская Федерация
shems-annur@mail.ru

Цель: на основе анализа письменных источников, описывающих медицину и средства лечения, представить картину повседневной жизни в Крымском ханстве.

Материалы исследования: использованы материалы медицинского трактата первой половины XVI в. – «Менафиу-н Нас», изученные турецкими исследователями, факты из Кадискерских тетрадей, сведения средневековых путешественников: Эвлия Челеби, Э.Д. Д'Асколи, Ш. Пейсонель и др.

Результаты и научная новизна: статья представляет собой обзор одного из аспектов повседневной жизни периода Крымского ханства. Большое внимание уделено новым фактам, выявленным в ходе изучения письменных источников XVI–XVIII вв.

Рассматривая повседневную жизнь в городах Крымского ханства, нельзя обойти вниманием медицину, так как люди во все времена искали пути лечения и избавления от недугов. Больше всего упоминаний об учёных-медиках встречается у Эвлия Челеби. Например, при описании столицы Крымского ханства путешественник написал следующее: «Этот древний город – источник учёных и собрание премудрых, место жительства поэтов, поэтому там много и учёных-медиков. Искусные врачи и хирурги-кровопускатели – очень большие мастера в науке пульса, подобные Галену».

Относительно специальных учреждений для больных, следует отметить больницу (*имархане*) о которой путешественник пишет следующее: «<...> Около мечети Сахиб Гирай хана [в Бахчисарае] есть больница в пару комнат, там присматривают за больными».

Особое отношение Сахиб Гирая к медицине подтверждается его покровительством крымско-турецкому учёному-медику первой половины XVI в. Недаи: автору ряда философских, медицинских трудов, а также известного медицинского трактата «Менафиу-н Нас». В своем труде автор перечисляет вещества растительного, животного, минерального происхождения и дает рецепты приготовления из них снадобий для исцеления от болезней.

Было выяснено, что данный трактат пользовался широкой популярностью среди народа, благодаря достаточно понятному изложению и тюркскому языку.

Ключевые слова: Крымское ханство, повседневная жизнь, города, медицина

Для цитирования: Абибуллаева Э.Э. Медицина Крымского ханства сквозь призму повседневной жизни // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 733–743. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.733-743

MEDICINE OF THE CRIMEAN KHANATE THROUGH THE PRISM OF EVERYDAY LIFE

E.E. Abibullayeva^{1, 2}

¹ *Ismail Gasprinsky Memorial Museum,
Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve*

² *Crimean Research Center
of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Bakhchisaray, Russian Federation
shems-annur@mail.ru*

Abstract: *Objective:* To present a picture of everyday life in the Crimean khanate on the basis of the analysis of written sources describing medicine and means of treatment.

Research materials: “Menafiu-n Nas”, a medical treatise of the first half of the sixteenth century studied by Turkish researchers, information found in Kadiasker notebooks, and information originating from the medieval travelers, Evliya Çelebi, Emiddio Dortelli d’Ascoli, and Charles de Peyssonnel.

Results and novelty of the research: This article contains the review of one aspect of everyday life in the period of the Crimean Khanate. Great attention is paid to the observations recorded during training or practice and recorded in the written sources of the 16th–18th centuries.

Examining everyday life in the towns of the Crimean Khanate, one cannot avoid the topic of medicine, since the people at all stages of their lives were looking for new ways of treating different diseases. Foremost among all mentioned materials about medical researchers is that which we find in the works of Evliya Çelebi. For example, while describing the capital of the Crimean Khanate, he wrote the following: “This is the ancient town – it is the source of scholars and a collection of wise people, the residence of poets, and that is why there are so many scholars of medicine. Skillful doctors and surgeons, they are good masters in the science of the pulse, quite like Galen”.

Concerning special medical institutions for the sick, the existence of the hospital (*imarhane*) should be noted, about which the traveler wrote the following “...close to Sahib Giray Khan’s mosque, in Bakhchisaray, there is a hospital consisting of two rooms, where they take care of the sick people”.

The special attention paid by Sahib Giray to sick people is confirmed by his protection and patronage of Nedai, the Crimean-Turkish scholar of medicine who lived on the first half of the sixteenth century and who was also the author of some works in philosophy and medicine, in particular, a well-known medical treatise, “Menafiu-n Nas”. In his work, he enumerated the substances of plant, animal, and mineral origin and gave recipes for preparing medicine aimed at treating different diseases. It is well known that this treatise enjoyed great popularity among people thanks to its quite simple descriptions and the fact that it was written in the Turkish language.

Keywords: Crimean Khanate, everyday life, towns, medicine

For citation: Abibullayeva E.E. Medicine of the Crimean Khanate through the Prism of Everyday Life. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 733–743. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.733-743

Рассматривая повседневную жизнь в городах Крымского ханства, нельзя обойти вниманием медицину, так как люди во все времена искали пути лечения и избавления от недугов. Больше всего упоминаний об учёных-медиках

встречается у Эвлия Челеби. Например, при описании столицы Крымского ханства путешественник написал следующее: «Этот древний город – источник учёных и собрание премудрых, место жительства поэтов, поэтому там много и учёных-медиков. Искусные врачи и хирурги-кровопускатели – очень большие мастера в науке пульса, подобные Галену» [1, с. 111]. О хирургах-кровопускателях путешественник упоминает и в описании города Кефе (Феодосия): «Этот древний город – собрание учёных и источник знаний, и так как климат здесь удивительный, то и учёные занимаются удивительными науками и обладают множеством знаний. Искусные мудрецы – хирурги-кровопускатели – не знают себе равных» [1, с. 190]. В этих цитатах речь идет о хиджаме или хаджамат «حجامة», в переводе с арабского языка – кровопускание. Вероятно, эта методика лечения была популярна у населения Крымского ханства, так как представляет собой очень простой и эффективный способ избавления от многих болезней посредством выведения из организма грязной крови. Далее Эвлия Челеби перечисляет имена знаменитых ханских хирургов, проживающих в Бахчисарае: Деде Масум, невольник Таркан, Альп акай. Описывая Гёзлев (Евпатория), путешественник пишет, что в этой стране больные встречаются редко, но поскольку это большой город, здесь есть мудрые учёные-врачи – Алиша мирза и Дудус ата. Похвально отзываясь о мастерах-хирургах венгерских кровей, проживающих в городе Гёзлеве [1, с. 57]. Вышеизложенные данные указывают на то, что в каждом городе Крымского ханства были врачи, которые специализировались в разных отраслях медицины.

Про болезни, путешественник пишет следующее: «<...> все больные и ослабшие находятся под присмотром домашних. Татарский народ, опасаясь морового поветрия, избегает [больниц]» [1, с. 113]. Моровое поветрие, упомянутое Эвлия Челеби – означает быстро распространяющиеся эпидемические болезни, в число которых входит и чума, о которой, скорее всего, люди помнили и остерегались. Ведь два крымских хана умерли именно от этой болезни: в 1607 г. в месяце шабан (21 ноября – 20 декабря) при возвращении из крепости Газикермен, у крепости Темрюк умер Гази Гирай. Тело его было привезено в Бахчисарай и похоронено в мавзолее отца (Тахт Алган Девлет Гирая); в 1640 г. после освобождения крепости Азак от казаков, при возвращении домой Бахадыр Гирай заболел чумой и в месяце реджеб (октябрь – ноябрь 1640 г.) умер. Могила его была устроена в гробнице отца, Селямет Гирая, в Бахчисарае, в квартале Хамушан [2, с. 46, 62].

Следует учитывать, что медицина испытала мощное влияние ислама. С целью предупреждения болезней и на случай появления инфекционных и эпидемиологических болезней очень часто люди обращались к Корану и хадисам пророка Мухаммеда. К примеру, пророк Мухаммед, настаивал на принятии мер, когда появлялись эпидемии. Он предостерегал от поездок в места, пораженные болезнью. А тех, кто уже оказался в очаге инфекции, он просил не выезжать, дабы предотвратить дальнейшее распространение инфекции. Он говорил: «Если вы услышите, что в какой-то земле чума, не входите туда, а если она (чума) постигнет землю, когда вы будете находиться там, не выходите оттуда» (Сахих Бухари, Сахи Муслим). Он также призывал больных людей не навещать здоровых (Сахих Муслим) [3]. Вероятно, поэтому, народ, зная эти предписания Корана, опасался больниц, где могли находиться инфи-

цированные больные. Следующие хадисы, приведенные в качестве примера, подтверждают факт влияния ислама на медицину и ее практическое применение и в Крымском ханстве. Пророк Мухаммед сказал: «Целительная сила [находится] в трех вещах: в глотке [питье] меда, в надрезе пиявки (кровопускании) и прижигании. Но я запрещаю своим последователям использовать прижигание» [4]. Как было описано выше, в Крымском ханстве повсеместно практиковали кровопускание.

Ислам предписывает, держать тело и дух в чистоте, что также способствует предотвращению заболеваний, и в Коране относительно этого сказано следующее: «Воистину, Аллах любит кающихся и любит очищающихся» (Коран 2:222). Интимные части оmyваются после каждого посещения туалета. Перед молитвой моют руки, лицо, прополаскивают рот и нос, моют стопы, перед каждой молитвой – пять раз в день. Факт соблюдения чистоты и предписаний Корана, подтверждается и материалами Кадиаскерских тетрадей. К примеру, в описании большинства дворов, домов выставленных на продажу, присутствуют источники воды – *чешме* (фонтаны) [5, с. 95]. Также в каждом доме были *кенифи* / *кенеф* (уборная, туалет) [6].

В ряде аятов Корана говорится о поддержании организма в здоровом состоянии, о здоровом питании: «О те, которые уверовали! Вкушайте дозволенные блага, которыми Мы наделили вас» (Коран 2:172) «Вкушайте на земле то, что дозволено и чисто» (Коран 2:168). «Он также сотворил скот, который приносит вам тепло и пользу. Вы также употребляете его в пищу» (Коран 16:5). «Он – Тот, Кто подчинил море, чтобы вы вкушали из него свежую рыбу» (Коран 16:14). «А потом питайся всевозможными плодами и следуй по путям твоего Господа, которые доступны тебе». О целебных свойствах меда, люди и лекари прошлого знали также из сур Корана, в которых сказано следующее: «...Выходит из внутренностей пчёл питьё разного цвета, в котором – лечение для людей. Воистину, в этом – знамение для людей размышляющих» (Коран 16:69). Мед рекомендовалось употреблять натошак, разбавляя его в теплой воде, как это делал пророк Мухаммед [4]. Мед, действительно, использовался как лекарственное средство в Крыму. Об этом свидетельствуют сохранившиеся, отдельные рукописные листы медицинских рецептов с применением крымского меда, хранящиеся ныне в Российской национальной библиотеке (РНБ) [7, с. 118–119]¹.

¹ В книге Н.Р. Абдульваапова «Указатель рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную Публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина» даются описания печатных изданий по фармакологии: 1. Кухил ал-Аттар, Дауд б. Абу ан-Наср. Минхадж ал-дуккан ве дустур ал-а'йан фи а'мал ва таркиб ал-адвийа ан-нафи'а ли-л-абдан. Мысыр, 1329 (1911). 224 с. *Надпись карандашом: «Фармакалогия»*; 2. Ал-Антаки, Дауд ад-Дарир. Тазкира ул ал-албаб ва ал-джами' ли-л-аджаб ал-уджаб. Джуж 1. Мысыр, 1324 (1906–1907). 184 с. *Надпись от руки: «Сочинение по фармакологии»*; 3. Ал-Азрак, Шайх (...) Ибрахим б. Абд ар-Рахман б.Абу Бакр. Тасхил ал менафи фи-т-тыбб ве-л-хикмет-уль-муштемел аля шифа ал-хасам. Мысыр, 1326 (1908). 184 с. *Надпись от руки на обложке: «Ибн ал-Азрак Ибрахим ибн Абд ар-Рахман. «Облегчение в получении пользы от медицины и врачевания». Египет, 1908»*. Вышеперечисленные печатные книги, которые в 1976 г. были переданы из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную Публичную библиотеку (РНБ), в свою очередь могли изначально находиться в библиотеках Зынджирлы медресе или Орта медресе, до их закрытия (1920-е гг.).

Материалы Кадискерских тетрадей раскрывают имена двух аптекарей. В 1718 г. Аттар Саркиз зимми² взял в долг 230 гурушей в вакуфе (фонде) Бахчисарайских фонтанов (*Бахчисарай чеимелер эвкафы*) и оставил в залог свой сад, расположенный в Топчукое (ныне с. Долинное). Аттар Абдуллатиф в этом вакуфе взял 50 гурушей, за возврат которых поручился Эль-Хадж Хамза [8, с. 129]. Слово *аттар* означает – аптекарь, фармацевт, у которого в лавке продавались лекарственные травы и благовония.

Действительно, лечение травами очень широко использовалось в народной медицине. Знания эти передавались, от поколения к поколению, на протяжении многих веков. Это подтверждается исследованиями профессора Н.И. Каракаша, сделанными в 1915 г. Проводя свои наблюдения по теме народной медицины, профессор обратил внимание на крымских татар, которые использовали травы для лечения болезней. В своем докладе он упоминает кучера, крымского татарина, который возил его по Евпаторийскому уезду, показывал и называл ему степные травы и объяснял их лечебные свойства [9, с. 134].

Относительно специальных учреждений (*имархане*) для больных, Эвлия Челеби пишет следующее: «Около мечети Сахиб Гирай хана [в Бахчисарае] есть больница в пару комнат, там присматривают за больными» [1, с. 113].

Особое отношение Сахиб Гирая к медицине подтверждается его покровительством крымско-турецкому учёному-медику первой половины XVI в. Недаи [10, с. 130–131]. Хеким Мехмед Недаи (лекарь Недаи), является автором ряда философских, медицинских трудов, а также им написан известный медицинский трактат «Менафиу-н Нас». Шестидесятитомный медицинский трактат содержит в себе части по лечению детских болезней [педиатрии] и части по деонтологии [медицинской этике] [11]. По записям самого Недаи, о становлении его врачом на странице одной из частей трактата следует, что он родом из Анкары и во время своего путешествия в Крым стал наставником Сахиб Гирай хана. Вскоре хан назначил его своим личным послом и отправлял к султану Сулейману. Видя такое доверие и уважение, некоторые придворные из-за зависти оговорили Недаи и вынудили Сахиб Гирая посадить его на семь лет в тюрьму. Далее Недаи пишет, что по милости Аллаха он освобождён, и некий почтенный старец из рода пророка Мухаммеда, которому было больше чем сто лет, научил его науке медицины. Медик также отмечает, что один из своих трудов, «Генджи эсрар-и мани» (суфийский трактат), он написал в столице Крымских ханов [Бахчисарае] в 950 г.х. (т.е. 1543/44 г) [11, с. 151–156].

По другой версии, эти книги могли иметь прямое отношение к личной библиотеке Исмаила Гаспринского (1851–1914), который очень часто, на страницах своей газеты «Терджиман-Переводчик» публиковал статьи, посвященные медицине. По третьей версии – эти книги могли быть собраны Усеином Боданинским, после открытия Бахчисарайского Дворца-музея (1917 г). Фактом является то, что эти издания до 1976 г. находились в фондах Бахчисарайского историко-археологического музея.

* О книге по медицине крымских татар упоминает и У.А. Боданинский в «Записках Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Т.VI» (Симферополь, 1917).

² *Зимми* – немусульманские подданные исламского государства, жизнь и имущество которых находилось под защитой закона. Мусульманское государство должно было также обеспечивать их защитой от внешней агрессии. Они пользовались свободой для исповедания своих традиционных религий. За все это они платили специальный налог – Джиэзья. Зиммиейми могли быть «люди писания» – христиане и иудеи (Коран 9: 29).

Относительно времени становления Недаи медиком, мнения турецких исследователей разделяются: одни считают, что он стал врачом в Конии, куда он вернулся из Крыма (из Крыма лекарь ориентировочно вернулся после 1551 г.), другие склоняются к тому, что он начал заниматься врачеванием позже в Стамбуле [11; 12]. Однозначным является то, что «Менафиу-н Нас» был завершён в 974 х./ 1566 г. и презентован Султану Селиму II. Автор трактата также отмечает, что он свой труд написал на тюрки для того, чтобы его могли понимать и пользоваться не только врачи, но и обычные люди, что дало повод для переписывания и его широкого распространения на всей территории Османской империи и за её пределами [11]. К примеру, в ходе археографических экспедиций 1964 и 1966 гг. М.А. Усмановым были выявлены и приобретены у касимовских татар сотни рукописей, некоторые из которых были привезены в Касимов в готовом виде, другие переписывались в самом городе или его окрестностях. К последним относится список медицинского сочинения «Менафиу-н Нас» Недаи [10, с. 131]. Еще один экземпляр рукописи «Менафиу-н Нас» был найден у пенсионера Ибрахима Курбанова в колхозе имени Ахунбабаева района Ханка Хорезмской области Узбекистана. По исследованию Сабирова Р., кандидата фармацевтических наук, этот экземпляр рукописи некогда был подарен неизвестным лекарем хану Хивы – Мухаммад Рахимхану (Ферузи)³. Текст рукописи, состоящий из шестидесяти частей, был написан на крымскотатарском языке и переведен на хорезмский язык Махмудом аль-Хорезми из Ханки. В частях трактата рассматриваются причины вызывающие болезнь, симптомы и их выявление, приготовление лекарств, порядок приема лекарственных средств и многое другое [13].

На сегодняшний день части данного трактата хранятся в Национальной библиотеке Анкары (Ankara Milli Kütüphanesi), Библиотеке факультета теологии Анкарского университета (Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Kütüphanesi). В Национальной библиотеке Анкары хранятся две копии: 122 листа, переписанные в 1682 г., и 121 лист, переписанный в 1727 г. Фейзуллахом ибн Дервиш Эфенди ибн эль-Хадж Ахмед Эфенди из Карса (Эрзурум). В Библиотеке факультета теологии Анкарского университета также хранятся две части: 85 листов, переписанные в 1729 / 1730 г. Хафизом Корана Мустафой бин Исмаил эфенди из квартала Деде эль-Коньеви; 93 листа, переписанные Сейид Хафиз Османом Рушди бин Хидает эль-Анкарави [11]. Известно, что один рукописный экземпляр хранится в Германии в библиотеке города Мюнхен под инвентарным номером 212-В [13].

Доступность языка трактата, сохранившиеся оригиналы и переписанные экземпляры, крымскотатарский язык хорезмской копии, дают повод полагать, что данным сочинением пользовались и в Крымском ханстве.

Для того чтобы представить, какими недугами страдали люди в те времена, а также узнать методы и средства лечения, в статью были включены

³ Мухаммад Рахим-хан II (1845–1910), годы правления 1864–1910, одиннадцатый правитель из узбекской династии кунгратов в Хивинском ханстве. При правлении Мухаммад Рахим-хан II поддерживались дипломатические отношения с Россией, Османской империей, Ираном, Афганистаном. Мухаммад Рахим-хан II был просвещенным монархом, известным поэтом и композитором. Он писал стихи под литературным псевдонимом Фируз. Он организовал перевод многих известных литературных и научных произведений на узбекский язык.

транслитерированные тексты турецких исследователей, работавших непосредственно с частью данного трактата⁴:

«Если у ребенка диарея, перемешайте 2,8 мг. ртути с простым маслом и материнским молоком и эту смесь понемногу давайте принимать. Все пройдет.

Если у ребенка гельминты [плоские], давайте ему смесь из фасолевой муки и меда; избавляет от гельминтов и смесь из семян жерухи обыкновенной [лат. *Nasturtium officinale*] и меда; замочите горох на одну ночь и один день в уксусе затем это принимайте, но принимайте утром, а в полдень воздержитесь.

Если у ребенка понос, отварите рис в обычной воде, затем добавьте вареный рис в обезжиренный ёгурт [*катык*; кефир] и давайте это ему есть. Понос прекратится.

При запоре смочите *гиле* [красная, мягкая и жирная глина; используется в фармацевтике] в уксусе [добавьте] молодое мыло, чтобы получилось типа мази. Этой мазью смазывают. После высыхания она меняется. Метод практиковался.

Если у ребенка повышается температура нужно растолочь *зерде чупы* [куркума длинная; лат. *Curcuma longa*], перемешать с водой, затем смазать этим живот и спину. Метод практиковался.

Если у ребенка в мочевом пузыре камни, давайте ему отвар из дынных семечек. Этот отвар избавит от камней и снимет воспаление.

Если камни в мочевом пузыре, надо взять в равных частях: *тохум-и керпес* [семена сельдерея], *ирк-ус-сус* [лакрица или солодка; лат. *Glycyrrhiza glabra*], *фюльфюль* [черный перец горошек], одну целую и половину части *гогерджин неджеси* [гамамелис вергинский; лат. *Hamamelis virginiana*]. Все эти травы нужно растолочь, затем к ним добавить две части меда из Агры [Агра – город в Турции] и эту смесь понемногу в размере дирхема давать больному.

Если у ребенка задержка мочи, нужно чисто вымыть яичную скорлупу и тщательно её растолочь с сахаром и давать принимать. Сироп от двух до четырех дирхемов [в данном контексте мера веса равная 3 гр.] дается с молоком матери. Метод практиковался.

Если у ребенка от плача выходит наружу пупок [пупочная грыжа], нужно смешать фасолевую муку, *мазу* [туя; лат. *Thuja*], *гюльнар кабы* [коробочки цветов граната], яичную скорлупу [сделать мазь] и крепко завязать специально подготовленным лоскутом ткани. Эта повязка не даст пупку выйти наружу. Три дирхема [равно 9 гр.] *емени оту* [кат; лат. *Catha edulis*], шесть дирхемов [равно 18 гр.] *сирке тортусы* [сирке – уксус; торта – вероятно, эссенция], три дирхема [равно 9 гр.] туи. Все это смешать с уксусом и наложить повязку.

Если у ребенка рвота, делают отвар из мяты, туда добавляют немного *гиле-и эрмени* [красная, мягкая и жирная глина; используется в фармацевтике] и немного розовой воды. Эту смесь пить.

Если у ребенка из мочеточников идет кровь [гематурия], нужно растолочь 15 гр. семян моркови, добавьте немного сахара и принимать это семь дней.

⁴ Перевод на русский язык сделан автором статьи. Для детализации в текст перевода были включены уточнения в квадратных скобках и латинские названия растений.

Если ребенок много плачет, давайте ему молоко ослицы. Это его успокоит.

Если ребенка мучает кашель, надо настоять, некоторое время, инжир в кипяченом молоке, затем давать пить это молоко. Настоявшийся в молоке инжир, также можно есть.

Если ребенок писает в постель [энурез], нужно высушить *беднус ибеги* [петушинный гребень; лат. *Celosia*] и пить. Больше в постель писать не будет».

Лекарь Недаи в лечении некоторых состояний и болезней использовал и суры Корана. Например, когда ребенок плакал, автор трактата рекомендовал носить шее дуа из нескольких сур: «*Бисмилляхи Рахмани Рахим федарабна аля азанихим фи-ль кехфи синийе адеда сумме бе-аснахум лина-лемезйюл-хизбейн иахсалима лебису эмеда ве хашати-л-асвати ли р-рахмани фея тес-мау илля хемса ве ма мин даббетин-филь-арди-илля хуве ахизун бинасиетиха инне рабби аля сиратин мустакимин емлиха мекселина мислина мернуш де-бернуш шазенуш кефештатайуш кытмир искен ве ля ебеки бихурметин хазихиль-эсма-и*»⁵ [11, с. 160–162; 12].

Из описаний Эвлия Челеби следует, что во многих городах Крымского ханства были медики, специализирующиеся в определённых областях медицины. Врачебным делом в Крымском ханстве занимались и иностранцы: лейб-медиком Гази III Гирая в 1706 году был француз Ферран; Крым Гирай хана лечил грек Сирополо [14, с. 335; 15, с. 83–85]. У сестры Хаджи Селим Гирая – Улу хани, лечащим врачом был местный еврей, который излечил её от смертельно-опасной болезни. За это принцесса в вознаграждение освободила проживавших на территории крепости (Чуфут кале) евреев от некоторых обязанностей, в частности, от подушной подати [16, с. 48].

В числе лечебных средств состояли и места, славящиеся благотворным климатом, водами и грязями. Лечебные грязи, расположенные в селении Сахь или Сакь (ныне Саки), были известны ещё в период Крымского ханства. Лекари хорошо владели искусством лечения грязью: выкапывали глубокую яму, клали в неё больного, зарывали в грязь таким образом, что он мог только свободно двигать головою, но туловище его было зарыто полностью. Полежав в таком положении часа полтора, больной переходил в другую яму, расположенную недалеко и полную теплой воды, где и умывался [17, с. 337]. После такой процедуры больной избавлялся от боли в суставах и мышцах.

Город Крым (Солхат) славился своими термальными источниками. Как сообщает Д'Асколи в 1634 г.: «В окрестностях этого города произрастают душистые цветы и целебные травы. Ежегодно, от весны и до июля, бывает большой съезд со всех концов Татарики для пользования ваннами из горячей воды с цветами и травами, исцеляющими человека от многих недугов» [18, с. 106–107].

Говоря о медицине, следует отметить, что хорошие врачи всегда ценились и были уважаемыми людьми, а термальные источники, лечебные грязи, благотворный климат и природа Крыма издавна считались целебными. В свою очередь медицинский трактат «Менафиу-н Нас» лекаря Недаи позволил представить некоторые болезни, методы их лечения и в Крымском ханстве, которые могли применяться и в повседневной жизни. Несомненно и то, что

⁵ Дуа состоит из следующих сур Корана: Сура 20. Та Ха, 108 аят; Сура 11. Худ, 56 аят.

автор в своей практике и написании своего трактата опирался на труды известных ученых-медиков как Гален, Абу Али ибн Сина (Авиценна), рецепты народной медицины и, конечно, классику исламской медицины, что подтверждается в приведенных примерах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдульваапов Н.Р. Указатель рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную Публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Составление, вступительная статья, комментарии Н.Р. Абдульваапа. Симферополь: «Доля», 2007. 160 с.
2. Аляутдинов Ш. Хадисы о больных и медицине. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <https://umma.ru/hadisy-o-bolnyh-i-meditsine/> (Дата обращения: 13.11.2019.)
3. Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып.3. Симферополь: Таврия, 1993. 426 с.
4. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. 541 с.
5. Бурьянов В. Прогулка с детьми по России. Часть IV. СПб.: Типография Императорской Российской Академии, Ч. 2. 1837 г. 526 с.
6. Д'Асколи Э.Д. Описание Чёрного моря и Татари. Составил доминиканец Эмидио Доттелли Д'Асколи, префект Каффы, Татари и проч. 1634 г. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVII/1620-1640/Askoli/frameset.htm> (Дата обращения: 02.10.2019.)
7. Каракаш Н.И. Естественно-историческая хроника Крыма // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Т. VI. Под редакцией И.Н. Клепинина. Симферополь: Типография Таврического Губернского Земства, 1917. С. 130–194.
8. Остерман В. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией. Теодора Мундта // Известия Тарихеской учёной архивной комиссии. Т 43, Симферополь, 1909. С. 1–87.
9. Пейсонель Ш. Записка о Малой Татари / Пер. с фр. В. Лотошниковой. Днепропетровск: «Герда», 2009. 78 с.
10. Стейси Аиша. Защита от инфекций в исламе. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <https://www.islamreligion.com/ru/articles/2534/> (Дата обращения: 13. 11.2019.)
11. Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов, или история Крыма / Транскрипция, перевод переложения А. Ильми, составление приложений и пояснения Кемаля Усеинова. Под общ. ред. Н.С. Сейтягьяева. Симферополь: Доля, 2004. 288 с.
12. Ханнынъ табиби. Р. Сабилов, фармацевтика илими намзети. Озбекистанда чыккыбан «Фан ва турмуш» журналындан / Ленин байрагы, 1990.
13. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: «Доля», 2008. 272 с.
14. Acıduman Ahmet. Ankaralı Hekim Nidâ'î ve ünlü eseri *Menâfi'ü'n-Nâs*: XVI. Yüzyıldan çocuk hastalıkları ve tıbbî deontolojiye bir bakış // Çocuk Sağlığı ve Hastalıkları Dergisi, 2013. С. 151–167. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.cshd.org.tr/uploads/pdf_CSH_506.pdf. (Дата обращения: 02.10.2019.)
15. Bıyık Omer. Osmanlı yönetiminde Kırım (1600–1774). İzmir, 2007. P. 102.
16. Fırat Yaşa. Mahalle ve Konut Tipolojisi Açısından Bahçesaray (1650–1675) // Selçuk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi (SEFAD), S. 39, 2018, s. 389–402. Режим доступа: <https://www.academia.edu/36900168> (Дата обращения: 13.11.2019.)

17. Güneş Hasan Huseyin. Bahcesaray Cami-i Kebir mahallesi insanlar ve kurumlar // Karadeniz Arastirmalari. 2006, № 11.

18. Ölker Perihan, Derekçi Bekir. Hekim Mehmed Nidâî'nin Manzum Tıp Risâlesi Keyf-i Kitâb-ı Nidâî // Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, 2009 / 22. [Электронный ресурс] Адрес доступа: [dergisosyalbil.selcuk.edu.tr › article › download](http://dergisosyalbil.selcuk.edu.tr/article/download) (Дата обращения: 02.10.2019.)

Сведения об авторе: Эльмира Эбазеровна Абибуллаева – заведующая Мемориальным музеем Исмаила Гаспринского, Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»; младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (298405, ул. Исмаила Гаспринского, 47А, Бахчисарай, Российская Федерация). E-mail: shems-annur@mail.ru

Поступила 30.09.2019 Принята к публикации 13.11.2019

Опубликована 29.12.2019

REFERENCES

1. Abdul'vaapov N.R. *Ukazatel' rukopisnyh i staropechatnyh knig, peredannyh v 1976 g. iz Bahchisarajskogo istoriko-arheologicheskogo muzeya v Gosudarstvennuyu Publichnuyu biblioteku im. M.E. Saltykova-Shchedrina* [Index of Manuscript and Early Printed Books Transferred in 1976 from the Bakhchisaray Historical and Archaeological Museum to the N. Saltykov-Shchedrin State Public Library]. Sostavlenie, vtipitel'naya stat'ya, kommentarii N. R. Abdul'vaapa. Simferopol: "Dolya", 2007. 160 p. (In Russian)
2. Alyautdinov Sh. *Khadisy o bol'nykh i meditsine* [Hadiths about the Sick and Medicine]. Available at: <https://umma.ru/hadisy-o-bolnyh-i-meditsine/> (last accessed: 13.11.2019) (In Russian)
3. Bakhrushin S.V. Osnovnyye momenty istorii Krymskogo khanstva [Highlights of the history of the Crimean Khanate]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Is. 3. Simferopol: Tavriya, 1993. 426 p. (In Russian)
4. Belyakov A.V. *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie* [The Chinggisids in Russia of the 15th–17th centuries: A Prosopographic Study]. Ryazan: "Ryazan. Mir", 2011. 541 p. (In Russian)
5. Buryanov V. *Progulka s detmi po Rossii. Chast IV* [Walk with Children in Russia (part IV)]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Rossiyskoy Akademii, Part 2, 1837. 391 p. (In Russian)
6. D'Ascoli E.D. *Opisaniye Chornogo morya Tatarii. Sostavil dominikanets Emidio Dottelli D'Askoli, prefekt Kaffy, Tatarii i proch. 1634.* [Description of the Black Sea and Tartary. Written by Dominican Emiddio Dotelli D'Ascoli, prefect of Caffa, Tartary, etc. in 1634] Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVII/1620-1640/Askoli/frameset.htm> (last accessed: 02.10.2019) (In Russian)
7. Karakash N.I. *Estestvenno-istoricheskaya hronika Kryma* [Natural-historical chronicle of Crimea]. *Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytatelej i lyubitelej prirody* [Notes of the Crimean Society of Naturalists and Nature Lovers]. Vol. VI. Pod redakciej I.N. Klepinina. Simferopol: Tipografiya Tavricheskogo Gubernskogo Zemstva, 1917, pp. 130–194. (In Russian)

8. Osterman V. Krym-Girey, soyuznik Fridrikha Velikago. Prolog stolknoveniy mezhdu Rossiyei i Turtsiyei. Teodora Mundta [Krym-Giray, an ally of Frederick the Great. Prologue of clashes between Russia and Turkey. By Teodor Mundt]. *Izvestiya Taricheskoy uchonoy arkhivnoy komissii*. Vol. 43 [Proceedings of the Tauride Scientific Archival Commission (Vol. 43)]. Simferopol, 1909, pp. 1–87. (In Russian)
9. Peyssonnel Ch. de. *Zapiska o Maloy Tatarii*. Per. s fr. V. Lotoshnikovoy [Note on the Tataria Minor (translation from French by V. Lotoshnika)]. Dnepropetrovsk: “Gerda”, 2009. 78 p. (In Russian)
10. Steysi A. Zashchita ot infektsiy v islame [Protection against Infections in Islam]. Available at: <https://www.islamreligion.com/ru/articles/2534/> (last accessed: 13.11.2019) (In Russian)
11. Halim Giray Sultan. *Rozovyy kust hanov, ili istoriya Kryma* [The Pink Bush of Khans or the History of Crimea]. Transkriptsiya, perevod pere洛zheniya A. Il'mi, sostavlenie prilozheniy i poyasneniya Kemalya Useinova. Pod obshch. red. N.S. Seytyag'yaeva. Simferopol: Dolya, 2004. 288 p. (In Russian)
12. *Hannin tabibi* (R. Sabirov, pharmaceuticals bolimi namzeti. Ozbekistana chykkan “Fan va turmush” zhurnalyndan) [Healer of the Khan]. Lenin bairagy, 1990. (In Crimean Tatar)
13. Evliya Çelebi. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti* [The Book of Travel. Crimea and the Neighboring Regions]. Simferopol: “Dolya”, 2008. 272 p. (In Russian)
14. Aciduman Ahmet. Ankaralı Hekim Nidâ’i ve ünlü eseri Menâfi’ü’n-Nâs: XVI. Yüzyıldan çocuk hastalıkları ve tıbbî deontolojiye birbakış [Hekim Nida’i of Ankara and his famous work Menafi’ü’n-Nas: XVI. A look at childhood diseases and medical deontology from the century]. *Çocuk Sağlığı ve Hastalıkları Dergisi* [Journal of Child Health and Diseases], 2013, pp. 151–167. Available at: http://www.cshd.org.tr/uploads/pdf_CSH_506.pdf. (last accessed: 02.10.2019) (In Turkish)
15. Bıyık Omer. *Osmanlı yönetiminde Kırım (1600–1774)* [Crimea under the Ottoman Rule (1600–1774)]. Izmir, 2007. (In Turkish)
16. Firat Yaşa. *Mahalle ve Konut Tipolojisi Açısından Bahçesaray (1650–1675)* [Bakhchisaray in terms of Neighborhood and House Typology (1650–1675)]. *Selçuk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi (SEFAD)*, p. 39, 2018, pp. 389–402. Available at: <https://www.academia.edu/36900168> (last accessed: 13.11.2019). (In Turkish)
17. Güneş Hasan Huseyin. *Bahcesaray Cami-i Kebir mahallesi insanlar ve kurumlar* [Bakhchisaray Mosque Kebir Neighborhood People and Institutions]. *Karadeniz Araştırmaları*. 2006, no. 11. (In Turkish)
18. Ölker Perihan, Derekçi Bekir. Hekim Mehmed Nidâ’i’nin Manzum Tıp Risâlesi Keyf-i Kitâb-ı Nidâi [Hekim Mehmed Nidai’s verse medical treatise Keyf-i Kitab-i Nidai]. *Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi* [Selçuk University Journal of Institute of Social Sciences], 2009 / 22. Available at: dergisosyalbil.selcuk.edu.tr › article › download (last accessed: 02.10.2019) (In Turkish)

About the author: Elmira E. Abibulleva – Director of the Ismail Gasprinsky Memorial Museum, State Budget Institution of the Republic of Crimea “Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve”; Researcher of the Crimean Research Center of the Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (47A, Ismail Gasprinsky Str., Bakhchisaray 298405, Russian Federation) E-mail: shems-annur@mail.ru

Received September 30, 2019 Accepted for publication November 13, 2019
Published December 29, 2019

**ФОРМИРОВАНИЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НА БАЗЕ БАХЧИСАРАЙСКОГО
ГОРОДСКОГО КОЙНЕ В XVII–XVIII вв.**

О.Д. Рустемов¹, Е.Н. Степанов²

¹ *Издательский Дом «Тезис»
Симферополь, Российская Федерация
biblos@ukr.net*

² *Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Одесса, Украина
stepanov.odessa@gmail.com*

Цель данной работы заключается в том, чтобы определить роль столичного койне Бахчисарая и его окрестностей XVII–XVIII вв. в становлении наддиалектного койне и литературного крымскотатарского языка. Рассматриваемый нами период XVII–XVIII вв. достаточно показателен с точки зрения развития крымскотатарского литературного языка и его устной формы – наддиалектного койне. Это последний этап полноценного функционирования крымского языка перед окончательной утратой Крымским ханством своей независимости (1783 г.). В языке указанной эпохи уже выкристаллизовались те фонологические, лексические и грамматические нормы, которые определили вектор дальнейшего развития литературного языка крымских татар преимущественно на основе бахчисарайского городского койне.

Материалом исследования послужили юридические документы. Именно они наилучшим образом отражают процессы становления на базе столичного койне норм наддиалектного общекрымского койне и литературного языка. Особую ценность представляют записи судов Шариата крымских кадиев, с одной стороны, и ханские ярлыки и письма, с другой. Оба типа документов демонстрируют два литературных стиля, которые формировались разными тюркскими лингвокультурными традициями: Золотордынской и собственно крымской, региональной, испытавшей на себе значительное влияние османского языка. Факты языковой архаики и смешения фонетических, лексических и грамматических традиций разных тюркских языков в текстах памятников официально-деловой письменности XVII–XVIII вв. свидетельствуют о смешанном характере норм как бахчисарайского и наддиалектного койне, так и норм литературного языка на основе взаимодействия гомогенных тюркских идиомов (преимущественно куманского и сельджукского) с небольшой долей гетерогенных заимствований, преимущественно лексических.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, литературный язык, койне, диалект, Крымское ханство, судебные книги, ханские ярлыки

Для цитирования: Рустемов О.Д., Степанов Е.Н. Формирование крымскотатарского литературного языка на базе бахчисарайского городского койне в XVII–XVIII вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 744–759. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.744-759

**THE FORMATION OF THE CRIMEAN TATAR LITERARY LANGUAGE
BASED ON THE URBAN KOINE OF BAKHCHISARAY
IN THE SEVENTEENTH AND EIGHTEENTH CENTURY**

O.D. Rustemov¹, E.N. Stepanov²

¹ Publishing House "Tezis"
Simferopol, Russian Federation
biblos@ukr.net

² Odessa I.I. Mechnikov National University
Odessa, Ukraine
stepanov.odessa@gmail.com

Abstract: The purpose of this work is to determine the role of the koine of the Bakhchisaray's capital and its environs in the formation of the supra-dialect koine and the literary (standard) Crimean Tatar language in the seventeenth and eighteenth centuries. The period that we are considering in this article is quite indicative precisely in terms of the development of the Crimean Tatar literary language and its oral form – the supra-dialect koine. This time was the last stage of the fully functioning Crimean language before the Crimean Khanate lost its independence totally (1783). Phonological, lexical and grammatical norms which determined the vector of further development of the literary language of the Crimean Tatars, based mainly on the Bakhchisaray urban koine, had already crystallized in that epoch's language. The material of this study consists of legal documents. They provide the best way to trace the processes of the formation of norms in the general Crimean supra-dialect koine, which based on the capital's koine. Of particular value are the records of Sharia courts of the Crimean kadiys, on the one hand, and the khan's yarliks along with letters, on the other. Both types of documents demonstrate two literary styles that were forming by different Turkic linguo-cultural traditions: that of the Golden Horde and the Crimean proper, the latter being a regional one which was influenced by the Ottoman language. The fact of lingual archaism and the mixing the phonetic, lexical and grammatical traditions of different Turkic languages in the texts of the manuscripts of official and business writing testify to the mixed character of norms in the Bakhchisaray, pre-dialect koine norms, and the norms of the literary language on the basis of the interaction of homogeneous Turkic idioms (Cumanian and Seljukian) with a small share of heterogeneous, mostly lexical, borrowings.

Keywords: Crimean Tatar language, literary language, koine, dialect, Crimean Khanate, judicial books, khan's yarliks

For citation: Rustemov O.D., Stepanov E.N. The Formation of the Crimean Tatar Literary Language Based on the Urban Koine of Bakhchisaray in the seventeenth and eighteenth century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 744–759. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.744-759

Постановка проблемы. Заключительный период истории Крымского ханства имеет важное значение для истории формирования литературного языка крымских татар, его нормативной базы. Именно в этот период центростремительные процессы в крымском обществе были основными движущими силами. Их активность распространялась не только на этнические группы турок, но и на греко-понтский микроэтнос базариотов (урумов), сформировавшийся, прежде всего, в Бахчисарае и других крымских городах [1, с. 6],

а также на армян, караимов, и некоторые другие этнические группы Крыма. Несмотря на несомненную значимость для крымскотатарского языкознания и тюркологии в целом, этот вопрос недостаточно изучен. Освещение его в отдельных работах носит, как правило, декларативный характер.

Между тем, усиление центральной крымской власти и естественные процессы объединения этнических групп Крыма в единую нацию требовали формирования понятного всем гражданам средства коммуникации. В создавшихся условиях это средство не могло не формироваться, однако сам процесс и его исследование неоднократно прерывались геополитическими событиями, задерживавшими его развитие и способствовавшими формированию вариативности литературного языка крымских татар. В данной статье мы предлагаем свою версию этого процесса, выдвинутую на основе исследований официально-деловых документов, составленных на основе отношений между государственной властью и населением Крыма в XVII–XVIII веках.

Связь со смежными лингвистическими проблемами. При рассмотрении проблем формирования и функционирования крымскотатарского языка следует учитывать тот факт, что разные литературные языки, в зависимости от языковой ситуации, исторических и социальных условий жизни общества, в разное время и у разных народов имеют неодинаковую функциональную нагрузку [11]. Исходя из социально-исторической природы литературного языка, Б.В. Томашевский, А.В. Исаченко, С.Б. Бернштейн и их последователи [см., напр.: 24, с. 170–171; 13; 3] утверждают, что литературные языки могут появиться в эпоху, когда народ уже стал нацией, и у него возникла потребность в едином кодифицированном, стандартизированном, общепонимаемом, полифункциональном языке. С таким категоричным утверждением не были согласны В.В. Виноградов, Ф.П. Филин и их последователи [см., напр.: 5, с. 3–4; 28, с. 177–178], поскольку уровень обработанности, полнота набора функций, стилистическая дифференциация и степень вариативности нормы в разных литературных языках могут не совпадать.

Проблемы становления крымскотатарского литературного языка непосредственно связаны с вопросами соотношения языка и речи, а также со спецификой территориальных, функциональных и социальных типов речи крымских татар, с проблемами формирования и функционирования крымскотатарских диалектов. Важное значение для понимания специфики процессов формирования и функционирования крымскотатарского литературного языка имеют также проблемы нормирования и кодификации в языке и речи, вопрос об обязательности либо необязательности письменной фиксации литературного языка. Позиции современных языковедов сформировались и продолжают формироваться на основе результатов дискуссий по всем вышеперечисленным вопросам. В исследованиях процесса формирования крымскотатарского литературного языка недостаточно внимания уделялось изучению столичного и других городских койне Крыма, которые явились предтечей создания общекрымского наддиалектного койне («наддиалектного языка» [12, с. 246]), лежащего, в свою очередь, в основе крымскотатарского литературного языка.

Постановка задач. Цель данной работы заключается в том, чтобы определить роль столичного койне Бахчисарая и его окрестностей XVII–XVIII вв. в становлении наддиалектного койне и литературного крымскотатарского

языка. Для этого в проанализированных официально-деловых текстах мы выделили некоторые типологические черты бахчисарайского койне, которые способны подтвердить выдвигаемую нами гипотезу.

Наша гипотеза заключается в следующем. В XVII–XVIII вв. естественным путём продолжается отбор произносительной, лексической, грамматической нормативной базы крымскотатарского наддиалектного койне, которое становилось основой формирования литературного языка. Уже в рамках наддиалектного койне формируются стилистические нормы устной и письменной речи крымских татар. Этот процесс в Крымском ханстве не был исключительным. Как и большинство литературных языков нового времени, крымскотатарский взял в качестве образца диалект столичного региона и непосредственно столичное городское койне. В то же время, наличие трёх осевших в Крыму значительных по количеству этнических групп тюрок, речь которых в регионах их расселения за пределами ханства давала начало развитию самостоятельных языков, и влияние вербальных средств коммуникации Золотой Орды и Османской империи закладывали в крымскотатарском языке изучаемого периода основу для широкой вариативности нормы.

Изложение основного материала. Литературный язык – это «основная наддиалектная форма существования языка, характеризующаяся большей или меньшей обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации. По своему культурному и социальному статусу литературный язык противостоит территориальным диалектам, разным типам обиходно-разговорного койне и просторечию – как высшая форма существования языка» [11, с. 270]. По мнению М.М. Гухман, обработанная форма языка «предполагает известный отбор языковых средств из общего инвентаря на основе более или менее осознанных качественных критериев и связанную с этим большую или меньшую регламентацию» [10, с. 502]. Учитывая наш опыт диахронического изучения феномена формирования и функционирования крымскотатарского литературного языка и койнезированной речи, предвосхитившей его, мы считаем, что крымскотатарский литературный язык, в силу разных причин, обладает специфическими наддиалектными свойствами, отличными от английского, турецкого, русского, украинского, якутского, казахского и других языков, выполняя одновременно объединительные функции между различными группами крымских татар. Крымскотатарский литературный язык складывался в ситуации общенационального запроса на него, когда возникла реальная потребность в общегосударственном, стандартизированном средстве общения, охватывающем все сферы коммуникации общественной, политической и культурной жизни общества. Избирательность и различия в выразительных средствах крымскотатарского литературного языка в XIX и XX–XXI вв. отражают разницу социально-исторической и языковой ситуации, складывавшейся в крымском обществе этого времени.

История становления разных литературных языков свидетельствует о том, что койне того или иного городского центра (чаще – столицы) при действии центроостремительных сил оказывает влияние на формирование языкового однообразия региона, страны. В глобализационные периоды активизируются урбанизационные процессы в обществе, и преобладает прямое действие закона языковой кооперации; в периоды глобализационных катастроф роль городов в цивилизационном и социальном процессе резко снижается,

активизируются процессы пейзализации общества и преобладает обратное действие закона языковой кооперации – тенденция к языковой дифференциации территорий [21, с. 45, 51–52].

Язык сохранившихся юридических документов XVII–XVIII вв. отражает указанные выше центристские процессы, происходившие в Крымском ханстве (о диалектных особенностях этого языка см. [17; 18]). Наблюдался рост городов, усиление интеграционных процессов среди представителей отдельных кланов, племён и даже конфессий. Например, в ярлыках упоминается о такой южнобережной этнической группе тюркизированных греков, как урумы. Их именуют татами-тавгачами (не тюрками) в *intitulatio* писем подданными хана: *Uluğ Orda Uluğ Yurtnın ve Deşt-i Qıpçaqnın ve taht-ı Qırımın ve sansız köp çerünün ve sağıssız tatarının ve tağ ara çerkesnin ve tat bile tavqaqnın Uluğ Padişahı ve hem uluğ hanı bolğan...* (Великой Орды, Великого Юрта и Кыпчакской степи, и Крымского престола, бесчисленного войска неисчислимых татар, горных черкесов и татов вместе с тавгачами великий правитель и великий Хан ... Джанибек Гирей) [4, с. 24].

Как известно, в XVII–XVIII вв., вплоть до 1774 года, времени заключения Кучук-Кайнарджийского мира, южнобережные территории от Каффы до Ак Яра (ныне Севастополь), где и проживало большинство христианского населения, находились под юрисдикцией турецкого султана. Но упоминание татов и тавгачей (тавкачей) среди других, тюрко-мусульманских подданных хана, говорит о складывании единой политической нации, внутри которой постепенно стирались различия между разными этногруппами. Едва ли не самую важную роль тут играло наличие единого функционального типа речи – наддиалектного койне.

Язык крымских ярлыков, с первых десятилетий существования Золотой Орды писавшихся на татарском языке, который восходил к новоуйгурской литературной и языковой традиции, с середины XVI века стал меняться под влиянием османского языка, допуская в тексте арабизированные выражения, присущие османскому письменному этикету¹. В XVII веке составители ярлыков, кроме арабских выражений, нередко стали употреблять в речи и анатолийские турецкие (тюркские) лексемы и морфологические элементы, а вместе с ними и элементы, присущие собственно крымскому тюркскому языку, восходившему к своей древней кумано-сельджукской основе, но испытавшему в своё время влияние хазарского и печенежского языков². Таким образом, несмотря на то, что употребление в ярлыках Золотоордынского Тюрки (то есть татарского языка, принадлежавшего к карлукской, восточной группе тюркских языков) было нормой, продиктованной самой идеей власти, т. е. принадлежностью крымских ханов к роду «властителя мира» – Чингиз хана, – крымское наречие пробивало себе дорогу и в этих исключительно этикетных и традиционных памятниках официального письма. Это объясняется тем,

¹ О «чистоте» языка более ранних «доосманских» ярлыков, прежде всего, золотоордынских ханов, и отсутствии в этих ярлыках арабизмов или критично малого их наличия писали И. Березин [2], Григорьев В.В. [8], Григорьев А.П. [9], Усманов М.А. [17] и ряд современных исследователей (И. Зайцев, D. Kołodziejczyk)

² Подробнее о языке ярлыков крымских ханов и влиянии на них местных субстратов см. наши статьи: [19; 32].

что, несмотря на определённого рода закрытость в бахчисарайских реалиях официального ордынского языка, между носителями живой разговорной и письменной речи ханских ярлыков существовало социально-территориальное единство. Думается, как раз о подобном единстве, обусловившем взаимодействие двух речевых стихий, Б.А. Успенский писал так: «... Между литературным и живым языком непременно должно иметь место то или иное взаимодействие; характер этого взаимодействия определяется типом литературного языка» [26, с. 80].

С большей очевидностью это живое наречие, в котором угадывается наддиалектное койне крымских татар со своими отличительными типологическими чертами, стало проявляться в судебных документах судов Шариата, называемых в отечественной историографии *кадиаскерскими тетрадями* или *книгами*, а в соответствии с международной историографической терминологией, по аналогии с османскими сиджилями (*сборник, реестр* – араб.), – *сиджилями кадиев Крыма*.

Языковые средства, которые содержатся в изученных нами документах, указывают на то, что язык этих официальных текстов отличается как от татарского (*Золотоордынское Тюрки*), так и от османского языков, занимая свое обособленное положение. В условиях усиления центростремительных социальных процессов такой смешанный характер обычно присущ койне как функциональному типу языка, используемому в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов (этнолектов) или языков [21, с. 43–44]. Для койне свойственна определённая языковая и диалектная влияние на них и территориальная ограниченность их функционирования [23, с. 42–43].

Налицо результат взаимодействия разных крымскотатарских наречий той эпохи в городском койне столицы, где закономерно присутствие военных, чиновников, деятелей культуры, образования, религии из разных регионов. В целом, мы определяем бахчисарайское городское койне как огузо-кыпчакское с преобладанием огузских элементов. Койне XVII–XVIII вв. можно рассматривать как автохтонное, потому что к этому времени носители южнобережного, среднего и северного диалектов осознавали себя одним народом.

Мы уже касались особенностей языка крымских сиджилий в своих предыдущих публикациях. Эта специфика наблюдается на фонетическом, лексическом, грамматическом уровнях. Особенно убедительна она в документах о разделе жителями Бахчисарая наследства (*qismet-i mevaris*). В языке завещаний детально обозначена каждая вещь. Например: *Mor yağmurlıq* – синий (фиолетовый) плащ; *Yeşil çuha* – зелёная чуха (вид грубошерстного камзола); *Qırmızı atlas qaftan* – красный атласный кафтан; *Alakeçe* – козья шерсть плотного грубого пряжения, покрывало, половик из белой козьей пряжи; *Sadaq, oq, yau ile* – колчан и стрелы с луком; *Qırmızı caqşır* – красные короткие штаны (чуть ниже колена); *Aq velne uzun yenli* – белая рубаха (парусина) с длинными рукавами. Животные, их масть, характеристика по возрасту: *Qısır qoñur sığır* – тёмно-коричневая стельная корова; *Uzun boynuzlı quba sığır buzağı* – длиннорогий рыжий бычок; *Tarğıl sığır buzağı* – пёстрый бычок; *Gök sığır buzağı* – серый бычок; *Quba qunacın* – молодая рыже-бурая кобыла. Названия растений, прежде всего, зерновых: *tarı* – просо; *çavdar* – рожь; *arpa* – ячмень;

boğday – пшеница. К сожалению, формат журнальной научной статьи ограничивает нас в возможностях привести больше примеров из кадиаскерских книг, однако уже на основании приведённых слов можно сделать вывод, что все они относятся к южным тюркским языкам, но многие из них с небольшими фонологическими вариациями также присутствуют в словарном фонде кыпчакских языков. Такие лексемы как заимствование из итальянского – *velne* и союз *ile* – вообще относятся исключительно к черноморскому и средиземноморскому ареалам распространения тюркских языков.

Обращают на себя внимание в кадиаскерских книгах некоторые морфологические особенности словоформ. Среди них – формы употребления недостаточного глагола *i*³. Так, в судебных реестрах встречается двойное употребление данного глагола, что является архаизмом даже для языка того времени: *Oldurki, Şaaban bin Ayvat Sublalu (صوبلالو) Arslan Divanı mahfil-i qazaya ihzar ve mahzarında bundan aqdem müşârün-ileyh Arslan Divan bana bir res gülâm bey' ide idi* (Шаабан б. Айват вызвал в собрание суда Арслана Дивана из Сублы, и в его присутствии заявил: «Ранее указанный Арслан Диван продал мне одного гулаяма». Букв. «продающим будучи был» [15, т. 1, с. 22-А (1-73/70), текст 3]. Первый глагол *ide* стоит в форме деепричастия на *-a/-e*, которые передают «временное соотношение действий» [6, с. 154], второй же – *idi* – употреблён в абсолютном прошедшем времени.

Следует заметить, что все случаи употребления глагола *i* в крымских судебных реестрах представляют собой южнотюркский, огузский тип его функционирования. В пользу этого говорят также и случаи сращения *i* и его переход в разряд аффиксов в форме причастия прошедшего времени на *-mış* + аффикс, образованный от глагола *i* + показатель лица: *bir kimseye tiavîn olmuştum*⁴ (кое-кому стал я помощником / я помощником ставшим был) [15, Т. 1, с. 2-В (1-93/99), текст 4].

Из других временных показателей глаголов следует отметить фонетически напоминающий аффикс причастия будущего времени *-acaq / -ecek*, аффикс деепричастия времени совершения действия *-Icaq / -caq / -cek*, который передаёт значение действия, происходящего сразу после другого действия (соответствует *-dıqtansonra*), интенсивность в очередности совершения последовательных действий или даже одномоментность или параллельность их выполнения (соответствует – *(y)Inca*) [31, с. 125]. Например: *...bi'l-muvacehe Aqay Gazi'den sual olunduqta bi'l-inkâr cevap vîrcek el-merkum Küzi'den beyyine taleb olunduqta beyyine'den aciz olmağın* (...когда непосредственно был задан вопрос Акаю Гази, как только был получен отрицательный ответ (от него), у упомянутого Кюзи были истребованы доводы и доказательства, в коих он бессильным оказался) [15, Т. 1, с. 4-В (1-91/93), текст 1]. Данный аффикс уже в XVI веке был малоупотребительным в Турции. Это подтверждают относящиеся к этому времени комментарии писателей и поэтов относительно смысла данного форманта, зафиксированные в книге Гурера Гюльсевина. Комментарии свидетельствуют о том, что в это время мало кто понимал значение указанного форманта [31, с. 126]. Деепричастия на *-Icaq / -caq / -cek* были в

³ О функциях и парадигме недостаточного глагола *i* = (и-; э-...) см. [6, с. 79].

⁴ Формы глаголов с окончаниями на *-mış; -miş / -muş; -müş* признаются в классической тюркологии отглагольными причастиями: [6, с. 143].

ходу в языке XV века, в современном же турецком языке они полностью вытеснены синонимичными морфемами [33, с. 139]. Однако из собственных наблюдений нам известно, что этот аффикс, несмотря на свою архаичность, до сих пор употребляется азербайджанцами Ирана. Широкое использование формантов на *-Icaq / -caq / -cek* мы обнаруживаем в крымскотатарских текстах кадиаскерских книг XVII–XVIII вв., тогда как в османских сиджилях этот формант был большой редкостью, а в турецких сиджилях указанного периода и вовсе не был нами встречен. Разумеется, он ещё мог функционировать в устной турецкой речи как архаизм. Данный факт является одним из доказательств самостоятельного развития бахчисарайского койне. Его элементы местные чиновники употребляли в документах, которые официально должны были исполняться на османском языке.

Наряду с *i*, вспомогательным глаголом-связкой является также глагол *olmaq*, представленный в крымских судебных реестрах в огузированной форме: без начального *b*. Варианты его употребления в кадиаскерских книгах носят локальный характер и привязаны к языковой традиции Анатолии, Азербайджана и Крыма. Прежде всего, таковым является сочетание этого глагола в прошедшем времени с причастием будущего времени на *-acaq*. Общая семантика данного составного глагола означает твёрдое намерение что-то совершить либо закрепить статус субъекта в неопределённости такого деяния в будущем: *Suret-i mezbûrede cıran âlâ at bahasından Mehmed Efendi Hızır akaya yemin teklif idüb yigirmi hasene virecek* (وره چك) *oldu* (Из стоимости гнедого красного коня, упомянутого в выписке, Мехмед Эфенди, принеся клятву, должен будет отдать – т. е. «стал дающим» – двадцать хасене) [15, Т. 1, с. 10-В (1-85 / 83), текст 8].

Вспомогательный глагол *olmaq* в форме причастия настоящее-прошедшего времени [20, с. 58] почти повсеместно в крымских сиджилях употребляется с южно-тюркским суффиксом *-an*. Точнее, это причастие не дифференцировано во времени, в отличие от причастий кыпчакского типа, образованных при помощи аффикса *-ğan / -qan*, которые-то и заключают в себе семантику настоящего и прошедшего времени. Если причастия на *-an*, соотносимые с огузскими языками, являются показателем функционирования османского языка в Крыму, то причастия на *-ğan / -qan* соотносятся с кыпчакской языковой традицией, восходящей к словарю *Codex Cumanicus* (наличие аффикса *-ğan / -qan* в словаре см. в [30, с. 81]), а также непосредственно к татарскому языку – золотоордынскому Тюрки. Последнее утверждение наиболее правдоподобно, так как к началу XIII в. составители словаря уже познакомились с татарами. В более поздних, немецких частях словаря куманский язык назывался татарским. «Сам язык памятника на страницах словаря определяется четырежды: два раза как команский (*Comanicum, Chomanicho*) в более ранней, итальянской его версии, и дважды как татарский (*Tatarça, Tatar til*) – в более поздней, немецкой части» [7, с. 10].

Подобные причастия «татарского» типа на *-ğan / -qan*, хоть и крайне редко, но также встречаются в текстах кадиаскерских книг, что говорит о соперничестве двух тюркских наречий в Крыму, имевших на тот момент собственную устойчивую и развитую письменную культуру. *Qurban eliyle alğan hasene yigirmi üç olduğı qayd olundu* (Было зарегистрировано, что взятых рукой Курбана хасене (серебряные монеты) было (количеством) двадцать три)

[15, Т. 1, с. 12-В (1-83 / 81), текст 7]. Собственно говоря, из татарского языка в данном отрывке мы видим только причастие *alğan*, которое в огузском варианте звучало бы как *âlân*. В данном случае, в соответствии с контекстом, это должно быть причастие на *-miş*, т. е. *almış*. Весь остальной текст составлен в южно-тюркской манере. То же самое можно сказать и о другом тексте: *Mirza eli ile alğan hasene qırq altı buçuq idügi qayd olundı. Şühüdü'l-hâl: mezbûran* (Зарегистрировано: Рукою Мирзы было взято сорок шесть с половиной хасене. Присутствующие свидетели: упомянутые) [15, Т. 1, с. 12-В, текст 3].

Проникновение в письменную речь разговорных элементов койне и его прямое влияние на язык юридических документов, таких как судебные записи, а через них на все остальные сферы литературного языка – вполне закономерный процесс. Из представленных нами примеров, очевидно то, что секретари кадиев, *кятибы*, которые также назывались в татаро-тюркской традиции Крыма *tüz yazıcılar* (ровно пишущие), старались буквально следовать показаниям истцов и ответчиков, нередко передавая их слова в форме косвенной речи, за которой однозначно угадывается прямая, оригинальная речь. Немало способствует такой формалистической передаче речи её экспрессивность, что присуще всякому иску, а также судебным прениям: «Язык челобитных отличался экспрессивностью, что сближало его в известной мере с языком литературно-художественного творчества и содействовало распространению элементов языка деловой письменности в процессе взаимодействия двух типов литературных языков» [14, с. 72–73]. Понятно, однако, что первоначальным источником такой экспрессивности является именно разговорная речь участников судебного заседания.

Выдвигая гипотезу данного исследования, мы указали, что основой для формирования наддиалектного крымскотатарского койне и, в дальнейшем, крымскотатарского литературного языка стало столичное койне – городская речь Бахчисарая. В Бахчисарае, как и в других крымских городах, поселялись и взаимодействовали представители разных тюрко-язычных групп, говоривших на различных диалектах крымских татар, а также других народов, в том числе не тюркских. Для удобства общения стихийно формировались городские и региональные койне. К XVIII веку в Крыму перестали быть редкостью межнациональные, и даже межконфессиональные браки [15]. Случались также браки между свободными и бывшими или настоящими наложницами [18, с. 90], а дети, рождённые в этих браках и признанные отцом, становились свободными мусульманами [18, с. 201]. Кроме того, вся литературная и культурная жизнь государства протекала именно в столице и крупных городах, таких как Гёзлев, Карасу Базар, Кефе, Солхат. Отсюда следует и тот факт, что уровень образованности у горожан был гораздо выше, чем у сельских жителей.

Бекир Чобан-заде, характеризуя два типа крымскотатарской речи – сельскую и городскую, – неоднократно подчёркивает разницу в произношении между представителями этих двух групп. Например, горожане, в речи которых нередко звучат иноязычные заимствования, могут нарушать привычные законы тюркской фонетики: они без особого труда произносят слова, которые начинаются с фонемы *R*, тогда как сельские жители добавляют лишний гласный к началу слова или меняют позицию фонем в слове: *ruhset* – *uruhset*; *rebi*

– *erbi*; *Ruba* – *uruba* (*urba*); *rubaşqa* – *urbaşqa*; *Rus* – *Urus*; *Rum* – *Urum* vs. То же самое можно сказать и о звуке *L*: *limon* – *ilmon*; *lâkin* – *velâkin* vs. [29, с. 95]. Учёный отмечает также отличия в произношении сочетаний согласных *SP*, *ST*, *ŞK*, звуков *F*, *Z*, *H* (подробней см. [29, с. 96]).

Из других особенностей городской речи или речи образованных людей Чобан-заде говорит о её утончённости, которая также основана на нарушении законов тюркской фонологии, в данном случае законов сингармонизма гласных: «*Qırımtatarca'da umumiyyetle kitabı, yani oqumuş adamlarğa mahsus bir telâffuz vardır ki, daima qalın sesli sözlerni ince seslilerge çevirir*» (В крымскотатарском языке есть особенное произношение, присущее книжным, то есть образованным людям, согласно которому широкие (заднеязычные) гласные произносятся как узкие (переднеязычные): *aqça* – *aqçe*, *yara* (*yarğa*) – *yâre*, *para* – *pare*, *qara* – *qare*, *qaşlar* – *qaşler*, *bağcalar* – *bahçeler*, *ağlamaq* – *ağlemek* vs. [29, с. 45]. Отмечая данное явление крымскотатарской городской речи, удивляющее многих европейских тюркологов, Бекир Чобан-заде приводит в своей книге мнение учёного В. Банга (Wilhem Bang-Kaup), который обнаружил подобное явление в языке кунов / куманов, старейших жителей крымского полуострова, на страницах словаря *Codex Cumanicus*. Мнение В. Банга сводится к тому, что это не целенаправленное искажение тюркской фонологии в угоду внешнему изяществу и особой языковой «моде», но наследие древнего куманского языка, подвергшегося в своё время влиянию хазарского или персидского.

Искажение прежних тюркских диалектов под влиянием урбанистической культуры и формирование наддиалектного городского койне отнюдь не редкое явление в тюркском мире. Этому явлению подвергся стамбульский говор в турецком языке и узбекские городские говоры в Узбекистане. «... Махмуд Кашгарский определённо указывает на наличие двуязычия и говорит о проникновении в язык племён, посещающих города, «смягчения» ... Анализ фактического материала по говорам узбекского языка позволяет нам установить последовательность утраты сингармонизма, начавшийся, несомненно, в ряду гласных верхнего подъёма в результате конвергенции *и* и *ы*, при сохранении контрастирующих пар в системе морфологических показателей» [16, с. 101]. В данном случае на формирование койне узбекских городов оказал большое влияние изначально иранский язык. Тогда, а затем – представлявший восточно-иранскую ветвь персидского языка таджикский язык – *дари*.

Роль естественным образом сформировавшейся разговорной формы литературного языка в современном обществе трудно переоценить. Следуя за Бекиром Чобан-заде, необходимо признать тот факт, что, как и у всех цивилизованных народов, у крымских татар оформился и существовал до конца 20-х годов XX века особый литературный язык, который в результате языковой политики, проводимой большевиками, был назван «турецким» и «чужеродным». На фоне жестоких репрессий в отношении наиболее просвещённой части общества – писателей, учёных-лингвистов, археологов, историков, представителей духовенства, потомков местной аристократии и пр. – нормы дореволюционного крымскотатарского литературного языка, который в городской среде крымских татар формировался не одно столетие, были отменены. Они были искусственным образом замещены нормами сельских говоров срединной

полосы Крыма, не имевших на тот момент литературных традиций⁵. Это негативно отразилось на образовательном и культурном уровне крымских татар, попавших в лингвокультурную зависимость от русского языка.

Заключение. В результате работы над доказательством выдвинутой нами гипотезы о роли бахчисарайского городского койне в формировании крымскотатарского наддиалектного койне и литературного языка мы пришли к следующим выводам.

- В XVII–XVIII вв. в социально-политической жизни Крымского ханства установились центростремительные процессы, которые стали оказывать усиленное влияние на формирование языкового однообразия страны. В этот период активизировались урбанизационные процессы в обществе, преобладающим стало прямое действие закона языковой кооперации, в столице, других крупных городах и в регионах их экономического влияния сформировались городские и региональные койне.

- Доминирующие позиции основы формирования наддиалектного крымскотатарского койне и крымскотатарского литературного языка занимало имевшее смешанную кумано-сельджукскую основу бахчисарайское городское койне, поскольку столица была центром государственной, правовой, дипломатической, конфессиональной, культурной, литературной, научно-образовательной жизни ханства.

- Документы официально-делового характера – ханские ярлыки и тексты кадиаскерских книг – отражают языковую ситуацию в крымском обществе XVII–XVIII вв. и доминирование бахчисарайского городского койне в формировании крымскотатарского литературного языка и его разговорной формы – наддиалектного крымскотатарского койне. Этот язык (койне) не вполне был представлен в диванной художественной литературе, находившейся под прямым влиянием османского языка, но мы можем отметить проявление черт этого языка в ашыкской литературе (например, АшыкОмер) и в некоторых образцах салонной литературы (отдельные произведения Газаи⁶), а также в определённых образцах народной литературы – фольклора, в особенности песен.

- Сформировавшийся таким образом в XVIII в. крымскотатарский литературный язык просуществовал до конца 20-х гг. XX в., после чего его нормы были насильственным образом упразднены по идеологическим причинам.

- Факты языковой архаики и смешения фонетических, лексических и грамматических традиций разных тюркских языков в крымскотатарском языке памятников официально-деловой письменности XVII–XVIII вв. свидетельствуют о смешанном характере норм как бахчисарайского и наддиалектного койне, так и норм литературного языка на основе взаимодействия гомогенных тюркских идиомов с небольшой долей гетерогенных заимствований,

⁵ В задачи данной статьи не входит описание и анализ характеристик деревенских и сельских говоров средней полосы (орта ёлакь), искусственно возведенных в ранг «литературного» языка крымских татар вследствие авторитарно принятых на 2-ом Всекрымском языковом съезде решений. Следует также отметить тот факт, что данный литературный язык явился следствием сталинской языковой политики, шедшей вразрез к исторически обусловленным и устоявшимся языковым нормам и традициям в Крыму.

⁶ О языке произведений Газаи см.: [32].

преимущественно лексических. Данное обстоятельство свидетельствует об уникальности крымскотатарского языка в тюркских реалиях черноморского бассейна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белецкий А.А. Греческие диалекты юго-востока Украины, и проблема их языка и письменности // Учёные записки ЛГУ. Сер. филол. наук: Балканская филология. Т. 343. Вып. 73. Л., 1970. С. 5–15.
2. Березин И. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадет-Гирея с введением, переписью, переводом и примечаниями / И. Березин. Казань: Типография Университета, 1851. 24 с.
3. Бернштейн С.Б. Вопросы изучения славянских языков в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию // Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 3. С. 5–38.
4. Вельяминов-Зернов В. Материалы для истории Крымского Ханства, извлеченные по распоряжению Императорской Академии Наук из Московского главного архива Министерства Иностранных Дел. СПб.: ИАН, 1864. 941 с.
5. Виноградов В.В. Основные проблемы и задачи изучения русского национального языка до национальной эпохи // Славянские литературные языки в до национальной период: тезисы докладов. М.-Л.: АН СССР, 1969. С. 3–5.
6. Гаджиева Н.З., Серебряков В.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М.: Наука, 1986. 284 с.
7. Гаркавец А.Н. Codex Cumanicus. Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII–XIV веков. М. Русская деревня, 2006. 60 с.
8. Григорьев В.В. Ярлык Сеадет Гирея // «Записки Одесского Общества истории и древностей». Т. 1. 1844 г. С. 337–346.
9. Григорьев А.П. Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник– 1977 / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: 1981. С. 81–89.
10. Гухман М.М. Литературный язык // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / ред. А.Н. Серебренников. М.: Наука, 1970. С. 502–548.
11. Гухман М.М. Литературный язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М. Сов. энциклопедия, 1990. С. 270–271.
12. Изидинова С.И. Крымскотатарский язык. С. 246–247.
13. Исаченко А.В. К вопросу о периодизации истории русского языка // Вопросы теории и истории языка: сб. в честь проф. Б.А. Ларина. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. С. 149–158.
14. Кожин А.Н. Литературный язык Московской Руси: учеб. пособие. М.: Рус. яз., 1984. 184 с.
15. Копии сиджией крымских кадиев, хранящиеся в библиотеке имени И. Гаспринского в Симферополе. Архивный фонд: 67 А90
16. Решетов В.В. О диалектной основе узбекского литературного языка // Вопросы языкознания. М., 1955. С. 100–108.
17. Рустемов О.Д. Диалектные особенности языка крымских судебных реестров XVI–XVIII вв. // Научный часопис Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. К., 2017. Сер. 9. Вип. 16. С. 194–201.
18. Рустемов О.Д. Кадияскерские книги Крымского Ханства: исследования, тексты, переводы (Qırım Hanlığınıñ qadiasker defterleri: araştırmalar, metinler ve tercimeler). Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2017. 280 с.

19. Рустемов О.Д. Процессы формирования крымскотатарского литературного языка в XV–XVII вв. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 123–133. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.123-133
20. *Самойлович А.Н.* Опыт краткой крымскотатарской грамматики. Пг.: Тип. И. Бораганского, 1916. 104 с.
21. *Степанов Е.Н.* Норма городского койне // Русский язык сегодня. 4. Проблемы языковой нормы. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2006. С. 506–518.
22. *Степанов Е.Н.* Язык города в социальном и цивилизационном процессе // Мова. Одесса: Астропринт, 2006. № 11. С. 44–54.
23. *Степанов Е.Н.* Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы: Дис. ... д-ра филол. н.: 10.02.02 – русский язык. Одесса: ОНУ им. И.И. Мечникова, 2013. 595 с.
24. *Томашевский Б.В.* Язык и литература // Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М.: Знание, 1951. 196 с.
25. *Томашевский Б.В.* Стилистика: учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. 288 с.
26. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка как межславянская дисциплина // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1995. № 1. С. 80–92.
27. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во КазГУ, 1979. 317 с.
28. *Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981. 322 с.
29. *Чобан-заде Б.* Къырым татар ильмийсарфы (Научная грамматика крымскотатарского языка): Транслитерация с арабской графики издания 1925 г. Симферополь: Доля, 2003. 240 с.
30. *Argunşah M., Güner G.* Codex Cumanicus. İstanbul: Kesit, 2015. 1079 s.
31. *Gülsevin G.* Eski Anadolu Türkçesinde Ekler. Ankara: Türk Dili Kurumu Yayınları, 2011. 156 s.
32. *Rustemov O.* Kırım Türklerinin Edebî Dil Gelenekleri: Kırım Hanı Gazi Giray'ın Şiir ve Mektupları // Söylem. Filolojik Dergisi. Aralık, 2017. Sayı 4. P. 348–361.
33. *Timurtaş F.K.* Eski Türkiye Türkçesi XV yüzyıl. Gramer – Metin – Sözlük. İstanbul: Enderun Kitabevi, 1994. 322 s.

Сведения об авторах: Олег Диляверович Рустемов – кандидат филологических наук, литературный редактор Издательского Дома «Тезис» (295043, ул. Киевская, 177В, Симферополь, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6444-2885>. E-mail: biblos@ukr.net

Евгений Николаевич Степанов – доктор филологических наук, доцент, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова (65082, ул. Дворянская, 2, Одесса, Украина); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5441-9822>. E-mail: stepanov.odessa@gmail.com

*Поступила 22.05.2019 Принята к публикации 20.08.2019
Опубликована 29.12.2019*

REFERENCES

1. Beletskiy A.A. Grecheskie dialekty yugo-vostoka Ukrainy, i problema ikh yazyka i pis'mennosti [Greek dialects of the southeast of Ukraine and the problem of their language and script]. *Uchenye zapiski LGU. Ser. filol. nauk: Balkanskaya filologiya* [Scientific Notes of Leningrad State University. Philology Series: Balkan Philology]. Vol. 343. Is. 73. Leningrad, 1970, pp. 5–15. (In Russian)
2. Berezin I. *Tarkhannye yarlyki Tokhtamysha, Timur-Kutluga i Saadet-Gireya s vvedeniem, perepis'yu, perevodom i primechaniyami* [The Tarkhan Yarliks of Tokhtamysh, Timur-Kutlug and Saadet-Girey with Introduction, Transliteration, Translation and Notes]. Kazan: Tipografiya Universiteta, 1851. 24 p. (In Russian)
3. Bernshtein S.B. Voprosy izucheniya slavyanskikh yazykov v svete trudov I.V. Stalina po yazykoznaniyu [The study of Slavic languages in the light of the works of Stalin on linguistics]. *Uch. zap. In-ta slavyanovedeniya AN SSSR* [Scientific Notes of the Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences]. Moscow: Akademiya nauk SSSR, 1951. Vol. 3, pp. 5–38. (In Russian)
4. Vel'yaminov-Zernov V. *Materialy dlya istorii Krymskogo Khanstva, izvlechenyya po rasporyazheniyu Imperatorskoy Akademii Nauk iz Moskovskogo glavnago arkhiva Ministerstva Inostrannykh Del* [Materials for the History of the Crimean Khanate Extracted by Order of the Imperial Academy of Sciences from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. St. Petersburg: IAN, 1864. 941 p. (In Russian)
5. Vinogradov V.V. Osnovnye problemy i zadachi izucheniya russkogo natsional'nogo yazyka do natsional'noy epokhi [The main problems and tasks of studying the Russian national language of the pre-national era]. *Slavyanskije literaturnye yazyki v do natsional'nyy period: tezisy dokladov* [Slavic Literary Languages in the Pre-national Period: Abstracts]. Moscow, Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1969, pp. 3–5. (In Russian)
6. Gadzhieva N.Z., Serebryakov V.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Sintaksis* [Comparative-historical Grammar of Turkic languages. Syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 284 p. (In Russian)
7. Garkavets A.N. *Codex Cumanicus. Polovetskie molitvy, gimny i zagadki XIII–XIV vekov* [Codex Cumanicus. Polovtsian Prayers, Hymns and Riddles of the 13th–14th centuries]. Moscow: Russkaya derevnya, 2006. 60 p. (In Russian)
8. Grigor'ev V.V. Yarlyk Seadet Gireya [The Yarlyk of Seadet Girey]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. 1. 1844, pp. 337–346. (In Russian)
9. Grigor'ev A.P. Ofitsial'nyy yazyk Zolotoy Ordy XIII–XIV vv. [Golden Horde's official language of the 13th–14th centuries]. *Tyurkologicheskij sbornik – 1977* [Studia Turkologica – 1977]. Otv. red. A.N. Kononov. Moscow, 1981, pp. 81–89. (In Russian)
10. Gukhman M.M. Literaturnyy yazyk [Literary language]. *Obshchee yazykoznanie: formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General Linguistics: Forms of Existence, Functions, History of Language]. Red. A.N. Serebrennikov. Moscow: Nauka Publ., 1970, pp. 502–548. (In Russian)
11. Gukhman M.M. Literaturnyy yazyk [Literary language]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya, 1990, pp. 270–271. (In Russian)
12. Izidinova S.I. *Krymskotatarskiy yazyk* [The Crimean Tatar Language]. (In Russian)
13. Isachenko A.V. K voprosu o periodizatsii istorii russkogo yazyka [To the question about periodization of the history of the Russian language]. *Voprosy teorii i istorii yazyka: sb. v chest' prof. B.A. Larina* [Questions of the Theory and History of Language: A Collec-

tion in Honor of Professor B.A. Larin]. Leningrad: Lenigrad State Universitet Publ., 1963, pp. 149–158. (In Russian)

14. Kozhin A.N. *Literaturnyy yazyk Moskovskoy Rusi: ucheb. posobie* [Literary Language of the Muscovite Rus'. Textbook]. Moscow: Rus. yaz., 1984. 184 p. (In Russian)

15. *Kopii sidzhiley krymskikh kadiiev, khranyashchiesya v biblioteke imeni I. Gasprinskogo v Simferopole* [Copies of the Crimean Qadis' Sigils Stored in the I. Gasprinsky Library in Simferopol]. Arkhivnyy fond: 67 A90. (In Crimean Tatar)

16. Reshetov V.V. O dialektnoy osnove uzbekskogo literaturnogo yazyka [On the dialectal basis of the Uzbek literary language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics Issues]. Moscow, 1955, pp. 100–108. (In Russian)

17. Rustemov O.D. Dialektnye osobennosti yazyka krymskikh sudebnykh reestrov XVI–XVIII vv. [Dialectal features of the 16th–18th centuries Crimean judicial registers' language]. *Naukoviy chasopis Natsional'nogo pedagogichnogo universitetu imeni M.P. Dragomanova* [Scientific Journal of the M.P. Dragomanov National Pedagogical University]. Kyiv, 2017. Ser. 9. Iss. 16, pp. 194–201. (In Russian)

18. Rustemov O. D. *Kadiaskerskie knigi Krymskogo Khanstva: issledovaniya, teksty, perevody (Qırım Hanlığıniñ qadiasker defterleri: araştırmalar, metinler ve tercimeler)* [Crimean Khanate's Kadiasker Books: Studies, Texts, Translations]. Simferopol: Mediatsentr im. I. Gasprinskogo, 2017. 280 p. (In Russian)

19. Rustemov O.D. The Formation of the Crimean Tatar Literary Language in the 15th–17th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 1, pp. 123–133. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.123-133

20. Samoylovich A.N. *Opyt kratkoy krymskotatarskoy grammatiki* [The Experience of the Brief Crimean Tatar Grammar]. Petrograd: Tip. I. Boraganskogo, 1916. 104 p. (In Russian)

21. Stepanov E.N. Norma gorodskogo koyne [Norm of the urban koine]. *Russkiy yazyk segodnya*. 4. *Problemy yazykovoy normy* [Russian Language Today. 4. Problems of the Language Norm]. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2006, pp. 506–518. (In Russian)

22. Stepanov E.N. Yazyk goroda v sotsial'nom i tsivilizatsionnom protsesse [The language of the city in the social and civilizational process]. *Mova* [The Language]. Odessa: Astroprint, 2006, no. 11, pp. 44–54. (In Russian)

23. Stepanov E.N. *Russkaya gorodskaya rech' v polilingvokul'turnom prostranstve Odessy: Dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.02 – russkiy yazyk* [Russian Urban Speech in the Polylinguistic Cultural Area of Odessa. PhD Thesis]. Odessa: ONU im. I.I. Mechnikova, 2013. 595 p. (In Russian)

24. Tomashevskiy B.V. Yazyk i literatura [Language and Literature]. *Voprosy literaturovedeniya v svete trudov I.V. Stalina po yazykoznaniyu* [Questions of Literary Criticism in the Light of the works of I.V. Stalin on Linguistics]. Moscow: Znanie, 1951. 196 p. (In Russian)

25. Tomashevskiy B.V. *Stilistika: ucheb. posobie* [Stylistics: Study Guide]. Leningrad: Lenigrad State University Publ., 1983. 288 p. (In Russian)

26. Uspenskiy B.A. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka kak mezhslovianskaya distsiplina [The history of the Russian literary language as an inter-Slavonic discipline]. *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics Issues]. Moscow: Nauka Publ., 1995. No. 1, pp. 80–92. (In Russian)

27. Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI vv.* [Granted Acts of the Ulus of Jochi of the 14th–17th centuries]. Kazan: Kazan State University Publ., 1979. 317 p. (In Russian)

28. Filin F.P. *Istoki i sud'by russkogo literaturnogo yazyka* [The Origins and Destinies of the Russian Literary Language]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 322 p. (In Russian)
29. Choban-zade B. *K"yrym tatar il'miysarfy (Nauchnaya grammatika krymsko-tatarskogo yazyka)* [Scholarly Grammar of the Crimean Tatar Language]. Transliteratsiya s arabskoy grafiki izdaniya 1925 g. Simferopol: Dolya, 2003. 240 p. (In Crimean Tatar)
30. Argunşah M., Güner G. *Codex Cumanicus*. İstanbul: Kesit, 2015. 1079 p. (In Turkish)
31. Gülsevin G. *Eski Anadolu Türkçesinde Ekler*. Ankara: Türk Dili Kurumu Yayınları, 2011. 156 p. (In Turkish)
32. Rustemov O. Kırım Türklerinin Edebî Dil Gelenekleri: Kırım Hanı Gazi Giray'ın Şiir ve Mektupları. *Söylem. Filolojik Dergisi*. Aralık, 2017. Sayı 4, pp. 348–361. (In Turkish)
33. Timurtaş F.K. Eski Türkiye Türkçesi XV yüzyıl. Gramer – Metin – Sözlük. İstanbul: Enderun Kitabevi, 1994. 322 p. (In Turkish)

About the authors: Oleg D. Rustemov – Cand. Sci. (Philology), Literary Editor, Publishing House “Tezis” (177V, Kievskaya Str., Simferopol 295043, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6444-2885>. E-mail: biblos@ukr.net

Evgeny N. Stepanov – Dr. Sci. (Philology), Docent, Odessa I.I. Mechnikov National University (2, Dvoryanskaya Str., Odessa 65082, Ukraine); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5441-9822>. E-mail: stepanov.odessa@gmail.com

Received May 22, 2019 Accepted for publication August 20, 2019

Published December 29, 2019

УДК 94(470.5)"16-18"

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.760-783

**ФЕНОМЕН «ИНОЗЕМЧЕСТВА», ЯСАК И ДАРООБМЕН:
НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ, УРАЛА И СИБИРИ В РОССИИ
КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ**

А.Ю. Конев^{1, 2}

¹ *Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр
Сибирского отделения Российской академии наук
Тюмень, Российская Федерация*

² *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация
aldimoks@mail.ru*

Цель: обсуждение дискуссионных вопросов, касающихся: специфики подданства нерусских народов, входивших в сферу влияния бывших Казанского и Сибирского ханств и включавшихся с XVI в. в систему Московского царства; терминологии описания и классификации этого населения; особенностей положения туземных жителей, отнесенных к категории «ясачных»; роли дарообмена в процессе их интеграции в российскую государственную структуру.

Материалы исследования: статья базируется на изучении трудов предшественников по соответствующей тематике, а также письменных исторических источников, опубликованных и выявленных в фондах российских архивов.

Результаты и научная новизна: «иноземчество», как инаковость людей и сообществ в пределах российского политического пространства, их переходное состояние к полноценному подданству выражались в указанный период разными социо-политонимами. Основным был термин «иноземцы», использование которого рассматривается в качестве индикатора изменений в положении различных групп нерусского населения. Если применительно к автохтонам Поволжья и Приуралья производная от слова «иноземцы» лексика в официальном делопроизводстве в течение XVII в. сходит на нет, то в отношении народов, расселившихся от Урала до Тихого океана, она наоборот закрепляется. Это можно объяснить следующими причинами: темпами и степенью интеграции в систему Российского государства; удаленностью присваиваемых земель; продолжавшимся сопротивлением Кучумовичей, вовлекавшем в свою орбиту бывших подданных сибирского хана из числа местных тюрок и угров; периодическими «шатастями и изменами» сибирских ясачных людей; приверженностью их языческим культам и исламу при крайне незначительном числе новокрещенных. Одна из особенностей процесса подчинения туземцев Урала и Сибири – существенная роль в нем реципрокных взаимодействий. Региональный вариант модели управления через отношения взаимного обмена между властью и поданными нашел отражение в формуле жалованного слова, содержащейся в наказах сибирским воеводам конца XVI–XVII вв. Дарообмен в виде сдачи туземцами «поминочной рухляди» и ответных подарков и угощения был действенным средством обеспечения ясачного сбора. В отличие от Поволжья ясак здесь до начала XVIII в. так и не превратился в налог с земли, сохраняя черты дани за право проживать на ней.

Особенности положения различных групп ясачного населения и то, что предпосылки для выстраивания юридической связи с государством на основе принадлежности к определенной социальной страте находились ещё в стадии формирования, не

позволяют рассматривать разнородную массу «ясачных людей» в России XVII в. как сословие.

Ключевые слова: подданство, сословие, реципрокные отношения, иноземцы, ясачные люди, жалованное слово, дань

Для цитирования: Конев А.Ю. Феномен «иноземчества», яsak и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 760–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.760-783

THE PHENOMENON OF “FOREIGNERS”, YASAK AND GIFT EXCHANGE: PEOPLES OF THE VOLGA REGION, THE URALS AND SIBERIA IN RUSSIA IN THE LATE SIXTEENTH AND EARLY EIGHTEENTH CENTURIES

A.Yu. Konev^{1, 2}

¹ *Federal Research Center
Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Tyumen, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
aldimoks@mail.ru*

Abstract: Objective: To discuss debated issues relating to the special characteristics of patriality of non-Russian peoples who had been in the sphere of influence of the former Kazan and Siberian Khanates and were included into the system of the Tsardom of Moscow in the sixteenth century; the classification of this population and the terminology used for its description; the special features of the status of the indigenous peoples classified as “yasak people”; and the role of gift exchange in the process of their integration into the Russian state structure.

Research materials: The article is based on the analysis of previous works on the topic under consideration and on the analysis of published historical sources or sources found in the collections of Russian archives.

Results and novelty of the research: The foreign status of the people and communities treated as the others within the Russian political space, and their transitional status on the way towards their full allegiance, were described with different socionyms and politonyms in the period under consideration. “Foreigners” was employed as the main term. It is considered as an indicator of changes in the status of various groups of the non-Russian population. The use of words such as “foreigner”, etc. faded away in the official paper work regarding the Volga region and Cis-Urals autochthonous population during the seventeenth century, even while it became widely used if talking about those peoples who settled in the territories from the Urals to the Pacific Ocean. This can be explained by the following factors: the pace and degree of integration of new lands into the Russian state system; the remote character of the new lands; the continuing resistance of Kuchum’s descendants who drew former Turk and Ugric subjects of the Siberian Khan into their orbit; the periodic “shakiness and betrayals” on the part of Siberian yasak payers; their commitment to pagan cults and Islam and the extremely small number of newly baptized people. Reciprocal in-

teractions played a significant part in the process of subjection of the indigenous peoples of the Urals and Siberia. The regional version of the governance model in the form of mutual exchange between the authorities and the subjects was reflected in the formula used in the “word of grand” (*zhalovannoe slovo*) included in the instructions to the Siberian voivodes of the late seventeenth and eighteenth centuries. Gifts and rewards to the indigenous population in response to the proffering of gift-furs (*pominochnaya ruhlyad*) were an effective means of providing the collection of yasak. In contrast to the Volga region, the yasak in the territories under consideration did not convert into a land tax and retained features of a tribute for the right to reside on the land until the beginning of the eighteenth century.

Thus, special features of the position of different groups who paid yasak were kept. The conditions for establishing a legal connection with the state on the basis of belonging to a certain social stratum were still being formed. As such, this situation does not permit us to consider a heterogeneous mass of “yasak people” in Russia in the seventeenth century as a social estate.

Keywords: allegiance, estate, reciprocal relations, foreigners, yasak people, word of grand, tribute

For citation: Konev A.Yu. The Phenomenon of “Foreigners”, Yasak and Gift Exchange: Peoples of the Volga Region, the Urals and Siberia in Russia in the late sixteenth and early eighteenth centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 760–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.760-783

Введение

Настоящая статья родилась как ответ на полемическую публикацию Г.Х. Самигулова, появившуюся в одном из номеров журнала «Золотоордынское обозрение» за 2018 год [33]. Этот автор актуализировал ряд важных вопросов, касающихся истории народов Волго-Уральского региона и Сибири в процессе их взаимодействия с Русским государством в XVI–XVII вв., взяв за основу критического разбора для формулировки темы дискуссии две недавние мои публикации. Затронутые им вопросы на самом деле являются предметом моего исследовательского интереса на протяжении уже достаточно длительного времени, поэтому несколько странно, что из всей совокупности соответствующих книг и статей оппонента он выбрал только эти, тем более что одна из них носит сугубо историографический характер и не раскрывает в полной мере оснований, позволяющих объяснить, почему я придерживаюсь тех позиций, на которые Гаяз Хамитович обратил внимание.

Еще один момент, о котором бы хотелось сказать в начале, касается рассмотрения Г.Х. Самигуловым в целом историографии основного вопроса, который он сформулировал так: «кто такие ясачные люди и что такое ясак в России XVI–XVII вв.» [33, с. 343]. Претендуя на новизну постановки и решения исследовательской задачи, он упустил относящиеся к теме классические труды В.Д. Дмитриева [6], В.И. Шункова [41], А.Н. Копылова [18], П.Н. Павлова [23, с. 5–16] и ряда других историков, весьма поверхностно оценил фундаментальную работу С.В. Бахрушина «Ясак в Сибири в XVII веке» [2], утверждая, что в ней автор не углубляется в «анализ статуса ясачного населения» и только кратко останавливается на том, «что же представлял собой ясак» [33, с. 344]. Такая оценка не отражает действительный вклад ученого в изучение этой темы. В целом реализованный подход к истории разработки вопроса не способствовал представлению релевантной историо-

графической картины, позволил умолчать достигнутые предшественниками результаты и обойти неудобные, не согласующиеся с некоторыми тезисами Г.Х. Самигулова факты и точки зрения.

Постановка задач

На мой взгляд требуется перезагрузка повестки дискуссии, предложенной Гаязом Хамитовичем, по крайней мере в той её части, которая касается спорных по его мнению тезисов оппонируемых им работ. Имеются ли у нас, на самом деле, существенные расхождения по таким вопросам как: статус/положение «ясачных иноземцев» в XVII в.; характер ясачной подати в Сибири и сопредельных регионах этого времени; связь ясака с практикой дарообмена, а если да, то в чем? Для этого необходимо прояснить следующее.

Первое, мое мнение о том что статус сибирского ясачного населения не был четко определен в нормативно-правовых документах XVII в. и критика тезиса Л.И. Шерстовой о немедленной, «с самого начала присоединения Сибири», инкорпорации аборигенов в социально-экономическую структуру государства не означают, что я полагаю, будто ясачное население не было включено в социальную систему Российского государства вовсе, как пишет Г.Х. Самигулов [33, с. 345]; просто мы имеем дело не с единовременными акциями, а с процессом. Мое скептическое отношение к факту существования сословий в Московском царстве XVI–XVII вв. и выведение за пределы тогдашней иерархии «чинов» сибирских «иноземцев» также не дают оснований делать за меня вывод о «невключенности» последних в российскую социальную структуру [33, с. 348]. Вопрос в механизмах и особенностях этого включения. К тому же «чинами» не исчерпывалось все многообразие социальных категорий в России того времени. Надуманным является и заключение о том, что в моем представлении термин «иноземцы» применялся лишь к сибирским народам [33, с. 346]. При этом Г.Х. Самигулов как бы не замечает статью оппонента, специально посвященную практике употребления этого термина в отношении народов Сибири конца XVI – середины XVIII вв. и анализу точек зрения историков на этот вопрос [16], а также подготовленного мною документального сборника «Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири в конце XVI – начале XX вв.», изданного в 1999 г. Эти публикации могли бы снять большую часть возникших недоумений, в том числе неосновательные претензии, касающиеся степени моего знакомства с соответствующими источниками. Изложенная ранее мною позиция относительно так называемых «внутренних иноземцев», прежде всего «ясачных», сводится к признанию незавершенности процесса их интеграции, присвоения им статуса полуподданных, как людям иного, неправославного исповедания [16, с. 83, 85]. Отмечу наличие более категоричных оценок на этот счет. Так, Ю.Л. Слёзкин пишет, что «иноземцы оставались иноземцами, платили они ясак или нет» и «статус иноземца не имел ничего общего со статусом царского подданного» [34, с. 53, 56]. На мой взгляд, *имеет смысл обсуждать не «отсутствие»/«присутствие» ясачных и иных «иноземцев» в структуре России XVI–XVII вв., а исследовать вопросы о специфике и эволюции их положения в системе формирующейся империи, о содержании и значении термина «иноземцы» применительно к нерусскому населению окраин, расширяя хронологию до середины XVIII в. В этом контексте логично*

продолжить дискуссию и о правомерности применения сословной парадигмы при изучении социально-правового статуса «ясачных людей» в России второй половины XVI–XVII вв.

Второе, приписанные мне Гаязом Хамитовичем суждения о том, что «основным выражением подданства аборигенного населения Сибири на “ранней” стадии был не ясак, а “государевы поминки”» и то, что ясак якобы «не являлся формой государственной подати, а представлял собой форму “дарообмена”, то есть взаимоотношений с населением, которое не является подданными» [33, с. 346], грубо искажают содержание сделанных мною выводов. Чтобы расставить точки над *i*, вынужден процитировать соответствующий фрагмент статьи, к которой обратился Г.Х. Самигулов. В нем сказано буквально следующее: «ясак ... являлся осью всего спектра взаимоотношений ясакоплательщиков с царской властью» и «по мере освоения территории, замирения местных народов, укрепления их в подданстве ясак приобретал черты регулярности, характер подати, а не дани» [17, с. 44]. При этом оценка сибирского ясака конца XVI–XVII вв. как дани, имеющая прочную историографическую традицию [2, с. 2; 14, с. 129; 23, с. 6–7], никак не отменяет факта подданства плательщиков ясака, как, впрочем, не отменяет этого и дарообмен при ясачном сборе. Относительно «поминок» мною сказано, что этот полудобровольный сбор и следует «рассматривать как специфическую форму отдарка», а его параллельное существование и дальнейшее слияние с ясаком может быть «индикатором того, что ясак сохраняет черты дани» и того, как ясак постепенно превращается в налог [17, с. 48]. *Именно эти выводы, касающиеся роли дарообменных отношений в интеграции народов Урала и Сибири в систему Российского государства, и следовало бы предложить для дискуссии.*

Третье, заслуживает внимания затронутый Г.Х. Самигуловым вопрос о связи понятия ясака и «службы», ясака и «вотчинных прав» на угодья, находившихся во владении автохтонов. Напомню, что на материалах Западной Сибири XVII в. к этой теме обращался В.И. Шунков [41; 42]. Но рассматривать данный сюжет в контексте критики тезиса о «невключенности» ясачного населения в структуру Русского государства, как уже было отмечено выше, не имеет особого смысла. *Для анализа того, что в источниках именуется «вотчинами» применительно к владениям ясачного населения, следует изучить возникновение соответствующих прав на эти земли и их документальное оформление в процессе инкорпорации народов постордынских полтий в систему Российского государства.*

Обсуждение

В последние годы вышло несколько обобщающих работ, посвященных осмыслению российского опыта управления этно-конфессиональным разнообразием в процессе формирования и развития имперской системы [20; 30; 37]. Важным выводом, к которому пришли исследователи, состоит в том, что «адаптация присоединенных территорий к общегосударственным стандартам подданства и управления происходила медленно, растянувшись на полтора-два столетия. Правительство первоначально не форсировало этот процесс, часто довольствуясь лишь формальными признаками подчинения и

лояльности и исправным обеспечением налоговых платежей» [30, с. 854; 37, с. 596–597]. Существовали ли эти «общегосударственные стандарты подданства», и что вообще следует вкладывать в это понятие применительно к XVI–XVIII вв.? П.С. Шаблей заключает, что в XV–XVII вв. институт подданства в Руси/России был лишен «четкой, сугубо правовой, определенности». Представление о подданстве связывалось с «покорностью царю и признанием легитимности его власти», и само по себе присоединение «ещё не означало установления подданства в правовом смысле» [39, с. 116–117]. И.Г. Шауро обосновала положение о том, что в России ко второй половине XVI века термин «подданство» приобрел новое содержание и означал уже не крепостную зависимость, как ранее, а принадлежность к населению страны. До конца XVII в. «государство отдавало предпочтение крещению в православие, как способу принятия подданства», хотя существовал и второй путь – «натурализация в форме присяги на верность», при этом нормативного акта, регулирующего принятие подданства, выработано не было [40, с. 11–13, 20–23]. Т.А. Опарина полагает, что в XVI–XVII вв., «не сделав новых подданных членами русской церкви, правительство не приравнивало их к русским гражданам. Иноверцы подданными в полном смысле этого слова так и не становились» [22, с. 6].

Исследуя механизмы подчинения постордынских государств и дальних сибирских «землиц» власти московских государей, большинство историков согласны с тем, что расширение на восток происходило за счет шерстных (протекторатных) связей. Рассматривая шертование и понятие «подданство» в контексте дарообменных отношений, М. Ходарковский заметил, что только с проникновением в среду восточных иноземцев московского дипломатического языка запускался процесс их непосредственной интеграции в политическое пространство России [43, р. 46–75]. По мнению В.В. Трепавлова, заключение шерстного соглашения не означало автоматического установления подданных отношений, и только «со второй половины XVI в. ... шерстная грамота фактически стала служить начальной вехой обращения в российское подданство» [38, с. 158–159]. В.А. Слугина, опираясь на положения, сформулированные И.Г. Шауро, и развивая выдвинутый мною тезис о близости юридического значения шертования туземцев и крестоцелования русских на верность государю, исследовала на сибирских материалах способы формирования в XVII в. общегосударственного представления о подданстве [35, с. 7, 18–26]. Одним из них была унификация процедуры шертования и выработка формуляра шертовальных записей под влиянием формы «русской» присяги, посредством чего власть, по мнению В.А. Слугиной и А.С. Зуева, внедряла «свои политико-правовые нормы в “иноземческие” представления о господстве-подчинении» [12, с. 186].

1. «Иноземчество» и «ясашные иноземцы»: дискурс власти и власть дискурса

Исходя из представлений о подданстве, сложившихся в России конца XVI–XVII вв., возможно подойти к объяснению значений и функционирования термина «иноземцы» применительно к народам восточных окраин как своеобразному индикатору степени их интеграции в структуру государства.

Следует оговориться, что так называемые «внутренние иноземцы» [22, с. 6] были представлены несколькими группами. Самая заметная из них – это «служилые», в число которых верстались, в частности, представители привилегированных слоев бывших ханств и «княжеств», например «юртовские» татары в Сибири. Наиболее же многочисленную группу составили относившиеся к тяглому, ясачному населению. Именно она будет в фокусе нашего внимания.

Сравнительно позднее, примерно с середины 1620-х гг., начало активного употребления слова «иноземцы» для обозначения туземного населения Сибири, на мой взгляд, могло быть обусловлено тем, что язык описания её исконных обитателей претерпевал определенную адаптацию и изменения, на это потребовалось время. «Иноземчество», как инаковость в пределах русского политического пространства и переходное состояние к полноценному подданству оказавшихся в сфере этого пространства людей и сообществ, могло выражаться разными политонимами, не только словом «иноземцы».

К концу XVI в. для описания индигенных сибирских социумов сложились языковые штампы и термины, связанные с политической географией региона. На материалах опубликованных источников это хорошо показал П.С. Игнаткин. В царских грамотах и дипломатической переписке конца XVI – первых двух десятилетий XVII вв. тюрки и угры Верхотурского, Пелымского, Тюменского, Тобольского и Томского уездов нередко обозначались как «сибирские люди», «Сибирские земли ясашные люди» и «сибирцы» [13, с. 155–159]. Такая номинация указывала на их принадлежность к Сибирскому ханству или зависимость от него в недавнем прошлом, и может рассматриваться как свидетельство незавершенности процесса присвоения этой территории. Соответствующая терминология присутствует и в сохранившихся текстах наказов сибирским воеводам рубежа XVI–XVII вв. В качестве примера приведу выдержки из наказов 1599 г. тобольскому воеводе С.Ф. Сабурову и сургутскому воеводе Ф.Т. Долгорукому. Во вновь появившейся тогда наказной статье – «жалованном слове» (жалованном слове), адресованном «князем, мурзам и лучшим людям» из татарских и остяцких волостей, говорится: «и они б, Сибирские земли, всякие люди, жили в его царском жалованье во всем во облегченье, и в покое, и в тишине, безо всякого сумнения»¹. П.С. Игнаткин отмечает смысловую деформацию словосочетания «сибирские люди», которая произошла к концу первой четверти XVII в., когда им стали обозначать и русское население Сибири [13, с. 159]. Вероятно не случайно, что именно с 1620–1630 гг. слово «иноземцы» все чаще используется при обозначении сибирских ясачных людей в приказной документации.

Отмечу, что даже при отсутствии в жалованном слове термина «иноземцы» (в наказах первой половины XVII в.) оно, своим содержанием, красноречиво сообщает об этом статусе автохтонов. По сути, «слова» было два. Одно адресовалось «русским людям», другое – туземному населению. Второе, помимо прочих особенностей, о которых еще будет повод сказать, содержало принципиально важный момент, заключающийся в своеобразной пролонгации шерти, факт принесения которой знаменовал переход под власть рус-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 71; Кн. 2. Л. 93.

ского царя: «и государю царю и великому князю (имярек) всеа Русии самодержцу служили и прямили во всем по своей шерти»². В текстах сохранившихся наказов воеводам Поволжья этого времени краткое жалованное слово мы находим в наказе казанскому воеводе Ю.П. Ушатому 1613 г. Оно было обращено только ко «всяким казанским служилым людям» [7, с. 287–288]. В дальнейшем в казанских наказах такой специальной статьи не обнаруживается [7, с. 290–416]. Нет её и в наказе царевококшайскому воеводе 1628 г. [8, с. 66–71]. Напротив, в наказах сибирским воеводам до конца XVII в. жалованное слово непременно присутствует. Этот факт можно рассматривать как один из признаков особого положения Сибири и народов, ее населяющих, в структуре Русского государства.

Свидетельством того, что царское правительство рассматривало Сибирь в XVII в. как край, ещё находящийся в процессе укрепления за Русской державой и населенный племенами, готовыми «отложиться» от нее, служит наказ царя Алексея Михайловича Николаю Спафарию, отправленному с русским посольством в Китай в 1675 г. Ему предписывалось выяснить какие люди живут «меж Сибири и Китайского государства» и «которые князьки особные живут, и Великому Государю они послушны ли» или «голдуют кому иному» [29, с. 152]. В своем описании путешествия Н.Г. Спафарий, в частности, сообщил, что реки сибирские называются так, как «именовались прежде взятия Сибири от иноземцов – от татар или от остяков», отмечая, что Кучум «владел пространно», не только «над татары, но и над остяками, и над иными иноземцы» по Иртышу и Оби. [29, с. 47]. Зависимость в прошлом от власти Кучума и отсутствие после подчинения Москве каких-либо заметных изменений в религиозном отношении у этих народов в пользу православия представлены русским посланником как потенциальная угроза и признак «иноземчества». Не случайно, что в наказе тобольскому воеводе М.Я. Черкасскому 1697 г., как и ранее его предшественникам, указывалось: «проводывать ... чтоб собрався Кучумовы внучата, и нагаи, ... войною не пришли». При этом полагалось «учинить» юртовским, ясачным и захребетным татарам «заказ крепкой», чтоб они «ни с какими немирными иноземцы не съезжались и не ссылались ... а помнили б свое верное при шерти к Великому Государю обещание» [26, с. 339, 345].

Приведенные факты не позволяют согласиться с мнением А.С. Зуева и П.С. Игнаткина, о том, что в документах правительственных учреждений социополитоним «иноземцы» в отношении аборигенов Западной Сибири, за исключением самоедов, «на протяжении всего XVII в. употреблялся преимущественно в нейтральном значении, обозначая ясачноплательщиков, и не нес в себе явно выраженного смыслового указания на опасность с их стороны» [11, с. 73]. Фактор реальной и воображаемой угрозы со стороны всех групп туземного населения был актуален и здесь, находя отражение в соответствующей лексике. Приведу еще два примера. В 1618 г. верхотурский воевода Ф.С. Плещеев сообщал в Москву о недостатке служилых людей для защиты острога от «иноземцев – татар, остяков и вогул»³. В переписке 1662–1663 гг. между воеводами ряда уездов Тобольского и Томского разрядов по поводу

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 71об.; Кн. 2. Л. 93.

³ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. II. Д. 123. Ч. 2. Л. 1.

«шатости и измены» березовских остяков «изменные речи» татар, сообщенные этим остякам изложены так: «Березовский де город взяв, быть на Березове обдорскому князю Ермаку Мамрукову, а в иных де во всех сибирских городех быть иноземцам лутчим людям» [10, с. 308].

Как известно таинство крещения открывало путь к преодолению «иноземческого» состояния. Использование термина «иноземцы» в контексте описания фактов религиозной конверсии подчеркивало конфессиональную и социальную границы, оттеняло положение «остающихся в неверии». В извете Сибирскому и Тобольскому архиепископу Макарию березовский сын боярский Григорий доносит, что в 1634 г. «иноземцы, остяцкие люди» сообщали воеводе А.А. Плещееву о том, что приезжают к ним, «иноземцам», крещенные остяки с женами и детьми «и делают у них, живучи в юртах, богомерское дело»⁴. В датированном 9 сентября 1670 г. свидетельстве игуменьи «Покровского девичья монастыря» Марфы, приложенном к челобитной с просьбой о крещении, говорится, что «под началом де у нее была иноземка вагулка Анница шесть недель»⁵. В сохранившемся тексте доношения в Синод новокрещенных тюменских татар по поводу необоснованного приговора Тобольского надворного суда, читаем: «А ныне пришла грамота Его Императорского Величества преосвященному архиерею схимонаху Феодору крестити иноземцов, и мы, бедные, пошли от татар безкабальные их люди и покрестились в христианскую веру»⁶.

Не удивительно, что слово «иноземцы» редко встречается в документах фискального учета (сметных и пометных списках, окладных ясачных книгах и т.п.). В этих случаях в нём не было особой необходимости. Здесь «ясашные люди» интересовали власть, прежде всего, как плательщики ясака. Тем не менее, с середины XVII в. словосочетания «ясашные иноземцы/иноземцы ясашные люди/сибирские иноземцы» употребляются все чаще. Эти формулы становятся устойчивым обозначением всех сибирских автохтонов, положенных в ясак. Они прочно входят в тексты наказов сибирским воеводам [1, с. 450–454; 10, с. 357, 360; 26, с. 353, 354, 367], иногда появляясь даже в жалованном слове [26, с. 377]. Показательным является и заключительное предложение Окладной книги Сибири 1697 г.: «А всего во всей Сибири всяких чинов русских людей и иноземцов ясашных людей, которые под властью великого государя, 63115 человек» [21, с. 263]. Иная картина прослеживается в номинации ясачных Поволжья. Судя по наказам казанским воеводам, опубликованным В.Д. Дмитриевым, под «иноземцами»/«всякими иноземцами» в них фигурируют «литва», «немцы», и «черкасы», и, возможно, татары из числа «служилых». При этом «ясашные люди» обозначены как особая группа наряду или в противопоставлении «иноземцам», нередко получая этнонимическую конкретизацию: «чюваши, черемиса, вотяки» [7, с. 292–293]. Словосочетания «ясашные иноземцы» не встречается. В наказе царевкокшайскому воеводе 1628 г. термин «иноземцы» вообще отсутствует [8].

⁴ РГАДА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁵ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. II. Д. 149. Ч. 2. Л. 372.

⁶ Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске» (ГБУТО ГА в Тобольске) Ф. 156. Оп. 1. Д. 1143. Л. 19.

В.Н. Татищев, составляя в 1740-х гг. свой знаменитый «Лексикон», отметил, что слово «иноземец» иногда «у нас за иноверца, и инородного, и за иноязычника употребляют» [36, с. 90]. Для первой половины XVIII в. это замечание верно прежде всего для народов Сибири, что подтверждается текстами законодательных актов [27, с. 234; 28, с. 821] и делопроизводственных документов⁷. Примечательны случаи подчеркнутого отличия в номинации сибирских ясачных от таковых же остальной части империи. Так, в указе Сената от 26 марта 1726 г. об исключении из подушной переписи, произведенной И.В. Солнцевым-Засекиным, крестившихся туземцев в Сибири сказано, что по именному указу от 22 января 1719 г. было велено брать «сказки» и о татарах, и ясачных «кроме ... астраханских и уфимских татар, и башкирцов, и сибирских ясачных иноземцов» [28, с. 595]

Термин «иноземцы» использовался в XVII – первой половине XVIII в. для идентификации автохтонного населения Сибири заметно реже этнонимических обозначений (татары, остяки, вогулы, самоеды и т.п.) и выражений «ясачные/ясачные люди», но не настолько, что бы признать его в этом смысле «неосновным» и «несоответствующим лексике документации» того времени [33, с. 347–348]. Моим оппонентом были проигнорированы все замеченные случаи использования данного термина в опубликованных и неопубликованных источниках. Сама по себе частотность применения термина не является исчерпывающим аргументом в выяснении его значимости. Важны не столько количественные параметры, сколько контексты употребления и масштабы обобщения, что хорошо видно из приведенных выше примеров. В этой связи обращаю внимание на выявленные новосибирскими коллегами сочетания слова «иноземцы», при обозначении сибирских народов в XVII в., с другими указателями: политико-административными, этническими, географическими, культурными, временными, хозяйственными [11]. Вариативность этих комбинаций также не позволяет отмахнуться от данной терминологии как несущественной и нехарактерной. Наконец, следует отметить длительность использования термина «иноземцы» в сочетаниях с соответствующими словами-указателями в отношении практически всех туземных народов Сибири. Если применительно к индигенному населению Поволжья и Приуралья производная от слова «иноземцы» лексика уже в XVII в. сходит на нет, то за Уралом её употребление набирает обороты, она становится все более привычной, сохраняясь до середины XVIII в. В этом можно видеть один из признаков существенной разницы в положении народов Поволжья и Сибири, что было обусловлено темпами и степенью их интеграции в социально-экономическую систему России.

2. Ясак, «ясачные вотчины», дарообмен

С.В. Бахрушин, наметив этапы в эволюции ясака как дани от неокладного к окладному сбору и затем превращающегося в налог, первым обратил внимание на разницу в его социально-экономическом содержании в XVII в. у народов Поволжья и Сибири. На территории Казанского уезда в это время

⁷ Например, см.: РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6942. Л. 91, 99об.–100, 222об., Оп. 5. Д. 675. Л. 10об.–11; Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180. Л. 1337, 1349, 1353об., 1393об.

словом «ясак» обозначали уже не поголовный оклад, а простую единицу обложения: «на один “ясак” полагается определенное количество земли» [2, с. 34]. В.Д. Дмитриев уточнил выводы С.В. Бахрушина на более широком материале поволжских народов и подчеркнул, что ясак (денежный и хлебный) у них уже со второй половины XVI в. не являлся данью, а был с одной стороны феодальной рентой, так как «взимался с площади обрабатываемой земли, являвшейся собственностью феодального государства», с другой – выступал государственным налогом. По его мнению ясачные из нерусских народов Поволжья, в отличие от таковых же Приуралья и Сибири, в XVII в. фактически являлись государственным крестьянами [6, с. 108, 115].

Процесс трансформации неокладного ясака в окладной в Сибири и на Урале до сих пор недостаточно изучен. Е.В. Вершинин считает, что окладной ясак «предусматривал точно фиксированный размер дани, исчисляемой первоначально количеством шкурок зверей ценных пород» [3, с. 387]. На мой взгляд реальный переход к окладному ясаку в Сибири следует связывать с установлением оценки собираемой пушнины деньгами. Первые шаги в этом направлении были сделаны в середине 1620-х гг. В грамоте царя Михаила Федоровича тобольским воеводам А.А. Хованскому и М.А. Вельяминову от 15 ноября 1625 г. констатируется, что «в приходных книгах по 7133 [1624/25] год» отправленная в Москву из сибирских городов «мяхкая рухлядь записывана присылкою, а не окладом». В 1624 г. в Приказе Казанского дворца «сибирской мяхкой рухляди по сибирской и по московской цене учинен оклад, и в приходных книгах вперед велено писать окладом»⁸. На деле в «цену» перевели, по всей видимости, не фактический сбор, а прежние «меховые оклады» и унифицировать их не удалось в XVII в. даже в таких небольших и наиболее освоенных уездах, как Тюменский, Туринский и Верхотурский [41, с. 194–197]. С.В. Бахрушин обоснованно отметил, что «строго установленный индивидуальный оклад» часто оказывался «фикцией», ясачные сборщики просто подгоняли полученные взносы под сметные и пометные расчеты [2, с. 33]. В Западной Сибири, не говоря уже о Восточной, до середины XVIII в. не были введены единые принципы ясачного обложения: где-то брали поголовно, где-то с волости, улуса и рода; где-то был введен фиксированный размер, где-то (как правило в отдаленных или «вновь приисканных землях») брали «хто сколько поволно даст» [2; 3, с. 384–403; 18; 19, с. 230–236].

Важным отличием ясачного обложения в Сибири от Поволжья в конце XVI–XVII вв. было то, что размер угодий, в том числе годных к пашне, здесь не брался для расчета, чем бы ясак не взимался – пушшиной, деньгами, хлебом. Объектом обложения выступало само туземное население. При этом его связь с территорией была до известной степени условной: «волости» или значительная часть приписанных к ним «иноземцев» могли «сойти» и объявиться в другом месте [9, с. 82]. Обратив внимание на единичные примеры в Верхотурском уезде зачисления русских «в убылые места ясачных людей», В.И. Шунков пишет, что только к концу XVII столетия «ясак как бы перестает ... связываться с туземным происхождением ясачного человека и начинает приобретать черты повинности, отбываемой с земли, “с ясачных вотчин”»

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 6. Л. 537, 538об.–539.

[41, с. 186]. На постепенности процесса трансформации ясака из дани в ренту, уплачиваемую в пользу государства за пользование землей, настаивал, в соответствующем разделе академической «Истории Сибири», А.Н. Копылов [14, с. 6, 129]. Разделяя эту точку зрения, П.Н. Павлов подчеркнул, что ясак в XVII в. «превращался, а не превратился в феодальную ренту», сохраняя черты «неэквивалентного обмена» [23, с. 7].

Сам по себе факт регулярной сдачи ясака «окладом» не был исчерпывающим признаком преодоления «иноземческого» состояния. Сибирский приказ в конце XVII в. разъяснил, что «в державе Великого Государя Московского государства ... всяких чинов православные христиане и разные иноземцы с земель и с угодьев подати», в том числе «мяхкую рухлядь», платят «неотложно», ибо во всех странах и «природный человек», и «пришлой иноземец» никакими землями «безоброчно и безданно не владеют»⁹. Платящий эту дань (и в этом смысле подданный) иноземец, в том числе ясачный, мог оставаться таковым.

Есть все основания считать, что ясак в Сибири как минимум до начала XVIII в. – отнюдь не налог с земли, а дань за право проживать на ней. Право это реализовывалось в форме пожалования туземцам по признаку «старины давней», что совпадало, как отметил В.И. Шунков, с представлениями на этот счет, «сложившимися ... у части сибирского населения, еще до прихода русских» [42, с. 62]. Владение «по старине» этими землями, теперь являвшимися «государевыми», со временем осмысливается и закрепляется как владение по праву отбывания тягла. Можно ли его считать владением на «вотчинном» праве и является ли использование в источниках XVII в. слова «вотчина» для обозначения закрепленных за ясачными земель достаточным основанием для такого вывода? Не вступая в подробную дискуссию по этому вопросу, отмечу один интересный факт. В 1751 г. ясачные татары Каскаринских юрт в доказательство того, что владели «истари» рыбными ловлями, представили «выпись», выданную их «дедам и отцам» в июле 1686 г. «в бытность столника и воеводы Колобова» (вероятно из переписной книги Л.М. Поскочина). В этой «даной» содержались ссылки на 14, 27, 41, 43 и 63 пункты XVI главы Соборного Уложения¹⁰. Как известно, глава эта называется «О поместных землях». Характерно и указание на 14 пункт. Он посвящен «иноземским поместьям», которые «мимо иноземцов» предписывалось «никому не давать» [25, с. 76]. Итак, мы имеем прямое указание, что эти угодья тюменских татар в конце XVII в. приравнивались к поместным дачам, а не вотчинам.

Определяя сущность и эволюцию ясака в Сибири в конце XVI–XVII в., исследователи указывают на специфику его сбора посредством дарообмена и менового торга, зачастую тесно связанных между собой [2, с. 22–32; 3, с. 390, 400; 14, с. 129]. Здесь следует особо сказать о так называемых «поминках». С.В. Бахрушин отмечает, что в отличие от дани-ясака, которая была еще с дорусских времен «сопряжена с понятием чего-то позорящего», туземцы с большей охотой соглашались на полудобровольные «поминки». Так, кодские остяки и остяки «Бардакова княжества», оказавшись под русской властью, делали «тонкое различие между обоими видами поборов»,

⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 4. Кн. 1199. Л. 3-3об.

¹⁰ Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области (ГБУТО ГАТО). Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2095. Л. 117, 118об.

видя определенную независимость в платеже «поминок», которые в данном случае соответствовали «древнерусскому “дару”» [2, с. 2–3, 11]. Несмотря на то, что постепенно размер приносимой государевой и воеводской «поминочной рухляди» был в ряде уездов зафиксирован, её символическое значение сохранялось и было актуально как для приносящей, так и для принимающей стороны. Иначе как объяснить, что в Сибири этот взнос до половины XVIII в. подлежал особому учету? Характерно, что в наказах поволжским воеводам в XVII в. аналогичные сборы с ясачных людей строго запрещались, и, в отличие от соответствующих инструкций сибирским воеводам [10, с. 348–349; 26, с. 339, 367], «государевы» и «воеводские поминки» не санкционировались и не оговаривались [7, с. 287–414]. Я уже отмечал, что параллельное существование ясака и «поминков» в Сибири можно рассматривать как признак того, что ясак сохраняет черты дани, а их слияние – как один из индикаторов превращения ясака в налог.

Символический дарообмен играл важную роль в процессе подчинения сибирских туземцев и последующего укрепления их в подданстве. В наказе 1595 г. сургутским воеводам предписывалось: «а которые князьки и ясашные татарове учнут приезжати в новой город в Сургут с вестьми или с ясаком, и тех князьков поить и кормить, и приводить к шерте».¹¹ Угощение должно было быть непременно и обильным, иначе принимающая сторона могла понести репутационные издержки, а принимаемая – отказаться от обязательств. Томский воевода В.В. Волынский в своей отписке царю Василию Шуйскому 1608/1609 гг. с жалобой на злоупотребления письменных голов М. Ржевского и С. Бартенева подчеркнул, что «кормят де Матвей и Семен иноземцов, которые приходят с ясаком, по одинове на день, и от того де твоему царскому имени позорно, и в ясашных людех смута» [31, стб. 185–186]. Потчевать от имени государя представителей сибирской туземной элиты с 1599 г. стало обязанностью вновь назначенных воевод при их прибытии на место. После зачтения жалованного слова полагалось «напоить и накормить» приглашенных по такому случаю «мурз и из волостей ясачных лутчих людей»¹² [10, с. 347]. Власть достигала этим две важные цели: она подчеркивала свой главенствующий статус и ставила принимающих «государевы» еду и питье в положение обязанных. Одним из подтверждений того, что до самого конца XVII в. это предписание наказов воеводам не превратилось в пустую формальность, может служить наличие в ведомостях о расходах 1698–1699 гг. практически всех сибирских городов особой статьи «ясашным иноземцам на корм и на подарки» [32, стб. 689–690, 787–788, 797–798, 819–820, 829–830, 835–836, 845–846, 855–856].

С.В. Бахрушин и Е.В. Вершинин уже приводили сведения о практике угощения прибывавших с ясаком в северные города мурз и князцов, о ежегодных поставках в Березовский уезд «горячего вина» и посылки в Мангазею, Енисейск и на Лену «подарочной казны»: одекуя, «барабанского» олова, изделий из железа, а также муки и масла, для обеспечения взимания ясака [2, с. 24–25; 3, с. 393, 399–400]. В фонде Тюменской приказной избы удалось выявить уникальный середины XVII в. фрагмент книги выдач татарам за

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 5.

¹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 54об.–55, 94об.

сданные ясак и поминки. Из ее содержания следует, что «ясаулам» и «рядовым» ясачным людям Шикчинской и Каскаринской, Терсяцкой, Киньирского городка и Бачкырской, Иленского городка, Пышминской и Исецкой волостей регулярно в январе/феврале выдавалось по несколько ведер пива, «да по хлебу человеку» за то, «что заплатили в казну великих государей воевоцкие поминки мяхкою рухлядью» и за «кунной и денежной ясак»¹³. Этот пример – ещё один факт, опровергающий тезис Г.Х. Самигулова о том, что связанная с поминочным и ясачным сборами практика дарообмена существовала лишь в отдаленных северных и восточных районах Сибири, где автохтонное население до прихода русских не сталкивалось с необходимостью выплаты дани [33, с. 363–364]. Нельзя согласиться и с его заключением о том, что дарообмен вообще был характерен только для социумов, находившихся на «догосударственной стадии развития» [33, с. 364]. Критика теории М. Мосса о даре показала, что дарообмен как универсальная форма взаимоотношений не является исключительной принадлежностью архаических сообществ и присутствующих им экономик [5; 45].

Таким образом логика реципрокных взаимодействий в рассматриваемый период использовалась для выстраивания иерархических отношений между государством и туземными сообществами. Подарки, угощение и связанные с ними цепью дарообмена «поминки» служили повсеместно в Сибири важным средством обеспечения ясачного сбора. Локальные особенности состояли в преобладании тех или иных форм этого обмена и в их соотношении/сочетании с другими методами привлечения/принуждения к ясаку, например, посредством взятия аманатов.

3. «Ясачные люди» – социальный агломерат или сословие?

Вопрос существования сословий в России XVI–XVII вв. на самом деле является спорным. Упрощение (а по сути игнорирование) этого факта моим оппонентом выглядит своеобразным методологическим и историографическим «бегством» от содержания современных дискуссий на эту тему. Не вдаваясь в их разбор и отсылая интересующихся к соответствующему разделу новой обобщающей монографии, посвященной социальной стратификации в истории России [4, с. 63–117], обращаю внимание на мнения некоторых современных отечественных исследователей. Отмечу, что не все историки, специализирующиеся на изучении XVI–XVII вв. однозначно придерживаются сословной парадигмы. В качестве примера приведу мнение В.Б. Перхавко. Он отметил, что «московские служебные чины (ранги) обозначали предсословные группы, позднее, в XVIII в., слившиеся в сословия» и подчеркнул, что «с историко-терминологической точки зрения политический строй Московского царства середины XVI – середины XVII в. правильнее характеризовать как чиновно-представительная, а не сословно-представительная монархия» [24, с. 73]. А.Б. Каменский полагает, что термин «сословие» вряд ли адекватно отражает особенности социальной стратификации допетровского периода России и «скорее является ложно ориентирующим», так как «привносит в понимание статуса различных социальных групп отсутствовавшие в реальности черты». Важно и другое его замечание, о том, что Соборное

¹³ ГБУТО ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 908. Л. 1–6об.

Уложение 1649 г. определяло «главным образом запреты и ограничения, в лучшем случае обязанности, но никак не права и привилегии» [15, с. 28]. Оно имеет принципиальное значение, вне зависимости от того, какого подхода придерживается исследователь – нормативного (используя «сословие» как аналитическую категорию, социологический конструкт) или позитивного (когда в качестве «сословий» рассматриваются только те социальные группы, которые так называются в источниках) [подробно об этих подходах: 4, с. 660–663]. Следует признать, что выстраивание юридической связи с государством на основе принадлежности к определенной социальной страте в XVII в. находилось в стадии формирования, а к сословию, с точки зрения нормативного подхода, ближе всего была категория «служилых людей», хотя и весьма пестрая по составу.

Положения Соборного Уложения, адресованные «иноземцам», «татарам» и «ясачным людям» [25, с. 41, 71, 80, 81, 129, 133, 137], формулировались с опорой на практику и предшествовавшие указы, касавшиеся поволжских народов и так называемых «выезжих» служилых иноземцев. «Сибирский след» здесь фиксируется только в одном случае – запрете в Астрахани и Сибири покупки, принудительного крещения и вывоза «татар и татарченков» оттуда «на Русь». Более общий генезис и соответствующее значение имели, возможно, лишь положения, касавшиеся новокрещенных «иноземцев» и присяг по взаимным искам русских и «иноземцев». В этом смысле Уложение на самом деле практически «не заметило» туземное население Сибири. Действие его отдельных норм постепенно распространялось на сибирских автохтонов в силу возникающих прецедентов в практике управления регионом посредством грамот и указов по конкретному делу. Характерно, что в отличие от наказов воеводам Среднего Поволжья, в статьях наказов сибирским воеводам второй половины XVII в., касавшихся ясачного населения, ссылки на нормы Соборного Уложения не встречаются. Об этом свидетельствует, к примеру, сравнение содержания казанского и тобольского наказов 1697 г. [26, с. 284–287, 335–375].

Вряд ли можно утверждать, что Уложение, установив лишь некоторые обязанности (а не права) «ясачных людей», формировало соответствующую корпорацию/ сословие. Это же относится и к воеводским наказам. Замечу, что в них, как и в Уложении, туземцы обозначаются несколькими терминами, имеющими этнонимическое, конфессиональное, фискально-податное значение. Это допускало одновременное существование разных классификационных критериев и самих классификаций. Следует согласиться с мнением о том, что монархия XVII в. «как бы следовала пластике» сложившейся структуры, «лишь фиксируя с помощью соответствующих нормативно-законодательных распоряжений ту удивительную вариативность социальных страт и связей, которая досталась им от предшественников» [4, с. 654]. Шерти не определяли прав ясачных поданных, а апеллирующее к шерти жалованное слово только в самом общем виде декларировало их право проживать на государственной земле и заниматься свойственными им занятиями. Скорее это была формулировка условий подданства и некоторых гарантий, позволявших обеспечить уплату дани-ясака.

В качестве аргумента в пользу существования сословия ясачных приводятся факты (для Сибири единичные, зафиксированные в конце XVII в. в

двух её западных уездах) перевода в число плательщиков ясака русских, завладевших ясачными землями. Но это, скорее, предмет для изучения эволюции ясака, чем доказательство существования упомянутого сословия. Г.Х. Самигулов указывает на два примера перехода в ясачные из якобы русских людей по Верхотурскому уезду в начале и второй половине XVII в. [33, с. 350–351]. Анализ содержания соответствующих цитат не позволяет признать эти примеры корректными. Отнесение к русским или крещеным на основании одних имен и прозвищ крайне неосмотрительно, как и констатация на этом допущении зачисления русских или «новокрещен» в ясачный оклад. Фигурирующее в источнике имя Богдан в церковном православном календаре не значит. Более того, говорится, что «сотник Богдашка Орлик» был вместе со своей сотней приведен Даниилом Шавковым «по их вере к шерти» (!), аналогичное шертование упоминается и в случае с Ивашкой Миткиным и его ясачными людьми. Невозможно представить шертующего по языческой или мусульманской вере русского или новокрещенного человека. Русский/православный приступал к присяге на верность исключительно в форме крестоцелования. По всей видимости, эти лица, получившие в силу частых контактов с русскими соответствующие имена, были «вогульской породы», а не «русскими ясачными».

Учитывая всё выше сказанное, вести речь о чётком определении социально-правового статуса ясачных и, тем более, о формировании некоего сословия «ясачных людей» в XVII в. – нет достаточных оснований. За этим обозначением скрывалась разнородная масса индигенного населения от Волги до восточносибирских фронтиров, имевшая региональные и локальные отличия: в подконтрольности государственным институтам и степени интеграции в российское политическое и экономическое пространство; в нормах и формах ясачного обложения и практике взимания податей; в административно-территориальном устройстве и организации управления; в компетенциях и полномочиях автохтонной элиты, осуществлявшей взаимодействие местных сообществ с русской властью.

Маркировка разношерстной массы плательщиков ясака общей терминологической рамкой была обусловлена стремлением к «созданию относительно простой и функционально понятной социальной структуры» [4, с. 654], фиксацией некоторых очевидных отличий от остальных категорий населения. В этой связи примечательно, что в Соборном Уложении [25, с. 41, 71, 80, 81, 129, 137] и «ясачные люди», и «иноземцы» противопоставляются «всяких чинов русским людям», на что также обратил внимание М.А. Киселев [4, с. 129]. Такое противопоставление прослеживается и в текстах воеводских наказов¹⁴. При этом «ясачные иноземцы»/«ясачные люди» не определялись через понятие «чин». Именно это имеется ввиду, когда я говорю, что данные социальные группы оказывались вне рамок чиновного деления, принятого в Русском государстве XVII в.

Выводы

Приведение в русское подданство автохтонных сообществ и укрепление их в нём следует рассматривать как длительный исторический процесс.

¹⁴ См. тобольские наказы начала XVII в.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 9–15об., 48об.–57 и наказы якутскому и тобольскому воеводам второй половины XVII в. [1, с. 450–454; 10, с. 346–347].

Представление о подданстве как специфическом правоотношении, связи с монархом и принадлежности к населению страны, в которой он правит, складывается в Московском государстве к рубежу XVI–XVII вв. Это происходило в условиях непрерывного территориального роста и включения в политическую орбиту Москвы большого числа «иноверцев», «чужеземцев». Вырабатываются механизмы их инкорпорации, главными из которых были принятие крещения и принесение присяги/шерти. Светские и церковные власти формулируют терминологию для обозначения отличия этих новых групп подданных от природных «истинно православных» жителей.

При расширении России на восток термин «иноземцы», соединяя в себе качества политонима, соционима и конфессионима, выполнял функцию максимально обобщенного представления и обозначения автохтонных социумов, с которыми столкнулись русские в Поволжье и за Уралом. «Ясачные» – выступало обобщающим термином второго порядка, конкретизируя положение массы «черных», тяглых людей. В практике их применения, в соотношении и взаимном дополнении проявлялись региональные особенности процесса инкорпорации индигенного населения и специфика взаимодействия с ним. Закрепление и длительное существование «иноземческого» дискурса применительно к сибирским народам было обусловлено: значительной удаленностью территорий их обитания, к началу XVII в. мало знакомых русским или полностью неизведанных; продолжавшимся и после падения Сибирского ханства сопротивлением со стороны Кучумовичей, вовлекавшем в свою орбиту тюрков и угров Урала и Западной Сибири; периодически и повсеместно возникавшими «шатостями» и «изменами» ясачного населения; приверженностью автохтонов языческим культам и исламу при незначительном числе крещенных из них до начала массовой христианизации.

Важную роль в процессе интеграции народов Урала и Сибири в состав России играли основанные на обмене дарами реципрокные и иерархические отношения. В клаузуле «жаловального слова» нашел отражение сибирский вариант модели управления населением окраин через связи взаимного обмена (reciprocity). В. Кивельсон и Р. Суни интерпретируют их посредством «метафоры “взаимности”», трактуя как обоюдные уступки власти и подданных [44, р. 6].

Предложенная Г.Х. Самигуловым градация ясачного населения по трем категориям [33, с. 342, 362–364], на мой взгляд, не является бесспорной и вполне оригинальной. Во-первых, не реализованы последовательно единые критерии при определении этих категорий. Во-вторых, приведенная им социально-экономическая характеристика ясачных Поволжья была дана еще советскими исследователями 1920–50-х гг. В-третьих, попытка обосновать значительные отличия в правовом и податном положении ясачных Урала и юго-запада Сибири от ясачных туземцев севера и северо-востока Сибири не представляется убедительной. При этом отсылки к неразвитой социальной структуре одних этно-территориальных групп и опыту существования других в рамках постордынских государств [33, с. 342] имеют весьма неопределенный характер и мало что дают для объяснения реалий ясачного подданства и сбора ясака в Сибири конца XVI – начала XVIII вв.

Проведенный анализ источников, с учетом работ предшественников, позволил выявить следующие существенные отличия между ясачными Поволжья и Сибири (включая Средний Урал):

- социо-политоним «иноземцы» и производная от него лексика активно применялись с 1620-х гг. до половины XVIII в. ко всем группам автохтонов от Верхотурского уезда до Восточной Сибири включительно, в то время как в отношении ясачных Поволжья употребление этой терминологии сходит на нет уже в XVII в.;

- в Сибири до начала XVIII в. было актуальным символическое возобновление шерти (присяги на верность) посредством жалованного слова при каждой смене воевод, в Поволжье этого не прослеживается;

- дарообмен в виде подарков, угощений («корма») и ответной «поминой» и «поклонной рухляди», с момента вступления в подданство туземцев и в дальнейшем при сборе с них ясака, повсеместно существовал в Сибири, для Поволжья такая практика в XVII в. не была характерна;

- ясак у всех групп туземного населения от Урала до Тихого океана в той или иной мере сохранял до начала XVIII в. черты дани, тогда как в Поволжье он уже к XVII в. представлял собою ренту/налог.

Указанные отличия и локальные особенности ясачного населения внутри каждого из названных макрорегионов наряду с нечеткостью определения его статуса нормативно-правовыми актами не дают оснований говорить о «ясачных людях» в России XVII в. как о сословии. Социально-правовое положение этой специфической части подданных в рассматриваемый период требует дальнейшего изучения и теоретической разработки. Представляется актуальным и перспективным исследование того, как опыт интеграции народов Поволжского региона и управления ими учитывался в ходе русского присвоения территорий к востоку от Урала и приведения в подданство проживавших там «иноземцев».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV. СПб., 1842. 599 с.
2. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII веке. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1927. 35 с.
3. Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.
4. Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования / под ред. Д.А. Редина. СПб.: Алетей, 2018. 722 с.
5. Девис Н.З. Дары, рынок и исторические перемены: Франция, век XVI // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 193–203.
6. Дмитриев В.Д. О ясачном обложении в Среднем Поволжье // Вопросы истории. 1956. № 12. С. 107–115.
7. Дмитриев В.Д. «Царские» наказы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР. Вып. 3. Чебоксары, 1974. С. 284–418.
8. Дмитриев В.Д. Наказ царя Михаила Федоровича царевкокшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 г. на управление городом и уездом // Марийский археографический вестник. 1992. № 2. С. 62–71.

9. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
10. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. IV. СПб., 1851. 445 с.
11. Зуев А.С., Игнаткин П.С. «Иноземцы» – «свои» и «иные»: понятийно-терминологическая классификация социально-политического статуса сибирских аборигенов в Московском государстве (конец XVI – начало XVIII века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т.15, № 8: История. С. 67–85.
12. Зуев А.С., Слугина, В.А. «Служите мне государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичю». Русская присяга и шертовальная запись середины XVII в. // Исторический архив. 2011. № 2. С. 183–189.
13. Игнаткин П.С. Собиранно-обобщающие названия аборигенов Сибири в русском коммуникативном пространстве XVI–XVII вв. // Исторический ежегодник: Сб. науч. статей. Новосибирск: Параллель, 2013. Вып. 7. С. 151–168.
14. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Л.: Наука, 1968. 538 с.
15. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2010. 575 с.
16. Конев А.Ю. Колониальный дискурс имперских классификаций: историки о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6(44). Ч. I. С. 81–86.
17. Конев А.Ю. Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 43–56.
18. Копылов А.Н. К вопросу о принципе ясачного обложения и порядке сбора ясака в Сибири (по материалам Томского уезда первой трети XVIII в.) // Известия СО АН СССР. 1969. № 1. Серия: общественные науки. Вып. 1. С. 58–72.
19. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.
20. Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.
21. Окладная книга Сибири 1697 года / подг. текста к публ. В.Э. Булатов, Е.В. Неберекутина. М.: Исторический музей, 2015. 296 с.
22. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 348 с.
23. Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск: Красноярский государственный педагогический институт, 1974. 238 с.
24. Перхавко В.Б. Представления об устройстве общества в средневековой России // 1150 лет российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященному Году российской истории. М.: Наука, 2012. С. 69–75.
25. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. I. СПб., 1830. 1075 с.
26. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. III. СПб., 1830. 692 с.
27. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VI. СПб., 1830. 815 с.
28. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VII. СПб., 1830. 922 с.

29. Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1882. 214 с.
30. Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: «Русская панорама», 2011. 880 с.
31. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Том 2. СПб., 1875. 656 стб.
32. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Том 8. СПб., 1884. 1292 стб.
33. *Самигулов Г.Х.* Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен – практические размышления о теории // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 342–369. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.342-369
34. *Слѣзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авторизованный перевод. с англ. О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
35. *Слугина В.А.* Правовое оформление российского подданства сибирских народов в XVI–XVII вв.: Шертовальные записи и процедура шертования. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 27 с.
36. *Татищев В.Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Ч.3. СПб., 1793. 217 с.
37. *Тишков В.А., Трепавлов В.В.* Синтез народов и культур в Российском государстве (восточное направление колонизации в XV–XVIII веках) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 580–599.
38. *Трепавлов В.В.* «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 155–163.
39. *Шаблей П.* Подданство в Азиатской России: исторический смысл и политико-правовая концептуализация // Вестник Евразии. 2008. № 3. С. 99–122.
40. *Шауро И.Г.* Возникновение и развитие института подданства в России в XVI – начале XX вв. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2013. 27 с.
41. *Шунков В.И.* Ясачные люди в Западной Сибири XVII в. // Советская Азия. 1930. № 3–4. С. 184–197; № 5–6. С. 261–271.
42. *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946. 228 с.
43. *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington and Indianapolis, 2002. 290 p.
44. *Kivelson V.A., Suny R.G.* Russia's Empires. New York, Oxford: Oxford University Press, 2017. 420 p.
45. *Ssorin-Chaikov N.* The Social Life of the State in Subarctic Siberia. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003. 280 p.

Сведения об авторе: Алексей Юрьевич Конев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (625000, ул. Малыгина, 86, Тюмень, Российская Федерация); старший научный сотрудник НОЦ «Наследие» ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (630090, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9844-9599>, ResearcherID: Q-4887-2017. E-mail: aldimoks@mail.ru

Поступила 18.09.2019 Принята к публикации 27.11.2019

Опубликована 29.12.2019

REFERENCES

1. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiei* [Historical Acts Collected and Published by Archaeographic Commission]. Vol. IV. St. Petersburg, 1842. 599 p. (In Russian)
2. Bakhrushin S.V. *Yasak v Sibiri v XVII veke* [Yasak in Siberia in the 17th century]. Novosibirsk: Sibkraiizdat Publ., 1927. 35 p. (In Russian)
3. Vershinin E.V. *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri v konets XVI–XVII vv.* [Russian Colonization of the North-Western Siberia in the end of the 16th–17th centuries]. Ekaterinburg: Demidovskii institute Publ., 2018. 504 p. (In Russian)
4. *Granicy i markery social'noj stratifikatsii v Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniya* [Boundaries and Markers of Social Stratification in 17th–20th century Russia: Vectors of Research]. D.A. Redin (ed.). St. Petersburg: Aletejya Publ., 2018. 722 p. (In Russian)
5. Devis N.Z. Dary, rynek i istoricheskie peremeny: Frantsiya, vek XVI [Gifts, market and historical changes: France, 16th century]. *Odissei. Chelovek v istorii=Odysseus. Man in history*. 1992. Moscow, 1994. pp. 193–203. (In Russian)
6. Dmitriev V.D. O yasachnom oblozhenii v Srednem Povolzh'e [On the imposition of yasak in the Middle Volga Region]. *Voprosy istorii =Questions of History*. 1956, no. 12, pp. 107–115. (In Russian)
7. Dmitriev V.D. «Tsarskie» nakazy kazanskim vоеvodam XVII veka [Instructions of the tsar to Kazan voivodes in the 17th century]. *Istoriia i kul'tura Chuvashskoi ASSR=History and Culture of the Chuvash ASSR*. Is. 3. Cheboksary, 1974. pp. 284–418. (In Russian)
8. Dmitriev V.D. Nakaz tsaria Mikhaila Fedorovicha tsarevokokshaiskomu vоеvode V.Ya. Voronovu 1628 g. na upravlenie gorodom i uezdom [The 1628 instruction of tsar Mikhail Fedorovich to Tsaryovokokshaysk voivode V.Ya. Voronov to govern the city and the uyezd]. *Mariiskii arkheograficheskii vestnik=Mari Archeographical Herald*. 1992, no. 2, pp. 62–71. (In Russian)
9. Dolgikh B.O. *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Clan and Tribal Composition of Siberian Peoples in the 17th century]. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 622 p. (In Russian)
10. *Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym Arkheograficheskoy komissiei* [Amendments to Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission]. Vol. IV. St. Petersburg, 1851. 445 p. (In Russian)
11. Zuev A.S., Ignatkin P.S. «Inozemcy» – «svoi» i «inye»: ponyatijno-terminologicheskaya klassifikatsiya social'no-politicheskogo statusa sibirskikh aborigenov v Moskovskom gosudarstve (konets XVI – nachalo XVIII veka) [“Foreigners” – “our own” and “other”: terminological classification for social and political status of Siberian natives in the Moscow state (end of the 16th – beginning of the 18th century)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya=Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 2016. vol. 15, no. 8, pp. 67–85. (In Russian)
12. Zuev A.S., Slugina, V.A. «Sluzhite mne gosudaryu svoemu tsaryu i velikomu kniazyu Alekseyu Mikhailovichu». Russkaya prisyaga i shertoval'naya zapis' serediny XVII v. [“Serve me, as I am your sovereign, your tsar and grand duke Akeksey Mikhailovich”. Russian oath and shert letter in the middle of the 17th century]. *Istoricheskii arkhiv=Historical Archive*. Moscow, 2011, no. 2, pp. 183–189. (In Russian)

13. Ignatkin P.S. Sobiratel'no-obobshchaiushchie nazvaniya aborigenov Sibiri v russkom kommunikativnom prostranstve XVI–XVII vv. [Generic and generalized terms for the indigenous Siberian peoples in the Russian communicative space in the 16th–17th centuries]. *Istoricheskii ezhegodnik=Historical Yearbook*. Is. 7. Novosibirsk: Parallel' Publ., 2013, pp. 151–168. (In Russian)
14. *Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei*. [History of Siberia from the Ancient Times until Our Days]. Vol. 2. Leningrad: Nauka Publ., 1968. 538 p. (In Russian)
15. Kamensky A.B. *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt celostnogo analiza)* [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia of the eighteenth century (the experience of holistic analysis)]. Moscow: RGGU Publ., 2010. 575 p. (In Russian)
16. Konev A.Y. Kolonial'nyi diskurs imperskikh klassifikatsii: istoriki o termine «inozemtsy» v otnoshenii narodov Sibiri [The colonial discourse of imperial classifications: historians on the term “foreigners” regarding indigenous peoples of Siberia]. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki=Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2014, no. 6(44), pt. 1, pp. 81–86. (In Russian)
17. Konev A.Y. Dar, dan' i trgovlia: antropologiya vzaimodeistviia avtokhtonov Sibiri i russkikh v XVII–XIX vv. [Gift, tribute and trade: an anthropology of interaction between the natives of Siberia and the Russians in the 17th–19th centuries]. *Etnograficheskoe obozrenie=Ethnographic Review*. 2017, no. 1, pp. 43–56. (In Russian)
18. Kopylov A.N. K voprosu o printsipe yasachnogo oblozheniya i poryadke sbora yasaka v Sibiri (po materialam Tomskogo uezda pervoj treti XVIII v.) [To the question of principle on the imposition of yasak and the order of its collection in Siberia (based on materials of Tomsk uyezd of the first third of the 18th century)]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya: Obshchestvennye nauki=Bulletin of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Series: Social Science*. 1969, no. 1. Is. 1, pp. 58–72. (In Russian)
19. Minenko N.A. *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII – pervoj polovine XIX v.: istoriko-etnograficheskii ocherk* [North-Western Siberia in the 18th – the first half of the 19th centuries: A Historical and Ethnographic Essay]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1975. 308 p. (In Russian)
20. Mironov B.N. *Upravlenie etnicheskimi mnogoobraziem Rossiyskoy imperii* [Management of the Ethnic Diversity in the Russian Empire]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2017. 640 p. (In Russian)
21. *Okladnaya kniga Sibiri 1697 goda*. [Siberian Accountant Cadastral Book of 1697]. V.E. Bulatov, E.V. Neberekutina (eds). Moscow: Istoricheskii muzey Publ., 2015. 296 p. (In Russian)
22. Oparina T.A. *Inozemtsy v Rossii XVI–XVII vv. Ocherki istoricheskoy biografii i genealogii* [Foreigners in Russia in the 16th–17th centuries. Essays on Historical Biography and Genealogy]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2007. 384 p. (In Russian)
23. Pavlov P.N. *Promyslovaya kolonizatsiya Sibiri v XVII v.* [Hunting Colonization of Siberia in the 17th century]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical Institute Publ., 1974. (In Russian)
24. Perkhavko V.B. *Predstavleniia ob ustroistve obshchestva v srednevekovoi Rossii* [Understanding of the Social Structure in the Medieval Russia]. *1150 let rossiiskoi gosudarstvennosti i kul'tury: Materialy k Obshchemu sobraniyu Rossiiskoi akademii nauk, posviashchennomu Godu rossiiskoi istorii=1150 Years of Russian Statehood and Culture: Materials for the General Meeting of the Russian Academy of Sciences Dedicated to the Year of Russian History*. Moscow: Nauka Publ., 2012. pp. 69–75. (In Russian)
25. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of Russian Empire. The First Collection]. Vol. I. St. Petersburg, 1830. 1075 p. (In Russian)

26. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe* [Complete collection of laws of Russian Empire. Collection. No. 1]. Vol. III. St. Petersburg, 1830. 692 p. (In Russian)
27. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of Russian Empire. The First Collection]. Vol. VI. St. Petersburg, 1830. 815 p. (In Russian)
28. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of Russian Empire. The First Collection]. Vol. VII. St. Petersburg, 1830. 922 p. (In Russian)
29. *Puteshestvie chrez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granic Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 godu* [Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the Borders of China by the Russian Envoy Nikolai Spafari in 1675]. St. Petersburg, 1882. 214 p. (In Russian)
30. *Rossiyskaya imperiya: ot istokov do nachala XIX veka. Ocherki sotsial'no-politicheskoi i ekonomicheskoi istorii* [The Russian Empire: From the Origins to the beginning of the 19th century. Essays on Social, Political and Economic History]. Moscow: Russkaia panorama Publ., 2011. 880 p. (In Russian)
31. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei* [Russian Historical Library Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 2. St. Petersburg, 1875. (In Russian)
32. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissieyu* [Russian Historical Library Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 8. St. Petersburg, 1884. (In Russian)
33. Samigulov G.Kh. Yasachnye lyudi, inozemcy, yasak i daroobmen – prakticheskie razmyshleniya o teorii [Yasak people, foreigners, yasak and exchange of gifts – practical thinking about a theory]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 342–369. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.342-369 (In Russian)
34. Slezkin Yu. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, Cornell University Press, 1994. 456 p (Russian version: Slezkin Yu. *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 512 p.)
35. Slugina V.A. *Pravovoe oformlenie rossiyskogo poddanstva sibirskikh narodov v XVI–XVII vv.: Shertoval'nye zapisi i protsedura shertovaniya. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Legal Registration of the Russian Allegiance of the Siberian Peoples in the 16th–17th centuries: Shert Letters and the Shert Procedure. PhD Abstract]. Novosibirsk, 2017. 27 p. (In Russian)
36. Tatishchev V.N. *Leksikon rossiyskoy istoricheskoy, geograficheskoy, politicheskoy i grazhdanskoy*. Part 3 [Russian Historical, Geographical, Political and Civil dictionary. Part 3]. St. Petersburg, 1793. 217 p. (In Russian)
37. Tishkov V.A., Trepavlov V.V. *Sintez narodov i kul'tur v Rossiyskom gosudarstve (vostochnoe napravlenie kolonizatsii v XV–XVIII vekakh)* [Synthesis of peoples and cultures in the Russian state (Eastern Colonization in the 15th–18th centuries)]. *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii: K 70-letiiu akademika A.P. Derevyanko=Basic Issues in Archaeology, Anthropology and Ethnography of Eurasia: On the Occasion of the A. Derevyanko's 70th birthday*. Novosibirsk: Institut arheologii i jetnografii Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk Publ., 2013. pp. 580–599. (In Russian)
38. Trepavlov V.V. «Dobrovol'noe vkhozhdenie v sostav Rossii»: torzhestvennye iubilei i istoricheskaya deistvitel'nost' [“Voluntary accession to Russia”: solemn anniversaries and historical reality]. *Voprosy istorii=Questions of History*. 2007, no. 11, pp. 155–163. (In Russian)
39. Shabley P. *Poddanstvo v Aziatskoj Rossii: istoricheskiy smysl i politiko-pravovaya kontseptualizatsiia* [Patriality in Asian Russia: historical implication and political and legal conceptualization]. *Vestnik Evrazii=Acta Eurasica*. 2008, no. 3, pp. 99–122. (In Russian)

40. Shauro I.G. *Vozniknovenie i razvitie instituta poddanstva v Rossii v XVI – nachale XX vv. Avtoref. ... diss. kand. iur. nauk* [Formation and Development of Allegiance in Russia in the 16th – beginning of the 20th centuries. PhD Abstract]. Moscow, 2013. 27 p. (In Russian)
41. Shunkov V.I. Yasachnye liudi v Zapadnoy Sibiri XVII v. [Yasak people in Western Siberia in the 17th century]. *Sovetskaya Aziya = Soviet Asia*. 1930, no. 3–4, pp. 184–197; no. 5–6, pp. 261–271. (In Russian)
42. Shunkov V.I. *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVII–nachale XVIII vekov* [Essays on the History of Colonization of Siberia in the 17th – beginning of the 18th centuries]. Moscow–Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1946. 228 p. (In Russian)
43. Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington and Indianapolis, 2002. 290 p.
44. Kivelson V.A., Suny R.G. *Russia's Empires*. New York, Oxford: Oxford University Press, 2017. 420 p.
45. Ssorin-Chaikov N. *The Social Life of the State in Subarctic Siberia*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003. 280 p.

About the author: Aleksey Yu. Konev – Cand. Sci. (History), Leading Researcher Fellow of the Federal Research Center Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (86, Malygin Str., Tyumen 625000, Russian Federation); Senior Researcher Fellow of the Scientific and Educational Center “Legacy”, Novosibirsk State University (2, Pirogov Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9844-9599>, ResearcherID: Q-4887-2017. E-mail: aldimoks@mail.ru

*Received September 18, 2019 Accepted for publication November 27, 2019
Published December 29, 2019*

**«РАСПРАВА» НАД ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ» В СЕРЕДИНЕ XX в.:
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ТАТАРСКОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ
В СВЕТЕ АВГУСТОВСКОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ 1944 г.**

А.Г. Галлямова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
alfiya1955@gmail.com*

Цель: изучить значение постановления ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» для развития татарской исторической мысли и культуры в постсоветской историографии.

Материалы исследования: документы из федеральных и республиканских архивов, научные публикации по теме статьи.

Результаты и научная новизна: анализ историографии истории средних веков в Татарской АССР, деятельности специалистов по Золотой Орде показывает, что в постсоветской историографии значение августовского (1944 г.) Постановления на развитие татарской гуманитаристики преувеличено. Официозные попытки канализировать ход ее развития носили во многом характер парадной формальной риторики. В среде татарской интеллигенции научный дискурс сохранялся даже в период позднего сталинизма, не говоря уже о периоде «оттепели». Об этом убедительно свидетельствуют развернувшаяся в начале 1950-х гг. дискуссия на страницах журнала «Вопросы истории», достижения М.Г. Сафаргалиева Ш.Ф. Мухамедьярова, М.А. Усманова, А.Г. Мухамедиева в области изучения золотоордынской проблематики. Наряду с оппортунистическими проявлениями творческая среда демонстрировала наличие глубоко укорененных идей и представлений, выходящих за рамки идеологических предписаний. Но деятельность ученых-гуманитариев носила во многом камерный характер, не имела широкого выхода к публике. Массовое сознание формировалось московскими учебниками, которые выпускались миллионными тиражами. В них средневековая история татар представала в виде зловещего ига, абсолютного зла. В этой связи эффективность влияния августовского (1944 г.) постановления следует связывать не столько с процессом развития гуманитарных наук, сколько с формированием стереотипов в общественном сознании, в котором оценка Золотой Орды носила негативный характер.

Ключевые слова: Татарстан, татары, советская национальная политика, коммунистическая идеология, татарская история, Золотая Орда, Постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г.

Для цитирования: Галлямова А.Г. «Расправа» над Золотой Ордой» в середине XX в.: Идеологический дискурс в татарской медиевистике в свете августовского Постановления 1944 г. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 784–797. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797

**“REPRISAL” FOR THE GOLDEN HORDE IN THE MID-TWENTIETH
CENTURY: THE IDEOLOGICAL DISCOURSE IN TATAR MEDIEVAL
STUDIES IN THE LIGHT OF THE DECREE OF AUGUST 1944**

A.G. Gallyamova

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
alfiya1955@gmail.com*

Abstract: *Objective:* To reflect on the increasing significance of the decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of August 9, 1944 “About the Condition and Measures of Improving Mass-Political and Ideological Work in the Tatar Party Organization” for the development of Tatar history and culture.

Research materials: This article is based on the documents from federal and republican archives, along with academic publications on the subject.

Results and novelty of the research: The analysis of the development of the historiography of the Middle Ages in the Tatar ASSR and the work of Golden Horde specialists demonstrates that in post-Soviet historiography, the significance of the August 1944 Decree for the development of Tatar humanities is exaggerated. The official attempts to channel the development of the Tatar historical school were, in many respects, of the nature of formal rhetoric. Among the Tatar intelligentsia, academic discourse persisted even during the period of late Stalinism, not to mention the period of the “thaw”. This was convincingly evidenced by the unfolding in the early 1950s of the discussion taking place in the pages of the journal “Voprosy istorii” (Questions of History), and the achievements of M.G. Safargaliev, Sh.F. Mukhamedyarov, M.A. Usmanov, and A.G. Mukhamadiev in the study of Golden Horde issues. However, the work of humanities scholars was of the nature of a chamber, and it did not have a wide outreach to the public. Mass consciousness was formed by Moscow-produced textbooks, which were printed in millions of copies. The medieval history of the Tatars was presented in the form of an ominous yoke, an absolute evil. In this regard, the effectiveness of the influence of the August 1944 Decree should be associated not so much with the development of the humanities as with the formation of stereotypes in the public consciousness, in which the assessment of the Golden Horde was a negative one.

Keywords: Tatarstan, Tatars, Soviet national policy, history of the Tatars, Golden Horde, Communist ideology, Decree of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of August 9, 1944

For citation: Gallyamova A.G. “Reprisal” for the Golden Horde in the mid-twentieth century: The Ideological Discourse in Tatar Medieval Studies in the Light of the Decree of August 1944. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 784–797. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797

9 августа 2019 г. исполнилось 75 лет со дня принятия Постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». Эта дата является вполне уместным поводом для обсуждения историографической ситуации в историософии и культурогенезе татарского народа вообще и истории изучения Золотой Орды, в частности.

Конечно к сегодняшнему дню история изучения средневековой эпохи Татарстана получила достаточно серьезное освещение в научном континууме [1–6, 8–21, 25–29, 33–38]. Но, на мой взгляд, оно носит несколько однобокий

характер. Оценка августовского (1944 г.) Постановления в постсоветскую эпоху, когда начался активный, закономерный после господства коммунистической моноидеологии процесс критики советского этапа историографии, несколько преувеличена.

Анализ проделанной в 1950–1980-е гг. татарскими историками работы показывает, что расправы (я не случайно взяла это слово в названии статьи в кавычки) над Золотой Ордой не получилось. Официозные попытки канализировать развитие татарской научной исторической школы оказались, по моему мнению, тщетными. В этой связи можно даже провести некую параллель в судьбе Золотой Орды и рассматриваемого документа. Как в русской, а затем в российской и, наконец, советской историографии значение самой Золотой Орды, как тормозящего фактора в судьбе России, завышено и, более того, искажено, так и роль постановления 1944 г. в изучении ее истории отражена не вполне адекватно и противоречиво.

В этой связи обратимся к наиболее солидному, на сегодняшний день, научному изданию по истории Золотой Орды: III тому семитомного издания Истории татар с древнейших времен [13]. Во вступительной части его, содержащей характеристику историографической ситуации, говорится: «В Татарстане история Золотой Орды была фактически поставлена под прямой запрет и практически на три десятилетия вообще были заморожены любые исследования в этом направлении» [13, с. 29]. «Но как же заморожены? – напрашивается вопрос, – если через три страницы в этом же тексте авторы перечисляют труды Шамиля Фатыховича Мухамедьярова, Миркасыма Абдулахатовича Усманова, Азгара Гатаулловича Мухамадиева, явившиеся результатом их серьезных изысканий в 1950–1970-е гг. При этом к тому же здесь говорится, что выше названными учеными не отрицалась, а «подчеркивалась важная роль золотоордынского периода в истории татар» [13, с. 32].

Предвидя упреки оппонентов в том, что я и сама, оценивая идеологические условия деятельности татарской творческой интеллигенции в послевоенную эпоху, пусть и не столь категорично, как в приведенной мною цитате из III тома, но в том же паттерне писала: «Документ на десятилетия определил установки в области национальной политики для местных властей, перекрыл пути объективного изучения истории татарского народа» [6, с. 275]. А дальше ход моих рассуждений шел в русле противопоставленности двух позиций: принятие и реализация властных директив, с одной стороны, и жертвенная позиция интеллигенции, с другой [2, с. 147–154; 4, с. 335–346]. В свое оправдание могу, конечно, упомянуть, что наряду с обусловленными политическими факторами потерями в татарской культуре в 1950–1980-е гг. этногенетического характера, освещала и имевшиеся с точки зрения социо-, морфо-, формогенеза достижения [2, с. 204–216; 4, с. 335–346].

Безусловно, принятие августовского (1944 г.) Постановления, можно рассматривать как поворотную веху в обозначении процесса завершения этапа ревальвации национальной духовной сокровищницы, наметившегося в конце 1930-х гг. Здесь я имею в виду учреждение крупных национальных институций, свидетельствовавших о появлении и расширении возможностей для развития высокой культуры татар. Как известно, в этот период были открыты Татарская Государственная филармония, Татарский Государственный театр оперы и бале-

та, создан Государственный татарский ансамбль песни и пляски. Конечно, в основном эти учреждения являлись полем тихой мирной «развлекаловки» с национальной окраской. Но нельзя игнорировать факт учреждения в 1939 г. Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, ставший важнейшим событием в развитии татарской гуманитаристики.

В годы Второй мировой войны процесс валоризации национальных культурных ценностей, пусть ситуативно, но даже усилился и развился на новом более высоком уровне. В этот экстремальный для государства период идеологический ригоризм в культурной политике вообще был отброшен: все средства были хороши для поднятия духа сражавшихся народов. Как справедливо пишет А.Ш. Кабирова: «С официального разрешения партийно-советских органов страны для усиления патриотического начала и подъема национального духа татарского народа стало возможно обращение к давно «закрытым», но бережно сохранным в этнической сокровищнице сюжетам героического прошлого... Татарская интеллигенция, «вспомнив» о времени существования могущественных средневековых татарских государств, обратилась к истории Золотой Орды, Казанского ханства, возродила образы Идгея и других национальных героев, отважно сражавшихся с врагами против захватчиков» [22, с. 180]

И все же, возвращаясь к значению Постановления, как судьбоносного документа, хочу остановиться на том, что оно не было чем-то великим и могучим по отношению к татароведению, каннибалистским в отношении его акторов и не превратило татарскую медиевистику в выжженную землю.

В этой связи я хочу остановиться на прецеденте открытой конфронтации в среде татарской интеллигенции, шедшей в разрез с установками августовского (1944 г.) Постановления и череды последовавших после него директив и резолюций республиканского уровня. Как известно, в республике состоялись организованные на основе указаний ЦК ВКП(б) мероприятия в сентябре, октябре 1944 г., феврале 1945 г., направленные на желание властей «ввести в жесткие рамки официальных догм, прежде всего, научную и художественную интеллигенцию» [3, с. 447], генерирование в ней своеобразной презумпции виновности за так называемые националистические взгляды.

Однако, многие представители татарской творческой элиты имели против этого своего рода иммунитет, во многом благодаря тому, что их мировоззрение сложилось еще в стенах медресе, до господства тоталитарного единомыслия. Они не стремились уподобляться первым ученикам из фильма Марка Захарова «Убить дракона», оправдывавшим свою беспринципную сервильность неотвратимостью обстоятельств вербовки всесильной драконовской системой. Были среди гуманитариев свои Ланцелоты, которые противостояли «дракониаде», отстаивая свое собственное поле научного творчества, сопротивляясь его идеологическому окаймлению.

В 1951 г. в одном из самых ведущих советских изданий исторической периодики – «Вопросах истории» – вышла статья Магомеда Гарифовича Сафаргалиева с критикой готовившейся к публикации коллективной монографии «История Татарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» [31]. Принципиальное возражение вызвали у него как раз отрицание роли золотоордынского компонента в формировании татарского этноса, булгарская теория происхождения татар.

Вслед за этой статьей в редакцию «Вопросов истории» написали Николай Иосифович Воробьев, Николай Филиппович Калинин и Хайри Гимади. Проявление такой дружной одновременной реакции наталкивает на мысль о ее заказном характере и говорит о том, что идеологическая машина в соответствии с рецепцией августовского (1944 г.) Постановления работала. Причем, на первый взгляд, действовала весьма эффективно, если учесть, что еще в 1949 г. Н.И. Калинин наряду с другими видными историками Борисом Дмитриевичем Грековым, Алексеем Петровичем Смирновым, Евгением Ивановичем Чернышевым, был обвинен в «недостаточной приверженности марксистско-ленинской идеологии, в объективистском подходе к освещению истории, переоценке влияния мусульманского Востока и недооценке влияния Руси в этногенезе татар» [3, с. 448]. Иными словами, через два года он сумел «усвоить» идеологические уроки и написать то, что ждали от него власти.

Здесь уместно коснуться вопроса о степени последовательности официальных инстанций, об их компетентности в теоретических вопросах истории. Содержание обнаруженных мною в Центральном Государственном архиве социально-политической документации РТ черновых набросков (1949 г.) в связи с подготовкой постановления Татарского обкома ВКП(б) по сборнику статей «Происхождение казанских татар» свидетельствует о сумятице, путанице в обвинительных трактовках, обусловленной тем, что сами контролеры имели весьма зыбкое представление об очертаниях идеологически конвенционального русла. Так, в них, в частности, отмечалось: «Авторы сборника, желая доказать, что татары – это не чингизиды, встали на путь отрицания какого-либо влияния монгольского нашествия на формирование татар»¹. По сути дела, в готовящемся проекте документа первоначально формулировались критические замечания в отношении господствовавшего в верхах булгаристского тренда в теории происхождения татар.

Возвращаясь к дискуссии на страницах «Вопросов истории», отметим, что редакция, исходя из того, что «все три автора стоят на одинаковых позициях» [31, с. 12], выражавшаяся в принципиальном несогласии с точкой зрения Сафаргалиева, приняла решение опубликовать именно статью Гимади. Можно предположить, что не последнюю роль здесь сыграла его национальная принадлежность. Здесь уместно вспомнить, что принятие августовского (1944 г.) Постановления совпало со временем вступления на пост Первого секретаря Татарского обкома ВКП(б) первого татарина Зиннэта Ибетовича Муратова. Именно ему пришлось возглавить работу по реализации идеологической чистки в сфере татарской культуры. Это подводит к достаточно очевидному выводу о неслучайном политико-технологическом характере решений в национальном вопросе, а именно стратегии разъедания нации изнутри.

А теперь я бы хотела вернуться к одной из главной мысли данной статьи: констатации завышенной в постсоветской историографии оценки роли Постановления в развитии высокой культуры татарского народа. На мой сегодняшний взгляд, оно не только не сформировало жесткий идеологический каркас, стиснувший творческую деятельность национальной интеллигенции, а в определенной степени придало энергетический импульс интеллектуаль-

¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 283.

ному дискурсу, породив два основных направления в историософской трактовке Улуса Джучи и этногенеза татар.

Золотоордынский компонент был актуализирован в период демократического потепления на этапе разоблачения культа личности Сталина, т.е. через примерно 10 лет после принятия Постановления, что никак не подкрепляет постулата о замораживании темы Золотой Орды. В этой связи уместно вспомнить о получившем в научных кругах заметный резонанс выступлении А.П. Смирнова на проходившей в 1956 г. в Казани конференции по археологии, где он поставил вопрос ребром о необходимости реабилитации истории Золотой Орды. Ученый заявил: «За последние годы изучение истории Золотой Орды зашло в тупик. Во всех исторических работах учитывается только разгром, только тяжелый гнет золотоордынской знати, только отрицательная сторона ее политики. Благодаря этому мы получаем одностороннюю картину» [28].

Подтверждением того, что такая позиция стала руководством к действию, свидетельствуют плодотворные поиски и наработки специалистов по средневековой истории татар, шедшие в разрез с официальным концептом трактовки национальной истории. Причем исследователи не встречали серьезных препятствий со стороны ревнителей буквы и духа печально известного Постановления.

Активный приверженец важности золотоордынского компонента в ретроспекции татар, М. Сафаргалиев успешно работал над исследованием истории могущественного средневекового татарского государства, сумев в 1960 г. издать труд «Распад Золотой Орды». Его труд нашел и официальное признание и был отмечен орденом «Знак почета» [32, с. 253].

Видный татарский историк М.А. Усманов также много и продуктивно работал по изучению документов, проливающих свет на общественно-политический строй Золотой Орды. Широкое признание получил его труд «Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв.», опубликованный в 1979 г. Научные достижения этого специалиста по Золотой Орде были отмечены званием «Заслуженный деятель науки» (1984 г.).

Запрет и табу на изучение золотоордынской проблематики, к примеру, входившей в нее истории жизнедеятельности такого эпического исполина, как Идегей, не пугали писателей. В январе 1958 г. на совещании с руководителями Татарского обкома КПСС Салих Баттал, Шайхи Маннур и другие представители творческой интеллигенции громко заявили о важности места Идегея в исторической памяти татарского народа, а также о необходимости дезавуировать некоторые другие оценки истории и культурного наследия татарского народа, исходившие из августовского (1944 г.) постановления ЦК ВКП (б), [4, с. 363]. За пределами моей компетенции лежит профессиональный анализ развития научных школ филологии, фольклористики, археографии, искусствоведения. Но судя по тому, что в этих областях научного гуманитарного знания в 1960–1970-е гг. выходили фундаментальные издания, охватывавшие весь хронологический срез, в них так или иначе отражалась и золотоордынская проблематика. Хотя, как отмечал Д.М. Исхаков, в многотомнике «Татарское народное творчество» эпос «Идегей» не был издан [16, с. 94].

Конечно, дореволюционная проблематика вызывала настороженное отношение со стороны властей. Как я уже писала, в одной из справок КГБ (1960 г.) со скрупулезной точностью указывались количество и перечень

произведений, которые изучали студенты историко-филологического факультета КГУ при подготовке своих дипломных работ по досоветской истории. Так, в списке студентов фигурировали имена впоследствии известных в республике ученых Р. Нафигова, А. Каримуллина, Х. Курбатова. [4, с. 381]. Этот документ прямо свидетельствует о тщательной слежке за ними со стороны соответствующих органов. Все это не могло не сказаться на предпочтениях при выборе направления исследований среди татарских историков. В фаворе были позитивистская ретроспекция социалистического строительства, деятельности Коммунистической партии, советской национальной политики, лениниана.

Развивавшаяся вне политически ангажированного мейнстрима, татарская гуманитаристика тем не менее имела свою нишу, которую, она, кстати говоря, не вполне эффективно использовала. Как свидетельствуют факты, изложенные в публикациях Р.Б. Хаплехамитова [38, с. 92] и С. Липкина [26, с. 42], в республике не нашлось достаточных сил для использования благоприятных возможностей возвращения в социокультурное пространство народного эпоса «Идегей», хотя в 1957–1958 гг. московский востоковед Эмир Наджип и ученые Института мировой литературы им. Горького готовы были оказать в этом вопросе свою мощную поддержку [4, с. 360].

В связи с освещением роли августовского (1944 г.) Постановления в развитии татарской культуры, хочу обратить внимание на то, что в постсоветской историографии она трактуется только с точки зрения взаимоотношений власти и интеллигенции. Это вполне объяснимо, поскольку по сути документ представляет государственную программу реализации национальной культурно-идеологической политики.

Но я бы хотела остановиться еще на двух почти не раскрытых или едва освещенных аспектах темы.

Первый – прямо не вытекает из контента документа. Он касается внутрикорпоративных отношений в среде татарской интеллигенции. В этой связи я бы хотела адресовать читателя к своей публикации «Отмечавшиеся в постановлении ЦК ВКП(б) недостатки... до сих пор не преодолены». Году литературы посвящается» [5]. Главной мыслью этой статьи является сентенция: под воздействием каких бы то ни было вердиктов не приходилось работать, всегда есть выбор для творческого самовыражения и конструирования собственного делового пространства. В упоминаемой статье анализируется содержание анонимного письма, авторы которого, апеллируя к Постановлению, используют его как орудие травли своих коллег, обвиняя их в архаике, приверженности традиционализму. Результатом этого письма стала присланная из Москвы комиссия, которая «освежила» основные положения Постановления 1944 г. для местных властей. Таким образом, акторами сковывания творческой деятельности, не вписывавшейся в официальные директивы, политических инсинуаций нередко становились не властные структуры, а свои же товарищи, побуждения которых носили нередко «шитый белыми нитками» прагматический характер. Резюмируя данное суждение, хочу обратить внимание, что в татарской историографии не достает трудов именно по внутрикорпоративным отношениям в среде татарской интеллигенции, а также скрытой фронды, профанации и откровенного эпатажа в культурной жизни республики.

Другой почти не затронутой темой в татарстанской историографии является публичный аспект татарской гуманитаристики, значение Постановления в формировании массового сознания. Если в дихотомии «власть и интеллигенция» я считаю рассматриваемый документ переоцененным, то в соотношении «власть и воспитание населения республики» – недооцененным. Как вытекает из выше изложенного, официозные попытки канализировать развитие татарской научной исторической школы носили в чем-то риторический парадный характер. Как справедливо отмечал Д.М. Исхаков, «постановление и ряд конкретных мер, за ним следовавших, не достигли своей цели» [16, с. 93]. Параллельно в среде татарской интеллигенции сохранялся научный дискурс, результатом которого стало явление, называемый в исторической литературе «мирасизмом» [18, с. 36; 9, с. 66].

На мировоззрение основного костяка татарской гуманитарной интеллигенции, имевшей солидный багаж глубоко укорененных идей и знания вековой культуры своего народа, постановление не имело эффективного воздействия. Опportunистические проявления в творческой среде зачастую имели лишь социетально-практичный характер. Подавляющая часть татарской творческой интеллигенции, в особенности не обремененной должностным статусом, работала, основываясь на сугубо научных методах исследовательской деятельности, лишь формально признавая идеологическую оболочку.

Но деятельность татарских ученых-гуманитариев не имела широкого публичного выхода. Она осуществлялась, как правило, только в узко-специализированной камерной среде научных конференций и сборников статей. Как бы отвечая теории малых и конкретных дел, она была по сути отдушиной лишь для самих ученых, преданных науке, и служила политкорректным аргументом для демонстрации торжества советской культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Существуя в капсулированном пространстве, татарская гуманитарная мысль почти не имела связи с просвещением и образованием широких народных масс. И именно в этом заключалось отравляющее свойство сути августовского (1944 г.) Постановления, прямо вытекающего из его формулировки «О состоянии и мерах улучшения *массово-политической* (курсив мой – А.Г.) и идеологической работы в Татарской партийной организации». Оно явилось руководством для местных властей, чтобы достижения татарских интеллектуалов не становились публичным достоянием, в то время как по всей стране миллионами тиражировались московские учебники, в которых средневековая история татар представляла как зловещее иго, абсолютное зло.

Учитывая, что лишь четвертая часть татар проживала в республике, где титульной нацией были татары, золотоордынский феномен в истории Российского государства как фактор исторического воспитания мог бы стать важной опцией для социологических исследований. Она могла бы осветить ситуацию формирования комплекса неполноценности на уроках истории при изучении темы «Татаро-монгольское иго», особенно в регионах, где подавляющей частью населения являлись русскими. В этом плане поколение школьников 1950-х – 1970-х гг. – это настоящее «Эльдорадо» для сегодняшних исследователей идентичности советского народа и по многим другим, замалчиваемым или искажаемым вопросам ее формирования. Изучение вопросов по формированию исторической памяти может служить прак-

тической задаче воспитания толерантности в обществе. Конечно, актуальность этого пассажа не имеет прямого отношения к деятельности медиевистов, но тем не менее, и они должны по большому счету чувствовать ответственность за воздействие на умы и служить преодолению народофобских настроений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галиуллина Д. Обсуждение некоторых аспектов истории татарского народа на кафедре истории СССР КГУ во второй половине 1940-х гг. // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2004. № 2. С. 26–28.
2. Галлямова А.Г. В период позднего сталинизма: Торжество идеологии над наукой и искусством // История Татарстана: модернизация по-советски (вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.). Казань: Магариф, 2010. С. 147–154.
3. Галлямова А.Г. Идеология и культура татарского народа во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг. // История татар с древнейших времен в 7 томах. Том VII: Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. Казань, 2013. С. 447–461.
4. Галлямова А.Г. Идеология и культура // Татарская АССР в период постсталинизма. Казань, 2015. С. 325–445.
5. Галлямова А.Г. «Отмечавшиеся в постановлении ЦК ВКП(б) недостатки... до сих пор не преодолены» (Году литературы посвящается) // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2015. № 1/2. С. 84–93.
6. Галлямова А.Г. Советская национальная политика и кризис этносоциальной самоидентификации татар в 1940–1980-е гг. // Международная конференция: История сталинизма: советские нации и национальная политика в 1920-е 1950-е гг. М.: РОССПЭН, 2014. С. 273–281.
7. Гимади Х.Г. «О некоторых вопросах истории Татарии». Вопросы истории. 1951. № 12.
8. Измайлов И.Л. Идегей: жизнь, ставшая легендой. Татарстан. 1992. № 1/2.
9. Измайлов И.Л. Историческое прошлое как фактор национальной обязанности //Единство татарской нации. Казань: Фэн, 2002. С. 57–75.
10. Измайлов И.Л. «Не дано марксистской оценки Золотой Орде» // Гасырлар авазы=Эхо веков. 1996. № 3/4. С. 96–101.
11. Измайлов И.Л. Оценка болгарского периода в татарской истории: научные концепции и общественное сознание // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 57–75.
12. История Казани в документах и материалах. XX век (Под ред. Р.У. Амирханова). Казань: Магариф, 2004. 711 с.
13. История татар с древнейших времен в 7 тт. Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. 1051 с.
14. Исхаков Д.М. Научная интеллигенция и национальное самосознание татар (1940–1990-е гг.) // Татарский путь: права народа и политкорректность. Казань: Магариф, 2003. С. 136.
15. Исхаков Д.М. Начальный этап национального возрождения татар во второй половине 1980-х гг.: факторы становления // Проблемы социального развития в условиях формирования рыночных отношений: Материалы республиканской социологической научно-практической конференции. Казань, 1993. С. 110–112.
16. Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань: Мастер-Лайн, 1997. 248 с.

17. *Исхаков Д.М.* Роль интеллигенции в формировании и современном функционировании национального самосознания татар // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып. 2. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1994. С. 5–26.
18. *Исхаков Д.М.* Современный национализм татар // Татарская нация: прошлое, настоящее, будущее. Казань, Институт истории АН РТ, 1997. С. 31–58.
19. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Айсберги прошлого // Tatarica: Библиотека журнала «Панорама-Форум». Казань, 1992. С. 20–26.
20. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Урок полуграмотной истории // Татарстан. 1995. № 9–10. С. 102–111.
21. *Кабирова А.Ш.* Татарский национальный фактор как элемент идеологической либерализации в годы Великой Отечественной войны // Tatarica. 2015. № 1(4). С. 98–109.
22. *Кабирова А.Ш.* Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.). Казань, 2015. 508 с.
23. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1986. 9-е изд., доп. и испр. Т. 7: 1938–1945. М.: Политиздат, 1985. 574 с.
24. Культурное строительство в Татарии (1941–1970): Документы и материалы / под ред. М.К. Мухарямова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. 520 с.
25. *Леушин М.* История татар перед судом ЦК ВКП (б) // Гасырлар авазы=Эхо веков. 1996. № 3/4. С. 84–85.
26. *Липкин С.* «Постепенно Сталин пришел к выводу «Хуже татар никого нет...» // Татарстан. 1993. № 1.
27. *Мухаметдинов Р.Ф.* Татарское инакомыслие // Идеино-политические течения в постсоветском пространстве (1991–2006): Сопоставление с опытом Турции. Казань: Изд-во «Тамга», 2006. С. 53–57.
28. Овчинников А.В. Научная и педагогическая деятельность А.П. Смирнова [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2007_1/001/001_4/ (Дата обращения: 09.09.2019).
29. *Пискарев В., Султанбеков Б., Гибадуллина Р.* «Этот учебник не выдерживает большевистской критики» // Гасырлар авазы=Эхо веков. 1997. № 1–2. С. 81–111.
30. Постановление бюро Татарского обкома ВКП(б) от 6 октября 1944 г. «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» // Гасырлар авазы=Эхо веков. 1996. № 3/4. С. 101–102.
31. *Сафаргалиев М.* Один из спорных вопросов истории Татарии. Вопросы истории. 1951. № 7. С. 74–80.
32. Сафаргалиев Магомед // Татарская энциклопедия. Т. 5. Казань: Институт ТЭ, 2010. С. 253.
33. *Султанбеков Б.Ф.* «Идегей», Сталин и наше время // Страницы секретных архивов. Казань: Тат. кн. изд-во, 1994. С. 203–235.
34. *Султанбеков Б.Ф.* Татарстан. XX век: Личности. События. Документы. Книга первая: Личности / Книга для учителя. Казань: ТаРИХ, 2003. – 236 с.
35. *Султанбеков Б.Ф.* Татарстан. XX век. Личности. События. Документы. Книга вторая: События, Документы. Публицистика / Книга для учителя. Казань: ТаРИХ, 2003. 295 с.
36. *Тагиров И.Р.* На идеологическом фронте // Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань: Тат. кн. изд-во, 1999. С. 335–337.
37. *Файзрахманов Г.Л.* Развитие гуманитарных исследований в сороковые – восьмидесятые годы: К 50-летию ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР // Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. Казань, 1989. С. 96–122.
38. *Хаплекхамитов Р.Б.* Татарская творческая интеллигенция и власть (1944–1965 гг.). Казань, 2011.

Сведения об авторе: Альфия Габдульнуровна Галлямова – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, Казань, ул. Батурина, 7А, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4344-902X>. E-mail: alfiya1955@gmail.com

Поступила 22.05.2019 Принята к публикации 20.08.2019

Опубликована 29.12.2019

REFERENCES

1. Galiullina D. Obsuzhdenie nekotorykh aspektov istorii tatarskogo naroda na kafedre istorii SSSR KGU vo vtoroy polovine 1940-kh gg. [Discussion of some aspects of the history of the Tatar people at the Department of History of the USSR of Kazan State University in the second half of the 1940s]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [The Echo of the Ages], 2004, no. 2, pp. 26–28. (In Russian)
2. Gallyamova A.G. V period pozdnego stalinizma: Torzhestvo ideologii nad naukoj i iskusstvom [During the Period of Late Stalinism: The Triumph of Ideology over Science and Art]. *Istoriya Tatarstana: modernizatsiya po-sovetski (vtoraya polovina 1940-kh – pervaya polovina 1980-kh gg.)* [History of Tatarstan: The Soviet Style of Modernization (Second Half of the 1940s – First Half of the 1980s)]. Kazan: Magarif, 2010, pp. 147–154. (In Russian)
3. Gallyamova A.G. Ideologiya i kul'tura tatarskogo naroda vo vtoroy polovine 1940-kh – seredine 1980-kh gg. [The Ideology and Culture of the Tatar People in the Second Half of the 1940s – mid-1980s]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v 7 tomakh. Tom VII: Istoriya Tatarstana: modernizatsiya po-sovetski (vtoraya polovina 1940-kh – pervaya polovina 1980-kh gg.)* [History of Tatars from Ancient Times in Seven Volumes. Vol. VII: Tatars and Tatarstan in the 20th – Beginning of the 21st Century]. Kazan, 2013, pp. 447–461. (In Russian)
4. Gallyamova A.G. Ideologiya i kul'tura [Ideology and Culture]. *Tatarskaya ASSR v period poststalinizma* [The Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the Period of Post-Stalinism]. Kazan, 2015, pp. 325–445. (In Russian)
5. Gallyamova A.G. «Otmechavshiesya v postanovlenii TsK VKP(b) nedostatki... do sikh por ne preodoleny» (Godu literatury posvyashchaetsya) [“The Shortcomings Noted in the Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks ... Have Not Yet Been Overcome” (Dedicated to the Year of Literature)]. *Gasyrlar avazy=Ekho vekov* [The Echo of the Ages]. 2015, no. 1/2, pp. 84–93. (In Russian)
6. Gallyamova A.G. Sovetskaya natsional'naya politika i krizis etnosotsial'noy samoidentifikatsii tatar v 1940–1980-e gg. [Soviet national policy and the crisis of ethnosocial self-identification of Tatars in the 1940–1980s]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya: Istoriya stalinizma: sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920-e – 1950-e gg.* [International Conference: The History of Stalinism: Soviet Nations and National Politics in the 1920–1950s]. Moscow: ROSSPEN, 2014, pp. 273–281. (In Russian)
7. Gimadi H.G. O nekotorykh voprosakh istorii Tatarii [On Some Issues of the History of Tatarstan]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 1951, no. 12. (In Russian)
8. Izmailov I.L. Idegey: zhizn', stavshaya legendoy [Idegei: The Life Which Became a Legend]. *Tatarstan*. 1992, no. 1/2. (In Russian)

9. Izmailov I.L. Istoricheskoe proshloe kak faktor natsional'noy obyazannosti [The History as a Factor of National Responsibility]. *Edinstvo tatarskoy natsii* [The Unity of the Tatar Nation]. Kazan: Fen, 2002, pp. 57–75. (In Russian)
10. Izmailov I.L. «Ne dano marksistskoy otsenki Zolotoy Orde» [“There Is Not a Marxist Assessment of the Golden Horde”]. *Gasyrlar avazy=Ekho vekov* [The Echo of the Ages]. 1996, no. 3/4, pp. 96–101. (In Russian)
11. Izmailov I.L. Otsenka bulgarskogo perioda v tatarskoy istorii: nauchnye kontseptsii i obshchestvennoe soznanie [Assessment of the Bulgarian Period in Tatar History: Academic Concepts and Public Consciousness]. *Natsional'naya istoriya tatar: teoretiko-metodologicheskoe vvedenie* [National History of Tatars: Theoretical and Methodological Introduction]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 57–75. (In Russian)
12. *Istoriya Kazani v dokumentakh i materialakh. XX vek* (Pod red. R.U. Amirkhanova) [The History of Kazan in Documents and Materials. The Twentieth Century (edited by R.U. Amirkhanov)]. Kazan: Magarif, 2004. 711 p. (In Russian)
13. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v 7 t. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [The History of the Tatars from Ancient Times in 7 vols. Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). The thirteenth – mid-fifteenth century]. Kazan, 2009. 1051 p. (In Russian)
14. Iskhakov D.M. Nauchnaya intelligentsiya i natsional'noe samosoznanie tatar (1940–1990-e gg.) [The Scientific Intelligentsia and the National Identity of the Tatars (1940–1990s)]. *Tatarskiy put': prava naroda i politkorrektnost'* [The Tatar Way: The Rights of the People and Political Correctness]. Kazan: Magarif, 2003, pp. 136. (In Russian)
15. Iskhakov D.M. Nachal'nyy etap natsional'nogo vrozozhdeniya tatar vo vtoroy polovine 1980-kh gg.: faktory stanovleniya [The Initial Stage of the National Revival of the Tatars in the Second Half of the 1980s: Factors of Formation]. *Problemy sotsial'nogo razvitiya v usloviyakh formirovaniya rynochnykh otnosheniy: Materialy respublikanskoy sotsiologicheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Problems of Social Development in the Conditions of the Formation of Market Relations: Materials of the Republican Sociological Scientific and Practical Conference]. Kazan, 1993, pp. 110–112. (In Russian)
16. Iskhakov D.M. *Problemy stanovleniya i transformatsii tatarskoy natsii* [Problems of Formation and Transformation of the Tatar Nation]. Kazan: Master Line, 1997. 248 p. (In Russian)
17. Iskhakov D.M. Rol' intelligentsii v formirovanii i sovremennom funktsionirovanii natsional'nogo samosoznaniya tatar [The Role of Intelligentsia in the Formation and Modern Functioning of the National Identity of the Tatars]. *Sovremennye natsional'nye protsessy v Respublike Tatarstan* [Modern National Processes in the Republic of Tatarstan]. Vol. 2. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, 1994, pp. 5–26. (In Russian)
18. Iskhakov D.M. Sovremennyy natsionalizm tatar [The Modern Nationalism of the Tatars]. *Tatarskaya natsiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The Tatar Nation: Past, Present, Future]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 1997, pp. 31–58. (In Russian)
19. Iskhakov D.M., Izmailov I.L. Aysbergi proshlogo [Icebergs of the Past]. *Tatarica: Biblioteka zhurnala «Panorama-Forum»* [Tatarica: Library of the Journal “Panorama-Forum”]. Kazan, 1992, pp. 20–26. (In Russian)
20. Iskhakov D.M., Izmailov I.L. Urok polugramotnoy istorii [A Lesson in Semi-literate History]. *Tatarstan*. 1995, no. 9–10, pp. 102–111. (In Russian)

21. Kabirova A.Sh. Tatarskiy natsional'nyy faktor kak element ideologicheskoy liberalizatsii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Tatar National Factor as an Element of Ideological Liberalization during the Great Patriotic War]. *Tatarica*, 2015, no. 1 (4), pp. 98–109. (In Russian)
22. Kabirova A.Sh. *Tatarstan v gody voennykh ispytaniy (1941–1945 gg.)* [Tatarstan during the Years of Military Trials (1941–1945)]. Kazan, 2015. 550 p. (In Russian)
23. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov. Tom VII: 1938–1945* [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee. Vol. 7: 1938–1945]. Moscow: Politizdat, 1985. 557 p. (In Russian)
24. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Tatarii (1941–1970): Dokumenty i materialy* [Cultural Construction in Tatarstan (1941–1970): Documents and Materials]. M.K. Mukharyamova (ed.). Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1976. 520 p. (In Russian)
25. Leushin M. Istoriya tatar pered sudom TsK VKP (b) [History of the Tatars before the Court of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks]. *Gasyrlar avazy=Ekho vekov* [The Echo of the Ages]. 1996, no. 3/4, pp. 84–85. (In Russian)
26. Lipkin S. «Postепенno Stalin prishel k vyvodu «Khuzhe tatar nikogo net...» [“Gradually, Stalin Came to the Conclusion: ‘There Is Nobody Worse Than the Tatars ...’”]. *Tatarstan*, 1993, no. 1. (In Russian)
27. Mukhametdinov R.F. Tatarskoe inakomyslie [The Tatar dissent]. *Ideyno-politicheskie techeniya v postsovetском prostranstve (1991–2006): Sopostavlenie s opytom Turtsii* [Ideological and Political Trends in the Post-Soviet Space (1991–2006): Comparison with the Experience of Turkey]. Kazan: Tamga, 2006, pp. 53–57. (In Russian)
28. Ovchinnikov A.V. *Nauchnaya i pedagogicheskaya deyatel'nost' A.P. Smirnova* [Scientific and Pedagogical Activity of A.P. Smirnova]. Available at: [http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine / go / anonymous / main /? path = mg: / numbers / 2007_1 / 001 / 001_4 /](http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2007_1/001/001_4/) (last accessed 09.09.2019). (In Russian)
29. Piskarev V., Sultanbekov B., Gibadullina R. «Etot uchebnyk ne vyderzhivaet bol'shevistskoy kritiki» [“This Textbook Does not Withstand Bolshevik Criticism”]. *Gasyrlar avazy=Ekho vekov* [The Echo of the Ages]. 1997, no. 1–2, pp. 81–111. (In Russian)
30. Postanovlenie byuro Tatarskogo obkoma VKP(b) ot 6 oktyabrya 1944 g. «Ob oshibkakh i nedostatkakh v rabote Tatarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii» [Resolution of the Bureau of the Tatar Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of October 6, 1944 “On Errors and Deficiencies in the Work of the Tatar Research Institute of Language, Literature and History”]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [The Echo of the Ages], 1996, no. 3/4, pp. 101–102. (In Russian)
31. Safargaliev M. Odin iz spornykh voprosov istorii Tatarii [One of the controversial issues of the history of Tatarstan]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1951, no. 7, pp. 74–80. (In Russian)
32. Safargaliev M. *Tatarskaya entsiklopediya* [Tatar Encyclopedia]. Vol. 5. Kazan: Institute of TE, 2010, pp. 253. (In Russian)
33. Sultanbekov B.F. «Idegey», Stalin i nashe vremya [“Idegei”, Stalin and our time]. *Stranitsy sekretnykh arkhivov* [Pages of Secret Archives]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1994, pp. 203–235. (In Russian)
34. Sultanbekov B.F. *Tatarstan. XX vek: Lichnosti. Sobytiya. Dokumenty. Kniga pervaya: Lichnosti. Kniga dlya uchitelya* [Tatarstan. The Twentieth Century: Persons. Developments. Documents. Book One: Personalities. Book for the Teachers]. Kazan: TARIH, 2003. 236 p. (In Russian)

35. Sultanbekov B.F. *Tatarstan. XX vek. Lichnosti. Sobytiya. Dokumenty*. Kniga vtoraya: *Sobytiya, Dokumenty. Publitsistika. Kniga dlya uchitelya* [Tatarstan. The Twentieth Century. Personalities. Developments. Documents. Book Two: Events, Documents. Publicism. Book for the Teachers]. Kazan: TARIH, 2003. 295 p. (In Russian)

36. Tagirov I.R. Na ideologicheskom fronte [On the ideological front]. *Ocherki istorii Tatarstana i tatarskogo naroda (XX vek)* [Essays on the History of Tatarstan and the Tatar People (twentieth century)]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1999, pp. 335–337. (In Russian)

37. Fayzrakhmanov G.L. Razvitie gumanitarnykh issledovaniy v sorokovye – vos'midesyatye gody: K 50-letiyu IYaLI im. G. Ibragimova KFAN SSSR [The development of humanitarian research in the 1940–80s: On the occasion of the 50th anniversary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and History]. *Velikiy Oktyabr' i nekotorye voprosy formirovaniya tatarskoy sotsialisticheskoy natsii* [The Great October and Some Issues of the Formation of the Tatar Socialist Nation]. Kazan, 1989, pp. 96–122. (In Russian)

38. Khaplehamitov R.B. *Tatarskaya tvorcheskaya intelligentsiya i vlast' (1944–1965 gg.)* [The Tatar Creative Intelligentsia and Power (1944–1965)]. Kazan, 2011. (In Russian)

About the author: Alfiya G. Gallyamova – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Leading Research Fellow of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4344-902X>. E-mail: alfiya1955@gmail.com

Received May 22, 2019 Accepted for publication August 20, 2019

Published December 29, 2019

РЕЦЕНЗИИ

УДК 391.7: 903.2

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.798-806

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ (КАЗАНЬ, 2018)

Н.В. Жилина

*Институт археологии РАН
Москва, Российская Федерация
nvzhilina@yandex.ru*

В статье анализируется новая книга коллектива авторов, посвященная ювелирным украшениям тюркских народов Евразии.

Исследование обширного материала по ювелирным изделиям тюркских народов XVIII–XX вв. важно для специалистов разного профиля (этнографов, археологов, искусствоведов, историков) и для междисциплинарных исследований, связанных с изучением культуры разных народов. Данное исследование и стимулируемые им новые позволят постепенно прояснять исторические пути развития и культурного взаимодействия народов.

Основное содержание книги построено по принципу последовательной характеристики ювелирных украшений и искусства разных тюркских народов: 6 глав. Характеризуются формы украшений, семантика, технология, вхождение их в национальные комплексы костюма. К сожалению, не поставлена задача изучения орнаментики украшений. Одна глава поднимает общую проблему символического значения металлов в мифологии тюрков и монголов.

Подлинным корпусом источников издание сможет стать после публикации каталога использованного материала, желаемого второго тома данной книги.

Применение типологического метода в книге не всегда последовательно и четко. Книга красочно иллюстрирована, но среди иллюстраций недостает типологических таблиц.

Тенденцией многих авторов является попытка связать более ранний материал с изучаемым. Несмотря на отдельные аналогии, для объективного сравнения недостает полной изученности всего материала типологически, технологически и стилистически.

Каждый из авторов с разной широтой и глубиной коснулся заявленных аспектов проблематики ювелирных изделий. Подобная ситуация отчасти оправдана тем, что жанр книги определен подзаголовком как «историко-этнографические очерки». Одной из лучших глав книги, на наш взгляд, является работа А.И. Саввинова о ювелирных украшениях якутов, полностью соответствующая задаче книги. К числу сильных работ можно отнести и главу Л.Н. Дониной и С.В. Суловой о казанско-татарском ювелирном искусстве с подробным анализом технологии.

Общей чертой коллективной монографии является недостаточность выводных разделов глав.

Несмотря на отмеченные недостатки, можно приветствовать вышедшую книгу, как состоявшийся опыт выполнения сложной задачи – характеристики украшений разных тюркских народов. Заострение мною внимания на некоторых вопросах, надеюсь, послужит плодотворным дискуссиям. К дополнению уже осуществленного

замысла стоит пожелать выпуск второго тома книги, где можно было бы опубликовать каталог основного материала, а также ряд аналитических и заключительных глав или частей.

Ключевые слова: украшения, тюркские народы, типология, технология, семантика

Для цитирования: Жилина Н.В. Рецензия на книгу: Ювелирные украшения тюркских народов Евразии (Казань, 2018) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 798–806. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.798-806

**REVIEW OF THE BOOK: JUVELIRNYE UKRASHENIJA TJURKSKIH
NARODOV EVRAZII [JEWELRY OF TURKIC PEOPLES OF EURASIA]
(KAZAN, 2018)**

N.V. Zhilina

*Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
nvzhilina@yandex.ru*

Abstract: This article analyzes a new book by a group of authors dedicated to jewelry of the Turkic peoples of Eurasia.

The study of extensive jewelry materials of the Turkic peoples of the 18th–20th centuries is important for specialists emerging from different profiles (ethnographers, archeologists, art historians, historians) as well as for interdisciplinary research related to the study of the culture of different nations. This study, and the new ones it stimulates, will help to clarify the historical paths of development and of cultural interaction between nations.

The main content of the book is based on the principle of consistent characterization of jewelry and art of various Turkic peoples: six chapters. The book characterizes the forms of jewelry, their semantics, technology, and use in national costumes. Unfortunately, the task of studying the ornamentation of jewelry has not been set. One chapter raises the general problem of the symbolic meaning of metals in the mythology of the Turks and Mongols. The book can become a real corpus of sources only after the publication of a catalog of the materials studied in a desired second volume.

The use of the typological method in the book is not always consistent and clear. While the book is colorfully illustrated, there is a lack of typological tables among the illustrations.

The authors are often inclined to link earlier materials to the ones they discuss in the book. Despite some analogies, for objective comparison there is a lack of complete knowledge of the entire body of materials: typological, technological and stylistic.

Each of the authors touched the stated aspects of jewelry problems with different degrees of breadth and depth. Such a situation is partly justified by the fact that the genre of this book is defined as “historical and ethnographic essays”. One of the best chapters of the book, in our opinion, is the chapter of A.I. Savvinov about jewelry of the Yakuts, fully relevant to the objective of the book. Among the strong works, there is the chapter by L.N. Donina and S.V. Suslova about the Kazan-Tatar jewelry art with a detailed analysis of the technology.

A common feature of the collective monograph is the lack of output sections of chapters.

Despite the noted shortcomings, the published book can be welcomed as an accomplished exercise in performing a complex task – setting out the characteristics of the jewelry of various Turkic peoples. My focusing on some questions, I hope, will serve in fruitful discussions. In addition to the idea already realized, it is possible to hope for the release of the second volume of the book with a catalog of the main materials, as well as with some analytical and concluding chapters or sections.

Keywords: jewelry, Turkic peoples, typology, technology, semantics

For citation: Zhilina N.V. Review of the Book: Juvelirnye ukrasheniya tjurkskikh narodov Evrazii [Jewelry of Turkic Peoples of Eurasia] (Kazan, 2018). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 798–806. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.798-806

Публикация и анализ обширного материала по комплексу ювелирных украшений тюркских народов XVIII–XX вв. важны для специалистов разного профиля: этнографов, археологов, искусствоведов, историков и, как следствие, многогранной значимости рассматриваемого материала – для междисциплинарных исследований, связанных с изучением культуры разных народов.

Исследование осуществлялось в рамках фундаментальной Программы Академии наук Республики Татарстан «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», цель которой значительно более широка: изучение вопросов этнической истории и культурогенеза тюркских народов.

Без сомнения, материал, проанализированный в книге, может быть широко использован для сравнения с ювелирным искусством означенного периода других народов, в частности, и с российским. Сходства и различия могут обсуждаться и трактоваться исследователями как свидетельства общности или разницы путей развития, осуществления взаимовлияний. Украшения показывают и связанность с традиционными конструкциями и ансамблями исторически сложившихся национальных костюмов, так и способность к новациям. Данное исследование и стимулируемые им новые позволят постепенно прояснять исторические пути развития и культурного взаимодействия народов.

Основное содержание книги построено по принципу последовательной характеристики ювелирных украшений и искусства разных тюркских народов: 6 глав. Одна глава поднимает общую проблему символического значения металлов в мифологии тюрков и монголов (Л.Р. Павлинская).

В предисловии к книге отмечено, что собран, зафиксирован и систематизирован огромный корпус архивных, музейных и других источников [4, с. 9, 11]. Источниковой базой книги послужили обширные материалы этнографических экспедиций, музейные и архивные материалы МАЭ, РЭМ, ГИМ, ГЭ, НМ РТ, ЯГОМ и других.

Но подлинным корпусом источников издание сможет стать после публикации каталога использованного материала, желаемого второго тома данной книги. При таком условии заключения авторов станут полностью проверяемыми, будут указаны количество исследованных ювелирных изделий и объем использованного материала. В вышедшей книге ссылки на первоисточники материала приведены не во всех работах достаточно последовательно и точ-

но, иногда ссылки даются в общем виде или на предшествующие исследования [4, с. 21, 63–65, 147, 148, 199].

Как основной метод изучения украшений провозглашен типологический, его разъяснению в книге посвящено немало текста. Поскольку основным объектом исследования являются вещи – украшения – то использование типологического метода должно быть четким и сходным в разделах работы. Типологический метод характеризует вещи по назначению и форме. Однако в набор характеристик типа авторами книги включены конструкция, характер заготовки¹. На наш взгляд, конструктивные и технологические показатели должны изучаться отдельно на фоне общей типологии, так как одна и та же форма может соответствовать разной конструкции и технологии.

Отмечено, что авторы исходили не только от формы, но и «от общих признаков и признаков условий, характеризующих любой этнографический тип – это массовость, неслучайность, устойчивость, ареальность...». Сведения о распространенности типа также должны рассматриваться отдельно от формальных характеристик, это другая сторона изучения, а столь сложное объяснение метода, к сожалению, приводит к непонятности реальной методики, использованной исследователями [4, с. 10]. В итоге далеко не все авторы действительно применили типологический метод для исследования материала. Ни одна из глав не сопровождается общими типологическими таблицами, которые показали бы соотношение типов, вариантов и т.п.

Иллюстрации к изданию, размещенные на общей цветной вклейке, красочны, хороши по качеству изображений. Для лучшего восприятия материала часть иллюстраций, характеризующих основные типы украшений того или иного народа, лучше было бы разместить в тексте каждой из глав. Иллюстрации подразделяются на рисунки и условные таблицы, расположенные на нескольких страницах и включающие в себя тематически объединенные рисунки. Вряд ли такую форму представления материала можно признать рациональной и удобной, так как таблица в целом не воспринимается, а форма таблицы призвана именно объединять материал.

Как одну из тенденций книги можно отметить стремление многих авторов перейти в значительно более ранние периоды, сделать попытку связать более ранний материал с изучаемым. В большинстве случаев такие попытки нельзя признать удачными. Несмотря на то, что некоторые единичные аналогии находятся, для объективного сравнения и возможности выводов о генетической связи изделий разного времени, и тот и другой материал должны быть в равной степени изучены типологически, технологически и стилистически. Но такой полной изученности нет ни для раннего, ни для позднего периодов. Поэтому однозначная привязка к ранним периодам порой выглядит искусственно: очерки Л.Р. Павлинской, М.В. Москвиной, С.В. Суловой [4, с. 25–31, 44–51, 157].

В предисловии поставлены общие задачи исследования украшений в аспектах: историко-этнографическом, семиотическом, технологическом, этно-региональном [4, с. 8]. К сожалению, не поставлена задача исследования украшений в художественном и эстетическом аспектах, а, следует признать, что

¹ Остается непонятным, что представляют собой по отношению к типу «признаки геометрического характера» [4, с. 10].

художественное оформление и эстетическое впечатление – главные характеристики украшений. Орнаментика и стилистика украшений не остались полностью обойдены в работах, но эти аспекты не исследованы, о них лишь кратко упоминается или говорится мимоходом.

Каждый из авторов в разной степени и с разной широтой и глубиной коснулся заявленных аспектов проблематики ювелирных изделий. Подобная ситуация отчасти оправдана тем, что жанр книги определен подзаголовком как «историко-этнографические очерки», что предполагает некоторую долю свободы в подходе каждого автора. Вызывает сожаление, что некоторые очерки мало говорят о формах ювелирных украшений: главы Л.Н. Дониной и С.В. Сусловой, глава Р.Л. Павлинской об украшениях бурят – а ведь со слова «украшения» все-таки начинается название книги.

Перейдем к анализу конкретных глав книги.

Л.Р. Павлинская поставила сложную задачу выделить мифопоэтический образ металлов в представлениях тюрков и монголов. Автор считает, что эти представления имели характер четко разработанной системы «металлического кода», четко отражающего трехчастную модель Вселенной: Золото – солнце, Луна – серебро, медь – Земля, подземный мир – железо [4, с. 12, 14]. Но двойное «четко» не способствует научному введению понятия «металлический код», а также – не убеждает в том, что все упоминаемые народы однозначно понимали Вселенную с помощью «металлического» шифра. Тексты, приводимые в работе, показывают разнообразие и вариантность мифопоэтических представлений, связанных с металлами. Символика золота и серебра связана не только с небесными светилами, а, например, со странами света, с душой. Нет такой однозначной связи и в погребальном обряде. С другой стороны, небесные светила не всегда сравниваются только с металлами. Не помогают согласиться с автором и далекие параллели с культами Шумера и Аккада, так как в приводимых материалах не упомянуто ни золото, ни серебро. Приводимые в качестве подтверждений золотые изделия сарматского периода также не являются доказательствами использования «металлического кода» [4, с. 17, 24, 25]. Мифологические представления и эпические тексты не обладают четкостью и однозначностью кода, они сложны и допускают различные толкования. На наш взгляд, тексты своим содержанием передают сложный смысл и вряд ли включают в себя некое двойное дно под названием «код», их не стоит схематизировать до «кода». Кодом можно считать краткую зашифрованную запись, а зачем мифам шифровать свое содержание?

Использование самого металла – золота или серебра, или даже их совмещение в изделиях изучаемого периода и более ранних говорит не о следовании «металлическому коду», а о распространенности и доступности данных металлов, о разработанности и рациональности определенных технологических операций. Осмысление является, на наш взгляд, вторичным.

Удачным представляется завершение данной главы, где конкретно рассмотрена символика меди, латуни, бронзы, железа, подтверждаемая конкретными текстами [4, с. 38–42]. По-видимому, и о символике золота и серебра стоило говорить также.

Удивляет, что выводы к главе о символике металлов касаются художественной традиции, которая в ней совсем не рассматривалась.

В главе М.В. Москвиной об украшениях саяно-алтайских тюрков приводится краткое изложение комплексов украшений конкретных народов с учетом возрастных различий. Символическое значение украшений раскрывается через материал обрядов, то есть, основывается на фактах. Важна и завершающая рассмотрение характеристика современного национального воссоздаваемого костюма и убора, нового этапа его жизни. Очевиден процесс сознательного сохранения национальных особенностей убора, происходящий на наших глазах. Можно увидеть в этом модель, которая могла осуществляться и в определенные периоды прошлого. К сожалению, заявленный и подробно объясненный автором в начале главы типологический метод совершенно не применен, на общем уровне названы только категории украшений.

Автор работы по украшениям народов Алтая и Южной Сибири К.М. Яковлева исходит из априорного представления о единстве тюркского мира [4, с. 62]. Классификация украшений проделана и сведена в таблицу, но отличается неточностью типологического языка. Головные украшения названы категорией, между тем категорией называют определенный вид изделия или украшения по назначению, поэтому категория – это серьги. Тип характеризует форму, но в разделе типов даются только более распространенные или просто другие названия украшений. В один тип объединены разные формы серег – в виде кольца и восьмерки. Не указано, на основании чего выделен подтип. Справедливости ради следует отметить, что форма украшений раскрывается далее в более подробных описаниях, но и типология должна быть четко определена.

Автор главы убеждена, что первоначальная функция украшения – магическая, охранительная. Изначальное назначение украшения-изделия не может быть ничем другим, как украшение тела или костюма. Различные осмысления роли украшений возникают вторично, поэтому они и бывают различны и неустойчивы. Магическая функция изначально для предмета культа и амулета. Украшения и амулеты – потому и образовали разные категории, что они различны по общей функции – назначению. Как минимум, для некоторых предметов следует признать одновременность существования эстетической и магической функций. О декоративности украшений неожиданно говорится только в выводах, какой-либо материал об этом в тексте не представлен [4, с. 83, 90].

Одной из лучших глав книги, на наш взгляд, является работа А.И. Саввинова о ювелирных украшениях якутов. Работа полноценно решает поставленную задачу, не отклоняясь в сторону спорных и излишних исторических или философских экскурсов. Поэтому данная работа оказалась свободна от указанных выше общих недостатков. Глава содержит точные ссылки на источники по всем приводимым материалам и фактам. Представлена подробная и четкая классификация украшений. Указаны способы их ношения. Только в этой главе присутствует характеристика орнаментации украшений, обращено внимание на проблемы и дискуссии, связанные с изучением отдельных мотивов [4, с. 134, 135]. Хотелось бы только дополнить раздел об орнаментации специальными иллюстрациями. В главе излагаются адекватные материалу, а не додуманные и преувеличенные представления о семантике, показана связь украшений с обрядами лечебной, свадебной и возрастной магии. Проведен анализ шаманского костюма и указано на связь его с женским [4, с. 138–142]. Можно отметить высокий уровень анализа якутских украшений, а корпус

источников по ювелирным украшениям якутов действительно создан и может быть полноценно использован в последующих исследованиях.

Статья С.В. Сусловой о женских украшениях волго-уральских татар также отличается грамотностью типологии. Особо удачной частью следует признать характеристику украшений в традиционных комплексах одежды. Убедительно выглядит сравнение татарских украшений с синхронными украшениями других народов, сравнение с болгарскими, золотоордынскими и русскими более ранними украшениями намечено отдельными аналогиями.

Разговор об орнаменте, к сожалению, не отличается конкретностью, параллели с золотоордынскими украшениями не сопровождаются анализом орнаментации, сопоставляется, в частности, лишь мотив розетки. Тем не менее, на основании этого говорится о художественном генезисе орнамента. Указана некорректная дата украшений Спасского клада 1869 г. – X в., а он, как известно, содержит украшения XII–XIII вв. [4, с. 166, 179, 183, 194; 1, с. 80, 81, табл. XXX; 3, с. 209–216].

К числу сильных работ можно отнести и главу Л.Н. Дониной и С.В. Сусловой о казанско-татарском ювелирном искусстве. Большим плюсом является карта мест производства украшений середины XIX – начала XX в. Эта глава содержит наиболее полную и точную характеристику технологии ювелирных изделий, освещены все основные техники, приведены макрофотографии конкретных ювелирных приемов в технике филигрании. Исследователи подчеркнули этноспецифичность «бугорчатой филигрании», хотя указали аналогии ей у других народов. Вероятно, для вывода о специфичности надо было подчеркнуть оригинальность всего комплекса черт украшений с такой орнаментацией: композицию, стилистику, связанность с определенными формами [4, с. 221]. Требуем уточнений и мнение о связях татарских украшений с золотоордынским серебром [4, с. 209]. Для этого необходимо подробное сравнение технологии и стилистики серии золотоордынских изделий с изученным комплексом материала². К данному очерку хотелось бы добавить более подробную характеристику форм украшений и освещение орнаментики изделий.

Очерк Л.Р. Павлинской о технике художественной обработке металла бурят начат с обширного исторического экскурса, на наш взгляд, не столь важного для анализа материала XVIII – XX вв. Лишь на седьмой странице указывается цель работы, но отличающаяся нечеткостью формулировки: рассмотреть «некоторые аспекты его [металла] включенности в круг технологической традиции тюркских и монгольских народов Евразии». [4, с. 231, 232]. Основные техники описаны, но неясно, как проводилось их исследование, откуда взяты характеристики технологических операций, ссылки на источник информации отсутствуют. Кручение железного дрота неверно характеризуется как витье [4, с. 233–238, с. 241]. Положение о том, что поздние биметаллические техники восходят к плакированию эпохи ранних кочевников, не доказано [4, с. 241].

Не приведена характеристика орнаментики, хотя автор сообщает, что предыдущими исследователями она хорошо выявлена [4, с. 231, 232]. Укра-

² В начале 2000-х годов мною была поставлена цель изучения золотоордынских изделий из фондов ГЭ и ГИМ, хотя хранителями не были разрешены производство и публикация микрофотографий. Пришлось ограничиться визуальным осмотром и описательной характеристикой [2, с. 123–125, 218–222].

шения и их наборы в этой главе не характеризуются, но выделены в общем виде две традиции: забайкальская и предбайкальская.

Общей чертой коллективной монографии является недостаточность выводных разделов глав. По большей части они сводятся к общим иногда внутренне-противоречивым выражениям [4, с. 90]. Непонятно, например, как смешение технологических традиций и распространение «самых различных приемов художественной обработки металла на широком пространстве» привели к «единству техники и технологии, орнаментальных мотивов и характера декора в ювелирном искусстве тюркских и монгольских народов в XVIII – начале XX в.», а также, как конкретно анализ технологии и художественной обработки металла выявляет этапы этнической истории [4, с. 41, 252].

Указанные недостатки ряда глав книги, вероятно, вызваны недостаточной согласованностью общего замысла. Следовало, очевидно, более определенно задать критерии и аспекты, которые должны быть отражены в главах, посвященных характеристикам украшений того или иного народа. Тогда бы большая часть данной книги смогла приблизиться к тому идеалу, который дает очерк А.И. Саввинова о ювелирных украшениях якутов. Наряду с этим можно было бы выделить ряд общих глав по аспектам семантики, технологии, орнаментики. Тогда основной предмет исследования книги – а это все-таки – украшения – предстал бы перед читателем более полноценно.

Несмотря на отмеченные недостатки, я все же хотела бы приветствовать вышедшую книгу как состоявшийся опыт выполнения столь сложной задачи – характеристики украшений разных тюркских народов. Надеюсь, что заострение внимания на некоторых вопросах послужит плодотворным дискуссиям и адекватным решениям. Как доброе пожелание к возможному дополнению уже осуществленного замысла пусть еще раз прозвучит рекомендация к выпуску второго тома, где можно было опубликовать каталог основного материала, а также ряд глав или частей, носивших бы роль аналитических или заключительных. Желаю новых исследований и успеха всем авторам книги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гущин А.С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство. Ленинградское отделение. 1936. 89 с. + 34 табл.
2. *Жилина Н.В., Макарова Т.И.* Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций. IX–XIII вв.: Художественные стили и ремесленные школы. М.: ИА РАН. 2008. 296 с.
3. *Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
4. Ювелирные украшения тюркских народов Евразии. Историко-этнографические очерки / Под ред. С.В. Суловой (отв. ред). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 256 с. + 112 с. цв. илл.

Сведения об авторе: Наталья Викторовна Жилина – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии Российской академии наук (117036, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0880-6434>, ResearcherID: J-2322-2018. E-mail: nvzhilina@yandex.ru.

Поступила 05.09.2019 Принята к публикации 29.11.2019
Опубликована 29.12.2019

REFERENCES

1. Gushchin A.S. *Pamyatniki chudozhestvennogo remesla Drevney Rusi X–XIII vv.* [Monuments of Artistic Craft of Old Rus' of the 10th–13th centuries]. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo. Leningradskoye otделение, 1936. 89 p. + 34 tabl. (In Russian)
2. Zhilina N.V., Makarova T.I. *Drevnerusskiy dragotsennyi ubor – splav vliyaniy i traditsiy IX–XIII vv.: Chudozhestvennye stili i remeslennye shkoly* [The Old Russian Precious Attire – Alloy of Influences and Traditions: Artistic Styles and Craft Schools]. Moscow. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 296 p. (In Russian)
3. Rudenko K.A. *Bulgarskoye srebro. Drevnosti Bil'ara* [The Bolghar Silver. Antiquities of Bilyar]. Vol. II. Kazan: Zaman, 2015. 528 p. (In Russian)
4. *Yuvelirnye ukraseniya turkskikh narodov Evrazii. Istoriko-etnograficheskiye ocherki* [Jewelry of Turkic Peoples of Eurasia. Historical and Ethnographic Essays]. S.V. Suslova (ed.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 256 p. + 112 p. color ill. (In Russian).

About the author: Natalya V. Zhilina – Doct. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitriy Ulyanov Str., Moscow 117036, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0880-6434>, ResearcherID: J-2322-2018. E-mail: nvzhilina@yandex.ru

Received September 5, 2019 Accepted for publication November 29, 2019
Published December 29, 2019

ХРОНИКА

УДК 94(47).031:061.3

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.807-810

VI МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ФОРУМ «РАХ ТАТАРИКА: ГЕНЕЗИС И НАСЛЕДИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ» (КАЗАНЬ, 26–28 ИЮНЯ 2019 г.)

А.В. Аксанов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
aksanov571@gmail.com*

26–28 июня 2019 г. в Казани прошел VI Международный Золотоордынский Форум «Рах Татарика: генезис и наследие государственности Золотой Орды», приуроченный к 750-летию образования Золотой Орды. Организовал форум Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Уже с 2009 года это мероприятие является важнейшей конференцией по изучению истории Золотой Орды и ее наследников и собирает ведущих исследователей данной отрасли знаний. На форуме 2019 г. приняло участие около 100 специалистов из 15 стран.

В этом году в центре внимания историков были следующие вопросы: проблемы политической истории Золотой Орды и татарских ханств; вопросы источниковедения (новые источники, текстология, проблемы перевода и интерпретации текстов); историография, сопутствующие тематике терминологические проблемы и восприятие исторического наследия Золотой Орды; дипломатия и военное дело; Рах Татарика и средневековая глобализация; государственное и социальное устройство; русско-ордынские отношения; повседневная жизнь в татарских ханствах. В рамках VI Международного Золотоордынского форума были организованы следующие круглые столы: «Понятие «татары» в средневековых источниках: историческая судьба понятия/термина и его носителей»; «Государственная денежная политика и вопросы организации монетного дела и денежного обращения в чингизидских государствах (XIII–XV вв.)»; «Русский Улус: вопросы подчиненности древнерусских земель в Золотой Орде»; «“Via Tatarica”: Золотая Орда на Великом Шелковом пути». По итогам конференций была сформирована и утверждена общая резолюция форума.

Ключевые слова: Золотая Орда, татарские ханства, термин «татар», Великий Шелковый путь, научные конференции, Международный Золотоордынский Форум, историография, источниковедение

Для цитирования: Аксанов А.В. VI Международный Золотоордынский Форум «Рах Татарика: генезис и наследие государственности Золотой Орды» (Казань, 26–28 июня 2019 г.) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 807–810. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.807-810

THE SIXTH INTERNATIONAL GOLDEN HORDE FORUM
“PAX TATARICA: GENESIS AND LEGACY
OF THE GOLDEN HORDE STATEHOOD”
(KAZAN, JUNE 26–28, 2019)

A.V. Aksanov

Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
aksanov571@gmail.com

Abstract: On June 26–28, 2019, Kazan hosted the Sixth International Golden Horde Forum “Pax Tatarica: The Genesis and Heritage of Statehood of the Golden Horde”, dedicated to the 750th anniversary of the founding of the Golden Horde. The forum was organized by the M.A. Usmanov Center for Research of the Golden Horde and the Tatar Khanates of the Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Since 2009, this event has been the most important conference on the history of the Golden Horde and its successor states, gathering leading researchers in this field of knowledge. The 2019 forum was attended by about 100 specialists from 15 countries.

This year, the following questions became the focus of attention among historians: problems of the political history of the Golden Horde and the Tatar khanates; issues of source study (new sources, textology, problems of translation and interpretation of texts); historiography, related terminological problems and perception of the historical heritage of the Golden Horde; diplomacy and military affairs; the *Pax Tatarica* and medieval globalization; state and social structure; Russian-Horde relations; and everyday life in the Tatar khanates. The following round tables were organized within the framework of the Sixth International Golden Horde Forum: “The concept of ‘Tatar’ in medieval sources: the historical fate of the name/term and its carriers”; “State monetary policy and issues of the organization of monetary affairs and money circulation in the Chinggisid states (13th–15th centuries)”; “The Russian Ulus: issues of subordination of the Rus’ian lands in the Golden Horde”; “Via Tatarica: The Golden Horde on the Great Silk Road”. Based on the results of the conferences, a general resolution of the forum was formed and approved.

Keywords: Golden Horde, Tatar khanates, “Tatar” term, Great Silk Road, research conferences, International Golden Horde Forum, historiography, source study

For citation: Aksanov A.V. The Sixth International Golden Horde Forum “Pax Tatarica: Genesis and Legacy of the Golden Horde Statehood” (Kazan, June 26–28, 2019). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 807–810. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.807-810

Центральным мероприятием форума стала Международная научная конференция «Государственность Золотой Орды и татарских ханств: традиции, идеи, новации, кризисы», которая прошла 26–27 июня 2019 г. На конференции с докладами выступили В.В. Трепавлов, В.А. Иванов, Д.В. Васильев, А.Г. Еманов, Мария Иванич, И.М. Миргалеев, Э.Г. Сайфетдинова, Д.В. Лисейцев, А.В. Беляков, М.В. Моисеев и другие ученые, которые рассмотрели различные аспекты тюрко-татарской истории XIII–XVIII вв. начиная от проблемы обособления Улуса Джучи и заканчивая вопросами повседневной жизни в постордынских татарских ханствах.

26 июня состоялось заседание круглого стола «Понятие «татары» в средневековых источниках: историческая судьба имени/термина и его носителей». С докладами на круглом столе выступили В.В. Тишин, Чжао Чжу-Чэн, Стивен Поу, Роман Хаутала, Д.М. Тимохин и Александер Николов. Участники круглого стола, ознакомившись с новейшими исследованиями, касающимися истории имени «татар», констатировали, что начало процесса эволюции татарской государственности и национальной идентичности восходит, по меньшей мере, к V–VII вв. н.э. Слово «татар» отмечено в имени жоужаньского правителя Да-тань каган (414–429 гг. н.э.), впервые упоминаемого в китайской династийной хронике «Вэй шу». Следовательно, по мнению участников круглого стола, термину «татар» уже более 1600 лет.

26 июня 2019 г. состоялось и заседание круглого стола «Русский Улус: вопросы подчиненности древнерусских земель в Золотой Орде». Доклады О.В. Лушниковой, Т.Р. Галимова, Ф.Н. Веселова, А.А. Майорова, И.В. Евстратова и Ю.В. Селезнёва были посвящены проблеме включенности русских земель в систему золотоордынской государственности и интеграционным процессам, протекавшим благодаря некоторым особенностям русско-ордынских отношений. В результате обсуждения исследователи пришли к выводу о правомерности использования понятия «русский улус» при изучении русско-ордынских отношений.

27 июня 2019 г. прошло заседание круглого стола ««Via Tatarica»: Золотая Орда на Великом Шелковом пути». С докладами выступили Абсаттар Дербисали, М.Г. Крамаровский, Гамаль Абдель Рехем, Ш.Б. Мухамедов, Э.Д. Зиливинская, Нямдагийн Ганбат, Хироюки Нагаминэ, Р.М. Валеев, Л.Ф. Недашковский и другие исследователи. На обсуждении речь шла о том, что Золотая Орда контролировала северную ветку Шелкового пути, которая в XIII–XIV вв. стала важнейшей артерией трансконтинентальной торговли. По мнению участников круглого стола, сравнительно небольшие пошлины (3–5%) на товары стали основой экономического процветания Золотой Орды, которая быстро превратилась в страну городов с высоким уровнем благоустройства и культурного развития.

27 июня 2019 г. на заседании круглого стола «Государственная денежная политика и вопросы организации монетного дела и денежного обращения в чингизидских государствах (XIII–XV вв.)» выступили с докладами Д.Г. Мухаметшин, Л.Б. Добромыслов, В.В. Овчаров, Р.Ю. Рева, А.И. Бугарчёв, П.Н. Петров, И.В. Евстратов, О.В. Степанов и другие нумизматы-исследователи. На обсуждении речь шла не только о результатах изучения новых монет Улуса Джучи, но и о методологических аспектах нумизматических исследований.

На специальном заседании были подведены итоги научных обсуждений и принята резолюция. В резолюции участники форума рекомендовали руководству Республики Татарстан и Институту истории им. Ш. Марджани АН РТ для координации научно-исследовательских работ создать Международную ассоциацию исследователей Золотой Орды, провести в 2020 г. международную научно-практическую конференцию, посвященную проблемам эволюции термина «татар», координировать работу по созданию коллективной монографии по истории этнонима «татар» и поддержать работу по выявлению, исследованию и введению в научный оборот новых источников по истории татар.

Материалы VI Международного Золотоордынского Форума были изданы в сборнике статей «Золотоордынское наследие» [1]. По материалам круглого стола «“Via Tatarica”: Золотая Орда на Великом Шелковом пути» готовится к изданию сборник «Интеграционные процессы Великого Шелкового пути». Часть статей отобрана для публикации в журнале «Золотоордынское обозрение».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Золотоордынское наследие: Материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Pax Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды», Казань, 26–28 июня 2019 г. Вып. 3. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 284 с.

Сведения об авторе: Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8970-5880>. E-mail: aksanov571@gmail.com

*Поступила 22.08.2019 Принята к публикации 20.11.2019
Опубликована 29.12.2019*

REFERENCES

1. Zolotoordynskoe nasledie: Materialy VI Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Forumu “Pax Tatarica: genezis i nasledie gosudarstvennosti Zolotoy Ordyy”, Kazan, 26–28 iyunya 2019 g. Vyp. 3 [Golden Horde Legacy: Materials of the VI International Golden Horde Forum “Pax Tatarica: The Genesis and Legacy of the Golden Horde’s Statehood”, Kazan, June 26–28, 2019. Issue 3]. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2019. 284 p.

About the author: Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8970-5880>. E-mail: aksanov571@gmail.com

*Received August 22, 2019 Accepted for publication November 20, 2019
Published December 29, 2019*

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2014–2019 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2019)”

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Кувшин из полуфаянса (кашина). Золотая Орда. Первая половина –
середина XIV в. Кашин, кобальт; надглазурная роспись красной и белой эмалями,
позолота // Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи.
Каталог выставки в Государственном историко-архитектурном и художественном
музее-заповеднике «Казанский Кремль», центр «Эрмитаж – Казань».
Казань, 2 апреля – 6 октября 2019 г. М., 2019. С. 244.

On the cover: Jug of semi-faience (cachine). Golden Horde. The first half – the middle
of the 14th century. Kashin, cobalt; overglaze painting with red and white enamels, gilding.
In: The Golden Horde and the Black Sea Region. The Lessons of the Chinggisid Empire.
Catalog of the Exhibition in the State Historical-Architectural and Art Museum-Reserve
“Kazan Kremlin”, the Center “Hermitage – Kazan”.
Kazan, April 2 – October 6, 2019. M., 2019. P. 244.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2019. Т. 7, № 4

GOLDEN HORDE REVIEW. 2019, vol. 7, no. 4

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.

Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 23.12.2019 г. Дата выхода в свет 29.12.2019 г.

Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 12,75 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>